РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

В ПОИСКАХ МИРА И ПРОЦВЕТАНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

Том 1

Москва
ИДВ РАН
2019

УДК 32/33(519)
ББК 65/66(5Коо+5Кор)
К66

Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН

Редакторы:
к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.ф.н. Ким Ен Ун, д.э.н. С.С. Суслина, А.Л. Поленова

К66 Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В двух томах. Т. 1. — М.: ИДВ РАН, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-8381-0357-4
ISBN 978-5-8381-0358-1

В сборнике статей российских кореееведов основное внимание уделено позитивным переменам на Корейском полуострове, произошедшим в течение 2018 г. Анализируются итоги состоявшихся саммитов лидера КНДР с руководителями КНР, США и Южной Кореи. Рассматривается влияние этих встреч на перспективы урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. Исследуются проблемы создания нового механизма поддержания мира на полуострове с учетом обеспечения интересов безопасности России. Рассматриваются вопросы отношений двух корейских государств с их соседями в регионе СВА. Большое внимание уделено состоянию и перспективам торгово-экономических связей Республики Корея с Россией, анализу некоторых аспектов опыта экономического развития РК в плане использования его в РФ. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического и культурного наследия и его связи с современностью, в частности 100-летию Первомартовского движения 1919 г. за независимость Кореи. В основу книги легли материалы 23-й конференции кореееведов России и стран СНГ, проведенной 28—29 марта 2019 г. при содействии Академии корейских исследований Республики Корея.

УДК 32/33(519)
ББК 65/66(5Коо+5Кор)

ISBN 978-5-8381-0357-4
ISBN 978-5-8381-0358-1

© Коллектив авторов, 2019
© ИДВ РАН, 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

THE KOREAN PENINSULA IN SEARCH FOR PEACE AND PROSPERITY

Vol. 1

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2019

Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences

The Korean peninsula in search for peace and prosperity. Moscow, RAS IFES Press, 2019.

The collection of articles by Russian scholars focuses on the positive changes on the Korean Peninsula that occurred during 2018. The results of the North Korean leader's summits with the leaders of China, the USA and South Korea held in 2018 are analyzed. The impact of these meetings on the prospects of resolving the nuclear issue of the Korean Peninsula is considered. The problems of creating a new mechanism for maintaining peace on the peninsula, taking into account the security interests of Russia, are studied. The issues of relations between the two Korean states and their neighbors in the NEA region are considered. Much attention is given to the state and prospects of trade and economic relations between the Republic of Korea and Russia, the analysis of some aspects of the experience of economic development of the ROK in terms of its use in Russia. Separate chapters are devoted to the issues of Korean historical and cultural heritage and its connection with the modern days, in particular, to the 100th anniversary of the March 1st movement of 1919 for the independence of Korea. The book was prepared on the basis of papers presented at the 23rd Conference of Russia and CIS Koreanists, held on March 28—29, 2019 in Moscow with support of the Academy of Korean Studies, the Republic of Korea (Grant AKS-2018-C-15).

© The Authors Board, 2019
© IFES RAS, 2019

Содержание

Лузянин С.Г.
Предисловие 11

Раздел I
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гарбузов В.Н.
Особенности современного мирового полицентризма 17

Жебин А.З.
Корейский полуостров в меняющемся геополитическом раскладе 32

Петровский В.Е.
О перспективах участия КНДР и РК в многосторонних механизмах безопасности и сотрудничества 47

Воронцов А.В.
Сохранится ли «торжество дипломатии» на Корейском полуострове в 2019 году ? 58

Дьячков И.В.
Корейское урегулирование: новая надежда или новый тупик? 69

Поленова А.Л.
Внешняя политика КНДР в 2018 году: проблемы теоретического осмысления 80

Асмолов К.В.
Китай и государства Корейского полуострова в конце 2018 — начале 2019 года 90

Шарафетдинова А.И.
Военные аспекты политики США на Корейском полуострове после саммита в Ханое 108

Киреева А.А.
Политика Японии в отношении ракетно-ядерной программы КНДР 121

Кику Д.В.
Трансформация повестки дня Совета Безопасности ООН в условиях разрядки на Корейском полуострове 134

Хрусталёв В.В.
Проблемы необратимой и полной денуклеаризации КНДР 143

Топчий И.А.
Проблемы подсчета численности КНА 150

Иванов А.Ю.
Демилитаризованная зона в Корее: от военного противостояния к миру и сотрудничеству 162

Лобов Р.Н.
Концепция Индо-Тихоокеанского региона: южнокорейский аспект 171

Бритова В.Р.
Концепция «средней державы» Республики Корея 179

Раздел II
ЭКОНОМИКА

Суслина С.С.
Экономика РК: внешние и внутренние вызовы и перспективы инновации 191

Синякова А.Ф.
Экономическая ситуация в РК В 2019 году 205

Гордиенко Д.В.
Сравнительная оценка защищенности экономики Южной Кореи при реализации глобальных интеграционных проектов 216

Игнатов А.А.
Республика Корея: опыт государственной поддержки развития цифровой экономики 236

Самсонова В.Г.
Малый и средний бизнес в Республике Корея: современное состояние, проблемы и перспективы 248

Пострелова М.Н.
Трансформация корпоративной культуры Республики Корея 261

Эм П.П.
Проблемы сжимающихся городов Республики Корея: демографический аспект 276

Захарова Л.В.
Межкорейское «потепление» 2018 года и перспективы возобновления экономических отношений Севера и Юга 289

Кирьянов О.В., Тонких И.М.
Российско-северокорейский проект «Хасан—Раджин»: текущее состояние и перспективы развития 304

Кукла М.П.
Проблемы и перспективы трехстороннего сотрудничества между Россией, Республикой Корея и КНДР 319

Summary 331

Список авторов 349

Content

Luzyanin S.G.
Foreword 11

Part I
SECURITY
AND INTERNATIONAL RELATIONS

Garbuzov V.N.
Peculiarities of the modern polycentric world order 17

Zhebin A.Z.
Korean Peninsula in the Changing World Order 32

Petrovsiy V.E.
The Prospects of Participation of the DPRK and the Republic of Korea in Multilateral Cooperation and Security Mechanisms 47

Vorontsov A.V.
Would the Triumph of Diplomacy Survive on the Korean Peninsula in 2019? 58

Dyachkov I.V.
Korean Issue: a New Hope or a New Stalemate? 69

Polenova A.L.
DPRK Foreign Policy in 2018: Challenges to IR Theory 80

Asmolov K.V.
China and Two Koreas in Late 2018 and Early 2019 90

Sharafetdinova A.I.
Military Aspects of the US Policy on the Korean Peninsula after Hanoi Summit 108

Kireeva A.A.
Japan's Policy towards North Korea's Nuclear
and Missile Program 121

Kiku D.V.
Transformation of the UN Security Council Agenda
under Detente Conditions on the Korean Peninsula 134

Khrustalev V.V.
Problems of Irreversible and Complete DPRK's denuclearization 143

Topchiy I.A.
Problems with the Calculation of the Number of KPA 150

Ivanov I.Y.
Demilitarized Zone in Korea: from Military Confrontation
to Peace and Cooperation on the Korean Peninsula 162

Lobov R.N.
Concept of «Indo-Pacific Region»: South Korean Aspect 171

Britova V.R.
The Middle Power Concept Jung-Gyeng-Guk
of the Republic of Korea 179

Part II
ECONOMICS

Suslina S.S.
Economy of the ROK: External and Internal Challenges
and Prospects for Innovation 191

Sinyakova A.F.
Economic Situation in the ROK in 2019 205

Gordienko D.V.
Comparative Evaluation of the Economic Security
of South Korea At Implementing Global Integration Projects 216

Ignatov A.A.
Measures of Promotion of Digital Economy in South Korea 236

Samsonova V.G.
Small and Medium-Sized Enterprises in the ROK:
Current Situation, Problems and Prospects 248

Postrelova M.N.
Transforming Corporate Culture of South Korea
in a New Socio-Economic Environment 261

Em P.P.
Problems of Shrinking Cities in the Republic of Korea:
a Demographic Aspect 276

Zakharova L.V.
Inter-Korean Detente 2018 and Prospects of North-South
Economic Relations Revival 289

Kiriyanov O.V., Tonkikh I.M.
Russian-North Korean Khasan-Rajin Project:
Current Situation and Prospects for Development 304

Kukla M.P.
Prospects and Challenges for Trilateral Cooperation between Russia,
Republic of Korea and DPRK 319

Summary in English 331

List of Authors 349

Предисловие

С.Г. Лузянин

В последнее время в корейской проблеме рельефно просматриваются глобальные аспекты безопасности — угроза возникновения на полуострове ядерного конфликта, потенциально способного привести к новой мировой войне. После известных ракетных пусков Пхеньяна в 2017 г. и замораживания шестисторонних переговоров противостояние КНДР и США значительно усилилось. Пентагон, ссылаясь на действия Пхеньяна, проводит расширение своей противоракетной обороны, разместив в Южной Корее новейшую систему THAAD, регулярно проводя с вооруженными силами РК военные учения в непосредственной близости от демилитаризованной зоны (ДМЗ) между двумя корейскими государствами.

Очевидно, что силовые шаги США направлены не столько против Северной Кореи, сколько против КНР и РФ. Произведено размещение новых американских радаров раннего предупреждения на южных островах Японии и Филиппинах, увеличено (с 26 до 36) количество военных кораблей, оснащенных антиракетами, и др.

Происходит подготовка к переформатированию американо-японского и американо-южнокорейского союзных договоров в сторону углубления военно-политических обязательств сторон.

Пхеньян традиционно обращается к Пекину за кредитной, продовольственной, энергетической и иной помощью. КНР, если это не нарушает принятых СБ ООН санкций, оказывает помощь КНДР. Китай всегда поддерживал идеологически близкий ему ре-

жим, иногда спасая его от смертельной угрозы (Корейская война 1950—1953 гг.) Не оставил он КНДР и после установления дипломатических отношений с Южной Кореей (1992), хотя это и вызвало на Севере Корейского полуострова бурю негодований и обвинений в предательстве.

В Пекине в 2000-е годы с сожалением констатировали нежелание Пхеньяна строить социализм по китайской модели. Причем если в конце 1990-х — начале 2000-х годов многие ученые КНР писали о «легкости и быстроте» реализации данного проекта, указывая на уже апробированный опыт открытых зон КНР, возможности использования китайского финансового и кадрового ресурса, то вскоре тон публикаций резко изменился. Многие эксперты не верят в корейскую модернизацию по китайскому варианту, считают, что Северная Корея «становится обузой» на пути превращения Китая в великую региональную и мировую державу.

Что касается Южной Кореи, то здесь у КНР создан прочный задел. Сложилось взаимовыгодное экономическое и инвестиционное партнерство с товарооборотом более 200 млрд долл. в год. После размещения США системы ПРО THAAD отношения КНР и РК резко ухудшились. Фактически Пекин ввел неофициально санкционный режим, резко ограничив экономические связи и бойкотируя южнокорейский бизнес на китайской территории. В конце 2016 — начале 2017 гг. по обоюдному желанию сторон отношения были нормализованы.

Пекину в отношении Сеула приходится проводить политику кнута и пряника, давая тем самым понять, что он не допустит конфликта на полуострове, который угрожает интересам безопасности Китая, будет использовать малейшую возможность, чтобы содействовать нормализации межкорейских отношений.

В 2016—2017 гг. РФ и КНР в СБ ООН придерживались единой позиции о введении экономических санкций против КНДР в связи с нарушением Пхеньяном режима нераспространения и ракетными пусками, не используя право вето при голосовании по внесенным Западом резолюциям. Вместе с тем Пекин и Москва подчеркивают, что политика санкций себя исчерпала и необходимо переходить к мирному диалогу с КНДР в любом формате, предлагая ввести на по-

луострове «двойное замораживание» — отказ от ядерных и ракетных испытаний для Северной Кореи и прекращение военных учений для США и Южной Кореи.

В настоящее время Россия продолжает прилагать энергичные усилия по мирному урегулированию ситуации вокруг Корейского полуострова в рамках реализации представленной в 2017 г. совместно с Китаем дорожной карты. Последовательная работа с ключевыми партнерами способствовала началу ее фактического воплощения в жизнь. С начала 2018 г. КНДР воздерживается от новых ракетных и ядерных испытаний, а Южная Корея и США значительно снизили военную активность в субрегионе. Поддерживаемые Россией и Китаем шаги вовлеченных стран по нормализации двусторонних отношений позволили активизировать межкорейский диалог, а также наладить американо-северокорейские контакты. В контексте региональной безопасности ситуация на полуострове, несомненно, улучшилась. Это касается и общего военно-политического давления, и частых раздражающих действий, обостряющих обстановку.

Россия и Китай приветствуют этот процесс и активно в него вкладываются. Несмотря на то что де-факто ситуация на полуострове соответствует российско-китайской дорожной карте, Пхеньян и Вашингтон пока не вербализируют этот момент. В интересах реализации следующего этапа дорожной карты — запуск многосторонних консультаций с целью создания прочного механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Главные вопросы, которые стоят перед экспертами и аналитиками: как долго будет продолжаться разрядка на полуострове; насколько обратим этот процесс; случится ли так, что в качестве главной угрозы региональной безопасности ракетно-ядерную угрозу КНДР сменит что-то другое.

Несмотря на то что между Ким Чен Ыном и Д. Трампом, возможно, действительно сложились личные отношения, способность Трампа продавить итоги гипотетической договоренности с КНДР невысока, ибо на него наседают со всех сторон. Консерваторы недовольны тем, что переговоры не превратились в капитуляцию КНДР, и сам факт того, что президент США и лидер страны-изгоя сидят за одним столом, является для них репутационной потерей. У демокра-

тов любое неоднозначное действие Трампа — знак его некомпетентности. В такой ситуации и на фоне периодических разговоров о том, что пора начинать процедуру импичмента, Ким не может не задумываться о том, как долго «курс Трампа» останется прежним.

Заметим, что здесь имеется в виду не только вариант, когда Трамп не пойдет на второй срок или будет отстранен ранее, но и ситуация, при которой под влиянием внутриполитической конъюнктуры и неких «свидетельств» Дональд Трамп сочтет, что ему будет выгодно вернуться на позиции максимального давления, «разочаровавшись в Киме» и переложив ответственность за сорванный диалог на Пхеньян. Взяв за основу очередной сомнительный доклад вроде тех, которые один за другим публикуют некоторые американские «фабрики мысли», всегда можно объявить его содержимое доказательством того, что КНДР не собиралась разоружаться.

Преемник Трампа также, скорее всего, хотя бы из логики фракционной борьбы, не будет продолжать курс на сближение с Севером.

Ким Чен Ын не может не учитывать этот достаточно вероятный прогноз развития событий. Поэтому, декларируя неизменность курса на денуклеаризацию, он будет, как минимум, торговаться и затягивать время, чтобы не остаться ни с чем. Для него как прагматика это вполне разумная стратегия — избегать односторонних уступок.

Так возникает порочный круг, который может разрушить и доверие, и разрядку. С одной стороны, Ким понимает, что курс Трампа-президента не вечен, и учитывает это в своей стратегии. Но при этом все знают, что Ким это понимает. И это дает им возможность обвинять Кима в том, что на самом деле он не хочет разоружения и просто тянет время.

Обратим внимание на то, что пока ни одна сторона не пошла на необратимые действия или действия, которые наносят ей реальный репутационный или оборонный урон. Декларации можно дезавуировать, отмененные учения или санкции — вернуть, демилитаризованную территорию снова насытить войсками. Ликвидация старых объектов при наличии более новых современных мощностей или возможности проводить испытания в более совершенном виде также имеет не столько стратегическое, сколько символическое или психологическое значение.

Еще одна трудность — это недостаток доверия на системном, а не личном уровне. Из-за этого каждая уступка принимается за слабость, и планка требований поднимается до малоприемлимой. Это хорошо видно по тому, как люди из консервативного окружения Трампа трактуют смысл слова «денуклеаризация». Хотя буквально оно означает ядерное разоружение, и иной трактовки быть не может, в их интерпретации КНДР должна отказаться не только от ядерного оружия, но и от химического и бактериологического, а равно — от программы создания баллистических ракет — как чисто военных, так и космических.

Непростая ситуация и в Республике Корея, где президент Мун Чжэ Ин сталкивается с ухудшающейся экономической ситуацией, где достаточная доля проблем порождена не только наследием предыдущих президентов, но и популистскими мерами самого Муна. Его действия во внутренней политике нередко напоминают притчу о том, как победитель дракона сам становится драконом. Рост политического рейтинга президента из-за этого оказывается тесно связан с успехами разрядки на полуострове, в которых Сеул пытается приписывать себе ведущую роль. Однако как только появляется возможность прямой коммуникации между Вашингтоном и Пхеньяном, Сеул отодвигают, а консерваторы уже открыто называют Муна «спикером Ким Чен Ына».

Такое положение дел может означать, что преемник Муна вряд ли будет придерживаться его курса. И хотя до президентских выборов 2022 г., казалось бы, еще далеко, парламентские выборы 2020 г. уже могут существенно изменить ситуацию.

Наконец, на региональной ситуации могут отразиться противоречия более широкого порядка — как то усиливающаяся конфронтация между США и Китаем. Как торговые войны, так и прагматичная политика Трампа в отношении Тайваня содержат вероятность возникновения условного четвертого кризиса в Тайваньском проливе, развитие которого при неблагоприятных обстоятельствах может дойти и до силовых столкновений.

Отметим и другие узлы региональных противоречий. Например, непростые отношения между Японией и РК, где администрация Муна из того же популизма активно разыгрывает антияпонскую

карту, находя все новые и новые поводы заставить бывших колонизаторов каяться за «проклятое прошлое». Появляются новые проблемы и в отношениях Сеула и Пекина, наподобие споров о том, какова вина Китая в стремительно ухудшающейся экологической обстановке в РК.

В такой ситуации иногда возникает ощущение, что КНДР затягивает время потому, что стремится «отсидеться на заборе» во время конфликта более серьезных игроков.

Развитие всех этих трудностей не несет выгоды Российской Федерации. Любой серьезный конфликт у нас на границах нежелателен. А это означает, что российские ученые должны, с одной стороны, думать над тем, как если не умножить, то сохранить текущий уровень разрядки, а с другой — на всякий случай разрабатывать меры реагирования на кризис, если его не удастся предотвратить.

Как минимум, мы должны широко озвучивать нашу экспертную точку зрения относительно дальнейшего развития событий и укреплять сотрудничество с учеными и аналитиками других стран, донося нашу позицию до лиц, принимающих решения, и до широкой общественности.

Раздел I
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Н. Гарбузов

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИЦЕНТРИЗМА

В статье рассматриваются проблемы геополитики и новой расстановки сил в мире. В связи с перераспределением геополитических полей и формированием новой полицентричной модели мироустройства мировая архитектура претерпевает сегодня ускоренную трансформацию, охватывающую большую часть земного шара. Сегодня Китай и Россия, Япония и Корейский полуостров, Турция и Индонезия, Индия и Пакистан, Иран и Средняя Азия формируют новый пейзаж планеты. Особенности современной полицентричной системы мира связаны не только с формированием и укреплением новых центров силы, но и с оформлением внутри полицентризма особых биполярностей (российско-американской и китайско-американской).

Ключевые слова: современный мир, полицентризм, биполярность, Д. Трамп, В.В. Путин, США, американское доминирование, Россия, внешняя политика, холодная война, партнерство, конфронтация.

Новые биполярности современного мира

Современная мировая конфигурация явно не похожа на структуру мира второй половины XX в., когда классическая холодная вой-

на с её биполярной конфронтацией между двумя супердержавами и их союзниками, проходившая на чёткой идеологической основе в глобальных масштабах, казалась неизбежной, но далеко не идеальной формой организации международной жизни.

Глобальная конфронтация между США и СССР, претендовавшими на притягательность и универсальность модели собственного развития и стремившимися вести за собой свой сегмент земного шара, закончилась распадом Советского Союза, занимавшего большую территорию евразийского пространства. На его развалинах образовалось множество самостоятельных государств, каждое из которых отныне формирует собственный внешнеполитический вектор.

Встраивание новой, постсоветской, России в постбиполярный мир, предпринятое Б.Н. Ельциным в последнее десятилетие XX в., оказалось неудачным: потеря былого величия, экономической мощи и геополитических позиций, сужение суверенитета государства привели к краху надежд, разочарованию и неудовлетворённости, вызвав чувство национальной фрустрации, охватившее часть политической элиты страны.

Следствием этого стали пересмотр государственного курса и стремление вернуть утраченное, поиски своего места в новой конфигурации мира — поворота, предпринятого президентом В.В. Путиным в XXI в. Отныне внешнеполитический вектор был направлен, прежде всего, на формирование таких основ мирового поведения России, которые могли бы стать её постоянными величинами, обеспечивающими неизменный стратегический внешнеполитический курс на перспективу.

Нынешняя мировая структура, складывающаяся после отказа России от так называемого нового мирового порядка 1990-х годов в корне отличается от предшествующих эпох. Её характеризует прежде всего многовекторный полицентризм, вызванный повышенной некоординируемой внешнеполитической активностью новых центров силы (как государств, так и квазигосударственных и иных образований). Её отличает также отсутствие ярко выраженной биполярности (эпохи холодной войны) и провокационной однополярности (эпохи безальтернативного доминирования США), характерной для 1990-х годов.

Однако это вовсе не мешает рождению биполярностей иного свойства — внутри, в пределах хаотично формирующегося и потому ещё окончательно не сложившегося полицентризма. Такие биполярности не повторяют глобальную советско-американскую конфронтацию эпохи холодной войны, которая была по-своему уникальна. Нынешние биполярности наполнены иным содержанием. Они индивидуальны, поскольку сформированы конкретными историческими обстоятельствами, отличными от предшествующей эпохи.

Так, отношения между США и возвышающимся Китаем уже давно развиваются в рамках своеобразного сочетания взаимозависимости и взаимоотторжения, способствуя складыванию модели двухполюсного взаимодействия в границах полицентричного мироустройства. В самом деле, переплетение двух экономик (несмотря на антагонизм политических режимов), торговые связи, долговые обязательства и кредитные отношения уживаются в рамках взаимодействия с торговыми войнами, взаимными обвинениями, показными ультиматумами и демонстративными демаршами.

Такое, казалось бы, взрывоопасное соединение, удерживая двустороннее противостояние от лобовой конфронтации, одновременно формирует в полицентричном мире уникальную биполярность, частично регулируемую, а потому прогнозируемую. Хотя не следует забывать и предупреждение З. Бжезинского о том, что урегулирование США отношений с Китаем неизбежно обострит другие проблемы, а именно проблемы безопасности внутри американо-японо-корейского «треугольника»[1].

Другая полицентричная биполярность, оформившаяся за последние 10 лет, — отношения США и современной России. Неприятие и демонстративный отказ от неудачного внешнеполитического опыта 1990-х годов вывел её на дорогу поиска собственного места в современном мире. Поиск этот связан с попытками формулирования постоянных величин (стратегических констант) внешнеполитического поведения, геополитических интересов, формирования новых экономических интеграционных структур и иных объединений, альтернативных энергетических, финансовых и оборонительных коалиций, создания своих геополитических полей на Евразийском

континенте, в его восточном направлении (Китай, Индия, Япония, Республика Корея, Турция).

Всё это не только организует новое геополитическое пространство России, но и, провоцируя ответные действия, порождает ещё большую неупорядоченность и хаотичность в остальном мире, за которыми неизбежно следуют новые вызовы и риски. В связи с этим хочется напомнить пророчество З. Бжезинского о том, что рано или поздно Соединённые Штаты должны будут искать ответ на вызов со стороны региональных коалиций, стремящихся вытолкнуть Америку из Евразии, тем самым создавая угрозу её статусу мировой державы. По его мнению, «потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание “антигегемонистской” коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды»[2].

Как бы то ни было, ясно одно: более сложная, потенциально более конфликтная полицентричная мировая структура (да ещё с внутренними биполярностями) сегодня стала очевидной реальностью.

Американское доминирование

При всех современных геополитических сдвигах в сторону полицентризма нынешняя мировая система существует все же при преобладающей роли США. Масштабы влияния этого государства, превратившегося за XX в. в неформальную, рассредоточенную и распыленную империю, все еще уникальны. При том что возможности Соединенных Штатов по причине конкурентной борьбы в современном мире явно сужаются, они, тем не менее, пока сохраняют свое бесспорное глобальное доминирование.

Их геополитическое лидерство сегодня обеспечивается не только с помощью более 900 военных баз, разбросанных по всему земному шару и позволяющих осуществлять вооруженный контроль над водным, земным и воздушным мировым пространством, а также космосом.

Доминирование это основано не только на давно вышедшей за пределы границ американского государства и развивающейся в масштабах всего мира экономике и финансовой системе, но также и на

геополитических, культурных и мировоззренческих факторах, на технологических и информационных возможностях, на универсализме пронизывающих остальной мир американских ценностей, привлекательности экономической и политической моделей, базирующихся на большем индивидуализме и ответственности граждан, на их стремлении к личному успеху.

Доминирующие позиции США скреплены и институциолизированы целой системой международных связей, союзов и интеграционных структур (НАТО, МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), сложившихся после Второй мировой войны и существующих сегодня.

Лидерство Соединенных Штатов не нравится многим в мире. Особенно болезненно его воспринимают новая Россия и преобразившийся за 40 лет Китай, угрожающий американскому превосходству.

В апреле 1996 г., во время визита президента России Б. Ельцина в Пекин, лидеры РФ и КНР выступили с Совместной декларацией, провозгласившей решимость двух стран развивать отношения равноправного и доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в.[3] Хотя в тексте документа США и не упоминались, но его общий дух и направленность свидетельствовали о критическом отношении к политике заокеанской сверхдержавы и намерении сдерживать её.

Спустя 11 лет, в феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности другой президент России — В.В. Путин демонстративно упрекнул США в намеренном строительстве однополярного мира, в том, что вся система их права перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам. Речь эта, воспринятая на Западе как возобновление холодной войны и сравниваемая с фултонской речью У. Черчилля, стала началом нового внешнеполитического курса России[4].

Спустя ещё 7 лет, в октябре 2014 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» В. Путин произнёс новую речь,схожую по направленности и открытости с мюнхенской, которую многие эксперты сочли ещё более резкой и напористой. В ней Путин отметил, что «в условиях доминирования одной страны и её

союзников, или, по-другому сказать, сателлитов, поиск глобальных решений зачастую превращался в стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты. Амбиции этой группы возросли настолько, что вырабатываемые в её кулуарах подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества... Само понятие "национальный суверенитет" для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима»[5].

«Момент однополярности убедительно продемонстрировал, что наращивание доминирования одного центра силы не приводит к росту управляемости глобальными процессами. Напротив, — отмечал В. Путин, — подобная неустойчивая конструкция доказала свою неспособность эффективно бороться с такими подлинными угрозами, как региональные конфликты, терроризм, наркотрафик, религиозный фанатизм, шовинизм и неонацизм. В то же время она открыла широкую дорогу для проявления национального тщеславия, манипулирования общественным мнением, грубого подавления воли слабого волей сильного. По своей сути однополярный мир — это апология, апологетика диктатуры и над людьми, и над странами. Кстати, однополярный мир оказался некомфортным, неподъёмным и сложно управляемым для самого так называемого самоназначенного лидера...»[6].

Эти и подобные им намеренно прямые, открытые и довольно жёсткие характеристики Соединённых Штатов, данные В.В. Путиным, стали своеобразной демонстрацией внешнеполитической философии, сформированной отныне Россией в отношении этого глобального супергосударства.

Россия как стратегический вызов

Распад СССР в декабре 1991 г. многими воспринимался как геополитическая победа Запада, главным призом в которой стала Евразия, доставшаяся, по утверждению Бжезинского, Соединённым Штатам. Используя Европу как плацдарм для продвижения демократии и получив уникальный шанс распространить своё влияние

на весь Евразийский континент, США могли бы и дальше осуществлять глобальное превосходство. Однако препятствием этому могло стать «внезапное появление успешного соперника», что привело бы к общей международной нестабильности и глобальной анархии[7]. Казалось, подобный сценарий Бжезинского, которого не раз (и не всегда справедливо) упрекали в отрыве от земных реальностей, стал сбываться спустя десятилетие.

Сегодня всё более очевидным стало то, что за последние годы современная Россия, занимающая большую часть Евразии, превратилась не просто в потенциальную стратегическую угрозу, а в настоящего постоянно действующего геополитического провокатора Запада. Использование торговли, энергетического фактора и интеграционных инициатив в качестве инструментов собственного геополитического влияния, смелые и порой даже дерзкие методы, принятые ею на вооружение в развернувшейся в XXI в. борьбе за советское наследство лишь усилили ту конфронтационную направленность, которая стала определяющей в отношениях между двумя государствами. И, судя по всему, всерьёз и надолго.

Вызванные отголосками распада СССР, нынешние отношения между Россией и США развиваются в рамках асимметричной (пока ещё не ярко выраженной биполярной и не чётко очерченной глобальной) конфронтации, которая носит откровенно взаимопровоцирующий и нерегулируемый характер. В условиях сохранения ядерного фактора, при появлении всё более новых видов современных вооружений подобная ситуация крайне опасна.

Сегодня США и Россия оказались двумя и единственными державами в мире, которые декларируют и целенаправленно реализуют собственные геополитические программы, несогласованные и трудносовместимые друг с другом. С одной стороны — США с программой мирового лидерства и глобального доминирования, к формированию которой они шли всю свою историю, особенно в XX в. С другой стороны — Россия, расширяющая радиус своих геополитических интересов именно в Евразии (но не только), делающая смелые попытки формулировать и воплотить своё глобальное видение эпохи XXI в. и определить собственное (скорее всего, лидирующее) место в ней. Столкновение двух альтернативных геополитических

курсов и привело к блокированию отношений между их носителями.

В сущности, в основе современного деградированного состояния российско-американских отношений лежат не только стратегические разногласия, но и вытекающие из них конкретные трудноразрешимые проблемы: российско-грузинская война и её последствия, украинский кризис и присоединение Крыма, события на Донбассе, война в Сирии, обвинения России во вмешательстве в выборы 2016 г. в США и в отравлении Скрипалей. Именно через них проявилось повышенное внешнеполитическое поведение России, которое воспринимается американской политической элитой как вызов давним константам внешней политики США: их неоспоримому первенству и глобальному доминированию, их мессианизму и исключительности. Стремление В.В. Путина создать в лице России противовес Соединённым Штатам было расценено как дерзкий демарш, сопоставимый с самой серьёзной угрозой глобального масштаба — терроризмом.

Именно поэтому, впервые после распада СССР встретившись с подобным, в качестве ответной меры США вынуждены были прибегнуть к масштабным экономическим санкциям политической направленности, нацеленным, прежде всего, на изоляцию и сдерживание России, на изменение её политического режима и всего внутреннего строя.

Не боясь повториться, отметим: все они так или иначе были вызваны реакцией США на решительное (а порой конфликтное и дерзкое) геополитическое поведение России, вставшей на путь пересмотра собственной политики 90-х годов XX в. Восприятие подобной практики политической элитой США как серьёзного и демонстративного стратегического вызова со стороны России американскому глобальному доминированию — пожалуй, наиболее серьёзное препятствие для выхода из сложившегося тупика. Тупика, создающего предпосылки для перерастания в масштабное столкновение века между крупнейшим государством Евразии и неевразийской супердержавой.

Следует признать: «нынешние российско-американские отношения схожи с игрой на перевёрнутой шахматной доске и меньше

всего напоминают партию» искушённых и ответственных игроков, понимающих друг друга с полуслова. Сегодня в них слишком много иллюзий, «противоречивой риторики и совершённых ошибок, взаимной настороженности и предубеждений, обид и упреков, домыслов и обвинений, завышенных ожиданий и неоправданных надежд» и, главное, взаимного глубокого недоверия, того, что никак не располагает к желаемым прорывам и быстрому достижению поставленной цели[8]. При таком раскладе внешнеполитическое поведение друг друга США и Россия воспринимают как провоцирующие, враждебные сигналы, за которыми неизбежно должны следовать ответные действия.

Сопровождавшаяся геополитическими столкновениями на региональном уровне (на постсоветском пространстве, в Европе и в Сирии) повышенная внешнеполитическая активность двух государств завела в тупик отношения между ними, парализовав весь комплекс проблем, составлявших долгие годы холодной войны основу двустороннего и взаимовыгодного конструктивного диалога.

Сегодня между двумя государствами сложилась недопустимая и практически безвыходная ситуация, при которой одна сторона (Россия) совершила что-то такое, чего другая (США) ей никогда простить не сможет. Направленная друг против друга ширящаяся взаимная пропаганда сцементировала её, введя в жёсткое, до предела конфронтационное русло. Эти быстро сформировавшиеся завалы блокировали и без того хрупкие российско-американские отношения, разрушив их до самого основания.

Путин и Трамп: нереализованное партнёрство

«За годы пребывания на вершине власти у каждого из двух мировых лидеров сложился свой устойчивый образ на Западе. У В. Путина — образ самодержавного «царя» новой России, авторитарного, зловещего и коварного демона современности, реализующего идею её особого предназначения, решительно и беспощадно меняющего геополитическую конфигурацию и строящего новый мир по своим лекалам»[9].

Режим международных санкций, вводимых с 2014 г. и направленных лично против российского президента и его ближайшего окружения, оказался в этой части неэффективным, лишь укрепив его власть внутри страны и повысив популярность в ряде регионов мира.

По опросам социологической службы «Пью», рейтинг доверия к российскому президенту в мире в целом составил в июне 2018 г. 26 %. Согласно опросам, проведённым в июне 2018 г. в 25 странах мира, Путину не доверяли 63 % опрошенных. Отношение же к нему в России было совсем иным: популярность российского президента внутри страны превышала 80 %[10].

По тем же социологическим опросам, лишь в четырёх странах мира был отмечен самый высокий рейтинг позитивного восприятия России (свыше 50 %) — на Филиппинах (63 %), в Тунисе (55 %), Южной Корее (53 %) и Греции (52 %). В большинстве же стран Северной Америки и Европы Россия воспринимается негативно. Самый высокий рейтинг негативного восприятия России наблюдается прежде всего в Швеции (79 %) и Нидерландах (79 %), в Великобритании (67 %) и Польше (69 %), в США (64 %) и во Франции (66 %)[11].

Не менее примечательна и личность Д. Трампа — президента на редкость самобытного и оригинального, способного с удивительной частотой менять свои взгляды и совершать такие неожиданные и неординарные поступки, которые не перестают удивлять даже самых искушенных знатоков мировой политики[12].

И для этого есть все основания. Трамп настойчиво стремится предстать в образе человека, который, не боясь прослыть разрушителем цивилизации, в отличие от своих предшественников, смело и решительно берётся за решение доставшихся ему в наследство сложных и трудноразрешимых проблем, накапливавшихся в стране и в мире десятилетиями.

Собственно внешняя политика Трампа представляет собой причудливое сочетание осовремененного изоляционизма с примесью явной демагогии, типичного неприкрытого американского унилатерализма, старых и порядком надоевших идей глобального доминирования и, казалось бы, такого забытого протекционизма эпохи давно ушедшего прошлого.

Но при всех отличиях двух президентов объединяет одно: «и Путин, и Трамп — единственные мировые лидеры, бросившие открытый и демонстративный вызов привычному течению жизни и сложившимся устоям мирового порядка»[13], лидеры, которые сегодня привлекают наиболее пристальное внимание в мире. Одни их любят, другие ненавидят.

Важно учитывать то, что первая официальная встреча двух президентов в 2018 г. проходила в атмосфере растущих разногласий, проявляющихся между США и остальными членами НАТО, в ситуации экономических войн, развязанных Трампом, на фоне осознания ряда европейских стран, что без России безопасность Европы обеспечить сложно и практически невозможно.

Не следует забывать и о том, что положение самого американского президента внутри страны хотя и укрепилось за полтора года, но всё же остаётся шатким. Политическая элита США всё ещё с трудом воспринимает его, считая явлением чужеродным, случайным и разрушительным.

Рейтинг одобрения деятельности американского президента на своём посту в самих США составил в августе 2018 г. лишь 40 %. Причём поддержка Трампа среди демократов была необычайно низка — всего лишь 7 %, зато среди республиканцев она составила 84 %[14]. Его судьба сегодня по-прежнему в руках конгресса. Расследованиям вмешательства России в выборы 2016 г. не видно конца, а самого Трампа безжалостно и непрерывно атакуют его открытые противники, главными из которых являются демократы и либеральная пресса, способная как «убить», так и возвысить.

Несмотря на неоднократные заверения президентов Путина и Трампа об их желании наладить двусторонние контакты, признаки какого-либо заметного движения навстречу друг другу, тем не менее, пока, к сожалению, отсутствуют.

Стоило ли в таком случае ожидать чего-то серьёзного от первой официальной встречи двух лидеров в Хельсинки? Многие тогда терялись в догадках: будет ли это очередной разговор о проблемах без каких-либо конкретных и значительных соглашений; завершится ли встреча хотя бы самой общей декларацией или устными договорённостями, которые могли бы инициировать принципиально но-

вые отношения, или она станет тем началом, за которым последуют согласованные действия (по РСМД, СНВ и ПРО, по Ирану и в Сирии или даже, может быть, на Донбассе), позволяющие встать на путь медленной, но верной реставрации разрушенного до основания здания? Вряд ли кто-либо тогда взялся за то, чтобы давать ответы на поставленные вопросы[15].

Действительно, учитывая всю сложную канву нынешних российско-американских отношений, трудно было дать на них определённые ответы. Но ясным оставалось только одно: двум президентам, двум лидерам современного мира предстояло начать очень непростой диалог по крайне непростым проблемам. Если так, то уже сам факт такой встречи мог бы рассматриваться как удачный старт с перспективой на успех. Однако, вне зависимости от исхода встречи двух президентов (по мнению многих, оказавшейся всё же бесполезной и разочаровывающей), пора понять, что без конкретных перемен во внешней политике России и США вряд ли стоит ожидать каких-то изменений и в их двусторонних отношениях.

Пока что отношения эти (вернее то, что от них осталось) развиваются в рамках нереализованного партнёрства с явной тенденцией к их полной или частичной деградации.

Дилеммы современности

Сложившаяся ситуация неизбежно ставит перед всеми заинтересованными лицами (и прежде всего в России) вопрос, превратившийся в неразрешимую дилемму. Как, сохраняя национальное достоинство и суверенитет, вести самостоятельную геополитическую линию, формулировать и отстаивать собственные константы внешнеполитического поведения и, вместе с тем, формулировать и формировать отношения конструктивного партнерства с США, которые подобное поведение не приемлют? Возможно ли это в принципе?

Иными словами, возможны ли такие перемены, которые позволили бы двум странам наладить постоянный диалог и одновременно каждой из них держаться твёрдого суверенного внешнеполитического курса, осуществляя собственную геополитическую программу?

Наконец, какую политику должны проводить Россия и США, чтобы соответствовать интересам друг друга?

Но при этом, на взгляд автора, пришла пора задавать и другие, не менее важные вопросы. Отчего, несмотря на то что Путин и Трамп время от времени посылают в адрес друг друга комплименты, отношения между Россией и США лишь ухудшаются? Какой будет Америка после Трампа? Сумеет ли он создать новую модель американского доминирования? Что именно хочет Путин от США? Какова цель современного российского внешнеполитического активизма и достижима ли она? К чему всё-таки приведёт растущий вал антироссийских санкций? Настанет ли тот час, когда можно будет объявить мир полицентричным, или это — всего лишь воображаемая и несбыточная иллюзия? Сможет ли Россия и впредь успешно и с пользой для себя реализовывать политику геополитического маневрирования, которая в обозримом будущем может обернуться чем-то большим?

Это вопросы, на каждый из которых сегодня вряд ли кто может дать полный и исчерпывающий ответ. Но, тем не менее, это именно те вопросы, от решения которых действительно зависит многое: отношения между мировыми игроками, их меняющаяся роль в мире, да, собственно говоря, даже сам мир и судьбы государств и народов в нём.

Примечания

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы. М.: АСТ, 2017. С. 72.

[2] Там же.

[3] Совместная китайско-российская декларация 1996 г. URL: http://russian.china.org.cn/russian/273010.htm (дата обращения: 10.03.2019); *Бжезинский З.* Указ. соч. С. 36.

[4] *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 10.03.2019).

[5] *Путин В.В.* Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860 (дата обращения: 10.03.2019).

[6] Там же.

[7] *Бжезинский З.* Указ. соч. С. 44.

[8] *Гарбузов В.Н.* Запоздалая, но необходимая встреча. Возможны ли перемены в российско-американских отношениях // Независимая газета, 12.07.2018. URL:http://www.ng.ru/kartblansh/2018-07-12/3_7265_kart.html (дата обращения: 10.03.2019).

[9] Там же.

[10] *Letterman C.* Image of Putin, Russia Suffers Internationally // Pew Research Center, December 6, 2018. URL: http://www.pewglobal.org/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/ (дата обращения: 10.03.2019).

[11] Ibid.

[12] *Гарбузов В.Н.* Указ. соч.

[13] Там же.

[14] *Dunn A.* Trump's approval ratings so far are unusually stable — and deeply partisan // Pew Research Center, August 1, 2018. URL: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/01/trumps-approval-ratings-so-far-are-unusually-stable-and-deeply-partisan/ (дата обращения: 10.03.2019).

[15] *Гарбузов В.Н.* Указ. соч.

References

1. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: ACT, 2017. P. 72.

2. Ibid.

3. Joint Sino-Russian declaration (1996) (URL: http://russian.china.org.cn/russian/273010.htm (accessed: 10.03.2019);

4. *Putin V.V.* Speech and discussion at the Munich Security Conference. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034. (accessed: 10.03.2019).

5. *Putin V.V.* Valdai Discussion Club Session. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860. (accessed: 10.03.2019).

6. Ibid.

7. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: ACT, 2017. P. 44.

8. *Garbuzov V.N.* Late, but important meeting. Whether the changes in Russian-American relations are possible // Nezavisimaya gazeta, 12.07.2018. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-07-12/3_7265_kart.html (accessed: 13.03.2019).

9. Ibid.

10. *Letterman C.* Image of Putin, Russia Suffers Internationally // Pew Research Center, December 6, 2018. URL: http://www.pewglobal.org/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/ (accessed: 13.03.2019).

11. Ibid.

12. *Garbuzov V.N.* Late, but important meeting. Whether the changes in Russian-American relations are possible // Nezavisimaya gazeta, 12.07.2018. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-07-12/3_7265_kart.html (accessed: 13.03.2019).

13. Ibid.

14. *Dunn A.* (2018) Trump's approval ratings so far are unusually stable — and deeply partisan // Pew Research Center, August 1, 2018. URL: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/01/trumps-approval-ratings-so-far-are-unusually-stable-and-deeply-partisan/ (accessed: 12.03.2019).

15. *Garbuzov V.N.* Late, but important meeting. Whether the changes in Russian-American relations are possible // Nezavisimaya gazeta. 12.07.2018. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-07-12/3_7265_kart.html (accessed: 13.03.2019).

А.З. Жебин

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ РАСКЛАДЕ

В 2018 г. основные участники корейского урегулирования, прежде всего КНДР и Республика Корея, осознав ужасающие последствия перехода политической конфронтации в «горячую фазу», на пороге которой они очутились к концу 2017 г., сделали резкий разворот в пользу мирного разрешения существующих разногласий. Они касаются, в том числе, путей урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, которая, как теперь практически общепризнано, может быть решена только в контексте создания адекватного новым реалиям механизма поддержания мира в СВА и обеспечения должной безопасности присутствующих в регионе государств. Автор представляет свое видение того, как в таком случае могут измениться военно-политические альянсы, структура безопасности и баланс сил в СВА.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Северо-Восточная Азия, КНДР, Республика Корея, геополитика, мировой порядок, баланс сил.

С приходом 2018 г. открылись исторические возможности для продвижения к более прочному миру, денуклеаризации и воссоединению Корейского полуострова. Надо подчеркнуть, что речь идет именно о возможностях. Никаких радикальных, тем более необратимых шагов в этих направлениях пока не сделано. Главные участ-

ники конфликта — США, КНДР и Республика Корея — всего лишь согласились в очередной раз поискать дипломатическое решение проблем, вызывающих озабоченность у каждого из этих государств и не раз ставивших их на грань большой войны.

При рассмотрении перспектив достижения указанных трех целей — мира, денуклеаризации и воссоединения — важно учесть следующие обстоятельства. *Во-первых*, все эти задачи остаются нерешенными уже не один десяток лет. Если ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) возникла около 30 лет тому назад, то задачи обеспечения прочного мира в Корее и ее воссоединения не удается решить уже более 70 лет.

Во-вторых, начавшаяся в 2018 г. дипломатическая оттепель на полуострове явилась не результатом принципиального политического выбора участников конфликта в пользу диалога, а стала следствием острейшего международного кризиса, чреватого развязыванием войны с применением ОМУ и вероятным вовлечением в конфликт ядерных держав.

В-третьих, каждый из участников конфликта по-своему ранжирует упомянутые выше три цели. Если для США приоритетом является денуклеаризация КНДР, то для КНДР — мир, или безопасность, для обеспечения которой страна как раз и пошла на создание ядерного оружия. События 2018 г. показали, что мир, а не денуклеаразация КНДР оказался приоритетом и для РК. Во всяком случае, действия Сеула показали, что этот приоритет — не разоружение КНДР любой ценой.

Указанные различия позволяют говорить о явном противоречии между национальными интересами двух корейских государств и геополитическими амбициями США. Если для КНДР и РК новая война, тем более с применением ОМУ, чревата тотальным опустошением полуострова и превращением его в зону, не пригодную для проживания, то для США обе Кореи — это пешки, которые разыгрываются в американской стратегии «окружения» и «сдерживания» Китая и России.

Указанное объективное противоречие между геополитическими амбициями США и национальными интересами корейцев открыва-

ет дополнительные возможности для российской дипломатии на Корейском полуострове[1].

2. Разрядка и национальные интересы корейцев

Пханмунчжомская декларация о мире, процветании и объединении Корейского полуострова» (далее — декларация), подписанная по итогам межкорейского саммита 27 апреля 2018 г., могла бы открыть путь от конфронтации между Севером и Югом к отношениям мирного сосуществования и способствовать сближению двух частей Кореи.

Центральным пунктом декларации, на взгляд автора, является обязательство руководителей двух корейских государств, данное ими «торжественно перед 80 миллионами корейцев Севера и Юга и всем миром» о том, что на Корейском полуострове больше не будет войны[2]. Это важнейшее положение декларации, которое при возникновении ситуации, непосредственно угрожающей миру, может, при определенных обстоятельствах, сыграть ключевую роль в предотвращении конфликта.

Политическое значение этого обязательства состоит в том, что оно позволяет руководству РК вывести страну из военно-политического альянса с США в том случае, если последние захотят применить силу против КНДР. Если следовать букве и духу декларации, то Республика Корея должна не только отказаться от военных акций против КНДР, но и предпринимать необходимые меры, чтобы не допустить их со стороны иностранных войск, дислоцированных на ее территории.

Несмотря на то что у Республики Корея есть военно-политический договор с США и даже объединенное командование вооруженными силами, обещание президента РК о том, что на Корейском полуострове больше не будет войны, надо полагать, распространяется и на действия старшего союзника, который, в случае попытки развязать конфликт против КНДР, должен учитывать эти обязательства двух корейских государств.

Разумеется, было бы слишком преждевременно говорить о возможности некоего политического союза двух корейских государств.

Однако события 2018 г., на взгляд автора, продемонстрировали, что уже на нынешнем этапе Север и Юг могут эффективно взаимодействовать в решении вопросов, затрагивающих безопасность корейской нации. Наиболее показательным в этом отношении стал второй межкорейский саммит в мае 2018 г. Он продемонстрировал невиданную прежде готовность и способность высших руководителей Юга и Севера быстро реагировать на неблагоприятные изменения в международной обстановке, затрагивающие интересы корейцев[3].

Поводом для саммита послужило решение президента США Д. Трампа отменить встречу с лидером КНДР, для организации которой Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын приложили немало стараний. Скоординированные усилия лидеров Юга и Севера дали положительный результат: первый в истории саммит между действующим президентом США и главой КНДР все же состоялся 12 июня в Сингапуре.

Следующий саммит Кима и Муна, прошедший 18—20 сентября 2018 г. в Пхеньяне, продемонстрировал решимость лидеров КНДР и РК закрепить за собой ведущую роль в определении судеб полуострова. Несмотря на серьезные трудности, с которыми сталкивался американо-северокорейский диалог после саммита в Сингапуре, Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын не только сумели добиться прогресса в конкретизации политических договоренностей, зафиксированных в Пханмунчжомской декларации, но и сделать важнейший шаг в области военной разрядки и установления мер доверия[4]. В их присутствии главы оборонных ведомств Севера и Юга подписали Соглашение о реализации исторической Пханмунчжомской декларации в военной области, которое уже начало претворяться в жизнь.

Конечно, для того чтобы зафиксированные в межкорейских декларациях цели и задачи были воплощены в реальности, Северу и Югу нужно проделать огромную работу в сфере политики, права, государственных и общественных институтов, образования и культуры.

Так, в Конституции Республики Корея территорией страны объявлен весь Корейский полуостров. Закон о государственной безопасности, принятый в РК в 1988 г., приравнивает КНДР к «антиго-

сударственной организации», устанавливает уголовную ответственность за любые несанкционированные контакты с Севером[5].

В Пхеньяне, особенно в периоды обострения отношений с Сеулом, в пропаганде на домашнюю аудиторию нередко именуют РК «временно оккупированной южной половиной республики», подразумевая под республикой КНДР, которая, согласно конституции страны, «представляет интересы всего корейского народа»[6].

Тем не менее три межкорейских саммита 2018 г. показали, что интересы выживания корейцев как нации играют все возрастающую роль в определении судеб Корейского полуострова. Представляется, что сами решения о проведении саммитов были продиктованы осознанием как в Сеуле, так и в Пхеньяне того факта, что на данном историческом этапе возможности достичь ощутимого прогресса в межкорейских отношениях главным образом за счет опоры на «внешние силы» — США, Китай, Японию и Россию — практически исчерпаны. Хуже того, такие попытки, как показал 2017 г., чреваты возникновением серьезной угрозы самому существованию корейской нации. В этих условиях корейцы на Юге и на Севере попытались найти собственный путь решения корейских проблем, опираясь на крепнущие корейский национализм и осознание общекорейских интересов.

Фактически межкорейские саммиты 2018 г. были направлены на то, чтобы снизить роль «внешних факторов» в корейских делах и заставить «большие страны» в большей степени учитывать интересы корейцев, которые демонстрируют все более сильное стремление взять судьбу своей нации в свои руки. Поэтому отныне всем заинтересованным сторонам необходимо предвидеть, как будет выглядеть корейская политика их стран с точки зрения интересов всего корейского народа.

3. США—КНДР: исторический прорыв?

Главный позитивный результат саммитов лидеров США и КНДР в Сингапуре и Ханое для России и других стран региона заключается в том, что эти встречи перевели, по крайней мере на какое-то время, урегулирование ЯПКП в переговорное русло. Попыт-

ки найти дипломатическое решение этой проблемы имели место и ранее, но на высшем уровне между главными участниками конфликта — США и КНДР — они предприняты впервые.

Центральная договоренность саммита в Сингапуре — обещание США предоставить КНДР гарантии безопасности в обмен на согласие КНДР на «полную денуклеаризацию Корейского полуострова»[7].

В принципе в сингапурском заявлении нет ничего, о чем США и КНДР не договаривались бы ранее начиная с 11 июня 1993 г., когда было подписано совместное американо-северокорейское коммюнике, где стороны согласились уважать суверенитет друг друга, не вмешиваться во внутренние дела, воздерживаться от угрозы силой и ее применения[8]. За этим последовало Рамочное соглашение 1994 г., где США и КНДР пообещали, что они будут вести дело к установлению дипломатических отношений, а также что США предоставят КНДР «официальные гарантии безопасности»[9].

В октябре 2000 г. стороны согласовали Вашингтонское коммюнике по итогам визита вице-маршала КНА Чо Мен Рока — первого заместителя Ким Чен Ира — в Вашингтон, где он встретился с президентом Б. Клинтоном и другими высокопоставленными представителями администрации США. В этом документе было записано, что оба правительства «не имеют враждебных намерений в отношении другу друга», намерены развивать политические и экономические отношения. Указывалось, в частности, что успех шедших в то время переговоров по северокорейской ракетной программе должен стать важным шагом на пути нормализации американо-северокорейских отношений[10].

Все эти документы содержали более конкретные и развернутые, чем в Сингапурском заявлении, меры, которые стороны должны были предпринять для нормализации отношений. К сожалению, они не были реализованы. Однако в Сингапуре главы США и КНДР не стали вдаваться в детали, превратив совместное заявление в декларацию о намерениях, конкретизировать которые предстояло уже на рабочем уровне.

Вместе с тем есть достаточно оснований полагать, что часть решений саммита в Сингапуре не была предана гласности. О чем говорили два лидера в течение 40—45 минут с глазу на глаз, не ясно. Но

можно предположить, что они обменялись определенными обещаниями.

Одним из таких обещаний могло стать заявление Ким Чен Ына, что принятое Пхеньяном еще накануне саммита решение, во-первых, прекратить пуски межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и, во-вторых, не проводить новых ядерных испытаний будет соблюдаться, по крайней мере на время переговоров с США. Такое предположение высказывают некоторые южнокорейские обозреватели[11].

По-видимому, эти обещания лидера КНДР дали Д. Трампу основания заявить по возвращению домой о том, что ядерной угрозы со стороны КНДР для США больше нет и американцы могут спать спокойно. Д. Трамп представил это как свой успех, поскольку он неоднократно обещал не допустить, чтобы американские города находись по прицелом северокорейских ракет.

КНДР, в свою очередь, получила мирную передышку, перевела разрешение конфликта в переговорное русло, добилась де-факто признания США легитимности КНДР и ее главы как лидера этого государства. Возможно, именно в утверждении нового международного статуса страны и ее руководителя и заключалась главная ценность сингапурского саммита для КНДР.

4. Кто подпишет мирный договор?

Еще один блок вопросов, решение которых почти наверняка окажет серьезное влияние на расстановку сил в СВА и архитектуру будущей системы безопасности в регионе, касается завершения периода враждебности, если такое действительно произойдет, а также модальности перехода к «новым отношениям» между КНДР и США.

В Пханмунчжомской декларации говорится о том, что Север и Юг будут сотрудничать в обеспечении постоянного и прочного режима мира на Корейском полуострове и содействовать проведению трех- или четырехсторонней конференции с участием Севера и Юга Кореи, США и Китая для того, чтобы официально объявить об окончании войны и превратить перемирие в прочный мир[12].

Задачи установления «новых отношений» между США и КНДР и «построения режима длительного и стабильного мира на Корейском полуострове» прописаны и в совместном заявлении по итогам саммита США—КНДР в Сингапуре[13].

Здесь также немало неясностей. Во-первых, Соглашение о военном перемирии в Корее (именно так называется этот документ) было подписано только тремя сторонами. Вначале документ был подписан в Пханмунчжоме представителем войск ООН генерал-лейтенантом армии США Уильямом Гаррисоном и северокорейским генералом Нам Иром. Затем его утвердили своими подписями командующий Корейской народной армией Ким Ир Сен и командующий Армией китайских народных добровольцев (АКНД) Пэн Дэ-хуай, с одной стороны, и командующий войсками ООН в Корее американский генерал Майкл Кларк — с другой.

Представители Южной Кореи отказались подписывать это соглашение, так как президент РК Ли Сын Ман настаивал на продолжении войны «до победного конца». На этом основании власти Северной Кореи с 70-х годов минувшего столетия стали настаивать на заключении мирного договора между КНДР и США.

Американская сторона, в свою очередь, утверждает, что генерал У. Гаррисон, поставивший свою подпись под соглашением о перемирии, не представлял американское правительство, так как США официально не объявляли войны КНДР, выделив свои войска в распоряжение некоего «объединенного командования» согласно резолюции СБ ООН от 25 июня 1950 г.

Ровно месяц спустя, 25 июля США направили в СБ ООН доклад, в котором самочинно изменили название «объединенное командование» на «Командование ООН в Корее». Все это происходило в то время, когда представитель СССР не участвовал в работе СБ ООН. В 1994 г. Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали открестился от этого пережитка, холодной войны, заявив, что в нынешнем виде Командование ООН в Корее никак не связано с ООН. Такую же позицию в 1998 г. занял сменивший его на этом посту Кофи Анан[14].

В результате ответ на вопрос, кто должен подписывать договор, остается предметом споров. Кроме того, мирный договор — это до-

кумент, который может повлечь за собой целый ряд не только моральных, но и юридических последствий, как то: компенсации жертвам боевых действий, выплата репараций и т. д.

Но самая главная проблема, которая маячит за подписанием любого документа на этот счет, даже юридически необязывающей декларации об окончании Корейской войны, — как в новых условиях обосновать дальнейшую дислокацию американских войск на Корейском полуострове. Судя по американскому политическому дискурсу, именно эта проблема, а не пресловутая денуклеаризация — главная тема озабоченности политиков и экспертов в США, стремящихся изыскать любые предлоги для сохранения американских войск у границ Китая и России в СВА.

5. За кулисами денуклеаризации

Слишком общие и неконкретные формулировки, согласованные лидерами США и КНДР в Сингапуре, вынудили обе стороны предпринять еще одну попытку перевести сингапурские договоренности на язык конкретных действий. Добиться этого оказалось нелегко.

В итоге вторая встреча Д. Трампа с Ким Чен Ыном состоялась лишь 27-28 февраля 2019 г. в столице Вьетнама — Ханое. Все ожидали от нее начала практической реализации сингапурского заявления. КНДР настаивала на поэтапном решении путем взаимных синхронизированных уступок.

Позиция США — прежде всего — денуклеаризация, закрытие ядерных ракетных центров, предоставление Пхеньяном списка объектов своей ядерной и ракетной инфраструктуры, допуск инспекторов. Тогда можно начать отменять какие-то санкции, большую часть которых Вашингтон был намерен сохранить до завершения процесса денуклеаризации.

Однако в Пхеньяне такой подход воспринимали как подтверждение своих подозрений насчет того, что американцы не собираются ни отказываться от вражды с КНДР, ни налаживать с ней обещанные «новые отношения».

Но главный успех, на который, возможно, надеялся амбициозный Трамп, конечно же, не очередной, пусть внешне вполне эффектный шаг в деле денуклеаризации. Замысел был гораздо грандиознее. В американских мозговых центрах, обслуживающих внешнюю политику, давно строились планы радикально укрепить позиции США в Северо-Восточной Азии за счет формирования там некоей новой системы поддержания мира. Предполагается, что в таком раскладе США будут выступать гарантом безопасности всего Корейского полуострова — не только Южной, но и Северной Кореи[15].

Расчет при этом делается на то, что, хотя КНДР и КНР в последнее время поправили двусторонние отношения, Пхеньян, тем не менее, якобы рассматривает подъем Китая как «несущий потенциальную угрозу самостоятельности его внешней политики и политической независимости». Следовательно, заключают американские стратеги, Северная Корея может оказаться более восприимчивой к идее предлагаемого ими расклада сил в регионе.

Согласно этим выкладкам, среди задач будущего «трехстороннего партнерства в области безопасности» будут: *во-первых*, «предотвращение китайского доминирования на Корейском полуострове» с тем (вы только послушайте!) чтобы «позволить Северу и Югу Кореи самим определить свою судьбу, вместе или по отдельности»; *во-вторых*, справиться с более широкими угрозами со стороны Китая для региона АТР; *в-третьих*, дать Японии почувствовать себя более комфортно в обстановке межкорейской разрядки, с тем чтобы предотвратить возрождение национализма и милитаризма в этой стране[16].

Еще накануне прихода к власти администрации Б. Обамы в 2008 г. один из самых авторитетных американских специалистов по Корее Виктор Ча разъяснял новичкам в Белом доме, что главный приз для Америки в СВА — не денуклеаризация КНДР, а появление в перспективе единой Кореи, способной стать партнером США в глобальных делах[17].

Появление такой Кореи пока на повестке дня не стоит. Однако не в правилах прагматичных американцев ждать у моря погоды. Был разработан простой и, казалось бы, верный путь: максимально изолировать и ослабить КНДР, а затем предложить ей «гарантии безопасности», добавив в качестве морковки процветание «по Трампу».

Возможно, в надежде на выигрыш в этой большой геополитической комбинации и кроется секрет столь не свойственной Трампу покладистости, которую он уже больше года демонстрирует в отношении КНДР.

Однако ставшие уже ритуальными поездки лидеров КНДР в Китай накануне переговоров с США и Южной Кореей, что и произошло накануне саммита в Ханое, говорят о том, что в Пхеньяне хоть и не прочь замириться с Вашингтоном, складывать яйца в одну корзину опасаются. Расточая дифирамбы Трампу, там, конечно, не могли не заметить, как США открыто взяли курс на свержение законно избранного президента еще в одной стране. Теперь Вашингтон напрямую назначает нужного ему деятеля главой другого суверенного государства и переключает на него финансовые ресурсы, принадлежащие законному правительству. Стоит ли сомневаться в том, что опробованные в Венесуэле новейшие технологии смены неугодного режима будут использованы США не только в Латинской Америке?

Отсутствие совместного документа или каких-то других согласованных заявлений, без которых закончился второй американо-северокорейский саммит в Ханое, ещё не даёт основания считать, что отношения США и КНДР зашли в тупик и прогресса как в деле денуклеаризации Корейского полуострова, так и в улучшении отношений между этими странами ожидать не приходится.

Не надо забывать, что факторы, которые привели Дональда Трампа и Ким Чен Ына в Ханой, продолжают действовать. США по-прежнему хотят добиться продвижения в денуклеаризации Корейского полуострова. А для северокорейской стороны нужны снятие санкций и более нормальные отношения с США.

Кроме того, несмотря на известные репутационные потери, полученные в Ханое, оба лидера пока воздерживаются от личных выпадов и угрожающей риторики, на которые был так богат 2017 г. Можно предположить, что на данном этапе они предпочитают оставить двери для переговоров пусть и закрытыми, но не запертыми.

Эти обстоятельства позволяют надеяться, что США и КНДР продолжат переговорный процесс с целью решения тех вопросов, которые привели их лидеров в Ханой. Разумеется, это не исключает

возникновения пауз и попыток поднять ставки перед новым раундом таких обсуждений, что КНДР, кстати, уже сделала[18].

Безусловно, переход к диалогу в Корее гораздо предпочтительнее той взрывоопасной ситуации, которая сложилась на полуострове в 2017 г. Представляется, что российской дипломатии стоит приложить максимум усилий для того, чтобы стороны как можно дольше оставались за столом переговоров.

Вместе с тем нельзя не заметить, что к настоящему времени сложилась беспрецедентная ситуация, при которой США, за счет использования в 2009—2017 гг. механизмов ООН, установили фактически тотальный контроль над внешнеэкономической деятельностью и международными расчетами КНДР, в том числе и с Россией[19].

Поэтому надо быть готовыми к тому, что любое, даже неполное урегулирование ЯПКП может привести к заметному увеличению политического и, возможно, иного присутствия США на Корейском полуострове, реконфигурации военно-политических альянсов и всего комплекса отношений корейских государств с соседними державами.

Примечания

[1] Joint statement by the Russian and Chinese foreign ministries on the Korean Peninsula's problems. 1317-04-07-2017. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (дата обращения: 05.03.2019).

[2] Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. MOFA. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (дата обращения: 06.03.2019).

[3] Kim Jong Un Meets Moon Jae In Again. KCNA. 28.04.2018. URL: http://www.rodong.rep.kp/en/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-05-27-0001 (дата обращения: 05.03.2019).

[4] September 19th Pyongyang Declaration. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=139465 (дата обращения: 06.02.2019) .

[5] South Korea's National Security Law. http://www.hartford-hwp.com/archives/55a/205.html (дата обращения: 11.02.2019).

[6] Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea. Foreign Languages Publishing House. Pyongyang, Korea. 2017. P. 4.

[7] Historic First DPRK-U.S. Summit Meeting and Talks Held. KCNA.13.06.2018. URL: http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=D67FA66800D4FB1681209E01DE0C6A61 (дата обращения: 24.02.2019).

[8] Joint Statement of the Democratic People's Republic of Korea and the United States of America. KCNA. June12, 1993.

[9] Agreed Framework Between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea.Bureau of Arms Control.Washington, DC. October 21, 1994. URL: https://2001-2009.state.gov/t/ac/rls/or/2004/31009.htm (дата обращения: 04.03.2019).

[10] «Rodong Sinmun», 13.10.2000; U.S.-D.P.R.K. Joint Communique. Released by the Office of the SpokesmanU.S. Department of State, October 12, 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/001012_usdprk_jointcom.html (дата обращения: 05.03.2019).

[11] No assurance on CVID. *Korea Joongang Daily*. June 21, 2018.

[12] Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. MOFA. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (дата обращения: 06.03.2019).

[13] Historic First DPRK-U.S. Summit Meeting and Talks Held. KCNA. 13.06.2018. URL: http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=D67FA66800D4FB1681209E01DE0C6A61 (дата обращения: 24.02.2019).

[14] Letter dated 14 January 2013 from the Permanent Representative of the Democratic People's Republic of Korea to the United Nations addressed to the President of the Security Council. January 14, 2013. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/2013/20 (дата обращения: 21.03.2019).

[15] *McKinney, William.* Korea at a Crossroads: Time for a US-ROK-DPRK Strategic Realignment. 38NORTH. SEPT. 17, 2018. URL: https://www.38north.org/2018/09/wmckinney091718 (дата обращения: 05.03.2019).

[16] *Sokolsky R., Depetris D.* Imagining a New US-South Korean Security Architecture. 38NORTH. NOVEMBER 15, 2018. URL: https://www.38north.org/2018/11/rsokolskyddepetris111518. (дата обращения: 11.02.2019).

[17] Cha, Victor. U.S.-Korea Relations: Obama's Korea Inheritence. Comparative Connections. Oct-Dec.2009. URL: http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance/ (дата обращения: 24.02.2019).

[18] Pyongyang set to break off denuclearization talks with Washington — diplomat. TASS Russian news agency. March 15, 2019. URL:http://tass.com/world/1048754 (дата обращения: 15.03.2019).

[19] *Zhebin, Alexander.* The Korean Conundrum // Far Eastern Affairs. A Russian Journal on China, Japan and Asia-Pacific region. Vol. 46, No. 2, April-June, 2018. P. 71.

References

1. Agreed Framework Between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea.Bureau of Arms Control.Washington, DC. October 21, 1994. URL: https://2001-2009.state.gov/t/ac/rls/or/2004/31009.htm (accessed: 04.03.2019).

2. Cha, Victor. U.S.-Korea Relations: Obama's Korea Inheritence. Comparative Connections. Oct-Dec.2009. URL: http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance (accessed: 24.02.2019).

3. Historic First DPRK-U.S. Summit Meeting and Talks Held. KCNA.13.06.2018. URL: http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=D67FA66800D4FB1681209E01DE0C6A61/ (accessed: 24.02.2019).

4. Joint statement by the Russian and Chinese foreign ministries on the Korean Peninsula's problems. 1317-04-07-2017. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (accessed: 05.03.2019).

5. Joint Statement of the Democratic People's Republic of Korea and the United States of America. KCNA. June12, 1993.

6. Kim Jong Un Meets Moon Jae In Again. KCNA, 28.04.2018. URL: http://www.rodong.rep.kp/en/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-05-27-0001 (accessed: 05.03.2019).

7. Letter dated 14 January 2013 from the Permanent Representative of the Democratic People's Republic of Korea to the United Nations addressed to the President of the Security Council. January 14, 2013. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/2013/20 (accessed: 21.03.2019).

8. McKinney, William. Korea at a Crossroads: Time for a US-ROK-DPRK Strategic Realignment. 38NORTH. SEPT. 17, 2018. URL: http://www.38NORTH.org/2018//09/wmckinney091718 (accessed: 05.03.2019).

9. No assurance on CVID. *Korea Joongang Daily*. June 21, 2018.

10. Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. MOFA. URL:http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=31913

0&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (accessed: 06.03.2019).

11. Pyongyang set to break off denuclearization talks with Washington — diplomat. TASS Russian news agency. March 15, 2019. URL:http://tass.com/world/1048754 (accessed: 15.03.2019).

12. September 19th Pyongyang Declaration. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=139465 (accessed: 06.02.2019).

13. Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea. Foreign Languages Publishing House. Pyongyang, Korea. 2017.

14. *Sokolsky R., Depetris D.* Imagining a New US-South Korean Security Architecture. 38NORTH. November 15, 2018. URL: https://www.38north.org/2018/11/rsokolskyddepetris111518.(accessed: 07.03.2019).

15. South Korea's National Security Law. URL: http://www.hartford-hwp.com/archives/55a/205.html (accessed: February 11, 2019).

16. U.S.-D.P.R.K. Joint Communique. Released by the Office of the Spokesman. U.S. Department of State, October 12, 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/001012_usdprk_jointcom.html (accessed: 05.03.2019).

17. *Zhebin, Alexander.* The Korean Conundrum // Far Eastern Affairs. A Russian Journal on China, Japan and Asia-Pacific region. Vol. 46, No.2, April-June, 2018. P. 71.

В.Е. Петровский

О ПЕРСПЕКТИВАХ УЧАСТИЯ КНДР И РК В МНОГОСТОРОННИХ МЕХАНИЗМАХ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В зависимости от прогресса межкорейского диалога, а также американо-северокорейских переговоров о денуклеаризации будет актуализироваться вопрос о перспективах вовлечения двух корейских государств в многосторонние механизмы безопасности и сотрудничества, особенно на региональном и субрегиональном уровне. По мнению автора, это будет побуждать Сеул вовлекать Пхеньян в различные проекты регионального экономического сотрудничества, включая китайскую инициативу «Пояс и путь», проводимую Республикой Корея «северную политику» РК, российские предложения по развитию трехсторонних инфраструктурных проектов с участием РФ, КНДР и РК, Расширенной туманганской инициативы ПРООН и пр.

Ключевые слова: межкорейский диалог, ядерное нераспространение, многосторонние переговорно-консультационные механизмы, региональная безопасность, субрегиональное экономическое сотрудничество.

70-летний опыт межкорейских отношений учит тому, что нормализация ситуации на Корейском полуострове возможна лишь на основе устойчивого и необратимого диалога Севера и Юга Кореи,

который способен привести в перспективе к мирному объединению страны. Как показывают события последнего времени, американо-северокорейские переговоры по денуклеаризации в контексте международного режима ядерного нераспространения — весьма существенный, но не определяющий фактор хода и исхода этого диалога.

Об этом уместно вспомнить в контексте обнародованного в январе 2018 г. «Обзора ядерной политики США». В нем, в частности, говорится: «Учитывая существующие и потенциальные ядерные возможности Северной Кореи, ее существующий потенциал в области химического, биологического и конвенционального оружия, а также ее чрезвычайно провокационную риторику и действия, Северная Корея представляет собой неотложную и непредсказуемую угрозу для США, их союзников и партнеров. В этой связи Соединенные Штаты подтверждают, что незаконная ядерная программа Северной Кореи должна быть полностью, необратимо и верифицируемым образом уничтожена, что сделает Корейский полуостров свободным от ядерного оружия»[1]. Вопрос в том, достижима ли эта цель сейчас и способен ли международный режим ядерного нераспространения в его нынешних формах послужить этой цели?

Пхеньян уже много лет игнорирует режим ядерного нераспространения, основанный на Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), других договорах и соглашениях, работе Агентства ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), который отражает консолидированную волю мирового сообщества — поставить заслон на пути распространения ядерного оружия и средств его доставки. Достаточно вспомнить его согласие, после долгих увещеваний международного сообщества, подписать ДНЯО, а затем демонстративный выход из Договора в 1993 г.

Однако сейчас, когда северокорейская сторона дала принципиальное согласие на денуклеаризацию, возникают объективные предпосылки для возвращения КНДР в ДНЯО и ее согласия на инспекции своих ядерных объектов со стороны МАГАТЭ. Подобная перспектива будет становиться более реальной в зависимости от прогресса на американо-северокорейских переговорах.

Окончательное разрешение ракетно-ядерной проблемы КНДР потребует долгого времени, поиска сложных решений, последовательных усилий и взаимного терпения. Причем с участием не только американской и северокорейской сторон, но и других ядерных держав (КНР, Россия, Великобритания, Франция), которые как депозитарии Договора о нераспространении ядерного оружия и постоянные члены Совета Безопасности ООН несут особую ответственность за сохранение и укрепление международного режима ядерного нераспространения.

Главный вопрос заключается в том, возможна ли «новая формула» режима ядерного нераспространения, в том числе применительно к КНДР, которая привела бы к позитивному результату. Помимо наличия политической воли со стороны официальных ядерных держав, проблема в том, что имеющаяся сегодня правовая база по обеспечению ядерной безопасности не смогла предотвратить расширение «ядерного клуба держав» в конце XX в.

Как заявил в этой связи 19.01.2018 г. на специальном заседании Совета Безопасности ООН по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) в то время президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, укрепление режима нераспространения, основанного на ДНЯО, требует «глубоких ментальных изменений, новых многосторонних политических решений».

В качестве укрепления доверия в сфере нераспространения он предложил, в частности, следующие меры:

- усложнить выход из ДНЯО. Не подвергая сомнению ДНЯО, рассмотреть возможность разработки специальной резолюции СБ ООН, определяющей четкие последствия для тех стран, которые нарушают Договор, включая санкционные меры и меры принуждения;
- выработать реально работающий механизм применения жестких мер против приобретения и распространения ОМУ. Такие многосторонние соглашения следует утверждать отдельными резолюциями Совета Безопасности ООН. В качестве главной меры по устранению стимулов для обладания ОМУ следует развивать юридически обязывающую систему гарантий ядерных держав государствам, добровольно отказавшимся

от обладания атомным оружием, а также имеющим безъядерный статус;

- вернуть в международную жизнь политическое доверие и системный диалог. Хорошим примером этого может служить Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). Схожий конструктивный подход можно было бы применить и в вопросе урегулирования ядерной проблемы Северной Кореи. Официальная «ядерная пятерка» могла бы предложить гарантии безопасности КНДР как важное условие для создания атмосферы доверия и возвращения Пхеньяна за стол переговоров[2].

Беря за основу гипотетическую возможность возвращения КНДР в режим ядерного нераспространения, аналогичную гипотезу можно выдвинуть и в отношении северокорейской ракетной программы: если США и КНДР заключат сделку о северокорейских МБР, способных достичь территории США, то Пхеньян, возможно, согласится на переговоры о своем участии в Режиме контроля за ракетными технологиями (РКРТ), тем более что Республика Корея уже присоединилась к этому режиму.

Данный вопрос становится еще более актуальным в контексте размещения американской системы ПРО THAAD в Южной Корее и заявления Вашингтона о выходе из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД).

Москва и Пекин восприняли размещение американской системы ПРО THAAD в РК как признак изменения сложившегося стратегического баланса сил в регионе. Во время визита президента России В. Путина в Китай, состоявшегося в конце июня 2016 г., стороны подписали Декларацию об укреплении международной стратегической стабильности. В этом документе есть специальный параграф с негативной оценкой размещения системы ПРО THAAD.

Заявляя о желательности присоединения КНР к ДРСМД, администрация Д. Трампа пригрозила в противном случае приступить к размещению ракет средней и меньшей дальности (РСМД) в Восточной Азии. Эта угроза вполне реальна. Российские системы ПВО С-400 и С-500 могут перехватывать крылатые ракеты и ракеты средней дальности. А вот Китай должен действительно беспокоиться. Американские ракеты с дальностью полета около 5000 км, разме-

щенные в Японии, Южной Корее и на Тайване, могут стать серьезной угрозой для КНР. Теоретически их смогут перехватывать С-400, которые Пекин закупил в России (вызвав этим крайнее недовольство и даже санкции со стороны Вашингтона).

Пока еще не поздно купировать угрозу региональной безопасности, связанной с размещением американских систем ПРО, политико-дипломатическими средствами. В частности, российская дипломатия (при поддержке китайской) могла бы поставить вопрос о многосторонних мерах транспарентности и военного доверия при размещении таких систем в рамках диалога по вопросам безопасности на Азиатском региональном форуме (АРФ) и в формате Восточноазиатского саммита (ВАС), а также предложить включить такие системы ПРО в Реестр мер доверия Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

В процессе американо-северокорейских переговоров ожидается подписание декларации об окончании войны на Корейском полуострове, которую КНДР рассматривает как существенную гарантию своей безопасности. При этом есть один немаловажный нюанс, связанный с вовлеченностью ООН в дела на Корейском полуострове. Во время Корейской войны было создано так называемое объединенное командование, которое возглавил представитель США. Командование получило право использовать флаг ООН.

И сейчас, 65 лет спустя после подписания Соглашения о перемирии, на разделительной линии вдоль 38-й параллели до сих пор дислоцируются представители этого Командования — американские военнослужащие. «Командование войсками ООН в Корее» заявляет, что берет на себя контроль за соблюдением Соглашения о перемирии в Корее. С 1998 г. командование пытается вести переговоры с КНДР на уровне генералов, чтобы согласовать вопросы, связанные с выполнением Соглашения о перемирии в Корее и предотвращением конфликтов. По состоянию на март 2018 г. стороны провели переговоры уже 16 раз. Однако КНДР неизменно настаивает на том, что Командование было незаконно создано США под прикрытием ООН, и на самом деле это американские войска, дислоцированные в РК[3].

Россия и Китай как постоянные члены Совета Безопасности ООН заинтересованы в международно-правовой и политической определенности. В Москве и Пекине понимают: декларация об окончании войны, позиционируемая как основа нового мирного режима с минимальными издержками, безвозвратно изменит правовые рамки, гарантируя безопасность на полуострове.

Этот документ не только устранит необходимость в подготовке постоянных резолюций ООН и поддержании военного перемирия, но и, в конечном счете, устранит правовую основу для существования многонационального «Командования ООН в Корее». А за декларацией должен последовать полноценный мирный договор (гарантами которого также могут выступить РФ и КНР), который окончательно подведет черту под одним из наиболее противоречивых и трагичных периодов эпохи холодной войны в Восточной Азии.

Уместно вспомнить о консолидированной позиции РФ и КНР по ситуации на Корейском полуострове, которая была отражена в Совместном заявлении МИД КНР и МИД РФ по проблемам Корейского полуострова от 4 июля 2017 г. В этом документе стороны выдвинули совместную инициативу, основанную на предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования.

На Восточном экономическом форуме (ВЭФ) в сентябре 2018 г. замглавы МИД РФ И. Моргулов подчеркнул: «По мере продвижения по этапам нашей дорожной карты, по мере того, как это будет развиваться, и по мере принятия КНДР необратимых действий в части денуклеаризации, Совет безопасности вправе и должен рассматривать вопрос о необратимой отмене тех или иных санкций, то есть послаблении санкционного режима»[4].

Это было бы важным и потому, что введенные СБ ООН санкции против КНДР начинают становиться препятствием не только для американо-северокорейских переговоров по денуклеаризации, но и

для процесса межкорейского диалога. В качестве примера можно напомнить о том, что 24 ноября 2018 г. Совет Безопасности ООН утвердил исключение по санкциям в отношении КНДР, предоставив двум корейским государствам возможность реализации проекта по восстановлению железнодорожного сообщения (ранее это предложение блокировалось США).

Поэтому особенно важно также прозвучавшее на ВЭФ заявление о том, что Москва предлагает не дожидаться окончания процесса денуклеаризации Корейского полуострова и как можно скорее приступить к реализации трехсторонних проектов с Пхеньяном и Сеулом.

Скоординированная политика РФ и КНР, нацеленная на достижение возможности поэтапного и соразмерного ослабления санкций СБ ООН, соответствует аналогичным усилиям южнокорейской дипломатии (и это, в свою очередь, может дать синергетический эффект).

В этой связи можно говорить о возможности и целесообразности трехсторонних консультаций Россия—Китай—Южная Корея по ситуации на Корейском полуострове, которые могли бы проводиться как на дипломатическом треке, так и в формате «второй дорожки». После нормализации отношений КНР и РК, а также с учетом того, что Россия и РК, а также КНР и РК заявили о своем стремлении к установлению отношений стратегического партнерства, такая инициатива представляется вполне своевременной и реальной.

Президент РК Мун Чжэ Ин, в развитие своей встречи с лидером КНДР Ким Чен Ыном 27 апреля 2018 г. и подписанной тогда Пханмунчжомской декларации, предложил создать единое экономическое сообщество между Севером и Югом и обеспечить свободу передвижения между ними. А 10 января 2019 г. на своей новогодней пресс-конференции президент заявил, что сотрудничество с КНДР является тем фактором, который в перспективе придаст ускорение южнокорейской экономике в целом и поможет найти новое направление для развития[5].

Как представляется, это будет побуждать Сеул вовлекать Пхеньян в различные проекты регионального экономического сотрудничества, включая китайскую инициативу «Пояс и Путь» (ИПП), про-

водимую Республикой Корея «северную политику», российские предложения по развитию трехсторонних инфраструктурных проектов с участием РФ, КНДР и РК, Расширенной туманганской инициативы (РТИ) ПРООН и пр.

Как заявил в июне 2018 г. президент РК, «у нас с президентом Путиным общее видение перспектив мира и процветания на Евразийском континенте. У господина президента своя политика по развитию Дальневосточного региона РФ и Сибири, моя же политика нацелена на развитие сотрудничества с восточными странами, в том числе и с Россией. У этих политик много общего. У нас с президентом Путиным общая цель: установление мира и достижение денуклеаризации на Корейском полуострове. Это обязательно приведет к активизации экономического сотрудничества не только двух Корей. В дальнейшем мы можем вовлечь в этот процесс Россию. При установлении системы мира на Корейском полуострове мы сможем говорить об установлении многостороннего механизма обеспечения безопасности в нашем регионе»[6].

Эта инициатива явно перекликается с российскими предложениями о развитии трехсторонних инфраструктурных проектов с участием РФ, КНДР и РК и, по мнению автора, является попыткой «ребрендинга» «Евразийской инициативы» прежнего президента Пак Кын Хе, отправленной в отставку по импичменту.

В русле такого подхода Сеул делает акцент на развитие приграничного и межрегионального сотрудничества. Как заявили в феврале 2019 г. в Министерстве государственного управления и безопасности РК, контрольные органы утвердили Комплексный план развития приграничных районов. Планом предусмотрена реализация до 2030 г. 225 проектов на общую сумму 13,2 трлн вон. Основные направления плана — создание базы для межкорейских обменов и сотрудничества, инфраструктура для сбалансированного регионального развития, туристические проекты, а также объекты для отдыха. Из заявленных 13,2 трлн вон 5,4 трлн вложит правительство, 2,2 трлн — региональные власти и еще 5,6 трлн вон — частные инвесторы[7].

Несмотря на санкции, Южной Корее необходимо активно развивать сотрудничество с КНДР, обратив при этом внимание на мно-

госторонние проекты, которые подразумевают также участие России и Китая. Об этом зговорили участники прошедшей в Сеуле конференции «Реальная ситуация в экономике Северной Кореи и условия для сотрудничества».

Комментируя ситуацию в экономике КНДР, директор Института экономики Янбяньского университета (Китай) Ан Гук Сан отметил, что в последнее время Пхеньян делает активную ставку на развитие особых экономических зон, которые территориально можно разделить на «южную» (Кэсонский технопарк), «северную» (Расон), «западную» (Синыйчжу) и «восточную» (Туристическая зона Вонсан—Кымгансан).

Схожий тезис озвучил и профессор Центра корейских исследований Нанькайского университета (Тяньцзинь, КНР) Ли Чхун Бок. «Мы должны изменить существующую модель взаимодействия с двусторонней КНДР—КНР, КНР—РК, РК—КНДР в трехстороннюю, где работают сразу три государства вместе — Южная, Северная Корея и Китай». Он напомнил, что в Китае уже разработан план сопряжения китайской стратегии «Один пояс, один путь» с РК и КНДР, который подразумевает строительство высокоскоростных железных и шоссейных дорог из Китая через Синыйчжу, Пхеньян, Сеул и до Пусана.

Эксперты предложили активизировать межкорейское сотрудничество на тех направлениях, которые не подпадают под санкции. Среди этих сфер были названы гуманитарные проекты, включая поставки в КНДР продуктов питания и текстиля. Также предлагалось продолжить работы по соединению железных дорог и открыть прямое воздушное сообщение между Югом и Севером Кореи, а также начать использовать южнокорейскими гражданскими самолетами воздушное пространство КНДР, что позволит сократить расходы на некоторых направлениях[8].

Проект международных транспортных коридоров (МТК) как части трансграничных транспортных коридоров Северо-Восточной Азии рассматривали участники 8-го заседания Транспортного совета РТИ, которое состоялось 20 сентября 2018 г. в Пекине. На нем попытались найти ответ на вопрос российской стороны, как объединить интересы различных областей Китая, глобальный китайский

проект «Один пояс, один путь», Евразийский экономический союз, 9 мостов Республики Корея, 8 направлений сотрудничества Японии, идеи Монголии и других стран[9].

Таким образом, перспектива совместного участия КНДР и РК в многосторонних механизмах безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии будет определяться как наличием политической воли и готовности к компромиссам (в сфере безопасности), так и интересами взаимной экономической выгоды (в сфере экономического сотрудничества и региональных интеграционных проектов).

Примечания

[1] Nuclear Posture Review. February 2018. Office of the Secretary of Defense. P. 11—12.

[2] Выступление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева на заседании Совета Безопасности ООН «Нераспространение ОМУ: меры доверия», 19 января 2018 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-na-zasedanii-soveta-bezopasnosti-oon-nerasprostranenie-omu-mery-doveriya (дата обращения: 04.03.2019).

[3] URL: http://russian.people.com.cn/31520/7073295.html (дата обращения: 15.03.2109).

[4] Москва выступает за начало реализации проектов с Пхеньяном и Сеулом. URL: https://rg.ru/2018/09/11/moskva-vystupaet-za-nachalo-realizacii-proektov-s-phenianom-i-seulom.html (дата обращения: 05.03.2019).

[5] Мун Чжэ Ин провел новогоднюю пресс-конференцию. URL: https://rg.ru/2019/01/10/mun-chzhe-in-provel-novogodniuiu-press-konferenciiu.html (дата обращения: 21.02.2019).

[6] Мун Чжэ Ин: от сотрудничества Южной Кореи, КНДР и РФ выиграет вся Евразия. URL: https://tass.ru/interviews/5310191 (дата обращения: 06.03.2019).

[7] Сеул потратит 12 млрд долл. на развитие приграничных с КНДР районов. URL: https://rg.ru/2019/02/07/seul-potratit-12-mlrd-dollarov-na-razvitie-prigranichnyh-s-kndr-rajonov.html (дата обращения: 10.02.2019).

[8] В Сеуле призвали к многостороннему сотрудничеству с КНДР и Россией. URL: https://rg.ru/2019/01/16/v-seule-prizvali-k-mnogostoronnemu-sotrudnichestvu-s-kndr-i-rossiej.html (дата обращения: 20.02.2019).

[9] Коридоры надежды. Международные транспортные коридоры оптимизируют логистику перевозок огромного региона. URL: https://rg.ru/2019/01/20/reg-dfo/mezhdunarodnye-koridory-optimiziruiut-logistiku-gruzoperevozok-primoria.html (дата обращения: 02.03.2019).

References

1. Nuclear Posture Review. February 2018. Office of the Secretary of Defense. P. 11—12.

2. "Non-Proliferation of WMD: Confidence Building Measures" UN Security Council Meeting chaired by the President of Kazakhstan. URL: http://www.akorda.kz/en/events/international_community/foreign_visits/non-proliferation-of-wmd-confidence-building-measures-un-security-council-meeting-chaired-by-the-president-of-kazakhstan (accessed: 04.03.2019).

3. URL: http://russian.people.com.cn/31520/7073295.html (accessed: 15.03.2019).

4. Moscow Stands for Launching Projects with Pyongyang and Seoul. URL: https://rg.ru/2018/09/11/moskva-vystupaet-za-nachalo-realizacii-proektov-s-phenianom-i-seulom.html (accessed: 05.03.2019).

5. Moon Jae In Held New Year Press Conference. URL: https://rg.ru/2019/01/10/mun-chzhe-in-provel-novogodniuiu-press-konferenciiu.html (accessed: 21.02.2019).

6. Moon Jae In: From Cooperation between South Korea, DPRK and the Russian Federation Will Benefit Eurasia as a Whole. URL: https://tass.ru/interviews/5310191 (accessed: 06.03.2019).

7. Seoul Will Spend $12 Billion on Development Regions Bordering the DPRK. URL: https://rg.ru/2019/02/07/seul-potratit-12-mlrd-dollarov-na-razvitie-prigranichnyh-s-kndr-rajonov.html (accessed: 10.02.2019).

8. Seoul Calls for Multilateral Cooperation with the DPRK and Russia. URL: https://rg.ru/2019/01/16/v-seule-prizvali-k-mnogostoronnemu-sotrudnichestvu-s-kndr-i-rossiej.html (accessed: 20.02.2019).

9. Corridors of Hope. International Transportation Corridors to Optimize Logistics of Carriages in a Huge Region. URL: https://rg.ru/2019/01/20/reg-dfo/mezhdunarodnye-koridory-optimiziruiut-logistiku-gruzoperevozok-primoria.html (accessed: 02.03.2019).

А.В. Воронцов

СОХРАНИТСЯ ЛИ «ТОРЖЕСТВО ДИПЛОМАТИИ» НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2019 ГОДУ?

С начала 2018 г. на Корейском полуострове произошел феноменальный разворот военно-политической ситуации от войны к миру. Визитной карточкой, характеризующей состояние дел на полуострове, стала «дипломатия саммитов». Уже состоялись три саммита между лидерами РК и КНДР, четыре встречи между Ким Чен Ыном и Си Цзиньпинем, два саммита между президентом США Д. Трампом и Ким Чен Ыном. Однако неудача второго саммита США—КНДР в Ханое 27-28 февраля 2019 г., в ходе которой сторонам не удалось подписать ни одного документа, стала серьезным настораживающим фактором. Как в ходе данной встречи, так и после нее проявилась противоречивость в политике США. Хотя глава Белого дома продолжает делать реверансы а адрес Ким Чен Ына, на практике же действия США развивались по программе непримиримых правоконсервативных сил: санкции и кампания максимального давления против Северной Кореи должны сохраниться в полном объёме до осуществления ею полной необратимой проверяемой денуклеаризации. Пхеньян такой подход отвергает и подчеркивает, что намерен осуществлять денуклеаризацию только поэтапно и синхронно со встречными действиями со стороны Вашингтона. От того, удастся ли КНДР и США найти компромисс, в большой степени зависит состояние безопасности на Корейском

полуострове в 2019 г. Поэтому в отношениях между США и КНДР важно сохранить позитивную динамику.

Ключевые слова: Корейский полуостров, саммит, денуклеаризация, компромисс, переговоры, санкции.

Не оправдавший надежд второй американо-северокорейский саммит в конце февраля 2019 г. в Ханое, в ходе которого сторонам не удалось выйти на подписание какого-либо совместного документа, усилил тревожную ноту, звучащую в названии данного доклада.

Тем не менее никто не может отрицать тот факт, что с начала 2018 г. на Корейском полуострове произошел феноменальный разворот военно-политической ситуации от войны к миру, которая стала динамично развиваться, но уже в политико-дипломатическом формате. В прошедшем году визитной карточкой, характеризующей состояние дел на Корейском полуострове, стала «дипломатия саммитов». Состоялись три саммита между лидерами РК и КНДР, четыре, включая январь 2019 г., встречи между Ким Чен Ыном и Си Цзиньпинем, первый в истории саммит между президентом США Д. Трампом и Ким Чен Ыном 12 июня в Сингапуре. Вторая встреча на высшем уровне прошла 27-28 февраля 2019 г. в Ханое.

Наиболее содержательным среди перечисленных событий можно считать визит в Пхеньян президента РК Мун Чжэ Ина, 18—20 сентября 2018 г., в процессе которого была подписана Пхеньянская совместная декларация, включившая в себя много значимых соглашений в различных областях и, что крайне важно, в военной области.

Кореееведам бросился в глаза тот факт, что значительно громче, чем раньше зазвучала тема межкорейской солидарности. Сеул и Пхеньян решительнее, чем когда-либо акцентировали приоритет независимости и самоопределения корейской нации, стремления и готовности решать национальные проблемы и дела своими собственными силами. Одним из проявлений материализации формирующихся новых состояния духа и практических реальностей взаимоотношений между Пхеньяном и Сеулом и того, что и южнокорейский президент также действительно воспринял феномен первостепенности общекорейских интересов и целей, стал беспре-

цедентный факт, что Сеул не уведомил заранее США о готовящемся к подписанию в Пхеньяне военном соглашении. Показательно, что КНДР расценивает совокупность трех важнейших документов, подписанных в прошедшем году — Пханмунчжомскую, Пхеньянскую декларации и Соглашение в военной сфере, — как договор о ненападении между КНДР и РК.

Результаты 2018 г. представляют собой беспрецедентный феномен. Лидеры КНДР, РК, США и Китая приложили немало усилий через личный прямой диалог с целью развернуть корейскую ситуацию от порога войны, на краю которой она балансировала на протяжении многих последних десятилетий, особенно опасно в 2017 г., к состоянию прочного мира, полной денуклеаризации Корейского полуострова. В случае выполнения указанных задач возникнут предпосылки для формирования принципиально новой структуры международных отношений на Корейском полуострове и регионе Северо-Восточной Азии, реально ориентированной на обеспечение прочного мира.

Однако серьезным настораживающим фактором в целом позитивной картины остается двойственность и противоречивость в политике США, которая явственно стала проявляться после успешного саммита США — КНДР в Сингапуре. Хотя глава Белого дома продолжал делать реверансы в адрес Ким Чен Ына, на практике же действия США развивались по программе непримиримых правоконсервативных сил. Непоколебимой оставалась установка на то, что американские санкции и кампания максимального давления против Северной Кореи должны сохраниться в полном объёме до окончательного осуществления ею полной необратимой проверяемой денуклеаризации (CVID), невзирая ни на какие глубокие поэтапные сокращения вооружений северянами.

Пхеньян такой подход отвергает и дал четко понять, что намерен осуществлять денуклеаризацию «только поэтапно и синхронно со встречными действиями со стороны Вашингтона, накапливая обоюдное доверие». От того, удастся ли КНДР и США в 2019 г. выработать компромисс с целью преодоления данного противоречия, в большой степени зависит ответ на вопрос, заключенный в названии данной статьи.

Логика сторонников жесткого подхода США проста: именно и только тотальные международные санкции заставили Ким Чен Ына пойти на денуклеаризацию, что он испуган, деморализован и готов принять все условия капитуляции, а поэтому его надо «дожать» наращивающимся давлением до «победного конца».

Тем не менее явная упрощенность и даже неадекватность такого рода мышления ясна для многих стран в регионе. Такой подход уже не раз приводил к срыву предшествующих успешно начинавшихся переговоров (Рамочное соглашение 1994 г., 6-сторонние переговоры 2003—2008 гг. и др.) по одной очевидной причине. Ни тогда, ни, по нашему убеждению, сейчас Пхеньян не собирался капитулировать, а пытался найти пути улучшения отношений с США на основе взаимных шагов навстречу друг к другу и обоюдного уважения национального суверенитета и интересов.

Очевидно, что сейчас мы являемся свидетелями нового, весьма отличного от предшествующих раунда дипломатической игры, которую начал Пхеньян в качестве де-факто ядерного государства. При этом Пхеньян исходит из того, что его «козырные карты» реально усилились, чего в Вашингтоне предпочитают не замечать.

Новые факторы международно-политической ситуации

Прежде всего, Вашингтон не на шутку встревожился впечатляющими успехами ракетно-ядерной программы Северной Кореи, ставшими неоспоримыми в 2017 г., поверил в её способность нанести ядерный удар по континентальной части Америки. Напомним, что два ракетных испытания в июле и в конце ноября 2017 г. были признаны ведущими военно-техническими авторитетами США запусками МБР, а шестой подземный взрыв в сентябре 2017 г. — полноформатным термоядерным испытанием. Напомним также, что сразу после этого, в декабре 2017 г. Северная Корея объявила о завершении намеченных ранее программ создания ракетно-ядерного оружия. Власти КНДР утверждают, что уже сформировали ядерный щит, гарантирующий безопасность государства. Мировые державы не обратили должного внимания на это заявление, представив его как очередной пропагандистский ход Пхеньяна. На деле в этот раз, в

отличие от 2015 и 2016 гг., когда близкие по содержанию мирные инициативы КНДР отвергались «с порога», в 2018 г. Вашингтон на прямые переговоры пошёл.

В этой связи член Комитета по международным делам Государственной думы РФ А. Морозов так охарактеризовал побудительный мотив к переговорам со стороны Белого дома: «Это в принципе укладывается в американский менталитет. Они действуют по ковбойскому принципу, то есть уважают сильных, а слабых презирают. Поскольку Северная Корея сумела продемонстрировать, что обладает оружием, способным достичь США, то, соответственно, они показали силу, а с сильными американцы всегда договариваются... нам очень хочется надеяться, что этот диалог состоится»[1].

В официальном Вашингтоне не очень любят публично распространяться на эту тему, но накануне второго саммита госсекретарь М. Помпео в одном из интервью был вынужден прямо ответить на настойчивый вопрос журналиста. «Северная Корея сегодня обладает ядерным оружием, способным достичь территории Соединенных Штатов Америки. Это угроза, про которую Президент Трамп сказал, что ею надо заняться сейчас и немедленно. Поэтому Президент выбрал встречу с Председателем Кимом»[2].

Далее, Вашингтон с огорчением убедился, что оба его дальневосточных союзника: и консервативная при С. Абэ Япония, и особенно «либеральная» при Мун Чжэ Ине Южная Корея категорически отвергают любой вариант военной операции США против КНДР. Вашингтону, видимо, стало ясно, что если он проигнорирует жёстко негативную позицию союзников и нанесёт всё-таки военный удар по Северной Корее в духе концепции «разбитого носа», которую активно продвигали ястребы в администрации Д. Трампа, он может не просто осложнить отношения с Токио, но и потерять Сеул как союзника. И наконец, неожиданно начавшийся вопреки воле Вашингтона и динамично продолжающийся прогресс в межкорейских отношениях в январе-марте 2018 г. дал Пхеньяну определённый дополнительный рычаг воздействия на США.

овокупность вышеотмеченных факторов в определенной сте - пени сократила свободу действий Вашингтона на Корейском полуострове и вокруг него и укрепила переговорные позиции Пхеньяна.

В этих условиях КНДР и решила перейти в дипломатическое наступление, надеясь на получение ограниченных, но реальных дивидендов.

В период до второго саммита в Ханое Пхеньян, демонстрируя жесты доброй воли и серьёзность намерений, осуществил не риторические, а важные практические шаги по сокращению ракетно-ядерного потенциала: в одностороннем порядке осуществляет мораторий на ракетно-ядерные испытания, взорвал свой главный подземный ядерный полигон Пхунгери, осуществил частичный демонтаж ракетного комплекса «Сохэ», с которого, в том числе в 2016 г., был успешно выведен на орбиту спутник (ИСЗ) «Квангмёнсон-3». В августе 2018 г. во исполнение 4-го пункта Сингапурской декларации Пхеньян передал США партию останков американских военнослужащих, погибших в период Корейской войны 1950—1953 гг.

Тем не менее из Вашингтона на официальном уровне по-прежнему слышны лишь упреки. Звучат утверждения в том духе, что всё это — несущественные меры, а Северная Корея должна сделать гораздо больше, выражается недовольство, почему не пригласили на ликвидацию ракетно-ядерных объектов иностранных наблюдателей и т. д. Поэтому, мол, ни о каком смягчении санкций и речи быть не может. Справедливости ради отметим, что Д. Трамп решил не проводить в августе 2018 г. ежегодные крупные совместные манёвры с РК «Ыльчи фридом гардиен», а учения весны 2019 г. осуществить в сокращенном масштабе.

Вышеотмеченные факты дали основание не только Пхеньяну, но и Москве, Пекину, Сеулу поставить вопрос перед США о необходимости предоставить КНДР положительные стимулы. Так, сразу после окончания переговоров в Пхеньяне в мае 2018 г. министр иностранных дел России С. Лавров подчеркнул, что международное сообщество должно по достоинству оценить те серьёзные положительные изменения, которые с начала 2018 г. произошли и в поведении КНДР, и в сфере безопасности на Корейском полуострове, предпринять шаги по частичной отмене экономических санкций. С аналогичной совместной инициативой РФ и КНР выступили в СБ ООН, но США её заблокировали.

Неровный путь к второму саммиту

В результате Пхеньян воспринимает текущие события как «игру в одни ворота», как нежелание Вашингтона учитывать законные интересы КНДР в сфере безопасности и делать ответные шаги навстречу. В этих условиях руководство Северной Кореи периодически выражает своё недовольство и посылает сигналы, предупреждающие о том, что его терпение и готовность продолжать одностороннее разоружение, не получая ничего взамен, не бесконечны. Пока эти послания облекаются в более или менее дипломатическую форму, но становятся всё настойчивее.

Первый раз мини-кризис возник накануне встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре, поставив на один день её под угрозу переноса. Тогда первый заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гван в весьма жёсткой форме отверг призывы вице-президента США М. Пенса и помощника президента по национальной безопасности Д. Болтона использовать в отношении Северной Кореи «ливийскую модель» денуклеаризации. В его заявлении отмечалось: «Это не нацелено на решение вопроса через диалог. А по сути дела, обнаружение весьма гнусного замысла принудить нашу достойную Республику к горькой судьбе Ливии и Ирака, подвергавшихся крушению, целиком отдав державам всю свою страну»[3].

Затем в ходе третьего в 2018 г. визита госсекретаря США М. Помпео в Пхеньян 6 июля он впервые не был принят Ким Чен Ыном, а МИД КНДР выразил глубокое разочарование идеями, предложенными американской стороной. В этом документе было отвергнуто притязание, суть которого сводилось к тому, что «американская сторона вопреки духу Сингапурского саммита и переговоров выдвинула одностороннее и грабительское требование денуклеаризации, утверждая о неком CVID (полном, проверяемом и необратимом демонтаже ядерных программ), уведомлении и проверке». КНДР был предложен свой подход: «Ставя во главу угла установление доверия, решать по одному с вопроса, который можно решить на принципах синхронного действия, поэтапно, — это самый прямой путь к осуществлению денуклеаризации Корейского полуострова»[4].

Обобщая эти факты, мы приходим к выводу, что американо-северокорейское сближение и, соответственно, денуклеаризация Корейского полуострова, получившие вдохновляющий шанс в момент саммита в Сингапуре, после Ханоя в очередной раз оказались под угрозой.

Хотя нынешний глава Белого дома как никто из последних президентов США, видимо, искренне заинтересован в продолжении позитивного диалога с Пхеньяном и доведения ядерной сделки до конца, ему, похоже, становится все труднее выдерживать мощное давление, оказываемое на него со стороны влиятельных правых сил в США. Этим объясняется, что в марте 2019 г. команда Д. Трампа заявила об отказе работать на основе поэтапного процесса.

Безусловно, в изучаемых процессах важную роль играет РК и лично её президент Мун Чжэ Ин. Он не только стал весьма эффективным посредником между КНДР и США, но стремится убедить своего старшего союзника проявлять больше гибкости, в том числе начать смягчать отдельные санкции, без чего возобновление межкорейского экономического сотрудничества почти невозможно[5]. Поэтому, по нашему мнению, у южнокорейского президента были основания заявить в выступлении по случаю празднования 73-й годовщины освобождения от колониального гнета 15 августа 2018 г. о том, что «развитие отношений между Южной и Северной Кореей является не вспомогательным плодом развития северокорейско-американских связей. Напротив, развитие отношений между Югом и Севером Кореи есть сила, продвигающая вперёд денуклеаризацию Корейского полуострова».

В этой связи Мун Чжэ Ин подчеркнул: «Я посещу Пхеньян в следующем месяце, опираясь на волю народа. Мы, два лидера подтвердим исполнение Пханмунчжомской декларации и предпримем смелый шаг для реализации отраженной в декларации задачи окончания Корейской войны и подписания мирного договора, а также завершения денуклеаризации Корейского полуострова»[6]. И эти действия свидетельствуют о постепенном возрастании самостоятельной роли внутрикорейского фактора в сложной совокупности разнонаправленных тенденций на полуострове.

Анализируя причины неудачи саммита в Ханое, многие эксперты в числе прочих указывают следующие:

1. Северокорейская сторона переоценила потенциал фактора личной встречи лидеров в надежде, что президент США сможет самостоятельно принять более прорывное решение по сравнению с рекомендациями его помощников. Поэтому в подготовительный период Пхеньян недостаточно активно сотрудничал с переговорной командой государственного департамента США. Неожиданным стал также перенос Пхеньяном в центр дискуссии требования об отмене санкций в отличие от традиционного подхода, нацеленного на достижение, прежде всего, нормализации двусторонних отношений с Вашингтоном.

2. На заключительной стадии переговоров Д. Трамп неожиданно поднял планку требований к Пхеньяну, так как в силу внутриполитической ситуации в США ему в этот раз пришлось действовать в парадигме принципа «всё или ничего». В этой связи указывалось на циркулирующие в Вашингтоне слухи, что в последний момент помощник по национальной безопасности Дж. Болтон сумел убедить президента дополнительно включить в повестку переговоров требование о ликвидации бактериологического и химического оружия КНДР, что оказалось для Пхеньяна неожиданным и неприемлемым.

При этом, по нашему убеждению, результаты саммита в Ханое не следует считать провалом, так как в ходе переговоров, проводившихся в откровенной и «дружелюбной» атмосфере, сторонам удалось сблизить позиции по ряду важных вопросов, согласиться на продолжение де-факто режима двойного моратория (ракетно-ядерных испытаний КНДР и сдержанности в проведении ежегодных американо-южнокорейских военных учений). Это сохраняет основу для продолжения американо-северокорейского диалога.

Подводя итог, следует выделить следующее: начиная с 2018 г. ситуация безопасности на Корейском полуострове существенно оздоровилась, но при этом продолжает оставаться сложной, неопределенной с потенциалом как дальнейшего прогресса, так и отката назад к росту конфликтности. Поэтому, как нам видится, в целях сохранения позитивной динамики в двусторонних отношениях необходимо как можно скорее организовать встречу переговорных

команд США и КНДР. При этом желательно включить в повестку переговоров задачу достижения промежуточного соглашения. Такое соглашение предусматривало бы последовательность осуществления ответных шагов Вашингтона на поэтапное закрытие Пхеньяном ключевых объектов в ядерном центре Ёнбён.

Примечания

[1] The State Duma marked the USA's "cowboy mentality" in course of dialogue with the DPRK. RIA Novosti, 09.03.2018. URL: https://ria.ru/world/20180309/1516043354.html?inj=1 (дата обращения: 11.03.2018).

[2] Interview Michael R. Pompeo, Secretary of State, With Roxana Saberi of CBS News, Sheraton Warsaw Hotel, Warsaw, Poland, February 13, 2019. URL: https://www.state.gov/secretary/remarks/2019/02/289467.htm (дата обращения: 15.02.2019).

[3] Заявление для печати 1-го заместителя министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гвана, ЦТАК, 25.05.2018. Statement of DPRK First Vice-Minister of Foreign Affairs, Kim Kye Gwan. 25.05.2018. URL: http://www.mfa.gov.kp/en/category/statements/page/4/ (дата обращения: 24.05.2018).

[4] Заявление для печати представителя МИД КНДР. ЦТАК, 07.07.2018. URL: http://www.mfa.gov.kp/en/category/statements/page/3/ (дата обращения: 09.07.2018). The Latest on U.S. Secretary of State Mike Pompeo's visit to North Korea. AP. 07.07.2018. URL: https://apnews.com/628db42343bf402fa69f0500644a7293/The-Latest:-North-Korea-says-Pompeo-talks-'regrettable' (дата обращения: 09.07.2018).

[5] JUNG HYO-SIK, YOO JEE-HYE AND LEE SUNG-EUN. Seoul needs sanctions exemption, official says // JoongAng Daily, July 23, 2018. URL: http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3050935 (дата обращения: 23.07.2018).

[6] Address by President Moon Jae-in on Korea's 73rd Liberation Day: Aug 15, 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/08/in-august-15-speech-moon-says-inter-korean-cooperation-will-bring-true-liberation/ (дата обращения: 15.08.2018).

References

1. Donald Trump characterized Kim Jong Un as a great personality, Rossiskaya gazeta, 15.07.2018. URL: https://rg.ru/2018/07/15/donald-tramp-oharakterizoval-kim-chen-yna-kak-velikuiu-lichnost.html. URL: https://ria.ru/world/20180715/1524605263.html (accessed: 18.07.2018).

2. The State Duma marked the USA's "cowboy mentality" in course of dialogue with the DPRK, RIA Novosti, 09.03.2018. URL: https://ria.ru/world/20180309/1516043354.html?inj (accessed: 11.03.2018).

3. Interview Michael R. Pompeo, Secretary of State, Interview With Roxana Saberi of CBS News, Sheraton Warsaw Hotel, Warsaw, Poland, February 13, 2019. URL: https://www.state.gov/secretary/remarks/2019/02/289467.htm (accessed: 15.02.2019).

4. Statement of DPRK First Vice-Minister of Foreign Affairs, Kim Kye Gwan. 25.05.2018. URL: http://www.mfa.gov.kp/en/category/statements/page/4/(accessed: 24.05.2018).

5. FM Spokesman on DPRK-U.S. High-level Talks, Posted on: 2018-07-07. URL: http://www.mfa.gov.kp/en/category/statements/page/3/(accessed: 09.07.2018); The Latest on U.S. Secretary of State Mike Pompeo's visit to North Korea, 07.07.2018. URL: https://apnews.com/628db42343bf402fa69f0500644a7293/The-Latest:-North-Korea-says-Pompeo-talks-'regrettable' (accessed: 09.07.2018). JUNG HYO-SIK, YOO JEE-HYE AND LEE SUNG-EUN. Seoul needs sanctions exemption, official says // JoongAng Daily, July 23, 2018. URL: http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3050935 (accessed: 23.06.2018).

6. Address by President Moon Jae-in on Korea's 73rd Liberation Day: August 15, 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/08/in-august-15-speech-moon-says- inter-korean-cooperation-will-bring-true-liberation/ (accessed: 15.08.2018).

И.В. Дьячков

КОРЕЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: НОВАЯ НАДЕЖДА ИЛИ НОВЫЙ ТУПИК?*

Позапрошлый год был для Корейского полуострова годом конфликтов, однако в прошлом, 2018 г. произошел дипломатический прорыв. Тем не менее сохраняются поводы для скептицизма. Северокорейско-американский трек по-прежнему волатилен, а региональная ситуация по-прежнему зависит от его успехов.

К концу 2018 г. конструктивный импульс, казалось, исчерпался. Надежды возлагались на новую встречу Ким Чен Ына и Д. Трампа в феврале 2019 г., однако она завершилась неоднозначно. После Ханоя ставки выросли. Если неудача на саммите обернется обрывом связей, обострение будет скоротечным. Однако если «провал» является приметой реальной, а не имитируемой, как ранее, дипломатической работы, продолжение северокорейско-американского общения может стать неожиданно результативным.

Ключевые слова: внешняя политика России, КНДР, корейское урегулирование, северокорейско-американские отношения, ядерная проблема Корейского полуострова.

2017 год был для Корейского полуострова годом конфликтов, взаимных провокаций и обвинений, однако в 2018 г. произошел дипломатический прорыв. Межкорейские контакты на рабочем уровне

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

This work was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 19-18-00142).

возобновились еще в 2017 г., но переломным моментом стала Олимпиада в Пхёнчхане (Южная Корея). Республику Корея посетила обширная делегация северян, куда помимо спортсменов и болельщиков вошли представители высшего руководства КНДР. Север и Юг провели ряд совместных культурных и гуманитарных мероприятий, а корейские спортсмены выступили как единая команда на открытии игр и в некоторых состязаниях.

Сближение позволило впервые более чем за 10 лет провести в конце апреля 2018 г. переговоры лидеров Севера и Юга. Местом встречи стал Пханмунчжом, где в 1953 г. было заключено перемирие, остановившее Корейскую войну. Мун Чжэин и Ким Чен Ын подписали декларацию, в которой договорились развивать межкорейские отношения, снижать напряженность на полуострове, а также двигаться к установлению режима мира и безопасности в регионе и продолжить встречи на высшем уровне.

По-видимому, Сеул, обеспокоенный ростом военной напряженности и зависимостью собственной безопасности от состояния американо-северокорейских отношений, существенно обострившихся в 2017 г., решил взять инициативу в свои руки. При этом сейчас Южная Корея скорее старается стать незаметным посредником в общении КНДР и США, чем «заменить» Вашингтон как главного «собеседника» Пхеньяна. В пользу этой версии говорит и то, что лидеры двух Корей неожиданно встретились вновь спустя месяц, в конце мая 2018 г., когда после северокорейско-американской пикировки под вопросом оказалось проведение встречи Ким Чен Ына и Д. Трампа.

Были нормализованы и отношения между КНДР и Китаем: в течение последних лет контакты между ними поддерживались лишь в объеме, необходимом для соблюдения дипломатических приличий. Тем не менее на Севере понимают, что без поддержки или, по крайней мере, нейтралитета Пекина действовать на международной арене крайне трудно. Первая встреча Ким Чен Ына и Си Цзиньпина произошла в преддверии апрельского межкорейского саммита по инициативе Пхеньяна. Лидер КНДР вновь посетил Китай и после Пханмунчжома, и после встречи с Д. Трампом.

Хотя состоявшаяся летом в Сингапуре встреча лидера КНДР Ким Чен Ына и президента США Д. Трампа стала первым офици-

альным контактом глав этих государств в истории, похоже, что ее значение останется во многом символическим. Саммит не оправдал больших ожиданий: стороны ограничились совместным заявлением с довольно расплывчатыми формулировками. Тем не менее Северной Корее удалось добиться смягчения американской риторики в свой адрес и приостановки беспокоивших Пхеньян американо-южнокорейских учений.

Третий за год межкорейский саммит состоялся в сентябре в Пхеньяне. Была подписана новая декларация достаточно общего содержания, а также военное соглашение. Оно оказалось более интересным, поскольку предложило конкретные меры по снижению напряженности в демилитаризованной зоне вдоль 38-й параллели[1]. К концу года стороны действительно провели масштабные работы по разминированию и демонтировали часть блокпостов.

Хотя практические результаты саммита оказались скромными, главы Севера и Юга сделали ряд весьма важных символических шагов. Мун Чжэ Ин посетил знаменитые северокорейские массовые игры и по приглашению Ким Чен Ына выступил перед зрителями с речью. Также два лидера посетили священную для корейцев гору Пэктусан на севере страны, а северокорейский лидер пообещал приехать в Сеул и на южный остров Чечжудо. При этом, судя по материалам СМИ, двум политикам удалось наладить близкое и доверительное личное общение.

В 2018 г. Россия также приняла участие в консультациях с двумя Кореями на высоком и высшем уровнях. Москва отслеживала ситуацию на полуострове, отправляя в Пхеньян и Сеул высокие дипломатические миссии. Весной КНДР посетил российский министр иностранных дел С.В. Лавров, а осенью — председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко. Обоих гостей Ким Чен Ын принял лично. В.И. Матвиенко вскоре посетила и Сеул, где встретилась с Мун Чжэ Ином.

В 2018 г. помимо частых встреч с В.В. Путиным на полях многосторонних мероприятий, Мун Чжэ Ин посетил Москву с официальным визитом. Тем не менее, судя по всему, обе стороны не уверены, последует ли за протокольными рукопожатиями интенсификация реального сотрудничества. Что же касается корейского урегулирова-

ния, Сеул, видимо, хотел бы, чтобы Москва «благословила» его инициативы, но самостоятельно в ситуацию не вмешивалась.

Хотя в 2018 г. отмечалось 70-летие российско-северокорейских отношений, ожидавшийся визит Ким Чен Ына в Россию так и не состоялся. Скорее всего, основной причиной стало отсутствие актуальной повестки в силу узости каналов сотрудничества. Скорее всего, встреча российского и северокорейского лидеров станет более вероятной, если активизируются международные усилия вокруг корейского урегулирования. Однако наметившаяся в начале 2018 г. тенденция по оттеснению России от корейского вопроса (так, мы не включены в пханмучжомский список стран-участниц конференции по мирному договору[2]), судя по всему, сохраняется, но Москву, похоже, сложившаяся ситуация не беспокоит[3].

Хотя и отрадно отмечать, что в 2018 г. ситуация отошла от опасной черты, к сожалению, остается немало поводов для скептицизма. Уже первые рабочие встречи, проведенные после Сингапурского саммита, показали принципиальную разницу позиций двух сторон. КНДР ожидает от США в первую очередь шагов по формальному завершению Корейской войны и дальнейшему улучшению отношений, указывая на то, что их уступки (в частности, закрытие ядерного и ракетного полигонов) были вещественными, а американские (отмена учений) — легко обратимы. Пхеньян не приемлет требований немедленной денуклеаризации и готов на нее пойти только по мере укрепления доверия.

Существенным ограничением является то, что оздоровление ситуации в регионе в целом зависит от успехов американо-северокорейских переговоров. Специфическая позиция Вашингтона влияет даже на будущее межкорейского сотрудничества. Так, в Пхеньянской декларации зафиксировано намерение Севера и Юга возобновить совместные экономические проекты[4], однако это невозможно из-за санкций — как введенных ООН, так и односторонних южнокорейских. Последние Сеул не снимает, опасаясь так называемого вторичного бойкота — наказания со стороны США за сотрудничество с Пхеньяном. Такую же осторожность Юг проявляет и в отношении трехсторонних проектов с участием России, здесь дополнитель-

ным поводом для беспокойства являются и возможные американские санкции за расширение связей с Москвой.

К концу 2018 г. сложилось устойчивое впечатление, что заданный в начале года конструктивный импульс исчерпан. Определенные надежды возлагались на новую встречу Ким Чен Ына и Д. Трампа 27-28 февраля в Ханое. Интересен и, может быть, символичен выбор места — Вьетнам — в прошлом тоже разделенная страна, прошедшая через гражданскую войну, в которую вмешались США.

Общение с южнокорейскими дипломатами и иными чиновниками в конце 2018 — начале 2019 г. показало, что исход второго саммита определит дальнейшую политику Республики Корея на межкорейском направлении. С одной стороны, успех новой встречи не ставился под сомнение, с другой — Юг не намеревался совершать какие-либо активные действия до ее проведения, в том числе такие, для которых одобрение США формально не требовалось бы (например, отмена односторонних санкций в отношении КНДР). План действий в случае полного провала и резкого обострения ситуации также либо отсутствовал, либо не афишировался.

Печально, если это — признак отхода Сеула от проактивной дипломатии. Успехи урегулирования в прошлом году во многом были связаны как раз с деятельным посредничеством Республики Корея, и ее возвращение в фарватер Вашингтона в вопросах контактов с Севером может стать фактором ухудшения ситуации. Примечательно, что в январе 2019 г. с косвенной критикой увязки межкорейского и корейско-американского треков выступил и Пхеньян[5].

Для американской администрации основные аргументы в пользу и против проведения встречи с северокорейским лидером лежали в сфере внутренней, а не внешней политики. Президент Д. Трамп уже в течение второй половины 2018 г., работая на своего избирателя, позиционировал себя как политика, решившего раз и навсегда корейский вопрос, что якобы выгодно отличает его от предшественников. С точки зрения региональной безопасности миролюбивый настрой Вашингтона следует оценивать положительно, даже если он принимает такие наивно-наигранные формы.

При этом, согласно опросу, проведенному «Си-би-эс ньюс», 58 % американцев в начале 2019 г. считали проведение саммита не-

желательным, поскольку политика КНДР в ядерном вопросе не изменилась, несмотря на события 2018 г.[6] Помимо этого, Д. Трамп находился в непростом положении из-за бюджетного кризиса и иных внутриполитических проблем. В этих условиях еще возможно создавать себе имидж миротворца, сделав хорошую мину на безнадежных переговорах, но трудно решиться на серьезный обмен уступками с государством, которое большинство избирателей воспринимает как коварную и агрессивную диктатуру.

Поэтому большинство ожидало, что встреча в Ханое станет повторением сингапурского торжественного мероприятия в новых декорациях. Было похоже, что стороны примут новую декларацию общего содержания и автоматически присвоят ей «исторический» статус. Реальность, однако, удивила всех: начатый с помпой двухдневный саммит закончился буквально ничем. Президент Д. Трамп объявил, что договориться не удалось, и стороны просто разошлись[7]. Возможно, из опасений потерять лицо, американский лидер воздержался от критики в адрес Ким Чен Ына и КНДР. Напротив, Д. Трамп неоднократно повторил, что у него сложились отличные отношения с северокорейским коллегой, а отсутствие договоренности подавал как формальную и рядовую дипломатическую неувязку, легко разрешимую в будущем. Также он неоднократно хвалебно отозвался о потенциале северокорейской экономики.

Из высказываний американских и северокорейских делегатов в прессе можно составить примерную картину переговоров. По-видимому, встречавшаяся в Ханое в преддверии саммита двусторонняя рабочая группа согласовала следующие положения: северокорейцы соглашаются на ликвидацию ядерных объектов в Ёнбёне (это, в первую очередь, газографитовый реактор и мощности по обогащению урана), допуская американские инспекции для контроля за процессом, а США в ответ обязуются частично ослабить санкции. Однако уже на встрече лидеров американцы предложили включить в документ не только Ёнбён, но и, как выразился Д. Трамп, «другие области». Северяне, похоже, пошли ва-банк, запросив отмену всех санкций, на что уже не были готовы американцы, а к изначальным, умеренным позициям обе стороны вернуться не смогли.

Возможно, под «другими областями» имеется в виду второй завод по обогащению урана. О его существовании в США подозревали со времен посещения КНДР З. Хекером в 2010 г., но летом 2018 г. было объявлено предполагаемое место его размещения — близ г. Чхоллима (американцы называют объект «Кансон»). Основанием для выводов стали различного рода косвенные свидетельства: замеченное на спутниковых снимках строительство, по времени совпадающее с предполагаемыми сроками создания обогатительных мощностей, «подозрительное невнимание» северокорейских вождей к крупному объекту в нередко посещаемом ими промышленном районе[8]. Хотя по крайней мере один нераскрытый обогатительный завод у КНДР есть почти наверняка, по предложенным данным о Кансоне трудно судить однозначно, и памятен эпизод 1998 г. с шумихой вокруг «объекта» в Кымчханни, куда в итоге были допущены американские инспекции, убедившиеся в ошибке.

Возвращаясь к переговорам, нельзя не отметить относительное спокойствие не только американского лидера, но и северокорейцев. Ремарки министра иностранных дел КНДР Ли Ён Хо по итогам ханойской встречи были достаточно нейтральными[9]. В интервью его заместителя Чхве Сон Хи сквозит озабоченность по поводу дальнейших переговоров, но не более[10]. Рассчитанная на внутреннюю северокорейскую аудиторию статья в «Нодон синмун» оставляет ощущение дипломатического праздника, а не провала[11]. Разумеется, главная газета КНДР стремится поддержать реноме лидера страны, но северокорейская пресса и чиновники редко стесняются открыто критиковать США, когда руководство считает это необходимым.

Неожиданная концовка переговоров и обывателями, и многими экспертами воспринимается как провал, однако, возможно, такой провал может оказать более благоприятное воздействие на дальнейшее урегулирование, нежели ожидавшийся всеми очередной безобидный, но пустой документ. По крайней мере, стороны доказали способность и готовность работать над реальными шагами и не перешли к публичному конфликту, несмотря на неудачу. Подобных ситуаций (разумеется, не на таком высоком уровне) было немало в начале шестистороннего процесса, и они в каком-то смысле создали почву для дальнейшего компромисса. Остаётся надеяться, что внут-

риполитические проблемы и обыкновенная гордость не помешают США и КНДР пойти дальше в этот раз.

К сожалению, Север не настроен обсуждать ключевые вопросы ни с одной из сторон, кроме США. Пробуксовка американо-северокорейского трека вряд ли станет для Пхеньяна стимулом переключиться на работу с остальными странами региона (так, Чхве Сон Хи в своих ремарках Югу не отвела и вспомогательной роли). КНДР убеждена в бессмысленности общения с кем-либо, кроме Вашингтона, олицетворяющего одновременно и главные страхи, и главные надежды Пхеньяна.

Разумеется, наиболее желательным с точки зрения интересов России и наиболее перспективным с объективной точки зрения был бы переход к многостороннему урегулированию. Такой формат предоставил бы всем сторонам новые политические рычаги, инструмент контроля над ситуацией, действиями партнёров, общей безопасностью. Ставший сейчас основным северокорейско-американский трек весьма волатилен как в силу отсутствия доверия между Пхеньяном и Вашингтоном, так и в силу особенностей внешнеполитического процесса в обеих странах. Не говоря уже о том, что все риски и минусы двустороннего варианта урегулирования ЯПКП уже известны по так называемому Рамочному соглашению 1994 г. Постепенный распад его режима еще в конце 1990-х — начале 2000-х годов уверил Северную Корею в недоговороспособности США и подтолкнул ядерную программу Пхеньяна. Переход к многостороннему формату соответствовал бы и представленной в 2017 г. российско-китайской дорожной карте урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова[12].

Проблема, однако, в том, что это сценарий желательный, но не реалистичный. С одной стороны, на пути многостороннего процесса стоят те же факторы, что и на пути двустороннего урегулирования. С другой стороны, добавляются и другие «спойлеры»: усложняется проблема взаимного доверия, увеличиваются институциональные издержки.

Можно негативно оценить кипучую дипломатическую активность прошлого года, справедливо указав на её малую практическую результативность. В преддверии второго саммита перспектива на

2019 г. казалась ясной: застой переговоров, переход от «диалога без результатов» 2018 г. к «отсутствию диалога». Сейчас, после Ханоя все не столь однозначно, и ставки выросли. Если неудача обернется обрывом связей, обострение будет более быстрым, чем можно было предположить ранее. Однако если «провал» является приметой реальной, а не имитируемой дипломатической работы, продолжение северокорейско-американского общения может стать неожиданно результативным.

Примечания

[1] 역사적인 '판문점선언' 이행을 위한 군사분야 합의서 = Соглашение в военной сфере для реализации исторической Пханмунчжомской декларации. URL: https://www.unikorea.go.kr/unikorea/news/live/?boardId=bbs_0000000000000003&mode=view&cntId=54629&category=&pageIdx= (дата обращения: 14.02.2019).

[2] 한반도의 평화와 번영, 통일을 위한 판문점 선언 = Пханмунчжомская декларация ради мира, процветания и объединения на Корейском полуострове. URL: http://www.unikorea.go.kr/unikorea/news/live/?boardId=bbs_0000000000000003&mode=view&cntId=54511&category=&pageIdx= (дата обращения: 09.05.2018).

[3] Ответ заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова на вопрос ТАСС о роли России в урегулировании ситуации на Корейском полуострове. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3204522 (дата обращения: 09.05.2018).

[4] 9 월 평양공동선언 = Сентябрьская Пхеньянская совместная декларация. URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_3973/view.do?seq=367940&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1 (дата обращения: 14.02.2019).

[5] Газета «Нодон синмун»: межкорейские отношения не могут быть придатком корейско-американских отношений. URL: http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ftype=news&no=16854&pagenum=4 (дата обращения: 14.02.2019).

[6] Most oppose Trump declaring national emergency for wall funding, CBS News poll finds. URL: https://www.cbsnews.com/news/cbs-news-poll-most-americans-oppose-trump-declaring-national-emergency-for-wall/ (дата обращения: 14.02.2019).

[7] Remarks by President Trump in Press Conference. Hanoi, Vietnam. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference-hanoi-vietnam/ (дата обращения: 02.03.2018).

[8] Exclusive: Revealing Kangson, North Korea's First Covert Uranium Enrichment Site. The Diplomat. URL: https://thediplomat.com/2018/07/exclusive-revealing-kangson-north-koreas-first-covert-uranium-enrichment-site/ (дата обращения: 02.03.2018).

[9] Глава МИД КНДР провел экстренный ночной брифинг в резиденции Ким Чен Ына. ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6172493 (дата обращения: 02.03.2018).

[10] 北 최선희 "김정은, 생각달라지는 느낌...회담 계속할 필요 못느껴". 조선일보. = Чхве Сонхи: «Ким Чжонын, похоже, поменял мнение... Не ощущается необходимость продолжать переговоры». Чосон ильбо. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/03/01/2019030102408.html (дата обращения: 02.03.2018).

[11] 제 2 차 조미수뇌상봉 제 2 일회담 진행. 우리 당과 국가, 군대의 최고령도자김정은동지께서 미합중국 대통령 도날드 제이.트럼프와 또다시 상봉하시고 회담하시였다. 로동신문. = Ход второго дня второго корейско-американского саммита. Верховный руководитель партии, государства и армии Ким Чен Ын встретился с президентом США Дональдом Дж. Трампом и провел переговоры. Нодон синмун. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2019-03-01-0001 (дата обращения: 02.03.2018).

[12] Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (дата обращения: 10.09.2018).

References

1. 역사적인 '판문점선언' 이행을 위한 군사분야 합의서 = Military Agreement to Implement the Historic Panmunjom Declaration. URL: https://www.unikorea.go.kr/unikorea/news/live/?boardId=bbs_0000000000000003&mode=view&cntId=54629&category=&pageIdx= (accessed: 14.02.2019).

2. 역사적인 '판문점선언' 이행을 위한 군사분야 합의서 = Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification on the Korean Peninsula URL: http://www.unikorea.go.kr/unikorea/news/live/?boardId=bbs_0000000000000003&mode=view&cntId=54511&category=&pageIdx= (accessed: 09.05.2018).

3. Deputy Foreign Minister Igor Morgulov's answer to a question from TASS news agency about Russia's role in the settlement process on the Korean Peninsula. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3204522?p_p_id=101_INSTANCE_VJy7Ig5QaAII&_101_INSTANCE_VJy7Ig5QaAII_languageId=en_GB (accessed: 09.05.2018).

4. 9 월 평양공동선언 = September Pyongyang Joint Declaration. URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_3973/view.do?seq=367940&srchFr=&srchTo=&sr

chWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1 (accessed: 14.02.2019).

5. *Rodong Sinmun:* Inter-Korean relations must not be a function of Korean-American relation. URL: http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ftype=news&no=16854&pagenum=4 (accessed: 14.02.2019).

6. Most oppose Trump declaring national emergency for wall funding, CBS News poll finds. URL: https://www.cbsnews.com/news/cbs-news-poll-most-americans-oppose-trump-declaring-national-emergency-for-wall/ (accessed: 14.02.2019).

7. Remarks by President Trump in Press Conference. Hanoi, Vietnam. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference-hanoi-vietnam/ (accessed: 02.03.2018).

8. Exclusive: Revealing Kangson, North Korea's First Covert Uranium Enrichment Site. The Diplomat. URL: https://thediplomat.com/2018/07/exclusive-revealing-kangson-north-koreas-first-covert-uranium-enrichment-site/ (accessed: 02.03.2018).

9. DPRK Foreign Minister holds surprise press briefing in Kim Jong-un's residence. TASS. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6172493 (accessed: 02.03.2018).

10. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/03/01/2019030102408.html (accessed: 02.03.2018).

11. Progress of the 2nd day of the 2nd Korean-American summit. Great Leader of our party, state and army Kim Jong-un met and had talks with US President Donald J. Trump. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2019-03-01-0001 (accessed: 02.03.2018).

12. Joint statement by the Russian and Chinese foreign ministries on the Korean Peninsula's problems. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (accessed: 10.09.2018).

А.Л. Поленова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНДР В 2018 ГОДУ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Рассмотрение внешней политики КНДР, как правило, строится вокруг ядерного вопроса, из-за чего анализ проводится преимущественно в рамках теорий реалистического направления. Тем не менее представляется, что такой подход недостаточно широк и ограничивает исследователя. В данной статье автор показывает на примере перемен в северокорейской внешней политике в 2018 г., каковы эти ограничения в случае применения положений классического реализма. В качестве возможного решения предлагается поиск межпарадигмального подхода.

Ключевые слова: КНДР, внешняя политика, ядерное оружие, теория международных отношений, классический реализм.

КНДР в 2018 — начале 2019 г. продемонстрировала внешнеполитическую активность, не идущую в сравнение с событиями предыдущих лет нахождения Ким Чен Ына у власти. Многие события последнего времени (оживление межкорейских контактов, в том числе на высшем уровне, американо-северокорейские саммиты, встречи Ким Чен Ына с председателем КНР и президентом России) казались неожиданными.

При этом столь высокий уровень неопределённости в анализе и прогнозе в отношении внешней политики КНДР едва ли допустим. Комплекс проблем, связанных с Северной Кореей, является одной

из причин отсутствия коллективной системы безопасности в АТР и ставит под вопрос существование режима ядерного нераспространения в его нынешнем виде. Иначе говоря, внешняя политика КНДР может оказывать существенное влияние на проблемы регионального и глобального характера. Для России, непосредственно граничащей с Северной Кореей, этот вопрос имеет ещё большее значение.

Решение этой проблемы возможно как на уровне прикладного анализа внешнеполитической деятельности, так и на уровне теории международных отношений, что хотя и не позволяет в точности предсказывать дальнейшее развитие ситуации, но помогает выделить магистральные тенденции, которые смогут оказать на него влияние. При этом правильный подбор теории, методологический инструментарий которой будет лучше всего подходить для описания динамики обстановки на Корейском полуострове, позволит производить более фундированный анализ в дальнейшем. В данной статье внешнеполитическая активность в 2018 — начале 2019 г. рассматривается через призму теории классического реализма, чтобы выяснить, насколько её методы и понятия помогут описать внешнеполитическую активность КНДР в 2018 — начале 2019 г., какие есть преимущества и недостатки у этой теории применительно к рассматриваемому случаю.

Ситуация вокруг КНДР во многом кажется практически отражением установок реалистической теории. В её отношении вполне справедлив тезис об анархичности международных отношений, а взаимодействие акторов происходит в двустороннем или многостороннем формате на уровне государств. Роль ООН (хотя Устав Организации предписывает ей налаживать международное взаимодействие в разных сферах, улаживать споры и ситуации, которые могут составить угрозу миру) в урегулировании «северокорейского вопроса» в последнее время сводится в основном к санкционному давлению на Пхеньян, но и в этой области её влияние ниже, чем у отдельных государств. Обсуждение вопросов, касающихся Северной Кореи, зачастую основывается на рассмотрении военного потенциала КНДР, возможностей Северной Кореи по противостоянию своим оппонентам с помощью ЯО или же конвенционных видов вооружений. Иначе говоря, осмысление внешней политики КНДР происходит, ско-

рее, через призму понятий реалистической семьи теорий международных отношений. Подобный перекос в сторону реалистических трактовок может быть вызван чувствительностью северокорейской темы для отдельных стран и для международного сообщества в целом. Специалисты-практики, задающие тон дискуссии, чаще обращаются к опыту в противоположность академическому теоретизированию[1]. Такой подход, базирующийся на решении ключевых для государства насущных вопросов (война и мир, обеспечение безопасности и т. д.), ближе к реализму[2].

Для более продуктивной работы необходимо сбалансировать практико-ориентированный подход. В качестве примера можно выбрать ряд положений теории классического реализма и, применив их к конкретной международной ситуации, провести их верификацию.

Реалистические теории сконцентрированы на процессах возникновения и развития конфликтов, поэтому для них ключевыми являются концепции государства, его субъектности, анархии в международных отношениях, распределение силы (power), баланс сил и т. д.

Теории реалистической школы признают государства в качестве основных акторов МО, равных друг другу функционально (но не по своим возможностям). Они по-разному трактуют внутреннюю и внешнюю субъектность государства, т. е. его свободу от внутренних или системных ограничений, а также анархическую среду МО. Исследовательская программа классического реализма определяет отношения государства и общества наличием внутренних ограничений при формировании внешнеполитического курса. Учитывая низкую прозрачность общественной и политической жизни в КНДР, вряд ли можно судить о том, существуют ли социальные группы, чьё соотношение определяет рамки для последующего формирования внешней политики Пхеньяна. С позиции стороннего наблюдателя представляется, что уровень индоктринации населения достаточно высок, и трудно зафиксировать значительное расхождение общественного мнения с проводимой внешней политикой — как и наличие разногласий на уровне политической элиты страны. Вероятно, в данном вопросе к описанию северокорейской внутренней субъектности больше подошла бы неореалистская метафора государств как

«бильярдных шаров», которая позволяет пренебречь внутригосударственными вызовами до тех пор, пока не будет необходимо точечно анализировать конкретный внешнеполитический выбор[3]. Что касается субъектности государства на мировой арене, т. е. его способности быть не только участником международных отношений, но и активно влиять на них[4], то сам факт выдвижения Пхеньяном примитивных инициатив в начале 2018 г. наглядно демонстрирует его возможности по преодолению анархичности системы международных отношений (в частности, Ханойский саммит показал, что даже при переговорах с более мощным партнёром, при давлении всеобщих ожиданий КНДР, столкнувшись с неожиданными изменениями в позиции США, не стала двигаться «по инерции» и отказалась от подписания совместного итогового документа, который мог оказаться либо пустым, либо не выгодным для Пхеньяна). Более того, классический реализм предполагает, что именно государства с высоким уровнем субъектности, в случае если им удастся гармонизировать свои интересы, смогут создать более безопасную и устойчивую международную среду[5]. Таким образом, внешнеполитическая активность КНДР, которая наблюдалась с начала 2018 г. в терминах классического реализма может быть объяснена как повышение внешней субъектности Пхеньяна. Представления классического реализма об анархичности МО и о следовании каждого актора собственным интересам также выглядят вполне справедливыми в отношении Северной Кореи. Пхеньян находится в центре целого узла противоречий, и вопросы национальной безопасности для него продолжают быть актуальными; помимо прочего, несмотря на периоды активизации контактов КНДР, например с Китаем или Россией, сближение, похоже, носит ситуативный характер — причём как для северокорейской стороны, так и для Пекина и Москвы[6]. «Потепление» на межкорейском направлении также является, скорее, вспомогательным инструментом для выстраивания стратегии в отношении США[7]. Американский трек более перспективен с точки зрения решения актуальных для Пхеньяна проблем.

Ещё одна категория, важная для теорий реалистической школы, — интересы, выраженные в терминах силы[8]. Для КНДР, как и для других государств, — это прежде всего стремление к обеспече-

нию национальной безопасности, способность защитить свой суверенитет, опираясь на собственные силы. С этой точки зрения вполне понятно развитие Пхеньяном ракетно-ядерной программы: напряжённые отношения с США, а также с РК и Японией, невозможность полностью положиться на Россию и Китай это объясняют. На настоящий момент не заметно предпосылок к тому, чтобы Пхеньян отказался от собственного ядерного оружия, учитывая его значение для национальной безопасности страны и то, насколько успехи в развитии ракетной и ядерной программ укрепляют переговорные позиции КНДР. Тем не менее в 2018 г. в повестке переговоров Северной Кореи с РК и США появляется термин «денуклеаризация». Хотя его понимание сторонами разнится (нет согласия относительно того, включён ли в него «мирный атом» — притом речь идёт не только о денуклеаризации КНДР, но и РК), важно выяснить, наблюдаем ли мы кардинальный слом внешнеполитической линии Пхеньяна или же тактический шаг, а сам факт обсуждения столь чувствительной проблемы становится в некотором смысле почти таким же значимым, как и наличие его практических результатов.

В любом случае, чтобы понять, почему было принято такое решение, нужно понять, как в принципе происходит выбор внешнеполитического курса и из чего он состоит. В качестве его элементов выделяют интересы, ресурсы и цели[9]. Изменение внешнеполитической программы при этом происходит в случае перемен состояния самого государства или характеристик международной среды. На перемены в самой КНДР указывает Ким Чен Ын в своём новогоднем обращении от 1 января 2018 г.: Пхеньян выполнил цели по развитию ракетно-ядерного потенциала[10]. Что касается изменений в международной обстановке, то сложно сказать, какие именно из них для себя выделяет северокорейская элита. Можно сделать допущение, что в таком качестве может рассматриваться приход к власти в США президента Д. Трампа, наличие подходящего повода для расширения контактов с РК (Олимпийские игры, сложная внутриполитическая обстановка), а также шанс укрепить отношения с Китаем на фоне роста напряжения между Вашингтоном и Пекином[11].

Интерес для Пхеньяна — это, как и прежде, поддержание собственной безопасности и возможностей по отражению угрозы извне.

Однако этим её интересы не ограничиваются: статьи в ведущих СМИ КНДР, появившиеся в 2018 — начале 2019 г., показывают, что Северная Корея больше не видит себя в системе МО как малое или среднее государство. Пхеньян стремится предложить свой опыт как позитивный пример, которому могли бы следовать иные государства[12], критикует существующие практики политических и экономических отношений между странами[13], стремится распространить свой взгляд на ряд глобальных проблем (права человека, концепция суверенитета, построение безъядерного мира и т. д.) и, таким образом, старается повысить свой статус на международной арене. Конечно, учитывая критерии причисления государств к числу региональных и тем более глобальных держав, КНДР вряд ли может быть названа одной из них, однако вполне может создать прецедент, выбрав для себя отдельную нишу в этой классификации стран.

Изменились и ресурсы, которыми располагает Пхеньян: это касается уже упомянутых заявлений о реализации задачи по созданию собственного ракетно-ядерного потенциала, перед которым может быть уязвима любая точка на карте США, а также сообщение от 16 ноября 2018 г. об испытании современного тактического оружия[14]. Изменение материальных ресурсов повлекло за собой и переоценку ресурса временно́го. Ранее оппоненты Пхеньяна могли рассчитывать на временной люфт до момента обретения им значительного ракетно-ядерного потенциала, когда можно было бы рассматривать опцию силового воздействия на КНДР и в целом иметь большее пространство для манёвра. Теперь же, хотя заявления Северной Кореи о её достижениях (полностью функциональная МБР, водородное взрывное устройство и т. д.) могут быть восприняты со скептицизмом, риск ошибки в случае попытки решить корейский вопрос силой слишком велик, и это окно возможностей можно считать закрытым.

Осознавая изменения своих ресурсов, КНДР корректирует конкретные цели в соответствии со своими интересами: активизируется обсуждение подписания мирного договора, расширения экономических связей, сотрудничества в некоторых сферах, не попадающих под воздействие санкций или же в отношении которых начинают действовать изъятия из санкционных списков.

Проблема заключается, скорее, в том, какими средствами КНДР пытается решить этот вопрос. Пхеньян, чтобы подтолкнуть переговорный процесс, говорит о возможности обсуждения денуклеаризации. Наверное, в этот момент классический реализм перестаёт объяснять происходящее. Если мыслить в его категориях, не вполне понятно, за счёт какого ресурса в случае денуклеаризации Пхеньян будет реализовывать свои интересы (сохранение суверенитета, поддержание безопасности, повышение субъектности); неясно и то, почему Пхеньян считает свой нынешний потенциал достаточным для того, чтобы противопоставить его мощи Вашингтона. Восприятие Соединёнными Штатами северокорейского ракетно-ядерного потенциала в качестве чего-то столь опасного также вызывает вопросы: хотя отношения Вашингтона с Пхеньяном характеризуются, пожалуй, наименьшей степенью доверия по сравнению с другими странами — обладательницами ЯО, не входящими в «официальный ядерный клуб», разница военных потенциалов США и КНДР всё же слишком велика.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Теория классического реализма, её концепции субъектности, анархической природы МО могут довольно эффективно описывать обстановку на Корейском полуострове в обобщённом виде. Конкретные же перемены внешнеполитического курса КНДР, в частности в том, что касается роли ЯО в принятии тех или иных решений, эта теория может не объяснить либо объяснить превратно. Например, оживление переговоров с Вашингтоном может быть трактовано как результат взятых в сумме превосходящего военного потенциала США и санкционного давления на Северную Корею. В таком случае становится неясен исход Ханойского саммита, где КНДР продемонстрировала способность активно влиять на ход переговоров, а не идти в русле чужой политики. В этой связи встаёт вопрос о поиске иных методологических рамок, которые позволили бы более точно осуществлять анализ событий на Корейском полуострове.

Мир на современном этапе насыщен информацией, и формирование государствами позиций на её основе происходит параллельно борьбе за собственные национальные интересы, основанной на традиционных представлениях о силе. В этом контексте информацион-

ный след северокорейского ядерного оружия, дискуссия вокруг него становятся столь же значимым фактором, как и непосредственная мощь ЯО — и именно на это наталкивается обсуждение в том числе и развития северокорейской внешней политики в 2018—2019 гг. Если предположить, что Пхеньян выстраивает свой внешнеполитический курс именно на этой основе, то можно найти теорию, которая бы объяснила её выбор. Поскольку в этом случае мы имеем дело как с реальным военным потенциалом, так и с дискурсом вокруг него, можно предположить, что устойчивую теоретическую базу для дальнейших исследований можно будет выстроить, совместив установки реалистической школы теории международных отношений с положениями конструктивизма, который как раз в большей степени включает в свой подход рассмотрение дискурса, социетальных представлений о чём-либо как значимого фактора.

Такое смешение двух столь различных теорий раньше казалось вряд ли возможным. Тем не менее смягчение противоречий между основными теоретическими подходами, постепенный уход «больших дебатов» в прошлое — тенденция, которая наблюдается в теоретических исследованиях международных отношений начиная с 1980-х годов[15]. Позиции крупнейших теорий начали сближаться, появились школы, черпавшие свои идеи из разных направлений теории МО, в частности Английская и Копенгагенская. Особый интерес вызывает в данном контексте опыт Копенгагенской школы, которая фокусируется на исследованиях безопасности и предлагает новые теоретические концепции, такие как секторальная безопасность, региональные кластеры безопасности и секьюритизация. Традиционный подход к восприятию вопросов безопасности, заключающийся в автоматическом выведении их в «зону ответственности» реалистической школы, в подобных условиях кажется упрощённым, устаревшим, не вполне отвечающим требованиям к анализу ситуации. Поиск межпарадигмального подхода к анализу северокорейской внешней политики, его обогащение за счёт учёта фактора дискурса, таким образом, будет не только отвечать целям исследования, но и находиться в рамках магистральной тенденции развития теории международных отношений как дисциплины.

Примечания

[1] *Vasquez J.A.* The Realist Paradigm and the Degenerative Versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition // American Political Science Review. 1997. № 91(4). P. 899.

[2] *Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis 1919—1939. An Introduction to the study of International Relations. Macmillan Press. 1981. P. 13—19.

[3] *Waltz K.N.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill. 1979. P. 71—72.

[4] *Шабага А.В.* Методология исследования международных отношений: реализм // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 29.

[5] *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961. P. 28.

[6] Эксперт [Георгий Толорая]: срочности в проведении встречи Путина и Ким Чен Ына нет // ТАСС. 18.10.2018. URL: https://tass.ru/politika/5687683 (дата обращения: 25.03.2019).

[7] *Толорая Г.Д.* Переговоры между Северной и Южной Кореей: потепление с заморозкой? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 07.03.2018. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/peregovory-korei/ (дата обращения: 25.03.2019).

[8] *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961. P. 28.

[9] Современная мировая политика: прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 123.

[10] Товарищ Ким Чен Ын выступил с новогодней речью // ЦТАК. 01.01.2018.

[11] *Асмолов К.В.* Визит Ким Чен Ына в Китай: очередной тактический разворот к потеплению? // РСМД. 03.04.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-kim-chen-yna-v-kitay-ocherednoy-takticheskiy-razvorot-k-potepleniyu/ (дата обращения: 20.03.2019).

[12] Газета «Нодон синмун» подчеркнула, что следует развернуть решительную антиимпериалистическую борьбу // ЦТАК. 18.03.2018.

[13] Газета «Нодон синмун»: осуществление самостоятельности мира — историческая задача эпохи // ЦТАК. 13.04.2018.

[14] Газета «Нодон синмун»: иллюзия в отношении империализма — яд, парализующий классовое сознание // ЦТАК. 02.02.2018.

[15] Товарищ Ким Чен Ын руководил испытанием по-новому разработанного новейшего тактического оружия // ЦТАК. 16.11.2018.

[16] *Waever O.* Intertational theory: positivism and beyond. Cambridge University Press, 1996. P. 161—170.

References

1. *Vasquez J.A.* The Realist Paradigm and the Degenerative Versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition // American Political Science Review. 1997. № 91(4). P. 899.

2. *Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis 1919—1939. An Introduction to the study of International Relations. Macmillan Press. 1981. P. 13—19.

3. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill. 1979. P. 71—72.

4. *Shabaga A.V.* International Relations Research Methodology: Realism // Vestnik RUDN. International Relations. 2015. Vol. 15. № 3. P. 29.

5. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961. P. 28.

6. Expert says Putin-Kim summit is of no urgency // TASS. 18.10.2018. URL: https://tass.ru/politika/5687683 (accessed: 25.03.2019).

7. *Toloraya Georgy.* Negotiations between North and South Korea: Warming and Freezing? // Valdai Discussion Club. 08.03.2019. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/negotiations-between-north-and-south-korea-warming/?sphrase_id=620110 (accessed: 25.03.2019).

8. Contemporary World Politics: applied analysis / Ed. Bogaturov A.D. Moscow: Aspect Press. 2009. P. 123.

9. Kim Jong Un makes New Year Address // KCNA. 01.01.2018.

10. *Asmolov K.V.* Kim Jong Un Visits China: Another Tactical Turn to Warming? // Russian International Affairs Council. 03.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-kim-chen-yna-v-kitay-ocherednoy-takticheskiy-razvorot-k-potepleniyu/ (accessed: 20.03.2019).

11. Rodong Sinmun on Anti-Imperialist Struggle // KCNA. 18.03.2018.

12. Global Independence Is Historic Task of Times: Rodong Sinmun // KCNA. 13.04.2018.

13. Illusion about Imperialism Is Deadly Virus: Rodong Sinmun // KCNA. 02.02.2018.

14. Supreme Leader Kim Jong Un supervises Newly Developed Tactical Weapon Test // KCNA. 16.11.2018.

15. *Waever O.* International theory: positivism and beyond. Cambridge University Press, 1996. P. 161—170.

К.В. Асмолов

КИТАЙ И ГОСУДАРСТВА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ 2018 — НАЧАЛЕ 2019 ГОДА

Отношения КНР и КНДР в рассмотренный период демонстрируют высокий уровень контактов, в числе которых саммит января 2019 г., однако на деле это скорее тактический союз. Тем не менее пока курс Пхеньяна на разрядку будет продолжаться, а угроза со стороны США считаться весомой, текущая ситуация продолжится.

Отношения КНР и РК условно вернулись к тому уровню взаимодействия, который был до размещения в Южной Корее американской ПРО THAAD. Однако это не столько потепление, сколько выход «в ноль». Серьезного прогресса в разрешении текущих проблем пока нет, а вопрос о происхождении микропыли может стать фактором дополнительной напряженности.

Ключевые слова: Китай, КНДР, РК, политическое взаимодействие, экономическое сотрудничество.

По сравнению с ситуацией 2015—2017 гг., существенных изменений в треугольнике Пекин—Пхеньян—Сеул не наблюдается. С формальной точки зрения отношения КНДР и КНР остаются на пике риторики дружбы, и Китай активно поддерживает позицию Севера в отношении курса на региональную разрядку.

1 ноября 2018 г. представитель Китая при ООН Ма Чжаосюй напомнил общую позицию Китая и России о том, что денуклеаризация и смягчение санкций должны осуществляться параллельно[1].

2 ноября в Пхеньян с дружественным визитом прибыла делегация художественных деятелей КНР во главе с министром культуры и туризма Ло Шуганом. На совместном концерте корейских и китайских артистов присутствовал Ким Чен Ын.

6 декабря в Пекин прибыла делегация КНДР во главе с министром иностранных дел Ли Ен Хо. На следующий день прошли переговоры Ли Ен Хо с главой МИД КНР Ван И, где Ван заверил, что приверженность Пхеньяна денуклеаризации остается неизменной[2]. 7 декабря Ли Ен Хо встретился с председателем КНР Си Цзиньпином, который также указал, что Пхеньян и Вашингтон должны развивать переговорный процесс по вопросам мира, учитывая «обоснованные опасения» сторон[3].

7 января 2019 г. Ким Чен Ын в четвертый раз отправился с официальным визитом в Китай[4]. Как сообщает агентство «Синьхуа», в ходе переговоров Ким Чен Ын подтвердил, что Пхеньян будет последовательно осуществлять ядерное разоружение, и отметил, что «корейско-китайская дружба установилась и росла усилиями руководителей старшего поколения двух стран». С другой стороны, Ким затронул «трудности и проблемы, возникшие в процессе переговоров о денуклеаризации»[5]. В свою очередь, Си Цзиньпин выразил готовность оказывать активное содействие процессу ядерного разоружения Корейского полуострова, укреплять и развивать отношения с КНДР как на межпартийном, так и на межгосударственном уровне[6].

Пожалуй, наиболее важной является следующая цитата из коммюнике северокорейского агентства ЦТАК: «Товарищ Си Цзиньпин сказал, что вполне согласен на то, что утверждаемые корейской стороной принципиальные вопросы являются закономерным требованием, и рациональные пункты интереса корейской стороны должны быть решены, как следует. Заинтересованные стороны должны придавать большое значение этому, а китайская сторона, и впредь как в прошлом, в качестве надежного тыла корейских товарищей, их верного товарища и друга будет защищать основные интересы обеих

сторон и играть активную и конструктивную роль для стабильности ситуации на Корейском полуострове».

Кроме того, по сообщению ЦТАК, Си Цзиньпин «с радостью принял» приглашение нанести визит в КНДР «в удобное время»[7].

26 января 2019 г. газета «Нодон синмун» отмечала, что Югу и Северу не следует прислушиваться к мнению третьих стран по поводу их совместных проектов. Так называемая координация северокорейской политики, на которой настаивают другие страны, имеет целью помешать Сеулу улучшить межкорейские отношения. Консультации по этому вопросу с третьими странами также будут препятствием на пути к миру, процветанию и объединению Кореи[8]. Эти «третьи страны» не названы по имени, но, судя по контенту, это может быть намек не только на США, но, возможно, и на Китай.

С 24 по 31 января 2019 г. в Пекине торжественно прошли гастроли северокорейской художественной труппы «Самчжиён». Артистов сопровождал заместитель председателя ТПК Ли Су Ен, отвечающий за внешние сношения, а 27 января концерт посетили Си Цзиньпин с супругой и другие китайские руководители, которые после окончания мероприятия встретились с Ли. Ким Чен Ын также принял делегацию по возвращении из Китая.

30 января 2019 г. МИД КНДР устроило дружественное новогоднее собрание с сотрудниками посольства КНР в КНДР. На собрании «выражалась уверенность, что в 2019 г., когда отмечается 70-летие дипломатических отношений между КНДР и КНР, благодаря совместным усилиям корейского и китайского народов бесценная традиция дружбы будет прекрасно наследоваться»[9].

На саммит с Трампом Ким поехал на поезде через КНР, но и по дороге туда, и по пути обратно спецпоезд Кима прошел через территорию Китая без остановок[10]. Встречи лидера КНДР с руководством КНР не произошло, и об итогах саммита Пекин информировала делегация КНДР во главе с заместителем министра иностранных дел Ли Гиль Соном, которая отбыла в Китай из Пхеньяна еще 28 февраля[11]. В тот же день она встретилась с министром иностранных дел КНР Ван И, но, судя по сообщениям СМИ КНР, обсуждались как итоги визита, так и подготовка к празднованию 70-летия дипотношений между странами.

Как только итоги саммита стали известны, Китай призвал обе стороны пойти на уступки, «навстречу друг другу», удержать «завоеванные» достижения. Как заявил официальный представитель МИД КНР Лу Кан[12], ситуация на Корейском полуострове за последний год претерпела значительный поворот, и ее стоит продолжать.

Ван И также отметил, что возникновение сложностей неизбежно, поскольку переговоры между КНДР и США затрагивают глубокие проблемы. Важнее то, что обе стороны признают необходимость поиска политического решения ситуации на Корейском полуострове путем диалога. А «Китай надеется, что КНДР и США укрепят доверие, проявят терпение, продолжат переговоры, будут идти навстречу друг другу и неизменно направлять усилия на достижение конечной цели», и готов соучаствовать в процессе[13].

8 марта 2019 г. Ван И заявил, что власти КНР «планируют оказать активное содействие реализации новой стратегии развития КНДР, укрепляя двусторонние дружественные отношения с этой страной на основе достигнутых договоренностей». «Мы приложим все возможные усилия для того, чтобы оказать поддержку новой государственной стратегии развития КНДР, заключающейся в целенаправленном стимулировании экономического развития, направленной на улучшение народного благосостояния»[14]. Автор статьи видит в этом указание на усиление экономической поддержки Севера.

14 марта Лу Кан отметил, что Китай подтвердил позицию о необходимости создания модели решения проблем, которая была бы приемлема для всех заинтересованных сторон; хорошим форматом считаются шестисторонние переговоры, в прошлом сыгравшие важную роль в решении северокорейской проблемы[15]. Таким образом, Пекин готовится к варианту разрыва двустороннего диалога, предлагая реанимировать шестисторонний формат, в рамках которого Китай был главным организатором процесса и хозяином площадки.

Экономическое сотрудничество двух стран подает более противоречивые сигналы. В декабре 2018 г. южнокорейский журнал «Син Тон-а»[16] сообщил, что Ким Чен Ын якобы заявил, что в 2019 г. санкции против КНДР будут отменены, и надо заранее готовить проекты сотрудничества и инвестиций, и с начала сентября 2018 г. КНР регу-

лярно посещают руководители крупных госпредприятий КНДР либо чиновники среднего руководящего звена. Среди потенциальных сфер китайского инвестирования — электроэнергетика (строительство небольших электростанций, производство в стране солнечных батарей, импорта компактных генераторов и т. п.), производство текстиля, фермы для разведения рыбы и выращивания морепродуктов и даже сталелитейная промышленность и производство труб или арматуры.

Сюда же следует добавить слухи о том, что в КНДР создано «бюро реформ и открытости» и Север обратился к Китаю с запросом об оказании поддержки в его работе. В Центральную партийную школу при ЦК КПК был направлен запрос об организации лекций на тему реформирования и открытости рынка, а также по вопросу экономического сотрудничества двух стран. Кроме того, в следующем году руководство вышеуказанного бюро будет приглашено в Китай[17].

Также, по данным источников газеты Korea Times, с апреля 2019 г. Air Koryo планирует полеты между столицами КНР и КНДР пять раз в неделю (ранее три)[18]. Ранее, в сентябре 2018 г. Северная Корея возобновила полеты между Пхеньяном и г. Далянь.

В 2018 г., согласно докладу, представленному Пекином комитету Совета Безопасности ООН по обеспечению соблюдения санкций в отношении Северной Кореи, Китай экспортировал в Северную Корею около 20 тыс. т очищенной нефти[19], в том числе 2928 т и 1510 т в ноябре и декабре соответственно.

Целый ряд источников (как правило, антипхеньянской направленности) утверждает, что Китай начал ослаблять применение санкций в отношении Северной Кореи. Рабочие из КНДР в Северо-Восточном Китае вернулись на свои места, а экономическая активность и туризм в приграничных городах возросли[20].

Радио «Свободная Азия» заявляет, что ключевые северокорейские санкционные экспортные товары — руда, минералы и морепродукты — регулярно попадают на китайские рынки[21] в таком количестве, что в приграничных регионах все морепродукты имеют северокорейское происхождение. Товары переправляются либо контрабандой через границу, либо перегружаются с судна на судно в

Желтом море, а китайские деловые партнеры платят за них китайской валютой или рисом.

Согласно источникам Daily NK, после январского визита лидера Ким Чен Ына в Китай контрабанда из Северной Кореи в КНР увеличилась[22], и «медно-цинковый концентрат ввозится контрабандой в Китай в массовом порядке». Как заявляется, 70 % экспортной продукции КНДР составляют цинк, медь, вольфрам, молибден, магнезитовый клинкер, концентраты золота и серебра. Импортные товары включают муку, соевое масло, сахар и другие готовые продукты питания, а также запчасти для автомобилей и мотоциклов.

Встречается информация о том, что в 2018 г. объем импорта удобрений из КНР в КНДР увеличился вдвое[23].

С другой стороны, 14 ноября 2018 г. южнокорейский телеканал KBS сообщал[24], что правительство КНР выпустило указание не проводить финансовые операции с КНДР до тех пор, пока с нее не снимут санкции. На самом деле, как отмечается в СМИ РФ[25], за последние несколько лет в КНР усилили контроль перед открытием банковских счетов и выполнением банковских операций, что усложнило жизнь иностранным клиентам вне зависимости от их гражданства.

Со ссылкой на китайскую статистику СМИ РК пишут, что северокорейский экспорт на китайский рынок резко сократился и за период с января по ноябрь 2018 г. его показатель составил 191 млн 750 тыс. долл. Это на 88,6 % меньше, чем за тот же период 2017 г. В это же время поставки китайских товаров в КНДР сократились на 33 %. Дефицит торгового баланса КНДР по отношению к Китаю составил 1 млрд 800 млн долл., что может указывать на усугубление проблемы нехватки валютных средств на Севере[26].

Рассмотрим отношения КНР и РК. 18-19 октября 2018 г. в Пекине прошли переговоры спецпредставителя МИД РК по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Ли До Хуна с его китайским визави Кун Сюанью[27].

17 ноября 2018 г. в Папуа-Новой Гвинее на полях 26-го саммита АТЭС состоялась четвёртая встреча Мун Чжэ Ина и Си Цзиньпина[28], которая свелась к дежурным заявлениям об активизации усилий по денуклеаризации Корейского полуострова. Предполагается,

что в закрытой части саммита стороны сосредоточились на обсуждении условий смягчения международных санкций против КНДР и других мер по активизации процесса денуклеаризации[29].

14 декабря СМИ РФ сообщили, что Министерство иностранных дел Республики Корея намерено внести изменения в организационную структуру ведомства, создав департамент, который будет заниматься Китаем. Это отражает рост важности КНР для Южной Кореи, — ранее отдельный департамент имели только США[30].

В середине декабря возобновилась программа обменов на рабочем уровне, прерванная в 2015 г. из-за обострения отношений в связи с соглашением между США и РК о размещении в последней системы ПРО THAAD. Делегация представителей МИД Китая из 11 человек познакомилась с деятельностью МИД РК, посетила г. Кванчжу и о. Чечжудо[31].

4 января 2019 г. посол КНР в РК Цю Гохун подчеркнул, что Китай является участником разрешения проблем Корейского полуострова, и мир и стабильность на Корейском полуострове одинаково выгодны для РК и Китая, которые занимают очень сходные позиции в этом вопросе. РК и КНР играли важную роль, прилагая усилия для достижения единых целей в создании режима мира, денуклеаризации и реализации диалога[32].

17 января 2019 г. в Сеуле состоялась очередная встреча Ли До Хуна и Кун Сюанью. Ли До Хун заявил, что в 2018 г., благодаря усилиям заинтересованных сторон, в политической ситуации на Корейском полуострове были достигнуты большие подвижки, а 2019 г. станет важной вехой в достижении денуклеаризации и установлении прочного мира в регионе. Кун Сюанью заявил о готовности Китая приложить усилия для политического разрешения проблем полуострова[33].

Продолжается восстановление экономического сотрудничества. В целом в 2018 г. уровень товарооборота между РК и КНР восстановился до объёмов, существовавших до того, как Пекин ввёл санкции против Сеула в ответ на размещение в РК ПРО THAAD. Так, по состоянию на ноябрь объём товарооборота вырос на 13,7 % в годовом исчислении, составив 247 млрд 300 млн долл. Южнокорейский экс-

порт в Китай вырос на 17,2 %, составив 50,3 млрд долл. Это гораздо выше, чем общий рост экспорта, составивший 6,2 %[34].

12—14 ноября 2018 г. пров. Кёнгидо по приглашению ее губернатора Ли Чжэ Мёна посетила делегация китайской провинции Ляонин во главе с вице-губернатором по внешним вопросам Чэнь Люпином. Цель визита — привлечение южнокорейских инвестиций, благо пров. Ляонин продвигает проекты строительства Даньдунской специальной экономической зоны, строительства железной дороги с участием двух Корей, а также проект развития дорожного сообщения в рамках программы «Один пояс, один путь»[35]. Гости из Китая «провели работу по укреплению сотрудничества и дружеских отношений», в том числе посетив головные офисы SK Group и CJ Group.

14 ноября Национальная организация туризма Кореи открыла в Пекине «Корейско-китайскую культурно-туристическую выставку-2018», в которой приняли участие около трёхсот представителей южнокорейских туристических компаний, отелей, органов местного самоуправления.

Поток китайских туристов в РК тоже восстанавливается. В представленном 16 ноября докладе министерства юстиции говорится, что в октябре количество въехавших в страну китайцев составило 497 048 человек, что на 34,6 % больше по сравнению с тем же периодом 2017 г.[36]

6-7 декабря 2018 г. в Пекине прошел 14-й раунд переговоров по трёхстороннему соглашению о свободной торговле РК, Китая и Японии, впервые за последние восемь месяцев. Стороны обсудили подвижки в разрешении спорных моментов в сферах открытия ряда секторов рынков и пытались урегулировать вопросы, связанные с инвестициями[37].

С 15 по 17 января 2019 г. в Пусане прошел третий раунд переговоров представителей РК и Китая по вопросу инвестиций и сферы услуг в рамках соглашения о свободной торговле[38].

Также Сеул и Пекин решили сотрудничать в создании телепрограммы для поиска и подготовки будущих мировых звёзд. Южнокорейско — китайская компания Company K-Global совместно с китайской онлайновой трансляционной платформой HUYA TV плани-

рует выпускать телешоу, в ходе которого будут подбирать и обучать китайских претендентов на роль будущих звёзд массовой культуры, а HUYA TV будет транслировать процесс подготовки[39].

Вместе с тем гладко не всё: скажем, доля Samsung Electronics на китайском рынке смартфонов стремительно сокращается — южнокорейский производитель занял лишь восьмое место[40]. Ряд основных камней преткновения тоже на месте. Например, «Российская газета» описала «войну буев» в тех спорных зонах, где исключительные экономические зоны (ИЭЗ) Китая и Кореи «накладываются» друг на друга[41].

Залеты китайских ВВС в зону опознавания противовоздушной обороны РК (KADIZ) на северо-западе от о. Чечжудо тоже продолжаются. Очередные подобные случаи происходили 29 октября[42] и 27 декабря 2018 г.[43], а также 23 февраля 2019 г., когда китайский военный разведывательный самолет Y-9 трижды входил в это воздушное пространство. Как заявили представители МИД и МО РК в ответ на последний залёт, «правительство Южной Кореи и ее народ считают серьезной проблемой многочасовые полеты над конфликтными районами»[44].

Зато, по данным Управления морской безопасности РК, в последние три года количество китайских рыболовных судов, ведущих незаконный промысел в южнокорейских водах, сократилось примерно на 70 %. В 2018 г. средний показатель в Жёлтом море составил 32 судна в месяц, что на 71 % меньше, чем в 2016 г. Причину сокращения Управление объясняет ужесточением мер в отношении браконьеров, в том числе разрешением применять против них оружие[45]. Тем не менее морская полиция РК усиливает борьбу с китайскими браконьерами в Жёлтом море: количество патрульных судов в данном районе будет увеличено с шести до восьми, а крупных судов — с трех до четырех[46].

Нередко подчеркивается и роль китайской преступности — так, по данным агентства Национальной полиции РК, китайские граждане составляли более 40 % иностранных наркопреступников, арестованных в Южной Корее в 2018 г.[47].

Заслуживает быть отмеченной проблема микропыли, так как «за отчетный период» примерно половина южнокорейских новостей,

в которых упоминался Китай, была посвящена этому вопросу. Дело в том, что когда Мун Чжэ Ин объявил войну атомной энергетике, нагрузку переложили на ТЭЦ. Разумеется, появился смог как стихийное бедствие[48], и потому в СМИ и не только в них активно муссируется версия о том, что бóльшая часть микропыли поступает из Китая.

Южнокорейская сторона упирает на доклад, который был составлен Национальным центром по изучению окружающей среды. В нём указывается, что на 2013 г. 46 % микропыли в стране возникало на территории РК, 41 % приходился на Китай, а 13 % — на КНДР[49]. По мнению экспертов РК, эти данные имеют высокий уровень достоверности, так как являются результатом совместных исследований РК, Китая и Японии, проводившихся с 2000 г. Однако в ответном докладе Министерства экологии и окружающей среды Китая говорится о снижении уровня загрязнения атмосферы в стране. Сообщается, в частности, что в 2018 г. в 338 крупнейших городах положительный уровень микропыли в воздухе наблюдался 79,3 % дней, что на 1,3 % выше, чем в предыдущем году, а концентрация твёрдых частиц составила в Пекине на 12,1 % ниже, чем в 2017 г. Также начальник управления атмосферной среды министерства Лю Бинцзян заявил, что в Китае качество воздуха улучшилось более чем на 40 %, тогда как в РК ситуация либо осталась на прежнем уровне, либо ухудшилась. Он подчеркнул, что если местные власти будут продолжать винить других, то они упустят реальный шанс решить проблему[50].

22-23 января 2019 г. в ходе рабочих переговоров на уровне директоров департаментов МИД и министерств экологии двух стран РК и КНР договорились создать совместную систему раннего предупреждения о микропыли и расширить двустороннее партнёрство в борьбе с микропылью[51].

26 февраля в Пекине в ходе переговоров министров экологии двух стран Чо Мён Рэ и Ли Ганьцзе РК и Китай определили список регионов, по которым будет вестись обмен данными и технологиями в рамках создания системы раннего предупреждения об увеличении концентрации микропыли. Кроме того, было решено объединить различные проекты технологического обмена и разрозненную политику в этой сфере[52].

6 марта 2019 г. президент Мун Чжэ Ин призвал к переговорам с Китаем о чрезвычайных мерах при помощи технологий искусственного дождевания, однако когда в тот же день официальному представителю МИД КНР Лу Кану был задан вопрос об отношении Пекина к недавнему заявлению президента РК о необходимости совместного решения проблемы микропыли двумя странами, Лу выразил сомнение о наличии достаточных доказательств того, что микропыль попадает в РК из Китая. Также Лу Кан отметил, что в то время, когда в Сеуле концентрация микропыли превышала 147 мкг/м^3, в Пекине микропыль вовсе не фиксировалась[53].

20 марта были опубликованы результаты исследования правительственной группы экспертов РК — от 30 до 50 % микропыли попадает в страну из Китая: при концентрации микропыли в атмосфере менее 20 мкг/м^3 степень влияния Китая составляет 30 %, а при концентрации выше 50 мкг/м^3 — 50 %[54].

Если подвести итоги, то возникает ощущение, что, несмотря на риторику дружбы, между КНР и КНДР наблюдается некоторое охлаждение. С одной стороны, после неудачного Ханойского саммита в Пекине могут меньше беспокоиться о том, что Север «уплывает» от них, а при объяснении причин неудачи саммита принята версия Севера[55], с другой — отсутствие встречи на обратном пути может оказаться знаком некоторого охлаждения отношений на фоне формальной риторики дружбы. Об этом говорят некоторые моменты:

- СМИ КНДР периодически критикуют «некоторые страны», препятствующие или пытающиеся регулировать сближение Севера и Юга или Севера и США.
- Ким не выделяет отношения КНДР и КНР в отдельный параграф. Вместо этого подчеркивает отношения КНДР с соцлагерем вообще.
- Выбор Вьетнама как места саммита очень интересен с точки зрения вьетнамо-китайских отношений. Более того, перед отъездом из Ханоя Ким посетил Мавзолей Хо Ши Мина, в то время как аналогичный мавзолей Мао Цзэдуна не посещал ни разу.
- Наконец, СМИ КНДР практически не комментируют торговую войну США и КНР. То ли Север не хочет занимать какую-то позицию, то ли рассчитывает «отсидеться».

Отношения КНР и РК тем временем возвращаются к тому уровню взаимодействия, который был до размещения в Южной Корее американской ПРО THAAD. Однако это не столько потепление, сколько выход «в ноль». Серьезного прогресса в разрешении текущих проблем пока нет, а вопрос о происхождении микропыли может стать фактором дополнительной напряженности.

Примечания

[1] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55199 (дата обращения: 03.04.2019).

[2] URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181207000646 (дата обращения: 03.04.2019).

[3] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55682 (дата обращения: 03.04.2019).

[4] URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c33e2229a79479a85698600?from=newsfeed (дата обращения: 03.04.2019).

[5] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/356_261825.html (дата обращения: 03.04.2019).

[6] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56059 (дата обращения: 03.04.2019).

[7] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56066 (дата обращения: 03.04.2019).

[8] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56274 (дата обращения: 03.04.2019).

[9] Сообщение информационного агентства «ЦТАК» от 30.01.2019.

[10] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/03/103_264745.html (дата обращения: 03.04.2019).

[11] URL: https://www.reuters.com/article/us-china-northkorea/north-korean-foreign-ministry-delegation-left-for-china-on-thurs-kcna-idUSKCN1QH0ig (дата обращения: 03.04.2019).

[12] URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190227014058315?section=national/diplomacy (дата обращения: 03.04. 2019).

[13] Сообщение информационного агентства «ЦТАК» от 01.03.2019.

[14] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6198936 (дата обращения: 03.04.2019).

[15] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56859 (дата обращения: 03.04.2019).

[16] URL: https://rg.ru/2018/10/25/smi-kim-chen-yn-predskazal-otmenu-sankcij-protiv-kndr-v-sleduiushchem-godu.html (дата обращения: 03.04.2019).

[17] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55263 (дата обращения: 03.04.2019).

[18] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/103_266407.html (дата обращения: 03.04.2019).

[19] URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190201003300325 (дата обращения: 03.04.2019).

[20] URL: http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20181115000085&fbclid=IwAR1qQkcGld1bW5yQZpXVCMOHSAqowKbdbVkFAYg-9VFXKB3zm5ZNl8fE7eQ (дата обращения: 03.04.2019).

[21] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_261018.html (дата обращения: 03.04.2019).

[22] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_262381.html (дата обращения: 03.04.2019).

[23] URL: https://www.nknews.org/pro/north-korean-imports-of-chinese-fertilizer-soared-in-2018-data/ (дата обращения: 03.04.2019).

[24] URL: https://ria.ru/world/20181114/1532737934.html (дата обращения: 03.04.2019).

[25] URL: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369239-pochemu-kitayskie-banki-soblyudayut-sankcii-ssha-protiv-rossiyan (дата обращения: 03.04.2019).

[26] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55878 (дата обращения: 03.04.2019).

[27] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55014 (дата обращения: 03.04.2019).

[28] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55412 (дата обращения: 03.04.2019).

[29] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55410 (дата обращения: 03.04.2019).

[30] URL: https://rg.ru/2018/12/14/v-mid-iuzhnoj-korei-poiavits.. (дата обращения: 03.04.2019).

[31] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55734 (дата обращения: 03.04.2019).

[32] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56005 (дата обращения: 03.04.2019).

[33] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56168 (дата обращения: 03.04.2019).

[34] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55824 (дата обращения: 03.04.2019).

[35] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55321 (дата обращения: 03.04.2019).

[36] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55402 (дата обращения: 03.04.2019).

[37] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55648 (дата обращения: 03.04.2019).

[38] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56110 (дата обращения: 03.04.2019).

[39] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56336 (дата обращения: 03.04.2019).

[40] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55422 (дата обращения: 03.04.2019).

[41] URL: https://rg.ru/2018/10/26/kitaj-i-iuzhnaia-koreia-razvernuli-vojnu-buev-v-zheltom-more.html (дата обращения: 03.04.2019).

[42] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55161 (дата обращения: 03.04.2019).

[43] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55924 (дата обращения: 03.04.2019).

[44] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/02/205_264309.html (дата обращения: 03.04.2019).

[45] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55975 (дата обращения: 03.04.2019).

[46] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=57063 (дата обращения: 03.04.2019).

[47] URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190320009100325?sectio (дата обращения: 03.04.2019).

[48] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56507 (дата обращения: 03.04.2019).

[49] URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=issues&id=&board_seq=355649&page=1&board_code= (дата обращения: 03.04.2019).

[50] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56212 (дата обращения: 03.04.2019).

[51] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56247 (дата обращения: 03.04.2019).

[52] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56646 (дата обращения: 03.04.2019).

[53] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56759 (дата обращения: 03.04.2019).

[54] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56924 (дата обращения: 03.04.2019).

[55] URL: http://www.globaltimes.cn/content/1140592.shtml (дата обращения: 03.04.2019).

References

1. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55199 (accessed: 03.04.2019).

2. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181207000646 (accessed: 03.04.2019).

3. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55682 (accessed: 03.04.2019).

4. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c33e2229a79479a85698600?from=newsfeed (accessed: 03.04.2019).

5. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/356_261825.html (accessed: 03.04.2019).

6. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56059 (accessed: 03.04.2019).

7. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56066 (accessed: 03.04.2019).

8. URL: https://rg.ru/2019/01/09/kim-chen-yn-zavershil-vizit-v-pekin.html (accessed: 03.04.2019).

9. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56274 (accessed: 03.04.2019).

10. News report of Korean Central News Agency from 30.01.2019.

11. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6143878 (accessed: 03.04.2019).

12. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/03/103_264745.html (accessed: 03.04.2019).

13. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-northkorea/north-korean-foreign-ministry-delegation-left-for-china-on-thurs-kcna-idUSKCN1QH0Y4 (accessed: 03.04.2019).

14. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190227014058315?section=national/diplomacy (accessed: 03.04. 2019).

15. News report of Korean Central News Agency from 01.03.2019.

16. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6198936 (accessed: 03.04.2019).

17. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56859 (accessed: 03.04.2019).

18. URL: https://rg.ru/2018/10/25/smi-kim-chen- yn-predskazal-otmenu-sankcij-protiv-kndr-v-sleduiushchem-godu.html (accessed: 03.04.2019).

19. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55263 (accessed: 03.04.2019).

20. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/103_266407.html (accessed: 03.04.2019).

21. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190201003300325 (accessed: 03.04.2019).

22. URL: http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20181115000085&fbclid=IwAR1qQkcGld1bW5yQZpXVCMOHSAqowKbdbVkFAYg-9VFXKB3zm5ZNl8fE7eQ (accessed: 03.04.2019).

23. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_261018.html (accessed: 03.04.2019).

24. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_262381.html (accessed: 03.04.2019).

25. URL: https://www.nknews.org/pro/north-korean-imports-of-chinese- fertilizer-soared-in-2018-data/ (accessed: 03.04.2019).

26. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56936 (accessed: 03.04.2019).

27. URL: https://ria.ru/world/20181114/1532737934.html (accessed: 03.04.2019).

28. URL: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369239-pochemu-kitayskie-banki-soblyudayut-sankcii-ssha-protiv-rossiyan (accessed: 03.04.2019).

29. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55878 (accessed: 03.04.2019).

30. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55014 (accessed: 03.04.2019).

31. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55412 (accessed6 03.04.2019).

32. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55410 (accessed: 03.04.2019).

33. URL: https://rg.ru/2018/12/14/v-mid-iuzhnoj-korei-poiavits (accessed: 03.04.2019).

34. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55734 (accessed: 03.04.2019).

35. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55829 (accessed: 03.04.2019).

36. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56005 (accessed: 03.04.2019).

37. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56168 (accessed: 03.04.2019).

38. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55824 (accessed: 03.04.2019).

39. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55321 (accessed: 03.04.2019).

40. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55402 (accessed: 03.04.2019).

41. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55648 (accessed: 03.04.2019).

42. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56110 (accessed: 03.04.2019).

43. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56526 (accessed: 03.04.2019).

44. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56336 (accessed: 03.04.2019).

45. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55422 (accessed: 03.04.2019).

46. URL: https://rg.ru/2018/10/26/kitaj-i-iuzhnaia-koreia-razvernuli-vojnu-bue v-v-zheltom-more.html (accessed: 03.04.2019).

47. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55161 (accessed: 03.04.2019).

48. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55924 (accessed: 03.04. 2019).

49. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/02/205_264309.html (accessed: 03.04.2019).

50. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/177_260800.html (accessed: 03.04.2019).

51. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55975 (accessed: 03.04.2019).

52. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=57063 (accessed: 03.04.2019).

53. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190320009100325?sectio.. (accessed: 03.04.2019).

54. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56507 (accessed: 03.04.2019).

55. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=issues&id=&board_seq=355649&page=1&board_code= (accessed: 03.04.2019).

56. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56212 (accessed: 03.04.2019).

57. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56247 (accessed: 03.04.2019).

58. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56646 (accessed: 03.04.2019).

59. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56759 (accessed: 03.04.2019).

60. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56924 (accessed: 03.04.2019).

61. URL: http://english.chosun.com/.../h.../2019/03/23/2019032300331.html (accessed: 03.04.2019).

62. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56507 (accessed: 03.04.2019).

63. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1140592.shtml (accessed: 03.04.2019).

А.И. Шарафетдинова

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ США НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ПОСЛЕ САММИТА В ХАНОЕ

В статье рассматриваются военные аспекты перемен, произошедших в политике США на Корейском полуострове после Сингапурского (12 июня 2018 г.) и Ханойского (27-28 февраля 2019 г.) саммитов президента США Д. Трампа и председателя Госсовета КНДР Ким Чен Ына. Оба лидера обозначили общую цель — денуклеаризацию. Но решение этой фундаментальной проблемы каждая сторона видит по-своему и применяет свои тактические манёвры для её решения. Анализируя текущую ситуацию, автор делает вывод о том, что начатый между КНДР и США диалог по проблеме денуклеаризации и снижения напряженности всё ещё не носит необратимого характера, а риск того, что маятник снова качнётся в сторону конфронтации, лежит на поверхности.

Ключевые слова: КНДР, Ким Чен Ын, Трамп, денуклеаризация, военная политика, северокорейская ядерная программа.

Американо-северокорейский саммит, состоявшийся 12 июня 2018 г., ознаменовал собой начало нового этапа в развитии ситуации на Корейском полуострове. Конфронтационное состояние отношений США и КНДР, для которых был характерен обмен открытыми угрозами взаимного уничтожения, сменилось переговорным процессом. 27-28 февраля 2019 г. в Ханое состоялся второй амери-

кано-северокорейский саммит, с одной стороны, проигрышный с точки зрения заключения конкретных договоренностей, с другой — не менее значимый в русле позитивных сдвигов в отношениях США—КНДР и намерении лидеров двух государств продолжать переговоры.

Необходимо признать, что сами по себе саммиты в Сингапуре и Ханое стали беспрецедентными с точки зрения изменения стратегии как со стороны КНДР, так и США. Оба лидера начали диалог, обозначили общую цель — денуклеаризацию. Но решение этой фундаментальной проблемы каждая сторона видит по-своему и применяет свои тактические манёвры для её решения[1]. Отсюда наблюдаются разногласия, являющиеся естественными барьерами на пути к согласованным договорённостям.

Следует иметь в виду, какие бы инициативы не предпринимались президентом США — по неоднократным заявлениям Д. Трампа, шаги навстречу северокорейскому лидеру были предприняты по его доброй воле[2], — военная политика США[3] является важным фактором, определяющим результаты деятельности международной системы безопасности как на глобальном, так и на региональном уровнях[4] и рассматривается Соединёнными Штатами в рамках «большой стратегии» (grand strategy), включающей внутри-, внешнеполитические, экономические факторы, а также возможности военно-политических союзников.

В обновлённых концептуальных документах американские военные выдвигают новые задачи по принятию очередных мер давления на КНДР. Так, в проекте *Стратегии национальной обороны* (январь 2018 г.) большое внимание после Китая и России в качестве текущих «угроз» Соединённым Штатам уделено именно Северной Корее.

Согласно документу, Северная Корея, наряду с Ираном, является «государством с мошенническим режимом», которое «самоутверждается» за счёт производства ядерного оружия или спонсорства терроризма, дестабилизируя регион. Северная Корея стремится обеспечить гарантии сохранения режима и прибегает к использованию всё растущего числа рычагов из смеси ядерного, биологического, химического, обычного и нетрадиционного оружия, а также рас-

тущего потенциала баллистических ракет в целях оказания пагубного воздействия на Южную Корею, Японию и США.

Противодействие северокорейской угрозе является одним из ключевых доводов при выработке планов военного строительства в виде принятия «устойчивого, предсказуемого» бюджета на 2019—2023 финансовые годы в целях «повышения конкурентных преимуществ» США[5]. Безусловно, это означает ежегодное увеличение заявки на базовый бюджет в период с 2019 по 2023 финансовый год.

Исходя из планов по реализации множества программ и политических инициатив ВМФ и Корпуса морской пехоты США президент Д. Трамп 13 августа 2018 г. подписал *Закон о государственной обороне* на 2019 г. (NDAA), устанавливающий приоритеты расходов и политики для министерства обороны. Отдельный процесс ассигнований обеспечит средства для санкционированных Пентагоном программ на сумму 717 млрд долл.[6], что увеличило заявку 2017 г. на 24,9 млрд долл. Для сравнения: общие военные расходы на 2018 г. (2018 Defence Authorization Bill) были санкционированы на уровне 692,1 млрд долл. Таким образом, постоянное наращивание военного бюджета США диктует необходимость поддержания источника угрозы в лице Северной Кореи.

Согласно докладу по подготовке *Стратегии национальной обороны*, представленному 14 марта 2019 г. в конгрессе 19-м председателем Объединённого комитета начальников штабов генералом Дж. Ф. Данфордом мл., основные современные вызовы и угрозы «2+3» Соединенным Штатам исходят от «ревизионистских» держав России и Китая, а также от Северной Кореи, Ирана и насильственного экстремизма. В документе КНДР признается как государство, обладающее ядерным оружием. Вместе с тем американский генерал указывает на необходимость повышения боеготовности американских ВС как высший приоритет администрации на случай «непредвиденных обстоятельств» вне зависимости от выраженных лидером КНДР Ким Чен Ыном намерений в ходе встреч с президентом США Д. Трампом[7].

В условиях таких подходов к определению роли и задач ВС США, а по сути — обеспечению глобального военного доминирования, заставить КНДР полностью отказаться от ракетно-ядерного

потенциала является сверхсложной задачей, поскольку на кону стоит суверенитет страны и её руководства. Очевидно, что долгосрочной и конечной задачей США на данный момент, пока отсутствует надёжный механизм гарантий, является смена северокорейского режима.

Здесь закономерно поднять вопрос о судьбе 28-тысячного контингента американских войск в Южной Корее, командования ООН в ДМЗ и его тылового штаба на американской авиабазе Йокота в Японии. Если раньше Трамп допускал такую возможность на отдалённую перспективу, то накануне саммита в Ханое американский лидер заявил, что и не собирается обсуждать вывод американского контингента из Южной Кореи в обозримом будущем[8].

В качестве уступки со своей стороны Вашингтон в 2018 г. приостановил крупномасштабные военные учения Key Resolve и Foal Eagle[9], что не послужило тогда поводом для отмены совместных двухнедельных маневров Korean Marine Exchange Program (ноябрь 2018 г.)[10]. 1 марта 2019 г. официальные представители США сообщили об их замене — «в качестве меры сохранить передышку, которой Трамп добился от Ким Чен Ына»[11] — на «сокращенную версию» военных учений «Союз» (동맹), которые были проведены объединенным командованием с 4 по 12 марта[12]. Данная по факту полумера, со слов президента США, призвана сократить траты на ежегодные учения, но вместе с тем учения «являются необходимыми в некоторых случаях»[13].

Следует принять во внимание, что президент Д. Трамп в принятии подобного рода решений сталкивается с серьёзным противодействием части политического и военного истеблишмента своей страны. Как известно, в июне 2018 г. он принял решение о приостановке военных учений с РК сразу после саммита в Сингапуре без предварительных консультаций с Пентагоном. Два месяца спустя Д. Трамп призвал бывшего в то время министром обороны США Дж. Мэттиса «открыть двери» для сворачивания учений, после чего несогласный генерал был освобождён от должности[14].

На этот раз Д. Трамп не стал вступать в противоречия с администрацией и предпринял лишь «замену» учений. При этом важно учитывать возможность трансформации американо-корейских учений в

альтернативную подготовку коалиционных сил. Один из сторонников такого подхода сенатор Л. Грэхэм незадолго до завершения Ханойского саммита заявил, что США ни в коем случае не должны «понижаться» до статус-кво и не идти ни на какие уступки северокорейской стороне в случае её отказа от полной денуклеаризации[15].

Необходимо обратить внимание на то, что США и РК с 2015 г. непрерывно осуществляют комплекс мероприятий, «призванных к быстрому ответу на нападение Северной Кореи посредством нанесения превентивного удара по основным военным объектам КНДР, а также его высшему руководству» в рамках «Оперативного плана 5015» (OPLAN 5015)[16]. При этом важно учитывать, что даже сокращенные версии совместных военных учений США и Южной Кореи предусматривают отработку ударов по правительственным зданиям Пхеньяна с целью «ликвидации северокорейского руководства»[17].

Именно Сеул является главной заинтересованной стороной в том, чтобы диалог между Вашингтоном и Пхеньяном по вопросу нормализации отношений продвигался. В этих целях президент Мун Чжэ Ин взялся играть роль посредника между Трампом и Ким Чен Ыном. Кроме того, значительный вклад в разрядку напряженности внесли три межкорейских саммита в апреле, мае и сентябре 2018 г. Причём результатом сентябрьской межкорейской встречи стало подписание 19 сентября в Пхеньяне Соглашения между Севером и Югом в военной сфере (вступило в силу 1 ноября 2018 г.)[18].

Принятый в рамках реализации Пханмунчжомской декларации (27 апреля 2018 г.) документ является беспрецедентно важным шагом на пути к замирению ситуации на Корейском полуострове. Соглашение направлено на снижение напряженности, предотвращение случайных столкновений и укрепление контроля над неядерными вооружениями. Несмотря на это, как справедливо отметил эксперт Института исследований Северо-Восточной Азии Цзилинского университета Ба Дяньцзюнь, нельзя говорить о прорыве в процессе демилитаризации и денуклеаризации без соответствующих соглашений с США[19]. Вашингтон ориентирует своего южнокорейского союзника на движение по двум параллельным направлениям — межкорейскому и американо-северокорейскому на «одинаковых скоростях».

Вместе с тем военно-политический альянс США и РК остаётся внешнеполитическим приоритетом администрации президента Мун Чжэ Ина и основой обеспечения безопасности РК. В 2018 г. южнокорейский лидер дважды посещал США и встречался с Д. Трампом (22 мая и 24 сентября), провёл два раунда переговоров с вице-президентом США М. Пенсом (8 февраля и 15 ноября).

В 23-й редакции «Белой книги» по вопросам обороны РК, изданной 14 января 2019 г., США по-прежнему определяются главным военно-политическим союзником и гарантом безопасности РК, а присутствие американского контингента на Корейском полуострове названо «основным фактором стабильности в регионе». В силу формирования в 2018 г. минобороны РК «новой среды безопасности» для обозначения новой северокорейской политики, ранее использовавшийся термин «непосредственный противник» был заменен на «потенциальные опасности для государства»[20], что не оказывает существенного влияния на состояние американо-южнокорейского военно-политического альянса.

Вашингтон активно предоставляет существенную помощь в реформировании ВС РК, в том числе в модернизации имеющихся в войсках и закупке новых образцов вооружений и военной техники. В октябре 2018 г. РК и США согласовали Стратегические руководящие принципы альянса, зафиксировавшие основные направления дальнейшего развития военного сотрудничества между союзниками. Представители оборонных ведомств договорились о реструктуризации Объединенного южнокорейского командования (ОАЮК) после передачи южанам права на оперативный контроль над своими вооруженными силами в военное время в 2023 г. Кроме того, американская сторона гарантировала дальнейшее предоставление РК средств «расширенного сдерживания», включая «ядерный зонтик»[21].

Республика Корея, в отличие от многих других союзников США, тратит на оборону 2,7 % своего ВВП и выделила 10,8 млрд долл. (92 % расходов) на строительство открытой в 2017 г. американской базы Кэмп Хамфрис в Пхёнтхэке (крупнейшая в мире за пределами США)[22]. Кроме того, 9 февраля 2019 г. между сторонами было заключено соглашение, согласно которому южнокорейская сторона повысила расходы на содержание ВС США, дислоцирован-

ных в РК (28 500 человек) до 925 млн долл.[23] Ранее доля расходов была меньше по сравнению с американской и составляла 850 млн долл., тогда как США тратили на содержание своего контингента в РК 920 млн долл.

В декабре 2018 г. южнокорейскими военными властями было принято решение о приобретении в США 240 зенитных управляемых ракет «Стандарт-2» мод 3В. Компания «Эйрбас» в октябре 2018 г. передала РК первые из четырех самолетов-топливозаправщиков А330 MRTT по контракту 2015 г. Ожидается передача четырёх беспилотных летательных аппаратов RQ-4. В 2019—2021 гг. запланированы поставки 40 единиц истребителей F-35A. Прибытие первых 10 единиц ожидается в 2019 г. на авиабазу Чонджу[24] начиная с 29 марта[25].

Агентство программ оборонных закупок МНО Республики Корея (DAPA) объявило о принятии решения о покупке P-8A в рамках программы «Иностранные военные продажи» в июне 2018 г. В сентябре 2018 г. Госдепартамент США одобрил потенциальную поставку Республике Корея в рамках указанной программы шести самолетов P-8A «Посейдон», а также связанного оборудования и услуг общей стоимостью до 2,1 млрд долл.[26] Кроме этого, госдеп одобрил заявленную Агентством по сотрудничеству в области безопасности (DSCA) продажу Южной Корее партии зенитных управляемых ракет Patriot MIM-104E Guidance Enhancement Missile- TBM missiles в количестве 64 штук на общую сумму 501 млн долл.[27]

Таким образом, проводимая США военная политика на Корейском полуострове нацелена на обеспечение доминирования в Тихоокеанском регионе. Сами американские эксперты открыто заявляют о том, что готовы к обострению ситуации, потому что сами с трудом верят в то, что КНДР удастся убедить в отказе от стратегического оружия — единственного сдерживающего США фактора[28].

В этих условиях правомерными являются требования КНДР о предоставлении ей надежных гарантий безопасности, подтверждением чего должно стать принятие Вашингтоном «доверительных мер и адекватных практических действий». Под ними подразумевается отказ США от враждебной политики, что предполагает снятие санкций, заключение мирного договора и вытекающие из него обязательства ликвидации военной угрозы.

Диалог между КНДР и США пока ещё не носит необратимого характера, а риск того, что маятник снова качнётся в сторону конфронтации, всё ещё лежит на поверхности. В новогодней речи 1 января 2019 г. председатель Госсовета КНДР Ким Чен Ын предупредил: «Если США нарушат договоренности, будут следовать по пути санкций и давления против КНДР, то и «КНДР ничего не останется, кроме как нащупать новый путь к защите суверенитета страны и высших интересов государства, обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове»[29].

Резюмируя, можно сказать, что руководство КНДР в ближайшем будущем будет ставить перед американской стороной вопрос о смягчении санкционного режима как первоочередном условии дальнейшего продвижения по пути провозглашенной Ким Чен Ыном и Д. Трампом цели денуклеаризировать Корейский полуостров. Вопросы юридического оформления постоянного мира и ядерного разоружения будут отнесены на более отдалённую перспективу.

Примечания

[1] *Давыдов О. В.* КНДР—США: почему встреча лидеров двух стран в Ханое не увенчалась успехом. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4835&ret=640&fbclid=IwAR3Jw8529a1iP7USob3w3Cwo332dMiVj4zzmrl9QywFUyhjdR66RBWpoQdw (дата обращения: 04.03.2019).

[2] *Jacobson L.* Was the U.S. on the brink of war with North Korea before Trump? A review of the evidence. February 18th, 2019. URL: https://www.politifact.com/truth-o-meter/article/2019/feb/18/was-us-brink-war-north-korea-trump-review-evidence/ (дата обращения: 19.02.2019).

[3] Американским аналогом российского термина «военная политика» является словосочетание National Defence Policy — «Национальная оборонная политика», под которым подразумевается использование военной силы для защиты страны и обеспечения национальных интересов США в мирное и военное время.

[4] *Тищенко Г.Г. и др.* Доклад Центра военно-политических исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ). Военная политика новой администрации США // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6. С. 49—50.

[5] *Mattis J.* Summary of the National Defense Strategy of the United States. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Official website. URL: https://

dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

[6] *Werner B.* President Trump Signs FY 2019 Defense Authorization Bill August 13, 2018. URL: https://news.usni.org/2018/08/13/35764 (дата обращения: 15.03.2019).

[7] Statement of General Joseph F. Dunford, jr., USMC 19th Chairman of the Joint Chiefs of Staff Department of defense budget hearing March 14, 2019. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Dunford_03-14-19.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

[8] *Leo Shane III.* US troop withdrawals aren't on the table for Trump's North Korea peace talks — for now/ February 21, 2019. URL: https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2019/02/21/us-troop-deployments-in-the-pacific-arent-on-the-agenda-for-trumps-north-korea-peace-talks/ (дата обращения: 04.03.2019).

[9] 이터 "한미, 봄 대규모 연합군사훈련 소규모로 대체" (종합). URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190302007651071?section=international%2Fcorrespondents%2Findex&site=major_news01&fbclid=IwAR33F9iC4PFbHOlhh86u5QaNxJmWT7UxHlF6xRTrAfwV7Fb1wXwVwwlnxXs (дата обращения: 02.03.2019).

[10] Пхеньян: Учения Южной Кореи и США нарушают межкорейские договоренности // Голос Америки. 12 ноября 2018 г. URL: https://eadaily.com/ru/news/2018/11/12/phenyan-ucheniya-yuzhnoy-korei-i-ssha-narushayut-mezhkoreyskie-dogovorennosti (дата обращения: 12.11.2018).

[11] *Cooper H.* Pentagon Again Suspends Large-Scale Military Exercises With South Korea. URL: https://www.nytimes.com/2019/03/01/world/asia/us-military-exercises-south-korea.html?fbclid=IwAR0RpMOz7lD-YDiyaCYtXJUJPAfFqhxTiuJG5-517_APIdTqqe_US69NnLU (дата обращения: 01.03.2019).

[12] *Courtney Kube, Dan De Luce and Stella Kim.* U.S. to end large-scale military drills with South Korea March, 1 2019. URL: https://www.nbcnews.com/news/military/u-s-end-large-scale-military-drills-south-korea-n978111 (дата обращения: 01.03.2019).

[13] Pentagon Again Suspends Large-Scale Military Exercises With South Korea. URL: https://www.nytimes.com/2019/03/01/world/asia/us-military-exercises-south-korea.html?fbclid=IwAR3CBD4GjnhdH0KVqkrKg_JbSG4-6nsjd6JTEZUVZVJqg9hw7X0WOZEc4Ac (дата обращения: 04.03.2019).

[14] Pentagon Suspends Major War Game With South Korea. URL: https://www.nytimes.com/2018/06/18/us/politics/pentagon-south-korea-war-game-suspended.html?module=inline (дата обращения: 01.03.2019).

[15] 'Time to end the nuclear threat': Graham hints at war hours after Trump-Kim summit stalls. URL: https://www.rt.com/usa/452719-lindsey-graham-taunts-kim-trump/?fbclid=IwAR0gOMMaKTbAZW-htunABDRescVULAwFKva5_0BRqPNLEohkXBIQ8E6nFSE (дата обращения: 01.03.2019).

[16] Global security organization. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/oplan-5015.htm (дата обращения: 01.03.2019).

[17] *Peck M.* This is America's Top-Secret Plan to Crush North Korea in a War. Welcome to OPLAN 5015 // The national interest. February 11, 2018. URL: https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/americas-top-secret-plan-crush-north-korea-war-24461 (дата обращения: 07.04.2019).

[18] 전 봉 근 '2018 남북정상회담 평양'의 성과와 의미 // IFANS Focus IF 2018-18K. Sept. 21, 2018.

[19] *Захарченко И.* Эксперт оценил результаты межкорейского саммита // РИА Новости. 20 сентября 2018. URL: https://ria.ru/20180920/1528986649.html (дата обращения: 27.03.2019).

[20] Defense Ministry's latest white paper omits language describing N. Korea as "the enemy". URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/878629.html (дата обращения: 01.03.2019).

[21] *Nagasava T.* US nuclear umbrella in Asia is non-negotiable: Top official Assistant defense secretary affirms commitment to shielding Japan and South Korea. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-nuclear-umbrella-in-Asia-is-non-negotiable-Top-official (дата обращения: 01.03.2019).

[22] *Lee Y. and Wadhams N.* Trump's Spat With Ally South Korea Raises Fears of U.S. Pullback. 27-28 января 2019. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-27/trump-s-spat-with-ally-south-korea-raises-fears-of-u-s-pullback?fbclid=IwAR00ipN1Ucn-yO2IQ47nMs5nNcwQSRybtpNftr6zifUCiYjrxkXCbpe0zpA (дата обращения: 04.03.2019).

[23] *Kim So-hyun.* Details of cost-sharing for US troops in Korea. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190211000656 (дата обращения: 06.03.2019).

[24] The F-35 Lightning II. URL: https://www.f35.com/global/participation/republic-of-korea (дата обращения: 15.03.2019).

[25] U.S. Embassy Seoul. URL: https://www.facebook.com/usembassyseoul/ (дата обращения: 29.03.2019).

[26] South Korea picks Boeing P-8 for US$1.7 billion maritime patrol aircraft contract June 25, 2018. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/business/south-korea-picks-boeing-p-8-for-us-1-7-billion-maritime-patrol-aircraft-contract-10467682; *Werner B.* State Department Notifies Congress of Potential $2.1B P-8A Sale to South Korea September 18, 2018. URL: https://news.usni.org/2018/09/13/u-s-state-department-approves-republic-of-korea-p-8-purchases (дата обращения: 16.03.2019).

[27] Южная Корея получит от США противолодочные Boeing P-8A Poseidon // Военное обозрение. 14 сентября 2018 г. URL: https://topwar.ru/146991-juzhnaja-koreja- poluchit-ot-ssha- protivolodochnye-boeing-p-8a-poseidon.html (дата обращения: 12.03.2019).

[28] U.S. commander 'cautiously optimistic' N.K. can be convinced into giving up nuclear, missile programs. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190404003000325 (дата обращения: 01.04.2019).

[29] Текст новогодней речи председателя Госсовета КНДР Ким Чен Ына размещён на первых полосах центральных газет КНДР «Нодон синмун», «Минджу Чосон», а также в сообщении Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) от 1 января 2019 г.

References

1. *Davydov O. V.* DPRK — USA: why the summit in Hanoi was not crowned with success.URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4835&ret=640&fbclid=IwAR3Jw8529a1iP7USob3w3Cwo332dMiVj4zzmrl9QywFUyhjdR66RBWpoQdw (accessed: 04.03.2019).

2. *Jacobson L.* Was the U.S. on the brink of war with North Korea before Trump? A review of the evidence. February 18th, 2019. URL: https://www.politifact.com/truth-o-meter/article/2019/feb/18/was-us-brink-war-north- korea-trump-review-evidence/ (accessed: 19.02.2019).

3. The American equivalent of the Russian term “Military Policy” is “National Defense Policy”, which means using military force to protect the country and ensure US national interests in peacetime and wartime.

4. *Tishchenko G. G., other.* Report of the Center for Military-Political Studies of the Russian Institute for Strategic Studies (RISS). The military policy of the new US administration. // Problems of national strategy. Number 6. 2017. P. 49—50.

5. *Mattis J.* Summary of the National Defense Strategy of the United States. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Official website. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (accessed: 15.03.2019).

6. *Werner B.* President Trump Signs FY 2019 Defense Authorization Bill August 13, 2018. URL: https://news.usni.org/2018/08/13/35764 (accessed: 15.03.2019).

7. Statement of General Joseph F. Dunford, jr., USMC 19th Chairman of the Joint Chiefs of Staff Department of defense budget hearing March 14, 2019. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Dunford_03-14-19.pdf (accessed: 15.03.2019).

8. *Leo Shane III.* US troop withdrawals aren't on the table for Trump's North Korea peace talks — for now/ February 21, 2019. URL: https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2019/02/21/us-troop-deployments-in-the-pacific-arent-on-the-agenda-for-trumps-north-korea-peace-talks/ (accessed: 04.03.2019).

9. Reuters “American-Korean, spring large-scale joint military training small-scale substitution” (comprehensive). URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190302007651071?section=international%2Fcorrespondents%2Findex&site=major_news01&fbclid=IwAR33F9iC4PFbHOlhh86u5QaNxJmWT7UxHlF6xRTrAfwV7Fb1wXwVwwlnxXs (accessed: 02.03.2019).

10. Pyongyang: The drills of South Korea and the United States violate the inter-Korean agreements // Voice of America. November 12, 2018. URL: https://eadaily.com/ru/news/2018/11/12/phenyan-ucheniya-yuzhnoy-korei-i-ssha-narushayut-mezhkoreyskie-dogovorennosti (accessed: 12.11.2018).

11. *Cooper H.* Pentagon Again Suspends Large-Scale Military Exercises With South Korea. URL: https://www.nytimes.com/2019/03/01/world/asia/us-military-exercises-south-korea.html?fbclid=IwAR0RpMOz7lD-YDiyaCYtXJUJPAfFqhxTiuJG5-517_APIdTqqe_US69NnLU (accessed: 01.03.2019).

12. *Courtney Kube, Dan De Luce and Stella Kim.* U.S. to end large-scale military drills with South Korea March, 1 2019. URL: https://www.nbcnews.com/news/military/u-s-end-large-scale-military-drills-south-korea-n978111 (accessed: 01.03.2019).

13. Pentagon Again Suspends Large-Scale Military Exercises With South Korea. URL: https://www.nytimes.com/2019/03/01/world/asia/us-military-exercises-south-korea.html?fbclid=IwAR3CBD4GjnhdH0KVqkrKg_JbSG4-6nsjd6JTEZUVZVJqg9hw7X0WOZEc4Ac (accessed: 04.03.2019).

14. Pentagon Suspends Major War Game With South Korea. URL: https://www.nytimes.com/2018/06/18/us/politics/pentagon-south-korea-war-game-suspended.html?module=inline (accessed: 01.03.2019).

15. Time to end the nuclear threat': Graham hints at war hours after Trump-Kim summit stalls. URL: https://www.rt.com/usa/452719-lindsey-graham-taunts-kim-trump/?fbclid=IwAR0gOMMaKTbAZW-htunABDRescVULAwFKva5_0BRqPNLEohkXBIQ8E6nFSE (accessed: 01.03.2019).

16. Global security organization. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/oplan-5015.htm (accessed: 01.03.2019).

17. *Peck M.* This is America's Top-Secret Plan to Crush North Korea in a War. Welcome to OPLAN 5015 // The national interest. February 11, 2018 URL: https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/americas-top-secret-plan-crush-north-korea-war-24461 (accessed: 07.04.2019).

18. *Jeonbong Roe.* Achievements and Meanings of '2018 Inter-Korean Summit in Pyongyang' // IFANS Focus IF 2018-18K Sept. 21, 2018.

19. *Zakharchenko I.* The expert assessed the results of the inter-Korean summit // RIA Novosti. September 20, 2018. URL: https://ria.ru/20180920/1528986649.html (accessed: 03.27.2019).

20. Defense Ministry's latest white paper omits language describing N. Korea as “the enemy”. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/878629.html (accessed: 01.03.2019).

21. Nagasava T. US nuclear umbrella in Asia is non-negotiable: Top official Assistant defense secretary affirms commitment to shielding Japan and South Korea. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-nuclear-umbrella-in-Asia-is-non-negotiable-Top-official (accessed: 01.03.2019).

22. *Lee Y. and Wadhams N.* Trump's Spat With Ally South Korea Raises Fears of U.S. Pullback. 27—28.01. 2019. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-27/trump-s-spat-with-ally-south-korea-raises-fears-of-u-s-pullback?fbclid=IwAR00ipN1Ucn-yO2IQ47nMs5nNcwQSRybtpNftr6zifUCiYjrxkXCbpe0zpA (accessed: 04.03.2019).

23. *Kim So-hyun.* Details of cost-sharing for US troops in Korea. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190211000656 (accessed: 06.03.2019).

24. The F-35 Lightning II. URL: https://www.f35.com/global/participation/republic-of-korea (accessed: 15.03.2019).

25. U.S. Embassy Seoul. URl: https://www.facebook.com/usembassyseoul/ (accessed: 29.03.2019).

26. South Korea picks Boeing P-8 for US$1.7 billion maritime patrol aircraft contract June 25, 2018. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/business/south-korea-picks-boeing-p-8-for-us-1-7-billion-maritime-patrol-aircraft-contract-10467682; *Werner B.* State Department Notifies Congress of Potential $2.1B P-8A Sale to South Korea September 18, 2018. URL: https://news.usni.org/2018/09/13/u-s-state-department-approves-republic-of-korea-p-8-purchases (accessed: 16.03.2019).

27. South Korea will receive from the US anti-submarine Boeing P-8A Poseidon // Military Review. September 14, 2018. URL: https://topwar.ru/146991-juzhnaja-koreja-poluchit-ot-ssha-protivolodochnye-boeing-p-8a-poseidon.html (accessed: 12.03.2019).

28. U.S. commander 'cautiously optimistic' N.K. can be convinced into giving up nuclear, missile programs. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190404003000325 (accessed: 01.04.2019).

29. The text of the New Year speech of the Chairman of the State Council of the DPRK, Kim Jong-un, placed on the front pages of DPRK main newspapers like *Rodong Sinmun* and *Minju Choson*, as well as the Central Telegraph Agency of Korea on January 1, 2019.

А.А. Киреева

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ КНДР*

В работе рассматриваются основные составляющие политики Японии в отношении ракетно-ядерной программы КНДР и анализируется эволюция японского курса начиная с 1990-х годов и участия Японии в шестисторонних переговорах с начала 2000-х годов вплоть до настоящего времени. Освещаются такие темы, как увязка решения ракетно-ядерной программы с вопросом похищенных Северной Кореей японских граждан, конструирование северокорейской угрозы в целях оборонного строительства в Японии, позиция Токио по поводу денуклеаризации, санкций и ракет средней и малой дальности, современный курс премьер-министра Синдзо Абэ и дилеммы, которые стоят перед ним при инициировании контактов с руководством КНДР.

Ключевые слова: Япония, КНДР, ракетно-ядерная программа КНДР, Корейский полуостров, Синдзо Абэ, США.

В течение длительного времени после образования КНДР, за исключением 1955—1965 гг., Япония не поддерживала с ней практически никаких отношений, в том числе официальных дипломатиче-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-00140.

This work was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 18-78-00140).

ских, кроме небольшой торговли, связей по линии Всеобщей ассоциации корейцев в Японии, объединяющей выходцев с Севера и обеспечивающей неофициальные связи, и контактов Социалистической партии Японии с Трудовой партией Кореи. За визитом Канэмару Син из Либерально-демократической партии, занимавшего в прошлом должность заместителя премьер-министра Японии, в КНДР в 1990 г. и его переговорами с руководителем КНДР Ким Чен Иром последовали переговоры по нормализации отношений в 1991 г. Однако переговоры быстро застопорились вокруг целого ряда проблем, в первую очередь вопросов компенсаций Северной Корее со стороны Японии за колониальное прошлое и допуска инспекций МАГАТЭ на ядерные объекты[1]. Таким образом, в постбиполярную эпоху Япония и КНДР вошли без установленных дипломатических отношений и регулярных контактов, и эта ситуация сохраняется до сих пор.

В 1990—2000-х годах в политике Токио по отношению к Пхеньяну оформились два центральных вопроса: угроза со стороны ракетно-ядерной программы КНДР и проблема японских граждан, похищенных в 1970—1980-х годах Северной Кореей. Ядерная программа КНДР стала вызывать беспокойство у Токио с начала 1990-х, и Япония, Республика Корея и США стали проводить нерегулярные встречи с 1993 г. и регулярные консультации с 1996 г., которые способствовали согласованию позиций трех стран. После заключения Рамочного соглашения в 1994 г. между США и КНДР и основания Организации по энергетическому сотрудничеству на Корейском полуострове (KEDO) Япония взяла на себя роль одного из главных доноров по строительству легководных реакторов с долей порядка 20—25 % от общих расходов в 4 млрд долл. Поворотным моментом в восприятии Японией угрозы со стороны Северной Кореи стал запуск в 1998 г. баллистической ракеты средней дальности Тэпходон-1, которая перелетела территорию Японии и упала в Тихом океане[2].

В начале 2000-х годов руководство Японии предприняло попытки наладить контакты с лидером КНДР, результатом которых стали переговоры на высшем и министерском уровнях в течение нескольких лет, направленные на нормализацию отношений. Наиболее значимыми в повестке Токио с этого момента стали вопросы возвраще-

ния похищенных граждан, денуклеаризации и прекращения ракетных испытаний, разрешение которых фактически ставилось как условие для нормализации отношений с Пхеньяном. КНДР, со своей стороны, делала акцент на необходимости решения проблем прошлого, включая вопросы о компенсациях и извинения за период колонизации и Второй мировой войны[3].

Ключевой вехой стал секретно организованный визит премьер-министра Японии Коидзуми Дзюнъитиро в Пхеньян в сентябре 2002 г., в результате которого по итогам переговоров с Ким Чен Иром руководитель КНДР, к большому удивлению японской стороны, признал факт похищения японских граждан и извинился за него. В подписанной главами двух стран Пхеньянской декларации стороны договариваются стремиться к нормализации отношений, Япония приносит извинения за колониальный период и обещает осуществлять экономическую помощь для компенсации ущерба, обе стороны обязуются действовать в соответствии с международным правом, не совершать действий, угрожающих безопасности партнера, исполнять международные соглашения, направленные на денуклеаризацию Корейского полуострова, а КНДР выражает намерение приостановить ракетные пуски в 2003 и последующие годы. Пхеньянская декларация является единственным документом, подписанным лидерами обеих стран, ее содержание в большой степени отражало запросную позицию Японии и было ей выгодно. Однако сам факт признания Северной Кореей похищения 13 японских граждан (из 17, согласно оценке японского МИД) шокировал японское общество и оказал крайне негативное воздействие на него. Еще больше ситуацию ухудшил тот факт, что помимо пяти японских граждан, возвращенных Северной Кореей, информация об остальных восьми, которых, по утверждению северокорейской стороны, уже не было в живых, оказалась недостоверной. На фоне этих событий и ядерного кризиса 2003 г. переговоры о нормализации отношений замедлились. Второй визит Д. Коидзуми в Пхеньян в 2004 г., в результате которого он привез в Японию пять детей возвращенных граждан в обмен на обещания о предоставлении 250 тыс. т продовольственной помощи, подвергся большой критике внутри Японии из-за неспособности решить проблему полностью[4].

В 2003—2009 гг. Япония принимала участие вместе с другими странами в шестисторонних переговорах по разрешению ядерной проблемы КНДР. Во время переговоров Япония стремилась добиться решения вопросов полной денуклеаризации и прекращения Северной Кореей ракетной программы, которые позиционировались как ключевые угрозы безопасности, а также продемонстрировать солидарность с США и частично с РК[5]. Помимо решения ракетно-ядерной проблемы, Токио постоянно выносил на площадку переговоров вопросы решения КНДР проблемы похищенных граждан как дополнительное условие предоставления Японией любой экономической и гуманитарной помощи. Акцентируя внимание на данном двустороннем вопросе, Япония зачастую играла роль «спойлера», так как её позиция нередко приводила к обструкции всего переговорного процесса. В начале 2000-х годов Япония рассматривала возможность оказания КНДР огромной по масштабам экономической помощи в обмен на отказ от репараций в диапазоне 5—10 млрд долл., которая была бы сопоставима с помощью РК. Однако с середины 2000-х Япония стала увязывать разрешение вопросов похищенных граждан, денуклеаризации и прекращения ракетных испытаний КНДР с нормализацией отношений, установлением официальных контактов и предоставлением какой-либо помощи в качестве предварительного условия[6]. Таким образом, преобладание политики вовлечения в 1990-е годы сменилось политикой сдерживания с середины 2000-х.

В 2000—2010-е годы Япония последовательно выражала протест по поводу всех ядерных и ракетных испытаний КНДР, в особенности в ее исключительной экономической зоне, и поднимала эту проблему на всех международных площадках. В 2006 г. Токио ввел односторонние санкции против КНДР после ракетных испытаний: запрет на импорт, на заход кораблей в территориальные воды, серьёзные ограничения на финансовые операции и валютные переводы северных корейцев в КНДР (которые до этого составляли около 250 млн долл. в год). С этого времени Япония стала все больше ужесточать санкционный режим в отношение Северной Кореи, который стал одним из самых жестких в мире и постепенно фактически превратился в полное торговое эмбарго[7]. Как результат, сначала сократилась, а потом полностью прекратилась торговля Японии и

КНДР, которая была по объёмам в начале 2000-х годов сопоставима с ведущими торговыми партнерами Пхеньяна. В 2000 г. товарооборот составлял 463 млн долл., 2002 — 370 млн, 2006 — 120 млн долл., а в 2010 г. и позднее официально стал равен нулю[8].

В 2014 г. в результате возобновления переговоров между представителями Японии и КНДР было заключено Стокгольмское соглашение. КНДР обязалась расследовать вопрос похищенных граждан в обмен на смягчение японских санкций и предоставление гуманитарной помощи (разрешение гражданам КНДР въезжать в Японию и судам заходить в территориальные воды для гуманитарных целей, увеличение лимита денежных переводов). Однако санкции были возобновлены в феврале 2016 г. и ужесточены в августе и декабре 2017 г. после возобновления Северной Кореей ракетных и ядерных испытаний в условиях отсутствия прогресса по вопросу похищенных граждан. Текущие санкции предполагают полное эмбарго на торговлю, запрет экономической и гуманитарной помощи, запрет на заход кораблей КНДР или кораблей других стран, посещавших порты КНДР, запрет на въезд граждан КНДР, запрет на денежные переводы более 880 долл.[9] 20 марта 2019 г. правительство Японии продлило санкции на два года.

Анализируя политику Японии в отношении КНДР, важно отметить, что, вне зависимости от того, насколько действия Северной Кореи представляют собой реальную угрозу безопасности, их восприятие в качестве угрозы используется Токио для обоснования усиления военного потенциала и снятия послевоенных ограничений по использованию вооруженной силы. Помимо ракетных и ядерных испытаний, на конструирование КНДР как угрозы повлияла тема похищенных граждан после 1997 и 2002 гг., фактически переведенная в разряд ключевой национальной проблемы в отношениях с Пхеньяном, без решения которой никакие уступки не возможны и которая предопределяет необходимость модернизации Японией военного потенциала для преодоления подобной уязвимости. Угрозой со стороны КНДР обосновываются все меры по модернизации военного потенциала, прежде всего необходимость пересмотра роли и функции Сил самообороны (курса премьер-министра Абэ Синдзо), размещения ПРО (в особенности двух систем Aegis Ashore к 2023 г.),

закупок американской военной техники (истребителей F-35), модернизации флота, расширения деятельности альянса с США, разработок совместно с США новой радиолокационной системы для оснащения эсминцев с корабельной системой Aegis и крылатой противокорабельной ракеты радиусом до 400 км. Обращают на себя внимание и дискуссии в Японии о возможности приобретения наступательного потенциала и нанесения превентивного удара в отношении КНДР в случае непосредственной угрозы для страны[10].

Специалисты обращают внимание на то, что реальный уровень военно-технического оснащения северокорейской армии и развития ее ракетных технологий не соответствует принимаемым японским правительством мерам, а желание наносить удары по территории Японии, в результате которых КНДР наиболее вероятно будет подвергнута массированной атаке США и союзников, представляется сомнительным. В реальности модернизация японского военного потенциала в большей степени направлена против КНР, военная модернизация и ужесточение политики которой воспринимается во внешнеполитическом истеблишменте как самая серьёзная угроза, но Токио нередко сознательно избегает упоминания Китая из-за опасения его жесткой реакции. Намного удобнее указывать на северокорейскую угрозу в условиях отсутствия контактов с этой страной и ее сознательной «демонизации», в которой участвуют СМИ, политики и общественные группы[11]. Показательно, что планы развертывания систем Aegis Ashore не претерпели никаких изменений, несмотря на разрядку на Корейском полуострове.

В 2016—2017 гг. внимание японских СМИ было приковано к ядерным и ракетным испытаниям. По телевидению сообщалось о запусках ракет и траектории их полёта, по решению властей включались сирены и приходили смс-оповещения с помощью системы J-alert. Действия, направленные на конструирование серьёзной северокорейской угрозы как национального кризиса в общественном сознании, помогли С. Абэ и Либерально-демократической партии выиграть досрочные выборы в октябре 2017 г. В марте 2017 г. были проведены первые эвакуационные учения на случай ракетных ударов КНДР, но в июне 2018 г. правительство приняло решение их приостановить в связи с улучшением обстановки на полуострове[12].

В феврале 2018 г. премьер-министр Японии С. Абэ заявил о том, что диалог с Пхеньяном только ради диалога не имеет никакого смысла. Объявление о возможной встрече Трампа с руководителем Северной Кореи Ким Чен Ыном застало Токио врасплох, так как оно никаким образом не стыковалось с японской политикой по этому вопросу и никаких консультаций с союзником перед этим решением США не проводили. Хотя кабинет С. Абэ с тех пор инициировал контакты с северокорейской стороной и было заявлено о возможности встречи с Ким Чен Ыном после американо-северокорейского саммита, это была скорее вынужденная реакция. Наибольшие опасения в Токио вызывает тот факт, что он может оказаться на обочине переговорного процесса по вопросу ракетно-ядерной программы КНДР и его интересы не будут учтены при урегулировании проблемы.

В ходе визитов в США и переговоров с президентом Д. Трампом в апреле и июне 2018 г. премьер-министр Японии С. Абэ попытался убедить американского президента внести в повестку дня саммита с КНДР вопросы, важные для Японии: помимо денуклеаризации, вопрос ракет средней и малой дальности и решение проблемы похищенных граждан[13]. Президент Д. Трамп, как и обещал, поднял вопрос похищенных граждан на встрече с Ким Чен Ыном в июне 2018 г., за что японский премьер выразил ему благодарность. 8 июля состоялась встреча министров иностранных дел Японии и Южной Кореи Таро Коно и Кан Гён Хва и государственного секретаря США Майка Помпео с целью координации позиции трех стран по вопросу урегулирования проблемы ракетно-ядерной программы КНДР в свете начала переговорного процесса. Они договорились укрепить сотрудничество и согласились, что денуклеаризация КНДР может быть только абсолютной, что включает в себя полное уничтожение ядерного оружия[14].

В настоящее время позиция Японии является самой радикальной по отношению к ракетно-ядерной программе КНДР из числа всех игроков, которые принимали участие в шестисторонних переговорах. Разорвав официальные отношения с КНДР и не имея практически никаких контактов с этой страной, Япония уже длительное время является наиболее последовательной сторонницей политики максимального давления на Пхеньян с целью осуществления им

полной, поддающейся контролю и необратимой денуклеаризации (CVID — complete, verifiable and irreversible denuclearization). С этой целью Япония всегда лоббирует введение максимально жёстких санкций СБ ООН, а также ввела целый ряд односторонних санкций, исключающих практически любую деятельность в целях оказания максимального давления для того, чтобы побудить Северную Корею к действиям[15]. Отсутствие упоминания о полной, проверяемой и необратимой денуклеаризации в декларации американо-китайского саммита в Сингапуре в июне 2018 г. вызвало озабоченность в Японии. Токио считает недостаточными зафиксированные в американо-северокорейской декларации положения, так как по результатам встречи не был представлен конкретный план денуклеаризации, а решение США приостановить военные учения негативно отражается на возможности сдерживания КНДР и на безопасности на Корейском полуострове[16].

С точки зрения Токио, проведение Северной Кореей денуклеаризации по формуле CVID, включая прекращение обогащения урана, необходимо прежде, чем возможно любое ослабление санкционного режима, так как в противном случае КНДР может обмануть мировое сообщество и «воспользоваться» экономической помощью, не произведя полную денуклеаризацию взамен. Для Японии важным является полное соблюдение всех трех условий денуклеаризации и приверженность США этой позиции. Она в наибольшей степени сохраняет пессимистичное отношение по поводу реальных возможностей денуклеаризации КНДР. Согласно опросам общественного мнения, 83 % японцев не верят в нее в ближайшем будущем. При этом Япония понимает, что она, вместе с Южной Кореей, должна будет обеспечить значительную долю экономической помощи КНДР в случае успешной денуклеаризации. Токио указывает на необходимость выработки строгих временных сроков и плана денуклеаризации, предоставления Северной Кореей правдивой и полной информации о своей ракетно-ядерной программе и сотрудничестве между Японией, США и Республикой Корея по данной проблеме[17].

Кабинет С. Абэ позиционирует ракетно-ядерную программу КНДР в качестве одной из крупнейших угроз как национальной, так и региональной безопасности, поэтому исключительную важность

представляет вопрос о ликвидации Пхеньяном ракет средней и малой дальности, которые могут поражать цели на территории страны. В Японии опасаются, что в случае, если США заключат сделку с КНДР, и последняя ликвидирует МБР, но сохранит ракеты средней и малой дальности, это нанесет существенный ущерб национальной безопасности Японии и РК и в итоге снизит способность США сдерживать КНДР и будет способствовать ослаблению альянсов[18]. Многие японские эксперты считают, что политика КНДР направлена на то, чтобы разделить США и союзников в лице Японии и Республики Корея, а также на то, чтобы с помощью ракетного и ядерного шантажа добиться уступок и экономической помощи.

Для премьер-министра С. Абэ вопрос похищенных граждан всегда был в числе одного из приоритетных во внешней политике, и он продолжает оставаться таковым при налаживании контактов с Северной Кореей. В июне 2018 г. он заявил, что готов лично встретиться с Ким Чен Ыном для того, чтобы поднять вопрос о похищенных гражданах, а в случае его решения и проведения полной денуклеаризации по формуле CVID Япония готова нормализовать отношения с КНДР в соответствии с декларацией 2002 г., оказать стране экономическую помощь и развивать двустороннее экономическое сотрудничество[19]. Эту же позицию он повторил в речи перед Генеральной ассамблеей ООН в сентябре 2018 г.

Ключевым фактором, который определит возможность вовлечения Японии в переговорный процесс на Корейском полуострове и проведения встречи С. Абэ с Ким Чен Ыном, является наличие или отсутствие готовности Японии разделить вопросы ядерной и ракетной программ и похищенных граждан. Премьер-министр С. Абэ фактически стоит перед дилеммой, сохранять ли свой подход, при котором решение вопроса о похищенных гражданах является необходимым условием для нормализации диалога с КНДР, или радикально пересматривать свою политику, как это сделали США. При условии, что Япония сохраняет наиболее жесткую позицию в отношении КНДР и не рассматривается последней как самостоятельная во внешней политике страна, возникает вопрос, какой смысл Пхеньяну идти на контакты и уступки С. Абэ? При этом 71 % японцев не ожидают от С. Абэ реального прогресса по вопросу похищенных граж-

дан, что позволяет премьеру подходить к этому вопросу более гибко. Одним из вариантов является нормализация отношений с КНДР сначала и рассмотрение вопроса о похищенных гражданах впоследствии[20]. Помимо разделения ракетно-ядерной программы и проблемы похищенных, эксперты указывают на необходимость поэтапного решения вопроса: возвращение японских граждан, предоставление проверяемой информации о тех, кто уже умер, а также возвращение их останков в обмен на поэтапное снятие санкций, установление контактов, оказание экономической и гуманитарной помощи. Нормализация отношений не должна идти слишком быстро, так как в противном случае КНДР может потерять интерес к компромиссу с Японией[21].

Многие японские эксперты выступают за необходимость для Японии включиться в переговорный процесс с КНДР. Однако превалирующие взгляды в политической элите страны предопределяют отсутствие доверия к КНДР и слабую заинтересованность в контактах, кроме как для продвижения своей политической линии. С точки зрения японских консервативных политиков, 2002—2004 гг. показали, что давление на изолированную Северную Корею помогает Японии добиваться результатов. Японские эксперты отмечают, что для того, чтобы премьер поменял свой подход, необходима уверенность по поводу продвижения по вопросу денуклеаризации и установления мира на Корейском полуострове[22].

Примечания

[1] *Tanaka A.* Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy. Tokyo: JPIC, 2017. P. 50—58.

[2] *Auslin M.R.* Japanese Perspectives on the Six-Party Talks and the North Korean Nuclear Crisis // Joint U.S.-Korea Academic Studies. 2011. Vol. 21. P. 196—197.

[3] Ibid. P. 198.

[4] *Tanaka A.* Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacю. P. 233—242.

[5] *Auslin M.R.* Japanese Perspectives on the Six-Party Talks. P. 199—202.

[6] *Berkofsky A.* Japan's North Korea policy: Trends, controversies and impact on Japan's overall defence and security policy / Austria Institut fur Europa und Sicherheitspolitik, 2011. Nr. 2. P. 7—8, 21—29.

[7] Ibid. P. 39—30.

[8] *Захарова Л.В.* Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 94.

[9] Japan reimposes ban on visits by North Korean nationals and ships // The Japan Times. 10.02.2016. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2016/02/10/national/politics-diplomacy/japan-reimposes-ban-on-visits-by-north-korean-nationals-and-ships/ (дата обращения: 03.04.2019).

[10] *Berkofsky A.* Japan's North Korea policy, pp.8—16; *Mason R., Maslow S.* North Korea and Politics of Risk-Framing in Japan // Risk State. Japan's Foreign Policy in an Age of Uncertainty / ed. by S. Maslow, R. Mason, P. O'Shea. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2015. P. 35—55.

[11] Ibid.

[12] *Maslow S.* Abe's North Korea dilemma // East Asia Forum. 02.07.2018. URL: http://www.eastasiaforum.org/2018/07/02/abes-north-korea-dilemma/ (дата обращения: 03.04.2019).

[13] *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? // Global Asia. December 2018. Vol. 13. No. 4. P. 43.

[14] Nichibeikan Gaisho, Kanzen Hikakuka e Kessoku, "Kitachosen e no Seisai Keizoku" [Министры иностранных дел Японии, США и Южной Кореи солидарны в продвижении к полной денуклеаризации, «сохранении санкции в отношении КНДР»] // Нихон кэйдзай симбун. 08.07.2018. https://www.nikkei.com/article/DGXMZO32747920080720180000000/ (дата обращения: 03.04.2019).

[15] *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? P. 42—45.

[16] Kitachosen no Kaku Mondai o meguru Keii [Ситуация вокруг ядерной программы КНДР] // Kokuritsu Kokkaitoshokan Chosa oyobi Rippo Kosakyoku. Вып. 1009. 07.12.2018. P. 12—13.

[17] *Nichibeikan Gaisho*; *Umemoto T.* Kitachosen Kaku Misairu Mondai no Hatten to Beikoku no Sentakushi [Развитие ракетно-ядерной программы КНДР и опции США] // Kokusai Mondai. Апрель 2018. № 670. P. 12—14.

[18] Ibid.

[19] Trump reassures Abe he will press North Korea at summit over past abductions of Japanese nationals // Japan Times. 08.06.2018. https://www.japantimes.co.jp/news/2018/06/08/national/politics-diplomacy/abe-presses-north-koreas-abduction-japanese-trump-says-hes-ready-kim-summit (дата обращения: 03.04.2019).

[20] *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? P. 43—44.

[21] *Narushige M.* The Trump-Kim Summit, Future Scenarios, and Japan's Policy toward the Korean Peninsula // Asia-Pacific Review. 2018. Vol.25. No. 2. P. 72.

[22] *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? P. 45.

References

1. *Tanaka A.* Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy. Tokyo: JPIC. 2017.P. 50—58.

2. *Auslin M.R.* Japanese Perspectives on the Six-Party Talks and the North Korean Nuclear Crisis // Joint U.S.-Korea Academic Studies. Vol. 21. 2011. P. 196—197.

3. Ibid. P. 198.

4. *Tanaka A.* Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy. 2017. P. 233—242.

5. *Auslin M. R.* Japanese Perspectives on the Six-Party Talks. 2011. P. 199—202.

6. *Berkofsky A.* Japan's North Korea policy: Trends, controversies and impact on Japan's overall defence and security policy / Austria Institut fur Europa und Sicherheitspolitik. Nr. 2. 2011. P. 7—8, 21—29.

7. Ibid. P. 39—30.

8. *Zakharova L.V.* DPRK's Foreign Economic Ties in 21st Century and the Prospects for Their Development under Kim Jong-un // The Issues of the Far East. No. 4. 2013. P. 94.

9. Japan reimposes ban on visits by North Korean nationals and ships // The Japan Times. 10.02.2016. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2016/02/10/national/politics-diplomacy/japan-reimposes-ban-on-visits-by-north-korean-nationals-and-shipj/ (accessed: 03.04.2019).

10. *Berkofsky A.* Japan's North Korea policy. 2011. P. 8—16; *Mason R., Maslow S.* North Korea and Politics of Risk-Framing in Japan // Risk State. Japan's Foreign Policy in an Age of Uncertainty / ed. by S. Maslow, R. Mason, P. O'Shea. Farnham: Ashgate Publishing Limited. 2015. P. 35—55.

11. Ibid.

12. *Maslow S.* Abe's North Korea dilemma // East Asia Forum. 02.07.2018. URL: http://www.eastasiaforum.org/2018/07/02/abes-north-korea-dilemma/ (accessed: 03.04.2019).

13. *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? // Global Asia. December 2018. Vol. 13. No. 4. P. 43.

14. Nichibeikan Gaisho, Kanzen Hikakuka e Kessoku, “Kitachosen e no Seisai Keizoku” [Foreign Ministers of Japan, U.S. and South Korea unified to achieve complete denuclearization, 'sustain sanctions targeting North Korea] // Nihon Keizai Shimbum. 08.07.2018. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXMZO32747920080 72018000000/ (accessed: 03.04.2019).

15. *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? 2018. P. 42—45.

16. Kitachosen no Kaku Mondai o meguru Keii [The situation on North Korea's nuclear and Missile Program] // Kokuritsu Kokkaitoshokan Chosa oyobi Rippo Kosakyoku. Issue 1009. 07.12.2018. P. 12—13.

17. Nichibeikan Gaisho; *Umemoto T.* (2018). Kitachosen Kaku Misairu Mondai no Hatten to Beikoku no Sentakushi [North Korea's Nuclear and Missile Problem and U.S. Options] // Kokusai Mondai. № 670. P. 12—14.

18. Ibid.

19. Trump reassures Abe he will press North Korea at summit over past abductions of Japanese nationals // Japan Times. 08.06.2018. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2018/06/08/national/politics-diplomacy/abe-presses-north-koreas-abduction-japanese-trump-says-hes-ready-kim-summit (accessed: 03.04.2019)

20. *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? 2018. P. 43—44.

21. *Narushige M.* The Trump-Kim Summit, Future Scenarios, and Japan's Policy toward the Korean Peninsula // Asia-Pacific Review. Vol. 25. No. 2. 2018. P. 7.

22. *Soeya Y.* Can Abe Get Japan Back on the North Korea Bus? 2018. P. 45.

Д.В. Кику

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН В УСЛОВИЯХ РАЗРЯДКИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В условиях заметного снижения напряженности на Корейском полуострове в результате объявленного КНДР в апреле 2018 г. моратория на ракетные пуски и ядерные испытания, закрытия полигона в Пхунгери, а также зафиксированное в Пхеньянской декларации обязательство северокорейской стороны по демонтажу ракетного полигона в Тончанни и закрытию ядерных объектов в Ёнбёне, тон дискуссий в Совете Безопасности ООН претерпел значительные изменения. Россия и Китай настойчиво высказываются в пользу роспуска так называемого Командования ООН и поддержки СБ ООН позитивной динамики развития ситуации вокруг Корейского полуострова, что в том числе подразумевает поэтапную отмену санкционных мер, введенных в отношении Пхеньяна. Все резолюции СБ ООН по КНДР содержат не только санкционную составляющую, но и предусматривают возможность приостановить или отменить те или иные санкционные меры в зависимости от выполнения Пхеньяном решений Совета Безопасности.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, КНДР, санкционный режим, ядерная проблема Корейского полуострова.

В условиях достижения прогресса в деле урегулирования проблем Корейского полуострова главным образом в результате объявленного в апреле 2018 г. Пхеньяном моратория на ракетные пуски и

ядерные испытания, закрытия полигона в Пхунгери и решения США и Республики Корея отложить на неопределенный срок проведение военных манёвров или значительно снизить их размах, риторика в Совете Безопасности ООН претерпела значительные изменения. Со стороны России и Китая все настойчивее звучат призывы не только облегчить санкционный режим в отношении КНДР, но и распустить так называемое Командование Организации Объединенных Наций в Корее (далее — Командование ООН).

Анахронизм так называемого Командования ООН

Знаковым в этом смысле стало выступление в ходе состоявшегося 17 сентября 2018 г. заседания Совета Безопасности заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Р. Дикарло (США), подтвердившей, что, несмотря на свое название, «Командование ООН» не является операцией или органом ООН и не находится под командованием и контролем Организации. Кроме того, оно не было учреждено в качестве вспомогательного органа Совета Безопасности и не финансируется из бюджета ООН. Таким образом, между «Командованием ООН» и Секретариатом ООН не существует никакого порядка подчинения[1].

В свою очередь постоянный представитель России при ООН В. Небензя отметил, что так называемое Командование ООН, прикрываясь именем ООН, заблокировало практические шаги по реализации межкорейскоий инициативы по восстановлению железнодорожного сообщения, являющейся одной из центральных межкорейских договоренностей, зафиксированных в Пханмунчжомской декларации. Насколько известно, специалисты с обеих сторон не были допущены этим так называемым командованием для осмотра состояния путей. Естественно, пошли и комментарии в прессе, что, дескать, именно Организация Объединенных Наций блокирует реализацию совместных межкорейских проектов[2].

Говоря о статусе так называемых войск ООН в Корее, В. Небензя подчеркнул, что с точки зрения международного права в условиях, когда в 1991 г. КНДР и Республика Корея стали полноправными членами ООН, сохранение такого института, как «Командование

ООН» в Корее, закрепляющего за ООН статус воюющей стороны в гражданской войне, является юридическим нонсенсом. В нынешних условиях, когда Республика Корея и КНДР официально декларируют намерение не допустить нового межкорейского конфликта, а также призывают принять декларацию о завершении войны на Корейском полуострове и подписать мирный договор, следует проанализировать актуальность роли и задач таких войск. Как известно, они определялись в 1950 г. резолюциями Совета Безопасности ООН 84 (1950) и 85 (1950), которые были приняты в определенном историческом контексте.

Как отметил В.Небензя, Советский Союз бойкотировал заседания Совета Безопасности, а место Китайской Народной Республики занимали гоминьдановские власти. По сути, никакого отношения к Организации Объединенных Наций эти войска не имеют. Следует подумать и о возможных механизмах их вывода. Напомним: решения 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, например, предусматривали возможный роспуск командования еще в 1976 г. и их замены на корейские пограничные войска в случае дальнейшей нормализации обстановки на полуострове. Институты и механизмы ООН и ее Совета Безопасности должны задействоваться для поддержки процессов урегулирования, а не становиться для них преградой. Общая задача всех вовлеченных государств — мирное решение накопившихся в регионе проблем, включая ядерную, на основе диалога и достижения взаимоприемлемых договоренностей[3].

Вторил ему постоянный представить Китая при ООН Ма Чжаосюй, заявив, что Китай рассматривает так называемое Командование ООН пережитком эпохи холодной войны, чье название не отражает реальность. По мнению Пекина, оно нелегитимно и наводит на мысли о военном противостоянии. Так называемое Командование ООН давно уже стало анахронизмом. Оно не должно стать препятствием для примирения и сотрудничества между Югом и Севером полуострова[4].

В частности, принятая 18 ноября 1975 г. резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3390[5] содержит ссылку на письмо от 27 июня 1975 г., направленное правительством США председателю Совета Безопасности ООН, в котором подтверждается готовность упразд-

нить 1 января 1976 г. «Командование ООН» при условии, что другие, непосредственно заинтересованные стороны придут к согласию относительно взаимоприемлемых альтернативных мер в целях соблюдения Соглашения о перемирии. В связи с этим Генеральная Ассамблея настоятельно призвала все непосредственно заинтересованные стороны в качестве первого шага, с учетом необходимости обеспечить постоянное соблюдение Соглашения о перемирии и полное поддержание мира и безопасности в данном районе, вступить в ближайшее время в переговоры, с тем чтобы «Командование ООН» могло быть распущено одновременно с принятием мер по обеспечению соблюдения Соглашения о перемирии.

Санкционная повестка дня СБ ООН

Несмотря на в целом положительную динамику в деле урегулирования проблем Корейского полуострова, санкционное давление Вашингтона на КНДР через Совет Безопасности ООН и его вспомогательные органы не ослабевало, однако, во многом благодаря взвешенной российской позиции, не получало своего практического развития.

Так, 6 июля 2018 г. США проинформировали Группу экспертов Комитета 1718 СБ ООН о том, что КНДР превысила допустимый максимальный объем нефтепродуктов, установленный в резолюции 2397 (2017), заявив, что в период с 1 января по 30 мая 2018 г. северокорейские танкеры по крайней мере 89 раз заходили в порты КНДР, вероятно, с целью доставки продуктов нефтепереработки, приобретенных нелегально путем перевалки с судна на судно, и «что эти операции необходимо пресечь, поскольку, по мнению США, установленная в резолюции квота была превышена»[6].

30 июля 2018 г. Группа экспертов получила вербальную ноту Российской Федерации, в которой запрашивались разъяснения в отношении моделируемых показателей, представленных США. Российская сторона также уведомила Группу, что в соответствии с представленными в Комитет 1718 данными максимальный объем официально не был достигнут, и поэтому не существует оснований для приостановки поставок продуктов нефтепереработки в КНДР[7].

17 сентября 2018 г. США сообщили в Комитет 1718 о том, что «с 1 июня по 18 августа имели место по меньшей мере дополнительных 59 случаев поставки нефтепродуктов танкерами в КНДР, в результате чего общее число поставок за 2018 год достигло 148, причем во всех случаях в портах Северной Кореи выгружались продукты нефтепереработки, приобретенные путем запрещенной ООН перевалки с судна на судно». США также представили Комитету несколько изображений и три версии расчетов, из которых «явно следует, что КНДР получила гораздо больше 500 000 баррелей, которые ей разрешено приобрести в 2018 г.»[8]. При этом Группа экспертов обнаружила расхождения между представленными США в июле и сентябре данными в колонке «объем поставки при загруженности на 33 %», что, как представляется, ставит под сомнение верность американских расчетов[9].

В письме Комитету от 21 сентября 2018 г. Российская Федерация заявила: «Разрозненные сведения, представленные США о случаях предполагаемой запрещенной перевалки нефтепродуктов на суда КНДР, а также результаты компьютерного моделирования, выполненного США, недостаточны для вынесения Комитетом решения полностью прекратить экспорт продуктов нефтепереработки в КНДР до конца года... Требуется полное расследование и вынесение Группой экспертов Комитета 1718 соответствующих заключений»[10].

В свою очередь, Группа подтвердила, что не имеет убедительных доказательств для принятия выводов о превышении лимита[11].

Влияние санкций СБ ООН на гуманитарную ситуацию в КНДР

Как отмечается в докладе Группы экспертов, в период с января 2018 г. по январь 2019 г. Комитет 1718 получил от государств-членов, учреждений Организации Объединенных Наций и гуманитарных организаций 25 заявок о предоставлении изъятий для оказания гуманитарной помощи[12]. На момент подготовки доклада (январь 2019 г.) Комитет удовлетворил 16 заявок, 7 заявок находилось на его рассмотрении (2 заявки были отозваны)[13].

Государства-члены, учреждения ООН и гуманитарные организации выразили озабоченность по поводу того, что, несмотря на поло-

жения об изъятиях и усилия Комитета, они продолжают испытывать непреднамеренные последствия для осуществляемых ими гуманитарных программ, что делает невозможным их нормальное функционирование в КНДР. Среди шести основных проблем, доведенных до сведения Группы, были названы следующие: задержки в получении изъятий из санкционного режима; коллапс банковского канала; задержки в таможенном оформлении; сокращение числа заинтересованных иностранных поставщиков; повышение расходов на товары гуманитарного назначения и осуществление гуманитарных операций; сокращение финансирования операций[14].

В этой связи Группа выступила с рядом рекомендаций Комитету 1718, нацеленных на исправление сложившейся негативной ситуации[15].

Во-первых, Группа рекомендует ограничить по времени сроки обсуждения в Комитете заявок о предоставлении гуманитарных изъятий. Целевые группы в рамках Комитета должны проводить регулярные заседания для рассмотрения гуманитарных вопросов в целях ускорения обработки таких заявок.

Во-вторых, для облегчения неоправданного бремени, лежащего на государствах-членах, учреждениях ООН и гуманитарных организациях, Комитету следует опубликовать список определенных «нечувствительных» предметов, используемых в гуманитарных операциях и подпадающих под действие секторальных санкций, указанных в п. 7 резолюции 2397 (2017)[16] и требующих получения изъятий для гуманитарных поставок в КНДР.

В-третьих, Комитету следует продолжать запрашивать мнение государств-членов, учреждений ООН и гуманитарных организаций, обращающихся за изъятиями[17], и стремиться по мере возможности рационализировать и упростить процесс подачи заявок, в том числе путем проявления более гибкого подхода в отношении технических характеристик планируемых поставок, участвующих сторон и частоты подачи заявок и документов.

В завершение Группа экспертов призвала Генерального секретаря ООН поручить Секретариату провести оценку гуманитарных последствий санкций в КНДР.

Доктринальные установки администрации Д. Трампа

В своей статье «Противостояние Ирану» во влиятельном американском журнале Foreign Affairs госсекретарь США М. Помпео отмечает[18], что агрессивная кампания давления международного сообщества во главе с Вашингтоном против Северной Кореи, в сочетании с четкими и однозначными заявлениями президента о том, что Америка будет защищать свои жизненно важные интересы с применением силы, если это необходимо, создали условия для переговоров, кульминацией которых стал саммит президента Д. Трампа и председателя Ким Чен Ына в Сингапуре в июне 2018 г. В изложении М. Помпео, именно там председатель Ким лично выразил приверженность окончательной, полностью проверяемой денуклеаризации Северной Кореи.

Рассуждая о доктринальных установках нынешней американской администрации, М. Помпео утверждает, что президент Д. Трамп унаследовал мир в некотором смысле столь же опасный, как мир, с которым США столкнулись в преддверии мировых войн и в разгар холодной войны. Но пробивная смелость президента, сначала в отношении Северной Кореи, а теперь и в отношении Ирана, показала, какого прогресса можно достичь, сочетая ясность убеждений с упором на нераспространение ядерного оружия и сильные альянсы. Как утверждается, действия президента Д. Трампа в противостоянии «незаконным режимам» основаны на убеждении, что моральное противостояние ведет к дипломатическому умиротворению.

В завершение М. Помпео подчеркивает, что подобная тактика явилась сценарием для одного из величайших внешнеполитических триумфов прошлого века — победы Америки в холодной войне. Сочетание моральной ясности и дипломатической остроты президента Р. Рейгана заложило основу для переговоров 1986 г. в Рейкьявике и, позднее, падения советского коммунизма.

Тем самым Пхеньяну ясно дают понять, что на данном этапе в Вашингтоне избрали не силовой метод, а переговорный, в том числе с возможным выводом КНДР из-под международных санкций. Тем не менее концепция остается прежней — обеспечение падения правящего в стране политического режима. Прецедент с Ливией — тому ярчайший пример.

Примечания

[1] URL: https://undocs.org/ru/S/PV.8353 (дата обращения: 04.03.2019).

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] A/RES/3390, параграф 3. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/3390%28XXX%29 (дата обращения: 05.03.2019).

[6] S/2019/171, параграф 3. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[7] Ibid.

[8] Ibid.

[9] S/2019/171, сноска 3. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[10] S/2019/171, параграф 3. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[11] S/2019/171, параграф 4. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[12] S/2019/171, параграф 175. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[13] Информация об утвержденных Комитетом 1718 гуманитарных изъятиях размещена на веб-сайте. URL: www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/exemptions-measures/humanitarian-exemption-requests (дата обращения: 31.01.2019).

[14] S/2019/171, параграф 176. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[15] S/2019/171, параграфы 177—180. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/panel_experts/reports (дата обращения: 12.03.2019).

[16] URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2397(2017) (дата обращения: 09.03.2019).

[17] URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/implementation_assistance_notice_7_ru.pdf (дата обращения: 04.03.2019).

[18] *Pompeo Michael R.* Confronting Iran: The Trump Administration's Strategy // Foreign Affairs, November/December 2018. P. 60—70.

References

1. URL: https://undocs.org/ru/S/PV.8353 (accessed: 04.03.2019.

2. Ibid.

3. Ibid.

4. Ibid.

5. A/RES/3390, paragraph 3. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/3390%28XXX%29 (accessed: 05.03.2019).

6. S/2019/171, paragraph 3. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

7. Ibid.

8. Ibid.

9. S/2019/171, footnote 3. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

10. S/2019/171, paragraph 3. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

11. S/2019/171, paragraph 4. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

12. S/2019/171, paragraph 175. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

13. Humanitarian exemption requests approved by the 1718 Committee are available from: www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/exemptions-measures/humanitarian-exemption-requests (accessed: 31.01.2019).

14. S/2019/171, paragraph 176. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

15. S/2019/171, paragraphs 177—180. URL: https://www.undocs.org/S/2019/171 (accessed: 12.03.2019).

16. URL: https://www.undocs.org/S/RES/2397%20(2017) (accessed: 09.03.2019).

17. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718/implementation-notices (accessed: 04.03.2019).

18. *Pompeo Michael R.* Confronting Iran: The Trump Administration's Strategy// Foreign Affairs, November/December 2018. P. 60—70.

В.В. Хрусталёв

ПРОБЛЕМЫ НЕОБРАТИМОЙ И ПОЛНОЙ ДЕНУКЛЕАРИЗАЦИИ КНДР

К началу 2019 г. КНДР добилась больших успехов в создании ядерного и термоядерного оружия, а также технологий производства необходимых материалов. Накопленный технический, технологический, производственный и человеческий капитал создают радикально новую ситуацию. Еще никогда страна, обладающая столь впечатляющим ядерным комплексом (и создавшая ядерный арсенал самостоятельно), не проводила быстрое и одностороннее разоружение. А обеспечение необратимости и абсолютной гарантированности ядерного разоружения вообще требует от КНДР и добровольного понижения в национальных правах, и одностороннего ограничения национального суверенитета. На это указывает опыт Ирака, Ирана, Ливии, ЮАР, стран бывшего СССР и т. д. Это делает реалистичным сценарием соглашения по «контролю за вооружениями» и частичному демонтажу соответствующего потенциала КНДР, в то время как полное, быстрое, гарантированное и необратимое ядерное разоружение — идея однозначно утопическая.

Ключевые слова: ядерная проблема КНДР, CVID, проблема «скрытых объектов», национальный суверенитет.

Текущий уровень ядерной программы КНДР

В настоящее время КНДР имеет развитой производственный потенциал, позволяющий производить разнообразные ядерные и термоядерные оружейные материалы (обогащённый уран, оружейный

плутоний, литий-6, дейтерий и, с высокой вероятностью, тритий). Программа ядерных испытаний имеет в активе шесть проведенных ядерных взрывов, включая испытание с достигнутой мощностью в сотни килотонн. Ядерная производственная инфраструктура страны имеет не менее 20 основных объектов и более 100 смежных[1]. В целом число вовлеченных в производство ядерного оружия предприятий может достигать сотен.

Если кратко подытожить эту ситуацию, — это ядерный комплекс не начинающей «страны — нарушителя режима нераспространения», а полноценного и давнего члена «ядерного клуба». По целому ряду параметров (например, некоторым аспектам программы подземных ядерных взрывов) Пхеньяну удалось обогнать не только Дели и Исламабад, но и Париж с Лондоном[2]. Из этого следует, что даже теоретически «необратимо разобрать» существующие объекты и лишить КНДР возможностей восстановить данную инфраструктуру, не говоря уже о гарантированной «проверяемости» всего спектра соответствующих возможностей КНДР, — нереально. Любая реальная схема будет компромиссной.

Неадекватность моделей разоружения иных стран

Очень часто в качестве примеров успешной деактивации ядерных программ можно встретить «кейсы» Ирака, Ирана, Ливии, ЮАР. Однако если приглядеться внимательнее, то эти примеры в целом не подходят.

Все указанные страны (даже в случае Ирака времён Саддама Хусейна) не идут ни в какое сравнение с КНДР по степени закрытости и мощности контрразведывательного режима. Поэтому если в случае с ними исходно всегда было относительно ясно, что всё критично значимое «известно где», то в случае с КНДР размеры неизвестных частей ядерной программы КНДР — полнейшая Terra Incognita.

Ядерные программы всех этих стран в целом находились на уровнях, очень далёких от КНДР. Хотя бы потому, что из всего списка создать собственное ядерное оружие удалось только ЮАР. При этом её арсенал составлял всего шесть зарядов и был технически и технологически чрезвычайно примитивен[3] (на фоне КНДР). А спе-

циалисты КНДР не просто хорошо знают, как «в принципе» сделать ядерное оружие. Они знают, как делать ядерные заряды разных конструкций, разных технологических поколений и с использованием разных расщепляющихся материалов.

Это создает первую принципиальную проблему с «необратимостью»: в стране даже при «полной сдаче всего» остаются тысячи (!) специалистов, ранее связанных с проектированием и производством ядерных зарядов (и их узлов и деталей). Поэтому, с одной стороны, после этого гарантировать, что часть из них не занимается «чем-то ещё», нереально в принципе. С другой стороны, ничто и никто не может гарантировать Пхеньяну, что США от него через какое-то время не начнут (как в своё время от Ирака) требовать «доказательств отсутствия» такой деятельности. Со всеми вытекающими последствиями. Для сравнения: в ЮАР в 1980-х актив военной ядерной программы был всего около 100 человек[4].

Еще одна проблема для убедительного необратимого, быстрого и проверяемого ядерного разоружения — это достигнутый в КНДР уровень конструирования ядерного оружия. Большая часть разных соглашений и режимов контроля исходит из ситуации с контролем страны, которая либо еще не пересекла «ядерную границу», либо недалеко от нее отошла.

Это характеризуется очень определенным форматом. Достигнутое производство расщепляющихся материалов крайне незначительно в пересчете на заряды в год. А сами заряды чрезвычайно затратны в плане расхода урана или плутония на единицу. Обычно в качестве моделей зарядов и расчета необходимого для них количества материалов брались атомные бомбы первого поколения. Однако достигнутый КНДР уровень может быть таковым, что произвести ядерный заряд вероятно при в 2—4 раза меньшем расходе плутония или урана, чем в традиционно применяемых моделях.

Технологический тупик гарантированности

Это создает для Пхеньяна и Вашингтона очень неприятную ситуацию. США никогда не смогут до конца быть уверены, что оппонент ничего не спрятал, а Пхеньян не сможет надёжно и убедитель-

но всем доказать, что у него ничего и нигде не спрятано. Так возникает опасность того, что «поиск спрятанного» может стать удобным предлогом для нового цикла давления независимо от того, насколько реально разоружился Пхеньян.

Вот несколько простых примеров того, в чём США могли бы обвинять Пхеньян после любого разоружения. Или что Пхеньян мог бы сделать в качестве «плана Б».

Например, согласно работе группы авторов[5], для производства 300 кг урана оружейного качества требуется 120 т закиси-окиси урана (с учётом разных технологических потерь). Однако надо ли КНДР будет аж 300 кг? При низком уровне развития технологии ядерных зарядов на заряд в 20 кт вполне может хватить 16—18 кг, а вот при среднем — 9—12 и при высоком 5—8 кг. Для КНДР явно не представляет никакой проблемы уровень 10 кг на заряд. А значит — для производства 5 зарядов надо всего 50 кг урана, на что потребуется всего 20 т закиси-окиси урана. Для страны, находящейся на огромных природных запасах уранового сырья, да ещё и выходящего в ряде мест на поверхность, не представит проблемы скрытно произвести и спрятать пару грузовиков сырья. Если же в модель ввести заряды с проектными мощностями в 10 или 15 кт, то хватит и одного грузовика.

Можно прикинуть и другие варианты. Например, секретного производства обогащённого урана на базе центрифуг по старой пакистанской технологии P-2. Их расчётные параметры удельной производительности несколько отличаются в разных источниках, однако примерный порядок величин характерный.

Как сказано в одной из статей, «если страна желает построить небольшой завод с пакистанскими центрифугами P-2, чтобы каждый год производить по 25 кг урана, обогащенного до уровня 90 %, ей потребуется иметь около 1000 центрифуг. Такой завод будет потреблять около 200 кВт и занимать площадь размером примерно в 500 кв. м. Приведенные цифры говорят о том, что завод очень трудно будет обнаружить на изображениях, полученных со спутников»[6].

Эта модель исходит из того, что плотность центрифуг две штуки на 1 кв. м, а удельная производительность каждой составляет 5 единиц работы разделения (ЕРР). И что для производства 25 кг высоко-

обогащенного урана (ВОУ) потребуется 5900 кг природного урана и около 4750 единиц работы разделения.

Однако если использовать в качестве сырья не природный, а низкообогащённый уран (уровня 4,4 %), то для получения сопоставимого результата в 25 кг высогообогащённого урана с уровнем обогащения 90 % в год потребуется уже всего 1500 ЕРР. А значит, число центрифуг можно сократить до 300, а площадь объекта — до 150 кв. м. Потребная электрическая мощность упадет ниже 100 кВт. А объем потребного исходного урана (с обогащением 4,4 %) сократится до всего 547 кг.

При этом число центрифуг можно сократить еще, причем есть два варианта. В первом можно поднять в потоке обеднённого урана (создаваемом при обогащении одновременно с потоком ВОУ) концентрацию урана-235 до 2 % (обеднённого относительно сырья с исходным уровнем обогащения 4,4 %). Да, количество потребного сырья вырастет с 547 до 917 кг. Зато с производством этих же 25 кг ВОУ в год теперь справятся только 160 центрифуг, занимающих теперь всего 80 кв. м. Это площадь четырехкомнатной квартиры, и спрятать в стране с тысячами военных подземных сооружений пару таких «квартир» не представит труда. Соответственно, надёжно доказать заведомое отсутствие таких объектов нереально. Кроме как при режиме, сопоставимом с ограниченным суверенитетом при внешней оккупации.

Во втором варианте, как показывает опыт Ирана, страна, получившая технологию пакистанских центрифуг Р-1 и Р-2, в последующем способна самостоятельно разработать центрифуги в разы более производительные, чем исходная Р-2. Если КНДР удалось создать центрифуги в 2—4 раза более производительные, чем исходные Р-2, то и потребуется их для сопоставимых результатов в разы меньше.

Принудительная деиндустриализация

Ещё одной проблемой для любого соглашения, гарантирующего необратимость разоружения КНДР, является уровень развития промышленности страны в целом. Ранее «разоружённые» страны не обладали достаточно развитой промышленностью, чтобы обеспечить

широкий спектр оборудования и материалов для производства самих зарядов и критически зависели от импорта.

Однако КНДР располагает и собственной электротехнической промышленностью, и станкостроением, и химической промышленностью, и многими другими отраслями, находящимися на уровне, достаточно качественном для изготовления компонентов ядерных зарядов и для производства оборудования для их изготовления. Необратимое и полное уничтожение соответствующего потенциала — это, по сути, требование масштабной деиндустриализации КНДР.

Выводы

Всё вышеуказанное делает реалистичным сценарием вариант соглашения по «контролю за вооружениями» и частичному демонтажу известного соответствующего потенциала КНДР. Процесс этот должен быть многолетний и развиваться по мере улучшения отношений сторон. И строиться на чём-то заведомо гарантируемом и надежно проверяемом. Разного рода моратории на ядерные взрывы, на переработку облученного ядерного топлива и т. д. — это вполне работоспособные варианты. Их выполнение или невыполнение легко и гарантировать, и проверять.

А вот полное, быстрое, гарантированное и необратимое ядерное разоружение КНДР — идея однозначно утопическая.

Примечания

[1] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6272404 (дата обращения: 04.05.2019).

[2] URL: https://profile.ru/politics/pust-nenavidyat-lish-by-boyalis-3750 (дата обращения: 04.05.2019).

[3] *Тимербаев Р.* Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него // Ядерный контроль. № 2 (76). Т. 11. С. 121—140. URL: http://pircenter.org/media/content/files/1/13415732140.pdf?fbclid=IwAR1_Yhje2HxKYPk4wVW8_UOkhcHMlWecxyOK2kuEQn_J5HmHkAOMKkmr0-k (дата обращения: 04.05.2019).

[4] *Хрусталёв В. В.* Северокорейская модель ядерного сдерживания: то, что не сделала ЮАР?// «Корейский полуостров: уроки истории»: доклады, представленные на XIV научной конференции кореeведов России и стран СНГ (Москва, 30—31 марта 2010 г.) М.: ИДВ РАН, 2010. С. 74—78.

[5] *Robert Harney, Gerald Brown, Matthew Carlyle, Eric Skroch, Kevin Wood*, "Anatomy of a Project to Produce a First Nuclear Weapon", Science & Global Security. Vol 14. No. 2—3 (2006): P. 163—182.

[6] *Habib B.* "Estimation of the Electromagnetic Radiation Emitted from a Small Centrifuge Plant", Science & Global Security ol 15. No. 1 (2007). P. 31—47.

References

1. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6272404 (accessed: 04.05.2019).

2. URL: https://profile.ru/politics/pust-nenavidyat-lish-by-boyalis-3750 (accessed: 04.05. 2019).

3. *Timerbayev R.* South Africa: how its nuclear weapons were created, how and why it abandoned them // Nuclear control. № 2 (76). Vol 11. P. 121—140. URL: http://pircenter.org/media/content/files/1/13415732140.pdf?fbclid=IwAR1_Yhje2HxKYPk4wVW8_UOkhcHMlWecxyOK2kuEQn_J5HmHkAOMKkmr0-k (accessed: 04.05.2019).

4. *Khrustalev V. V.* North Korean model of nuclear deterrence: what South Africa has not done?// "The Korean Peninsula: lessons of history": papers presented at the XIV scientific conference of Korean studies in Russia and countries of CIS (Moscow, 30—31 March 2010), Moscow: IFES RAS, 2010. P. 74—78.

5. *Robert Harney, Gerald Brown, Matthew Carlyle, Eric Skroch, Kevin Wood*, "Anatomy of a Project to Produce a First Nuclear Weapon", Science & Global Security. Vol 14. No. 2—3 (2006): P. 163—182.

6. *Habib B.* "Estimation of the Electromagnetic Radiation Emitted from a Small Centrifuge Plant", Science & Global Security ol 15. No. 1 (2007): P. 31—47.

И.А. Топчий

ПРОБЛЕМЫ ПОДСЧЕТА ЧИСЛЕННОСТИ КНА

Метод завышения военных возможностей сторон — один из действеннейших пропагандистских приёмов наших дней. Представить врага сильным, себя — слабым, его — агрессором, себя — жертвой, — что может быть удачнее для формирования нужного общественного мнения?

Наиболее исторически близким примером такой пропаганды являются современные оценки численности вооружённых сил Корейской Народно-Демократической Республики. 1990-е годы, период после распада Советского Союза и прекращения холодной войны, ознаменовались повышенной концентрацией внимания мирового сообщества в отношении КНДР. Итогом стало формирование ряда мифов о её «миллионной» армии, военном потенциале и потенциале её противников.

Ключевые слова: Корейская Народно-Демократическая республика, Республика Корея, вооружённые силы, военное противостояние.

Темой настоящего материала является вопрос о численности вооружённых сил Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) в условиях обстановки, сложившейся на Корейском полуострове.

К сожалению, КНДР является закрытой страной, с минимумом адекватной информации о ней и о её армии, что, соответственно,

влечёт за собой многочисленные домыслы и откровенные пропагандистские штампы, заполняющие образовавшуюся информационную лакуну.

Автор не ставил себе целью анализ оперативной и стратегической обстановки на Корейском полуострове, наступательного и оборонительного потенциала сторон, возможных тактических приёмов и ассиметричных ответов в условиях подавляющего технологического превосходства одной стороны над другой, а также оценки материальной части (количества танков, самолётов, орудий, миномётов и пр.) сторон.

Целью исследования является оценка численности вооружённых сил КНДР, их регулярного компонента, в профильных западных исследованиях, вернее авторская оценка указанной численности на основании информации из данных исследований, с учётом её критики.

Метод завышения военных возможностей сторон — один из действеннейших пропагандистских приёмов наших дней. Представить врага сильным, себя — слабым, его — агрессором, себя — жертвой, — что может быть удачнее для формирования нужного общественного мнения?

Наиболее исторически близким примером такой пропаганды являются оценки численности вооружённых сил КНДР. В прессе и профильных зарубежных исследованиях приводились оценки в 1100 тыс., 1500 тыс. и даже 1800 тыс. солдат и офицеров. Минимальная оценка (847 тыс. человек на 2004 г.) приводилась в статье Анатолия Цыганка, однако и она, на взгляд автора, является завышенной[1].

Практика значительного завышения численности северокорейских войск на полуострове в СМИ и научных изысканиях началась в начале 1990-х годов. В это время КНДР стала объектом серьёзной пропагандистской кампании против неё, развёрнутой на Западе и связанной с возможной военной операцией против КНДР коалиционных сил США и Республики Корея в указанный период.

Справедливости ради следует заметить, что, по имеющимся данным, как раз в заданное время, с 1991 по 1995 г., вооружённые силы КНДР достигли пика своей численности. Однако и при этом они уступали заявленным значениям в миллион и более человек под ружьём.

Проблема в том, что западная профильная исследовательская литература, называя столь крупные (миллионные) оценки северокорейских вооружённых сил, идёт на довольно серьёзные ухищрения при их обосновании. Так, забывается, что северокорейские вооружённые силы являются производными от советской военной системы и, соответственно, имеют два типа штатного расписания: мирного и военного времени. Кроме того, приводимый количественный состав организационно-штатных структур совершенно не коррелирует при их сложении с общей численностью войск, которую приводят в итоге. А численность персонала таких малоизученных родов войск КНДР, как ВВС и ВМФ, представляется бессмысленно раздутой даже по сравнению с их куда как более многочисленными южнокорейскими аналогами.

При этом не следует забывать про удельную составляющую численности вооружённых сил от численности населения. Так, максимальных показателей она достигала только в Германии в Первую и Вторую мировые войны при мобилизации 10 и 12 % от собственного населения и опираясь на значительный потенциал завоёванных иностранных экономик[2].

Совершенно очевидно, что страна с недостаточно сильным и самостоятельным ВПК, большую часть своего существования зависевшего от иностранного импорта вооружения (бóльшая или меньшая самодостаточность появилась только после крушения Советского Союза, на кредиты которого в том числе была построена северокорейская военная машина, собственных разработок имелось минимум[3]), имея около 25,6 млн населения, не способна выставить в мирное время армию больше в процентном отношении от собственного населения, чем более развитые страны[4].

Кроме того, следует отметить, что, если одна сторона (Республика Корея) имела в 1990-е годы в 8—10 раз больший военный бюджет (а на текущий момент — в 33—34 раза больший), чем вторая (КНДР), иметь и снабжать превосходящую в военном отношении машину вторая будет вряд ли в состоянии[5].

Некоторые из высказанных тезисов хотелось бы проиллюстрировать более детально. В книге North Korea Country Book, изданной силами и средствами разведки Корпуса морской пехоты США в

1997 г., приведены довольно подробные штатные расписания северокорейских армейских подразделений. Они примерно соответствуют советским организационно-штатным структурам.

Данные расписания, если верить знаменитому исследователю КНДР на Западе Джозефу Бермудезу, остаются неизменными по сей день. По состоянию на 1990-е годы Country Book предусматривала наличие под ружьём 15 армейских корпусов (пехотных, механизированных, танкового и артиллерийских). В составе данных корпусов находилось 37 дивизий, 104 отдельные бригады, а также ряд полков и батальонов корпусного подчинения. Это на пике: суммарно численность сухопутных подразделений, согласно приведённым в указанной книге расписаниям, составляла 785 тыс. человек, без учёта внутренних и пограничных войск (ещё примерно 35 тыс.), а также частей центрального подчинения (непосредственно подчинённых верховному командованию Корейской народной армии частей — штабных и обеспечивающих)[6].

Наличие такого большого количества развёрнутых организационно-штатных структур объяснялась просто: территория КНДР достаточно невелика и имеет сложный рельеф, в то время как на развёртывание новых дивизий требуется значительный промежуток времени. Быстрое продвижение противника попросту может не позволить осуществить развёртывание и возместить убыль в подразделениях. Проще иметь готовые структуры, которые можно в короткий срок довести до штатов военного времени.

В то же время не исключено наличие мобилизационного резерва в виде дивизий второй очереди на случай затягивания конфликта. Так, в книге Дэниэла Болджера, посвящённой конфликту 1966—1969 гг. в районе демилитаризованной зоны (ДМЗ), число таких дивизий «долговременной мобилизации» оценивалось не менее чем в 10 единиц[7].

Оценки численности ВМФ, сил специального назначения и ВВС (как отдельных родов войск) возможны только на основании аналогового суждения, поскольку организация составляющих их подразделений в точности неизвестна, а приводимые оценки носят явно пропагандистский характер.

Так, флот меньше южнокорейского (в котором служит 41 тыс. моряков и 29 тыс. морских пехотинцев) в несколько раз и, соответ-

ственно, не может иметь приписываемого ему минимального значения в 40 тыс. личного состава[8]. Авиация также уступает не только качественно, но и количественно[9].

Отдельно хотелось бы рассмотреть *армейский спецназ КНДР и его численность* (не путать с силами специальных операций. Речь именно о бригадах специального назначения корпусного подчинения). Снайперские и разведывательные бригады в составе вооружённых сил КНДР должны были иметь, по книге ЦРУ 1997 г., по 3600 и 3300 солдат и офицеров в своём составе соответственно[10]. Есть сомнения в корректности данных: так, в книге Болджера по конфликту 1966—1969 гг. и сборнике лекций Мэнни Сека приводилась численность спецназа КНДР на 1966 г. — всего 3000 человек, причём в его основе были две разведывательные бригады, численность каждой из которых вряд ли превышала тысячу человек, а также штабные, тренировочные, разведывательные и обеспечивающие части. Это приблизительно соответствует расписаниям бригад специального назначения ГРУ (Главного разведывательного управления) советской армии[11].

Следовательно, 13 бригад в составе армейских корпусов Корейской народной армии (КНА) в 1990-е годы должны были иметь не 45 тыс. списочного состава, а минимум в три раза меньше, и минимальное завышение численности войск составляло 30 тыс. человек.

Так, некоторые китайские данные говорили о том, что в составе КНА в принципе не больше 6-7 бригад специального назначения. Это — от 3 до 7 тыс. человек в строю (оценочно)[12].

Также следует сказать о *Силах специальных операций* КНДР (ССО КНДР) как об отдельном роде войск. Конечно, оценки в «200 тыс.» северокорейского спецназа невероятны и призваны ошеломить: по факту, спецназ при такой численности превращается из частей специального назначения, заточенных на специальные операции, диверсионную и разведывательную борьбу, в обычную лёгкую пехоту, предназначенную для общевойскового боя. Но даже оценки, которые минимальны, сомнительны.

В 2010 г. была завершена последняя реформа ССО, что привело к её современной организации: шесть разведывательных бюро под эгидой Генерального разведывательного бюро при Министерстве Народных вооружённых сил, порядковые номера с первого по седьмое

(с пропуском четвёртого как несчастливого числа). Наиболее точно об этом написано в журнале того же Бермудеза «38 North» за 2010 г.

Самыми многочисленными в данном журнале представлены первое и второе бюро. Прочие невелики и по своим функциональным обязанностям не имеют существенного влияния на численность ССО. Первое, организованное из 11 управляемых элементов, обладает заявленной численностью в 6—7 тыс. персонала. При том что в том же источнике указаны темпы комплектования данного бюро: 60—80 агентов в год. Таким образом, в Первом бюро, за вычетом тренировочных и управленческих частей, должен служить личный состав не менее чем 50 возрастов, что вряд ли соответствует действительности.

Второе имеет шесть элементов центрального подчинения, три снайперские бригады и пять отдельных разведывательных батальонов в своём составе. Структура разведывательных батальонов включает в себя штабной взвод, взвод связи, а также пять рот по три взвода каждая. В бригаде заявлено наличие штабной роты и роты связи, а также 7—10 снайперских батальонов[13].

Даже если не брать под сомнение непропорционально большое количество управляемых элементов в каждом подразделении, численность бригады в 3300—4600 человек выглядит завышенной (по аналогии с советскими организационно-штатными структурами). Так, взвод сил специального назначения приравнен к группе, согласно принятым как в США, так и в СССР/РФ нормам, рота имеет штат в 25 человек, согласно данным того же автора, но из другой его работы (три группы-взвода по 7—9 человек). Соответственно, численность бригады будет находиться в пределах 900—1500 человек, в зависимости от минимализации или максимализации исходных расчётных данных[14].

Резюмируя: даже оценки северокорейских ССО в 25 тыс. человек, которые делались автором данной статьи ранее, выглядят завышенными. Наличие мощных и сбалансированных ССО, безусловно, является новшеством, заимствованным из США. Однако на фоне самой мощной в мире сверхдержавы, имеющей 40-тысячные ССО (и это только официально) и проводящей свои операции по всему миру, сопоставимые ССО у небольшой региональной страны, чьи

вооружённые силы имеют оборонительную концепцию, сомнительны[15].

Исходя из вышесказанного, *общая численность войск* по состоянию на 1990-е годы составляла не более 900 тыс. солдат и офицеров, без учёта территориального ополчения, о статусе и организации которого следует говорить отдельно. Переход на ОШС военного времени, если предположить советскую мобилизационную схему аутентичной, должен был повлечь за собой допризыв ещё приблизительно 400 тыс. человек.

1995—2006 гг. ознаменовались реформами в вооружённых силах. Только в 1998—2006 гг. были сокращены шесть из 15 армейских корпусов (танковый, механизированные, артиллерийские и один из пехотных), численность сухопутных войск уменьшилась (расчётно) на 205 тыс. человек[16].

Ранее (в 1995—1996 гг.) попал под сокращение 6-й корпус КНА, в составе которого сегодня осталась одна пехотная дивизия (кадрированная) и части корпусного подчинения. По факту, корпус сегодня — кадрированная структура для развертывания в полноценную боевую единицу в случае мобилизации[17].

Сохранение численности подготовленного резерва при спаде числа войск достигалось за счёт сокращения сроков службы. ОШС сухопутных войск, согласно Бермудезу, не менялись. По количественному и структурному изменению ВВС, ВМФ, внутренних и пограничных войск данных нет.

По китайским данным, был сокращен ещё ряд корпусов. По факту, сегодня «на передовой» у КНДР в западной части ДМЗ (без восточного побережья) только два «передовых» корпуса, по-видимому, сильно урезанного состава: семь пехотных дивизий (3-я, 4-я, 6-я, 26-я, 28-я, 33-я, 41-я), артиллерийская бригада (40 единиц 170-мм САУ) и бригада РСЗО (40 РСЗО). Это — не более 100 тыс. человек (расчётно), без учета группировки КНА на восточном участке ДМЗ[18].

Если так, то сухопутные войска КНДР сегодня — это всего 5-6 армейских корпусов, ряд кадрированных частей (тот же распущенный не до конца 6-й корпус) и части центрального подчинения (например, 105-я танковая дивизия). Их можно оценивать в 350—400 тыс. человек, ВВС (с ПВО) — 40 тыс. человек, ВМФ — в преде-

лах 10—15 тыс. человек, ССО — 12—15 тыс. человек (расчётно), внутренних и пограничных войск (суммарно) — 35 тыс. человек.

Возможно, данные значения не включают некоторое количество частей центрального подчинения общевойскового и корпусного значения — штабных и обеспечивающих деятельность штабов подразделений, а также тыловых структур. Тем не менее суммарно численность войск КНДР можно предполагать в пределах полумиллиона солдат и офицеров, что составляет 2 % от численности населения. Мобилизация и переход на военные штаты могут увеличить (оценочно) эту цифру ещё на 250—300 тыс. человек до 700—800 тыс. солдат и офицеров, без развёртывания подразделений второй волны[19].

Впрочем, данные показатели, возможно, не предел тенденций по сокращению армии. В 2013 г. в блоге Центра АСТ (URL: bmpd.livejournal.com) проходила информация о дальнейшем снижении численности вооружённых сил КНДР ещё на 300 тыс. человек[20].

Данная информация не нашла подтверждения, однако насколько адекватно такое сокращение в условиях сильного противника на юге — неизвестно. Не исключено, что данная информация является недостоверной.

Подытоживая: вооружённые силы КНДР на сегодняшний день являются одними из самых многочисленных в мире. Однако превращать их в военного гиганта не следует: северокорейская модель построения армии — скорее дешёвый, максимально эффективный ассиметричный ответ врагу, имеющему подавляющее численное и технологическое превосходство. Жизнеспособность этой модели уже более 60 лет не проходила проверки на практике и, хотелось бы надеяться, не пройдёт.

Потому что современная армия — это не только армия, соответствующим образом укомплектованная, но и армия, должным образом организованная (и управляемая), и вот здесь Корейская народная армия значительно уступает южнокорейскому, японскому и уж тем более американскому аналогам. Даже Республика Корея после мобилизации способна поставить не менее 2 млн человек под ружьё; правда, часть из них в территориальных (т. е. предназначенных для охраны внутренних провинций) и резервных частях[21], США же в последние 25 лет строят свои вооружённые силы по принципу способ-

ности послать четверть миллиона солдат в любое место земного шара за 30 дней[22].

Плотности оперативных построений на Корейском полуострове, безусловно, превосходят оные в любой точке света: нормативы обороны, отведённые на одну расчётную дивизию здесь, значительно отличаются от подобных где-либо (по 20—25 км на дивизию и ещё меньше в дефиле). Перспективный театр военных действий буквально перенасыщен войсками и потенциально способен вместить в разы больше подразделений, чем способны дать самые простые расчёты (например, «ёмкость» Белоруссии как театра войны почти вдвое больше по площади, чем КНДР, и не превышает 10—12 стандартных западных дивизий, что сопоставимо с 20—25 советскими/российскими[23]).

Однако современная военная операция — это действия меньшей группы активных сил при содействии большей группы обеспечивающих (в Иракской кампании 2003 г. соотношение между этими двумя элементами составляло примерно 1/3), и вот насколько здесь КНДР, с её обилием пехотных и моторизованных частей и слабым обеспечением и материальной частью, способна противостоять вызовам современности, — отдельный вопрос.

Впрочем, последнее — тема для самостоятельного большого исследования.

Примечания

[1] *Цыганок А.* Армия Ким Чен Ира. 16 октября 2006. URL: http://polit.ru/article/2006/10/16/kndr/ (дата обращения: 02.02.2019).

[2] *Топчий И.* Вооруженные силы Корейской Народно-Демократической Республики // Альманах «Искусство войны». 12 марта 2012. URL: http://navoine.info/kndr-army.html (дата обращения: 02.02.2019); *Seck M.* The Quiet War: the US Army in the Korean Demilitarized Zone, 1953—2004 // American Public University System. 2011.

[3] *Ланьков А.* Северная Корея: вчера и сегодня. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a92.shtml (дата обращения: 02.02.2019); *Chen J., Hershnerg J.* The Cold War in Asia // Cold War International History Project. P. 76; *Eberstardt N.* The End of North Korea. URL: https://www.nytimes.com/books/first/e/eberstadt-korea.html (дата обращения: 10.01.2018).

[4] Население Северной Кореи. Счетчик населения Северной Кореи. URL: https://countrymeters.info/ru/Democratic_People's_Republic_of_Korea (дата обращения: 10.01.2019).

[5] Defense intelligence director says N. Korea would win in a one-on-one war // Hankyoreh. 6 ноября 2013. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/610084.html (дата обращения: 02.02.2019).

[6] *Топчий И.* Указ. соч.; North Korean Country Book // Marine Corps Intelligence Activity. 1997. URL: https://fas.org/nuke/guide/dprk/nkor. pdf (дата обращения: 02.02.2019); Советские Вооружённые Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978; Организационная структура соединений и частей Сухопутных войск. Учебно-методический материал. М.: ВАФ. 1998. 22 с; *Bermudez J.* KPAJournal № 7. July 2010. URL: http://www.kpajournal.com/vol-1-no-7-ju ly-2010/ (дата обращения: 02.02.2019).

[7] *Bolger D.* Scenes from an Unfinished War: Low intensity conflict in Korea 1966—1969 // Diane Publishing Co. P. 14, 16; Seck M. The Quiet War: the US Army in the Korean Demilitarized Zone, 1953—2004 // American Public University System. 2011.

[8] Белая книга Министерства обороны РК 2018 (кор. 국방 백서 2018). URL: http://www.mnd.go.kr/user/mnd/upload/pblictn/PBLICTNEBOOK_2019011602364 60390.pdf

[9] КНДР: зубы бумажного тигра // ИА REGNUM. 23.03.2013. URL: https://regnum.ru/news/polit/1639687.html (дата обращения: 02.02.2019).

[10] URL: http://www-solar.mcs.st-and.ac.uk/~aaron/MODORG/nka90.html (дата обращения: 02.02.2019).

[11] *Bolger D.* Op. cit.

[12] URL: http://control.blog.sina.com.cn/myblog/htmlsource/blog_notopen.php?uid=1279583220&version=7&x (дата обращения: 20.08.2018).

[13] *Bermudez J.* 38 North/ Special report № 4. 11 June 2010.

[14] *Bermudez J.* North Korea Special Forces // Naval Institute Press. 1998. P. 182.

[15] *Топчий И.* Силы специальных операций КНДР. URL: https://schneider-krieg.livejournal.com/4965.html (дата обращения: 02.02.2019).

[16] *Bermudez J.* KPA Journal № 7, July 2010. URL: http://www.kpajournal.com/vol-1-no-7-july-2010/ (дата обращения: 02.02.2019); North Korean Country Book // Marine Corps Intelligence Activity. 1997. URL: https://fas.org/nuke/guide/dprk/nkor.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

[17] *Rosen A.* Why The Utterly Bizarre Situation In North Korea Might Remain A Total Mystery // Business Insider. 7 October 2014. URL: https://www.businessinsider.com/whats-happening-in-north-korea- will-remain-a-total-mystery-2014-10 (дата обращения: 02.02.2019); URL: http://control.blog.sina.com.cn/myblog/htmlsource/blog_notopen.php?uid=1279583220&version=7&x (дата обращения: 20.08.2018).

[18] URL: http://news.ifeng.com/mil/special/chaoxianhanguolujun/ (дата обращения: 02.02.2019); North Korean Country Book // Marine Corps Intelligence Activity. 1997. URL: https://fas.org/nuke/guide/dprk/nkor.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

[19] *Bermudez J.* KPA Journal № 7, July 2010...

[20] Сокращение вооруженных сил КНДР. 16.07.2013. URL: https://bmpd.livejournal.com/568434.html (дата обращения: 02.02.2019).

[21] *Savada A., Shaw W.* South Korea: a country study. Fourth Edition. 1992. URL: http://www.memory.loc.gov/master/frd/frdcstdy/so/southkoreacountr00sava_0/southkoreacountr00sava_0.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

[22] Rumsfeld Faces Growing Revolt by Retired Gene // The New York Times. 13 April 2006.

[23] Влияние дальнейшего расширения блока НАТО на военную безопасность России. Возможные меры противодействия политике альянса и нейтрализации угроз // Аналитический доклад. М., 2002.

References

1. *Tsyganok A.* Kim Jong Il's Army. 16 October 2006. URL: http://polit.ru/article/2006/10/16/kndr/ (accessed: 02.02.2019).

2. *Topchiy I.* Armed Forces of Democratic People's Republic of Korea // Almanac "Art of War". 12 March 2012. URL: http://navoine.info/kndr-army.html (accessed: 02.02.2019).

3. *Seck, M.* The Quiet War: the US Army in the Korean Demilitarized Zone, 1953—2004 // American Public University System. 2011.

4. *Lankov A.* North Korea: yesterday and today. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a92.shtml (accessed: 02.02.2019).

5. *Chen, J., Hershnerg J.* The Cold War in Asia // Cold War International History Project. P. 76.

6. *Eberstardt, N.* The End of North Korea. URL: https://www.nytimes.com/books/first/e/eberstadt-korea.html (accessed: 10.01.2019).

7. The population of North Korea. North Korean population counter. URL: https://countrymeters.info/ru/Democratic_People's_Republic_of_Korea (accessed: 10.01.2019).

8. Defense intelligence director says N. Korea would win in a one-on-one war // Hankyoreh. 6 ноября 2013. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/610084.html (accessed: 02.02.2019).

9. North Korean Country Book // Marine Corps Intelligence Activity. 1997. URL: https://fas.org/nuke/guide/dprk/nkor.pdf (accessed: 02.02.2019).

10. Soviet Armed Forces: History of Construction. M.: Voenizdat, 1978.

11. The organizational structure of the formations and units of the Ground Forces. Educational material. // M.: MAF. 1998. 22 p.

12. *Bermudez, J.* KPAJournal № 7, July 2010. URL: http://www.kpajournal.com/vol-1-no-7-july-2010/ (accessed: 02.02.2019).

13. *Bolger, D.* Scenes from an Unfinished War: Low intensity conflict in Korea 1966—1969. // Diane Publishing Co. P. 14, 16.

14. Gugbang Baegseo 2018 (White Paper of the Ministry of Defense of the Republic of Korea for 2018, in Korean). URL: http://www.mnd.go.kr/user/mnd/upload/pblictn/PBLICTNEBOOK_201901160236460390.pdf (accessed: 02.02.2019).

15. DPRK: paper tiger teeth // IA REGNUM. 23 March 2013. URL: https://regnum.ru/news/polit/1639687.html (accessed: 02.02.2019).

16. URL: http://www-solar.mcs.st-and.ac.uk/~aaron/MODORG/nka90.html (accessed: 02.02.2019).

17. URL: http://control.blog.sina.com.cn/myblog/htmlsource/blog_notopen.php?uid=1279583220&version=7&x (accessed: 20.08.2018).

18. *Bermudez, J.* 38North/ Special report № 4. 11 June 2010.

19. *Bermudez, J.* North Korea Special Forces // Naval Institute Press. 1998. P. 182.

20. *Topchiy I.* Special Operation Forces of DPRK. URL: https://schneider-krieg.livejournal.com/4965.html (accessed: 02.02.2019).

21. *Rosen, A.* Why The Utterly Bizarre Situation In North Korea Might Remain A Total Mystery // Business Insider. 7 October 2014. URL: https://www.businessinsider.com/whats-happening-in-north-korea-will-remain-a-total-mystery-2014-wh (accessed: 02.02.2019).

22. URL: http://news.ifeng.com/mil/special/chaoxianhanguolujun/ (accessed: 02.02.2019).

23. The reduction of the armed forces of the DPRK. 16 July 2013. URL: https://bmpd.livejournal.com/568434.html (accessed: 02.02.2019).

24. *Savada, A., Shaw W.* South Korea: a country study. Fourth Edition. 1992. URL: http://www.memory.loc.gov/master/frd/frdcstdy/so/southkoreacountr00sava_0/south koreacountr00sava_0.pdf (accessed: 02.02.2019).

25. Rumsfeld Faces Growing Revolt by Retired Gene // The New York Times. 13 April 2006.

26. The impact of the further expansion of the NATO bloc on Russia's military security. Possible measures to counter the policy of the alliance and neutralize threats // Analytical report. M., 2002.

А.Ю. Иванов

ДЕМИЛИТАРИЗОВАННАЯ ЗОНА В КОРЕЕ: ОТ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К МИРУ И СОТРУДНИЧЕСТВУ

Образованная в период холодной войны демилитаризованная зона до сих является пережитком противостояния двух мировых идеологических систем и единственной сохранившейся в мире сухопутной границей, ставшей преградой к объединению нации. Однако наметившиеся улучшения межкорейских отношений, связанные с эпохальной встречей в Пханмунчжоме и Пхеньяне лидеров двух государств, дают надежду на то, что демилитаризованная зона перестанет быть символом противостояния между КНДР и Республикой Корея и станет символом мира и процветания между двумя государствами. Для этого лидерам двух корейских государств необходимо принять волевое решение, чтобы устранить любые предпосылки военного противостояния на демаркационной линии и превратить эту территорию в зону совместного мирного сотрудничества.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, демилитаризованная зона, межкорейские отношения

Кровопролитная Корейская война надолго разделила единую нацию на два непримиримых лагеря. Одним из порождений этого раскола стало проведение между Севером и Югом Кореи военной демаркационной линии и образование демилитаризованной зоны (ДМЗ), которая на протяжении 65 лет продолжает быть недоступной

для большинства граждан Корейского полуострова. До сих пор приезжающие в район 38-й параллели туристы как с одной, так и с другой стороны воспринимают эту зону как место острого военно-политического противостояния между Северной и Южной Кореей. Экспонаты, выставленные в северокорейском Музее мира, отчётливо отражают печальные события, разворачивавшиеся на линии разграничения между КНДР и Республикой Корея.

Между тем демилитаризованная зона, образованная в результате Соглашения о перемирии от 27 июля 1953 г., протянулась в длину на 241 км и в ширину на 4 км, занимая площадь в 907 кв. км, что сравнимо с площадью трёх европейских государств — Андорры, Мальты и Лихтенштейна, вместе взятых.

Образованная в период холодной войны демилитаризованная зона до сих пор является пережитком противостояния двух мировых идеологических систем и единственной сохранившейся в мире сухопутной границей, ставшей преградой к объединению нации.

Несмотря на попытки военных представителей двух сторон договориться о свободном передвижении людей через 38-ю параллель, первые межкорейские контакты показали, что политические элиты Северной и Южной Кореи были не готовы идти даже на символические договорённости[1].

Период с середины 70-х — по середину 80-х годов XX в. был ознаменован рядом крупных инцидентов, ставивших обстановку на Корейском полуострове на грань войны. Интенсифицировались вооружённые столкновения в районе демилитаризованной зоны. В июне 1976 г. в пров. Канвон, южнее демилитаризованной зоны произошло вооружённое столкновение, в результате которого были убиты три северокорейских и шесть южнокорейских солдат. Серьёзный инцидент в зоне совместной охраны в демилитаризованной зоне произошел 18 августа 1976 г., когда северокорейские военные в Пханмунчжоме убили топорами двух американских офицеров. Лишь благодаря личным извинениям Ким Ир Сена удалось избежать вооруженного конфликта с США.

Градус напряжённости на 38-й параллели повысился после обнаружения в ноябре 1974 г. тоннеля в западном секторе ДМЗ, прорытого Северной Кореей в 65 км от Сеула.

В ноябре 1984 г. советский студент-стажёр из МГИМО Василий Матузок во время посещения военно-демаркационной линии в Пханмунчжоме перебежал с северокорейской зоны ответственности на территорию Южной Кореи. Этот инцидент привел к прекращению проходивших в это время межкорейских переговоров об экономическом сотрудничестве.

В период 1985—1987 гг. КНДР выступила с рядом предложений, направленных на военную разрядку на Корейском полуострове. В частности, Пхеньян предложил меры по полной демилитаризации зоны совместной охраны в Пханмунчжоме, прекращению военных учений вблизи 38-й параллели. После прихода в 1988 г. к власти в Южной Корее президента Ро Дэ У (Но Тхэ У) северокорейскому руководству были предложены такие меры, как предварительное уведомление о военных манёврах вблизи демилитаризованной зоны, предоставление информации о предстоящих учениях, предотвращение инцидентов в районе демаркационной линии и т. д.

Важным этапом в межкорейском диалоге стало подписание в декабре 1991 г. Соглашения о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве. Этот документ юридически признавал КНДР и Республику Корея как самостоятельные государства. Подписав Соглашение, Север и Юг Кореи обязались не вмешиваться во внутренние дела и не предпринимать враждебных действий в отношении друг друга.

Со вступлением в XXI в. в демилитаризованной зоне периодически (2001, 2003, 2005, 2006 гг.) происходили перестрелки между северокорейскими и южнокорейскими военнослужащими[2]. Несмотря на это, важной вехой в попытке стабилизировать ситуацию в районе демаркационной линии стало решение двух сторон прекратить пропаганду друг против друга[3]. Летом 2005 г. было демонтировано оборудование для ведения радиопропаганды и средства наглядной агитации друг против друга, установленные на 38-й параллели.

Историческое событие в деле улучшения отношений между двумя государствами произошло 2 октября 2007 г., когда президент Но Му Хён первым из южнокорейских лидеров пешком пересёк линию разграничения между КНДР и Республикой Корея. Перейдя линию, разделяющую два государства, он сказал: «Полоса, которую я мино-

вал, является стеной, которая разделяет наши страны уже полвека. Жёлтая линия будет постепенно стёрта, и стена падёт»[4].

Однако с приходом к власти президента Ли Мен Бака и смены курса правительства в сторону ужесточения отношений с Северной Кореей, все достигнутые договорённости по смягчению напряжённости между двумя государствами постепенно сошли на нет. Южная Корея стала еще активнее прибегать к различным методам психологического давления на Север. Так, в 2011 г. в сторону КНДР регулярно запускались воздушные шары с пропагандистскими листовками и радиоприёмниками.

Наметившиеся улучшения межкорейских отношений, связанные с эпохальной встречей в Пханмунчжоме (27 апреля 2018 г.) и Пхеньяне (19 сентября 2018 г.) лидеров двух государств — Ким Чен Ына и Мун Чжэ Ина — дают надежду на то, что демилитаризованная зона перестанет быть символом противостояния между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея и станет символом мира и процветания между двумя государствами. Для этого лидерам двух корейских государств необходимо принять волевое решение, чтобы устранить любые предпосылки военного противостояния на демаркационной линии и превратить эту территорию в зону совместного мирного сотрудничества.

Несмотря на то что Соединённые Штаты Америки с нескрываемым беспокойством наблюдают за реализацией межкорейских договорённостей, опасаясь, что это может привести к снижению обороноспособности Южной Кореи и ослаблению американских позиций на Корейском полуострове, первые реальные шаги, направленные на смягчение напряжённости на 38-й параллели, уже сделаны. Во время межкорейского саммита в Пхеньяне лидеры КНДР и Республики Корея достигли договорённости по выведению военных из демилитаризованной зоны, а также — прекращению крупномасштабных учений и военных полётов. Кроме того, на встрече было заявлено о том, что военный персонал в пограничном пункте Пханмунчжом должен быть разоружён.

Сразу после окончания саммита военные КНДР и Южной Кореи приступили к разминированию ряда участков демилитаризованной зоны. В ноябре 2018 г. в рамках межкорейского соглашения

северокорейские военные взорвали 10 блокпостов. После осуществления подобных действий со стороны Южной Кореи стороны договорились сохранить лишь по одному такому пункту в туристических целях, которые будут выполнять роль объектов, имеющих историческую ценность. Кроме того, впервые за 65 лет в демилитаризованной зоне между двумя странами была соединена грунтовая дорога. По сообщению Министерства обороны Республики Корея, «эта дорога имеет историческое значение, так как открытие пути, соединяющего Север и Юг в месте, где происходили наиболее ожесточённые боевые действия, позволит эффективно продвигать совместную работу по поиску останков для сглаживания шрамов войны»[5]. Заключённое главами двух государства соглашение также предусматривает полное разоружение демилитаризованной зоны, совместный поиск останков жертв Корейской войны, а также создание воздушных, морских и сухопутных буферных зон. Важным подспорьем в совместном мирном освоении демилитаризованной зоны может стать активное сотрудничество в области туризма и других социально-экономических сферах.

65 лет существования нейтральной полосы создали прекрасные условия для сохранности флоры и фауны в демилитаризованной зоне. По данным Национального института экологии Республики Корея, в районе межкорейской границы произрастает 1,9 тыс. видов растений, обитает 43 вида животных, 266 видов птиц, 34 вида амфибий и пресмыкающихся, 2,1 тыс. видов насекомых, 136 видов рыб и 351 вид беспозвоночных животных. Среди них такие редкие виды, как дикая коза, мускусный олень (кабарга), белогрудый медведь, выдра, колпица, чёрный лебедь, красная летучая мышь и др.

Исходя из этого, международные организации и южнокорейские власти предлагают различные проекты по мирному использования демилитаризованной зоны. В Южной Корее по мере улучшения отношений на Корейском полуострове уже сейчас серьёзно рассматривается программа экологического туризма в демилитаризованную зону. Еще в 1978 г. Международный союз охраны природы (МСОП) предложил создать в демилитаризованной зоне «парк мира». МСОП неоднократно призывал лидеров Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики достичь кон-

сенсуса и подать заявку на международное признание ДМЗ в качестве биосферного заповедника ЮНЕСКО. Было также предложено, чтобы две страны работали над созданием постоянной станции экологического мониторинга и участков в демилитаризованной зоне для развития научного и образовательного сотрудничества между учёными Севера и Юга Кореи[6]. Долгосрочная стратегия МСОП по созданию биосферной зоны заключается в обеспечении биоразнообразия в демилитаризованной зоне и прилегающих районах. При этом применяется скоординированный подход к планированию будущего демилитаризованной зоны. Благодаря усилиям МСОП её трансграничные инициативы были включены в программу переговоров на высшем уровне между лидерами Республики Корея и КНДР в 2007 г.

Поддерживая инициативы МСОП, в 2004 г. Министерство окружающей среды Республики Корея предложило создать в демилитаризованной зоне биосферную зону под эгидой ЮНЕСКО[7]. В целях создания экотуров как для корейских, так и иностранных туристов, увеличения числа доступных для посещения объектов в пределах строго контролируемой территории ДМЗ, создания международного экопарка и обсерваторий вдоль территории зоны правительство пров. Кёнгидо провело несколько кампаний и международных мероприятий, освещающих демилитаризованную зону как идеальное направление экологического туризма[8].

Демонстрируя свою приверженность делу сохранения природы, Южная Корея в сентябре 2012 г. приняла на о. Чечжу Всемирный конгресс МСОП по сохранению природы. В своей приветственной речи президент Ли Мен Бак заявил, что Республика Корея «планирует превратить демилитаризованную зону в квинтэссенцию мирного экологического парка»[9].

В октябре 2014 г. в Пхёнчхане прошёл международный симпозиум, посвящённый сохранению мира и биологического разнообразия в демилитаризованной зоне. В своих выступлениях участники симпозиума выразили надежду на взаимное сотрудничество и обмен знаниями между учёными, руководителями охраняемых районов, гражданским обществом и другими заинтересованными сторонами

Корейского полуострова с точки зрения будущего демилитаризованной зоны[10].

Вероятно, что Северная Корея имеет схожие интересы в освоении демилитаризованной зоны. КНДР так же, как и Южная Корея, является членом Международного союза охраны природы.

В связи с этим очевидна заинтересованность обеих сторон в приложении совместных усилий в сохранение биоразнообразия в демилитаризованной зоне. В определённой мере это даёт возможность корейскому народу осознать природную ценность и историко-культурную важность региона как объединяющего фактора Севера и Юга Кореи.

С созданием зоны мира на 38-й параллели открываются перспективы коммерческого освоения ДМЗ. Более выгодной долгосрочной стратегией является защита сформировавшейся здесь уникальной природной среды обитания путем признания её в качестве единого природного и культурного объекта всемирного наследия[11]. Таким образом, демилитаризованная зона станет интересна для туристов не как последний сохранившийся в мире рубеж идеологического противостояния двух политических систем, а как центр единения корейской культуры, что позволит двум странам продемонстрировать богатое корейское наследие, обеспечивая при этом устойчивую экономическую отдачу. Благодаря этому может быть решена проблема урбанизации приграничных районов, которые до сих пор переживают период экономической стагнации из-за нежелания южнокорейских граждан селиться близ границы с Северной Кореей.

Конечно, полное примирение между двумя корейскими государствами далеко не гарантировано. Но предпринимаемые жесты доброй воли с обеих сторон показывают, что лидеры двух стран, по крайней мере, открыты для диалога в том, что они могут сотрудничать, несмотря на попытки руководства США грубо вмешиваться в межкорейские отношения. Несмотря на это, руководители Республики Корея и КНДР должны проявить твёрдую волю в дальнейшем сближении одного народа двух государств. В этом случае создание в демилитаризованной зоне «парка мира» станет еще одним шагом к формированию благоприятной почвы для межкорейского партнёрства.

Примечания

[1] Корейское урегулирование и интересы России. М.: Русская панорама, 2008. С. 33.

[2] URL: http://www.gazeta.ru/2006/08/01/last210179.shtml (дата обращения: 10.02.2018).

[3] Radio Korea International. 16.06.2004.

[4] Южнокорейский лидер пешком пришел в КНДР // URL: https://www.ntv.ru/novosti/117870 (дата обращения: 19.02.2018).

[5] URL: http://www.mnd.go.kr/user/newsInUserRecord.action?command=view&newsId=I_669&siteId=mnd&page=1&id=mnd_020500000000&newsSeq=I_11378 (дата обращения: 03.03.2019).

[6] Transboundary conservation helping promote peace and cooperation. URL: http://www.tbpa.net/news.php?ndx=8 (дата обращения: 03.03.2019).

[7] *Чве Чжу Ён, Ю Сан Гюн.* DMZ сеге сэнътхэ пхёнъхва конъвон панъан ёнгу : [Исследование проекта биологического парка мира] // Тэхан куктхо кехвек хак-хвечжи. 2015. № 50. С. 105—114.

[8] Южная Корея создаст зону экотуризма вдоль демилитаризованной зоны с КНДР. URL: https://primamedia.ru/news/193945/ (дата обращения: 03.03.2019)

[9] URL:M.korea.net/Russian/NewsFocus/Policies/view?pageIndex=1&articleId=102344 (дата обращения: 03.03.2019).

[10] Transboundary conservation helping promote peace and cooperation. URL: http://www.tbpa.net/news.php?ndx=8 (дата обращения: 03.03.2019).

[11] As the DMZ turns 65, a call for Korean peace through conservation. URL: https://news.mongabay.com/2018/08/as-the-dmz-turns-65-a-call-for-korean-peace-through -conservation-commentary/ (дата обращения: 03.03. 2019).

References

1. Korean settlement and Russia's interests (2008). Moscow, Russkaya Panorama. P. 33.

2. URL: http://www.gazeta.ru/2006/08/01/last210179.shtml (accessed: 10.02.2018).

3. Radio Korea International. 16.06.2004.

4. South Korean leader came to DPRK. URL: https://www.ntv.ru/novosti/117870 (accessed: 19.02.2018).

5. URL: http://www.mnd.go.kr/user/newsInUserRecord.action?command=view&newsId=I_669&siteId=mnd&page=1&id=mnd_020500000000&newsSeq=I_11378 (accessed: 03.03.2019).

6. Transboundary conservation helping promote peace and cooperation. URL: http://www.tbpa.net/news.php?ndx=8 (accessed: 03.03.2019).

7. Choe Ju Yeong, Yu Sang Gyun (2015). DMZ segye saenhtae pyeonghwa gongwon bangan yeongu [Research project of the biological park of the peace] // Daehan gugto gyehoek hakoe-ji [Journal of Association for Planning the Territory of Korea]. 2015. № 50. P. 105—114.

8. South Korea will create an ecotourism zone along the demilitarized zone with the DPRK. URL: https://primamedia.ru/news/193945/ (accessed: 3.03.2019).

9. URL: M.korea.net/Russian/NewsFocus/Policies/view?pageIndex=1&articleId=102344 (accessed: 03.03.2019).

10. Transboundary conservation helping promote peace and cooperation. URL: http://www.tbpa.net/news.php?ndx=8 (accessed: 03.03.2019).

11. As the DMZ turns 65, a call for Korean peace through conservation. URL: https://news.mongabay.com/2018/08/as-the-dmz-turns-65-a-call-for-korean-peace-through-conservation-commentary/ (accessed: 03.03.2019).

Р.Н. Лобов

КОНЦЕПЦИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ АСПЕКТ

Концепция «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона активно продвигается администрацией президента США Д. Трампа. Её основной замысел — консолидация «четырёх демократий» (Япония, Индия, Австралия, США) для сдерживания растущего китайского влияния в регионе. На сегодняшний момент эта концепция настойчиво продвигается американской дипломатией и в Республике Корея. Вместе с тем в Сеуле без энтузиазма относятся к исходящим из Вашингтона идеям сдерживания Китая. При этом в южнокорейском экспертном сообществе распространено мнение о необходимости синхронизации «новой южной политики», которую администрация Мун Чжэ Ина проводит в отношении стран Юго-Восточной Азии, и доктрины Индо-Тихоокеанского региона. В то же время в РК стремятся выдержать нейтралитет в столкновении интересов Китая и США в регионе.

Однако попытки использования этой концепции в южнокорейских интересах вряд ли могут изменить смысловое наполнение внешнеполитического курса РК на ключевых его направлениях. Амбициозная задача оформить тихоокеанский «концерт держав» неизбежно сталкивается с разностью их интересов. В частности, Токио и Сеул уже имеют весьма разные подходы к ключевым проблемам безопасности в СВА, включая ядерную проблему Корейского полуострова. Не отличаются близостью и взгляды двух стран

по вопросу влияния «китайского фактора» в региональных международных отношениях.

Ключевые слова: Республика Корея, внешняя политика, Индо-Тихоокеанский регион, США, Япония.

Восприятие Индо-Тихоокеанской инициативы в Республике Корея

Активно продвигаемая руководством США доктрина «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» вызвала отклик у экспертного сообщества и политических кругов Северо-Восточной Азии (СВА). Не обошли её вниманием и в Республике Корея (РК).

В Республике Корея с заметной осторожностью восприняли активное распространение Вашингтоном инициативы «Индо-Тихоокеанского пространства». Ряд южнокорейских экспертов видит в ней попытку США сдержать растущее китайское влияние в СВА. Вместе с тем наблюдаются определенные расхождения в подходах Сеула и Вашингтона к определению своего курса в отношении Пекина.

Так, в РК предпочитают придерживаться баланса в выстраивании взаимоотношений с США и КНР. Особенности диалога Сеула с Пекином и Вашингтоном на сегодняшний день таковы, что резкое ухудшение двусторонних отношений с ними не входит в планы южнокорейского руководства. Тем более что администрация президента РК Мун Чжэ Ина предприняла немало усилий в 2017—2018 гг. для нормализации взаимоотношений с Китаем. В этой ситуации, как отметил эксперт Корейской государственной дипломатической академии РК Чхве Вон Ги, Сеул не стремится предпринимать какие-либо действия, которые могли бы «спровоцировать Китай»[1].

В то же время в Сеуле не могут однозначно отвергнуть эту американскую инициативу. Так, по словам профессора Сеульского государственного университета Пак Чхоль Хо, участие в Индо-Тихоокеанской стратегии представляет интерес для Республики Корея с точки зрения обеспечения безопасности в этом регионе. По его мнению, именно это является залогом успешной экономической кооперации РК со странами как Восточной, так и Южной Азии[2].

В этих условиях южнокорейское руководство пытается адаптировать Индо-Тихоокеанскую стратегию к своим текущим внешне-

политическим задачам. В частности, предлагается «сопряжение» с ней «новой южной политики», ориентированной на развитие сотрудничества Южной Кореи со странами АСЕАН. Термин «Индо-Тихоокеанский регион» появился и в некоторых дипломатических документах РК, включая совместную декларацию, принятую по итогам июльского визита Мун Чжэ Ина в Индию в 2018 г.[3]

В политических кругах Республики Корея, в первую очередь — среди представителей консервативного лагеря, весьма заметна обеспокоенность тем, что Сеул не обозначен явно в новой структуре безопасности, предлагаемой нынешней администрацией США. Отсутствие Южной Кореи в этой схеме воспринимается как тревожный сигнал, который, вкупе с разногласиями по поводу распределения затрат на оборонные расходы и некоторыми разночтениями в определении политики в отношении КНДР, может свидетельствовать о том, что традиционно непростое американо-южнокорейское взаимодействие переживает по меньшей мере не лучшие времена. При этом для южнокорейских правых остается важным сохранение во что бы то ни стало военно-политического союза с США, о чем неоднократно ими заявлялось в течение 2018 — первой половины 2019 г.

На сегодняшний день не совсем ясно, насколько долговечной окажется концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», реализация которой началась после прихода к власти в США Д. Трампа. Отсюда — некоторая неопределенность относительно влияния этой стратегии на внешнеполитический курс Республики Корея в Восточной Азии. Вряд ли присоединение Сеула к этой инициативе поможет решить назревшие разногласия в южнокорейско-японских отношениях или поднять статус взаимоотношений Индии и РК, которые к настоящему времени в основном сводятся к торгово-экономическому сотрудничеству.

Взаимоотношения США и Республики Корея в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии

В течение 2017—2018 гг. Вашингтон неоднократно предпринимал шаги по вовлечению Сеула в сотрудничество в рамках стратегии Индо-Тихоокеанского региона. Так, в ходе встречи президентов РК

и США, состоявшейся в ноябре 2017 г., Д. Трамп заявил о необходимости участия Южной Кореи в реализации этой доктрины. Перспективы сотрудничества двух стран в сфере обеспечения безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе обсуждались также в рамках диалога военных ведомств США и РК в 2018 г.[4]

Как уже отмечалось, в Сеуле с заметной осторожностью относятся к американским инициативам сдерживания Китая — во многом, дабы не раздражать сам Пекин. В РК склонны ограничиваться символическими заявлениями о важности сохранения американо-южнокорейского военно-стратегического союза. Между тем подобная «нерешительность» южнокорейцев в вопросе о присоединении к Индо-Тихоокеанской стратегии вряд ли вызывает понимание у американской стороны, что создает дополнительные сложности для диалога между США и Республикой Корея.

С другой стороны, вряд ли стоит ожидать каких-либо серьезных изменений в стратегическом союзе США и Южной Кореи, в котором сегодня однозначно заинтересованы обе стороны. Начавшиеся было разговоры в преддверии американо-северокорейского саммита в Ханое о вероятности сокращения или полного вывода воинского контингента США из Республики Корея пока выглядят «ненаучной фантастикой» на фоне нерешенной ядерной проблемы Корейского полуострова. По словам одного из сенаторов Конгресса США, вывод американских войск из Республики Корея может стать «стратегической ошибкой», которая поставит под угрозу Индо-Тихоокеанскую стратегию, основанную в том числе и на сохранении присутствия США на Корейском полуострове[5].

В то же время наибольшую шумиху вокруг предположений о возможном выводе американских войск с территории полуострова создали сами южнокорейцы, точнее наиболее активные сторонники правоконсервативного лагеря. Поводом к таким опасениям стали затянувшиеся переговоры между США и РК по поводу распределения затрат на содержание американского воинского контингента, расквартированного в стране. Напомним, на согласование суммы, которую Сеул должен был выделить на эти цели, ушло больше года. В свою очередь, в ответ на пробуксовку переговорного процесса консервативные СМИ РК неоднократно выступали с алармистскими за-

явлениями о «кризисе» в американо-южнокорейских отношениях. В одной из публикаций издания «Чунъан ильбо» даже содержится любопытный пассаж следующего содержания: «Мун Чжэ Ин негативно настроен к ИндоТ-ихоокеанской стратегии. И это вызывает у некоторых американских экспертов сомнения в том, а действительно ли Южная Корея является союзником США»[6]. Однако подобные заявления политиков правой ориентации следует воспринимать в контексте логики внутриполитической борьбы Республики Корея в преддверии предстоящих в 2020 г. парламентских выборов, перед которыми консерваторам необходимо максимально восстановить своё реноме, дабы одержать долгожданный реванш над демократами.

Неизбежно оказались в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии и вопросы, связанные с урегулированием ядерной проблемы Корейского полуострова. На сегодняшний день проблема денуклеаризации Северной Кореи остается главной темой политического диалога между Сеулом и Вашингтоном. Не секрет, что южнокорейская дипломатия приложила немало усилий к созданию возможностей для коммуникации Пхеньяна и Вашингтона, без чего обе встречи Ким Чен Ына и Д. Трампа оказались бы невозможны. РК и США продолжают тесную координацию в поисках путей урегулирования ядерной проблемы. Вместе с тем спорным вопросом в их взаимодействии остается уровень уступок северокорейцам в ответ на их осторожные шаги к денуклеаризации. В США неоднократно заявляли о том, что отмена санкций возможна только после полного и окончательного ядерного разоружения КНДР. После неудачного ханойского саммита американцы на словах отвергли вариант поэтапной денуклеаризации, на которой упорно настаивают в Пхеньяне[7]. Более того, одной из версий приостановки переговоров на высшем уровне между Д. Трампом и Ким Чен Ыном называют несогласие американской стороны на «размен» ядерного реактора в Енбёне в ответ на частичную отмену рестрикций в отношении Северной Кореи. В то же время, по некоторым данным, после пхеньянского саммита лидеров Севера и Юга (сентябрь 2018 г.) южнокорейцы начали активно зондировать почву в США на предмет возможного вывода ряда межкорейских экономических проектов из-под санкций, включая Кэсонский промышленный комплекс и туристическую зону в Кымгансане.

Станет ли Индо-Тихоокеанская стратегия ключом к «замирению» РК и Японии?

Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией вновь подтвердили свою репутацию одних из самых сложных среди «четырех держав» после вынесенного в октябре 2018 г. вердикта Верховного суда РК о присуждении компенсаций потомкам жертв принудительного труда в годы колониального правления. Решение суда порядком осложнило двусторонний диалог между Сеулом и Токио, вызвав волну недовольства в Японии. В частности, министр иностранных дел страны Таро Коно заявил о том, что подобные действия южнокорейской стороны наносят удар по договоренностям, достигнутым при нормализации отношений в 1965 г[8]. Последующие события во взаимоотношениях двух стран, включая инцидент с опасным сближением японского патрульного самолета с южнокорейским эсминцем[9], стали поводом для непрекращающихся скандалов и взаимных обвинений.

Такое состояние двустороннего диалога между РК и Японией не удовлетворяет США. По существу, за рассуждениями американских экспертов и политиков о внедрении Индо-Тихоокеанской стратегии в США скрывается их приверженность прежней системе региональной безопасности, которая должна базироваться на взаимодействии стран региона. Однако в силу существующих противоречий японо-южнокорейский срез этой структуры остаётся её «слабым звеном». В то же время по мере актуализации проблем, связанных с нерешёнными историческими проблемами отношений двух стран, возможности для их военно-стратегического сотрудничества оказываются существенно ограниченными.

Потенциальным полем для сотрудничества Сеула и Токио остаётся урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако в настоящее время у Республики Корея и Японии также существуют определённые разногласия относительно политики в отношении КНДР. Необходимо отметить, что в Японии с самого начала со скепсисом относились к попыткам администрации Мун Чжэ Ина подстегнуть процесс денуклеаризации полуострова путём возобновления диалога и сотрудничества с Пхеньяном. С другой сто-

роны, несмотря на заявления о важности вовлечения всех стран региона в процесс решения корейской проблемы, сотрудничество с Японией оказывается наименее целесообразным для РК из-за маргинализации её роли в денуклеаризации полуострова.

Заключение

В Республике Корея сохраняют сдержанное отношение к американской инициативе «свободного и открытого Тихоокеанского региона». В Сеуле её воспринимают как стратегию США, направленную на сдерживание растущего китайского влияния в регионе. В этом смысле нынешняя южнокорейская администрация оказывается перед необходимостью лавировать между США и КНР. В настоящее время в Сеуле избегают предпринимать какие-либо шаги, которые бы спровоцировали недовольство Пекина. Исходя из этого, вполне вероятно, что администрация президента РК Мун Чжэ Ина сохранит осторожный подход к этой инициативе, стремясь перевести её в русло «новой южной политики» — взаимоотношений со странами АСЕАН.

Примечания

[1] U.S. diplomats in Seoul tie Trump's Indo-Pacific strategy to immigration. UPI, 24.08.2018. URL: https://www.upi.com/US-diplomats-in-Seoul-tie-Trumps-Indo- Pacific-strategy-to-immigration/8971535106783/ (дата обращения: 31.01.2019).

[2] *Park Cheol Hee*. South Korea is a Hesitant, But Friendly, US Ally in the Indo-Pacific. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/south-korea-is-a-hesitant-but-friendly-us-ally-in-the-indo-pacific (дата обращения: 31.01.2019).

[3] Korea Herald. 10.07.2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180710000860 (дата обращения: 31.01.2019).

[4] См., напр.: ROK and US Discuss New Southern Policy, and Indo-Pacific Strategy. Republic of Korea, Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=320040 (дата обращения: 10.02.2019).

[5] Yonhap News Agency, 15.02.2019. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190215000300315?section=search (дата обращения: 15.02.2019).

[6] Чунъан ильбо. 08.02.2019.

[7] CNN. 11.03.2019. URL: https://edition.cnn.com/2019/03/11/politics/biegun-carnegie-remarks/ (дата обращения: 11.03.2019).

[8] Japan Again Urges South Korea to Overrule Court's Forced Labor Decision. The Diplomat, 20.12.2018. URL: https://thediplomat.com/2018/12/japan-again-urges-south-korea-to-overrule-courts-forced-labor-decision/ (дата обращения: 31.01.2019).

[9] S. Korea releases photo evidence of SDF aircraft's close flight. The Asahi Shimbun, 25.01.2019. URL: http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201901250044.html (дата обращения: 31.01.2019).

References

1. U.S. diplomats in Seoul tie Trump's Indo-Pacific strategy to immigration. UPI, 24.08.2018. URL: https://www.upi.com/US-diplomats-in-Seoul- tie-Trumps-Indo-Pacific-strategy-to-immigration/8971535106783/ (accessed: 31.01.2019).

2. *Park Cheol Hee*. South Korea is a Hesitant, But Friendly, US Ally in the Indo-Pacific. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/south-korea-is-a-hesitant-but-friendly-us-ally-in-the-indo-pacific (accessed: 31.01.2019).

3. Korea Herald. 10.07.2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180710000860 (accessed: 31.01.2019).

4. ROK and US Discuss New Southern Policy, and Indo-Pacific Strategy. Republic of Korea, Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=320040 (accessed: 10.02.2019).

5. Yonhap News Agency. 15.02.2019. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20190215000300315?section=search (accessed: 15.02.2019).

6. Joongang Ilbo. 08.02.2019 (accessed: 8.02.2019).

7. CNN. 11.03.2019. URL: https://edition.cnn.com/2019/03/11/politics/biegun-carnegie-remarks/ (accessed: 11.03.2019).

8. Japan Again Urges South Korea to Overrule Court's Forced Labor Decision. The Diplomat, 20.12.2018. URL: https://thediplomat.com/2018/12/japan-again-urges- south-korea-to-overrule-courts-forced-labor-decision/ (accessed: 31.01.2019).

9. S. Korea releases photo evidence of SDF aircraft's close flight. The Asahi Shimbun, 25.01.2019. URL: http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201901250044.html (accessed: 31.01.2019).

В.Р. Британова

КОНЦЕПЦИЯ «СРЕДНЕЙ ДЕРЖАВЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

С начала 1990-х годов внешнеполитическая деятельность Республики Корея становится активной и глобально ориентированной. Одной из причин активизации внешнеполитической деятельности является обращение политических лидеров Кореи к концепции «средняя держава», которая интерпретировалась различным образом правительствами РК, начиная с Ким Ён Сама и заканчивая Пак Кын Хе. Использование концепции средней державы позволяет Корее заявить о себе не только как о союзнике США, но и как о государстве, стремящемся к установлению многосторонних связей.

Ключевые слова: внешняя политика Республики Корея, средняя держава.

Окончание эпохи холодной войны в конце XX в. как окончание эпохи противостояния двух сверхдержав — СССР и США — означало переход к новой структуре многостороннего порядка, где значительную роль играет быстрое развитие и увеличение мощи Китая наряду со стремлением США сохранить за собой положение гегемона. Изменение общей политической картины мира повлекло за собой изменения и в регионах, в отношении Южной Кореи это выразилось в том, что начиная с 90-х годов XX в. ее политическая элита начала определять положение страны в мире как средней державы (англ. middle power) для продвижения на международном уровне. Концеп-

ция «средней державы» (*чжунгёнгук*) описывает возросшие экономические возможности РК, достижение демократического режима управления государством, а также увеличение числа региональных и глобальных обязательств. Республика Корея стремится сформировать положительный образ государства в международных делах, участвуя в таких видах деятельности, как оказание помощи развивающимся странам (членство в комитете содействия развитию при ОЭСР с ноября 2009 г.), миротворческие операции ООН, начиная с отправки сил в Сомали в 1993 г. Кроме того, РК стала местом проведения встреч на высшем уровне, подобных саммиту Большой двадцатки (G20) в 2010 г. и саммиту по ядерной безопасности в 2012 г. Наконец, Республика Корея выступила инициатором создания переговорной структуры так называемых средних держав — МИКТА (Мексика, Индонезия, РК, Турция, Австралия) в 2013 г. для того, чтобы страны, не входящие в Большую семерку (G7) или БРИКС, но, тем не менее, достигшие определенного уровня экономического развития, могли оказывать влияние на мировые процессы.

В традиционных исследованиях международных отношений мировые государства делятся на два типа — великие и малые державы. Вместе с тем начиная с середины XX в. некоторыми исследователями выделяются три типа государств — великие, средние и малые державы в соответствии со своими материальными возможностями и ресурсами, военной мощью, поведением и функциями. Основоположником теории о средних державах является Карстен Холбраад, который говорил о том, что «исследование роли государств “средней силы” является естественным следствием изучения великих держав, поскольку в мировой системе присутствует значительное число единиц, не являющихся ни малыми, ни великими государствами»[1]. В ходе своего исследования он пришел к выводу о том, что множество авторов-историков интересовалось ролью второразрядных держав в международных отношениях. К ним он относит Бартолиуса Сассоферратто, Джованни Ботеро, Карла фон Клаузевица, Генриха фон Трейчке. Холбраад заключает, что в истории средние державы рассматривались как страны менее обеспеченные, чем великие державы, но тем не менее выступающие за сохранение баланса мировых сил, мира и порядка[2]. Так он приводит мнение Бартолиуса Сассофе-

ратто о том, что «государства среднего размера более живучи, так как не провоцируют насилие ни своей слабостью, ни зависти своим величием, их богатство и мощь являются средними, страсти умерены, амбиции получают меньше поддержки, чем в других странах»[3].

Чаще всего среднюю державу рассматривают как регионального союзника великой державы. Она также может стать полем битвы интересов, как и малая держава. В условиях борьбы великих держав ей трудно сохранять свой нейтралитет, так как неприсоединение или отказ поддерживать великую державу может вызвать подозрения и сопутствующие неприятные последствия. Средняя держава может выступать в качестве своеобразного «игрока на качелях» в условиях конкуренции или противостояния великих держав. И довольно часто авторы-исследователи опускают описания средних держав или лишь косвенно касаются этой группы.

Ли Сук Чжон говорит о том, что «сложно определить страну как среднюю державу, так как критерии определения сильно варьируются между собой»[4]. Но в целом, согласно Адаму Чапнику[5], можно выделить три базовых подхода к изучению средних держав: *иерархический*, *функциональный* и *поведенческий*.

Иерархический подход обусловлен исторически, объективные возможности, заявляемый самим государством статус и положение сочетаются между собой, формируя три класса государств — великие, средние и малые державы. Данный подход проблематичен тем, что указывает в качестве определения средней державы ее материальные ресурсы, в то время как не все страны, способные называться средними державами, в действительности проявляют себя данным образом. Материальные ресурсы и вовлеченность в международные дела — главные признаки средней державы.

Функциональный подход основывается на предположении о том, что средние державы являются носителями особых функций в международных отношениях вследствие своих материальных возможностей и политической готовности взаимодействовать на международной арене. Канадский дипломат Хьюм Ронг предложил три критерия для оценки функции государства: «степень участия государства в проблеме, его интересы и способность делать вклад в решение вопроса».

Поведенческий подход связывает статус средней державы с множеством типов поведения в международных отношениях. Эндрю Купер и его коллеги говорят о том, что государства второго порядка лучше всего характеризуют себя через свою «склонность к принятию компромиссов в международных спорах и своей склонностью к принятию характеристики "хорошего международного гражданина" (good global citizen) в качестве ориентира своей дипломатии»[6]. Поведение средней державы может выражаться как действия менеджеров по улаживанию конфликтов, защитников морали или государств, ищущих новый статус.

По мнению Роберта Кохейна, средняя держава — «это государство, лидеры которого считают, что оно не может действовать эффективно в одиночестве, но может оказать влияние на систему через малые группы или международные организации»[7].

Энрико Фелс в своей работе «Движение сил в Тихоокеанском регионе?» выделяет три главных отличия средней державы от малой:

1. Обладание достаточным контролем над материальными и нематериальными ресурсами.

2. Способность принимать на себя некую форму ответственности в региональных отношениях, т. е. умение занимать определенную дипломатическую позицию по особо важным сферам или возможность оказывать влияние на поведение других государств в целях региональной стабильности.

3. Самодостаточность с точки зрения обороноспособности, чтобы суметь дать отпор агрессивной великой державе[8].

Южнокорейская политическая элита определяет РК в качестве средней державы на основе трех показателей, а именно: 1) на основе уровня *экономического развития*: паритет покупательной способности достиг значения в 33,360 долл. в 2013 г., а общий объем экономики вырос в пять раз менее чем за 25 лет, и, несмотря на кризисы 1997 и 2008 гг., экономика РК продолжает эффективно функционировать; 2) учитывается *военная мощь*: объем расходов на оборону увеличился с 16,43 млрд долл. в 1992 г. до 33,14 млрд долл. в 2014 г., численность вооруженных сил достигает 630 тыс. человек; 3) важную роль играет *внешняя политика*: помимо членства в G20, ОЭСР

РК также является участником таких организаций, как АТЭС, Восточноазиатский саммит «Диалог Азия—Европа» и ряда других.

Идея о том, что РК может считаться «средней державой», по мнению Моники Со Юль Чжун, впервые возникла в период президентства Ро Дэ У (1988—1993), который представил Корею как страну, занимающую промежуточное положение между развитыми и развивающимися государствами, способную стать катализатором в активизации обмена и сотрудничества в сфере финансов, технологий и информации в эпоху глобализации[9], определив ее как *чжунгангук*. Однако другие исследователи, например Ким Сун Ми, считают, что первое обращение к концепции РК как «средней державы» произошло во время президентского срока Ли Мен Бака (2008—2013) в рамках его программы «Глобальная Корея», где глобальная ориентированность государства по своим характеристикам совпадала с принятым описанием средней державы как активного участника международных дел[10].

Помимо официально признанного названия *чжунгёнгук* и уже упомянутого *чжунгангук* существуют такие термины, как *чжунчжингук* согласно принятому разделению стран по степени развития: слаборазвитые х*учжингук,* среднего уровня развития *чжунжингук,* развитые *сончжингук*; упоминаются также термины: центральное государство *чжунсимгук*, государство-мост *кагёгук*, государство со средним уровнем мощи *чжунган-сэрёк-гукка*, государство среднего уровня *чжунвигук* Такое терминологическое многообразие говорит о том, что идея принадлежности РК к государствам типа «средней державы» переосмысливалась разными правительствами в течение продолжительного времени.

Согласно сохранившимся документам Президентского архива Кореи и Министерства иностранных дел Кореи упоминания о том, что РК является государством, занимающим промежуточное положение между развитыми и развивающимися государствами, отмечались со времени правления президента Пак Чжон Хи (1962—1979)[11]. Он говорил о том, что национальной целью РК является достижение высшего уровня среди «стран среднего дохода/развития» *чжунчжингук*[12].

С одной стороны, факт того, что РК действительно достигла статуса средней державы, подтверждается уровнем ее экономического

развития: «чудо на реке Хан» вывело экономику страны в ряды 15 сильнейших экономик мира. Согласно данным Мирового банка: за 2017 г. ВВП Республики Кореи достиг 1,53 трлн долл., в то время как в 60-х годах XX в. он составлял чуть менее 4 млрд, т. е. вырос примерно в 386 раз[13].

С другой стороны, особенности географического положения РК накладывают ограничения на ее поведение во внешней политике, поэтому статус РК как «средней державы» в международной политике может вызвать сомнения. Об этом говорит Ким Сун Ми, отмечая, что, в отличие от общепризнанных средних держав подобно Канаде, Австралии, расположенных в относительно благополучном пространстве, РК находится в сложной региональной ситуации, вызванной разделением Корейского полуострова, ядерной программой Северной Кореи и борьбой интересов сильных держав — США, Китая, Японии, России[14].

Кроме того, свои коррективы вносит внутренняя политическая обстановка в РК, в которой отсутствует возможность переизбрания президента на второй срок, т. е. работа каждого правительства ограничена сроком в пять лет, в течение которых достаточно сложно достичь каких-либо долговременных результатов с точки зрения внешней политики. Дело в том, что с приходом нового президента внешнеполитическая стратегия государства может полностью измениться. Наиболее ярким примером этому служит ситуация с корейско-американскими отношениями в период президентства Но Му Хена (2003—2008) и Ли Мен Бака (2008—2013). В отличие от правительства Но Му Хена, ориентированного на интеграцию в регионе СВА, правительство Ли Мен Бака заявило о готовности РК участвовать в делах мирового сообщества путем запуска программы «Глобальная Корея» (Global Korea) в 2008 г., в рамках которой был проведен ряд встреч высшего уровня подобных саммиту Большой двадцатки в 2010 г. и саммиту ядерной безопасности в 2012 г. Особо следует отметить, что название программы «Глобальная Корея» на корейском языке отличается от Global Korea, которое звучит, как *консукхан сэгэгукка,* т. е. «зрелое государство мирового класса» с дальнейшей перспективой трансформации в «государство высшего класса» *сэге-иллю-гукка*[15].

Подобно тому, как резко могла произойти смена всего внешнеполитического курса Южной Кореи вследствие внутренних факторов, а также всей общей картины в регионе, переосмысление концепции «средней державы» происходило при каждом новом правительстве, начиная с Ким Ён Сама и заканчивая правительством Пак Кын Хе (табл. 1).

Президент Ким Ен Сам (1993—1998). Среди всех министров иностранных дел при президенте Ким Ён Саме чаще всех к концепции «средней державы» обращался министр Хан Сун Чжу (1993—1994). На его долю приходится половина всех упоминаний о средней державе (всего 22), из которых в десяти случаях речь или высказывание, содержащие упоминание о средней державе, были адресованы ко-

Таблица 1

	Ким Ён Сам (1993—1998)	Ким Дэ Чжун (1998—2003)	Но Му Хен (2003—2008)	Ли Мён Бак (2008—2013)	Пак Кын Хе (2013—2016)
Политический уклон	Консерватор	Демократ	Демократ	Консерватор	Консерватор
Направление внешней политики	Глобальное, «глобализация» сэгехва 세계화	Региональное, улучшение отношений с КНДР, «политика солнечного тепла» 햇볕정책	Региональное, «Корея — хранитель баланса Северо-Восточной Азии» 동북아 균현자론	Глобальное, «Глобальная Корея» 성숙한 세계국가	Региональное, поиск баланса в отношениях с США и Китаем — политика баланса 균형정책
Число упоминаний концепции «средняя держава»	22	32	9	5	35
Варианты названий концепции «средняя держава»	중견국가, 중간자적,중간적, 중간규모국가	중견국가, 중간급, 중간국가, 중간규모 국가	중견국가, 중위권 국가, 중-상위 규모	중견국, 중견협력	중견국외교, (신뢰받는 중견국), 중견국협력메커니즘
Цель употребления концепции	Показать аудитории Кореи, что страна обладает новым статусом; попытка объяснить необходимость присутствия США в регионе	Убедить мировое сообщество в том, что Корея «скромная средняя держава» с целью получения одобрения плана объединения с Северной Кореей	Формирование чувства общности со средними державами	Сотрудничество с другими средними державами	Выстраивание структуры партнерства средних держав (MIKTA)

рейской аудитории. Концепция связывалась с поиском многосторонности, созданием коалиции единомышленников, участием в международных делах за пределами РК, а также с попыткой объяснить необходимость сохранения присутствия США в регионе. По мнению министра Хан Сун Чжу, уход США приведет к тому, что их место займёт либо Китай, либо Япония, что приведет к дестабилизации ситуации. В большинстве случаев концепция использовалась для описания положения РК в регионе и ее стремлений к региональному сотрудничеству в условиях доминирования других государств в Северо-Восточной Азии. Концепция использовалась в качестве идеи «общественного блага» для обретения уверенности в построении отношений с другими странами, в частности с Японией.

Президент Ким Дэ Чжун (1998—2003). Концепция «средней державы» использовалась как инструмент для выстраивания отношений с другими странами (Новая Зеландия, Австралия, Сингапур, Германия). Убежденным сторонником концепции являлся министр иностранных дел Хон Сун Ен (1998—2000). В большинстве случаев концепция использовалась в качестве описания ограниченности возможностей РК в регионе, т. е. указывалось, что РК может действовать в неких рамках, но если она будет претендовать на нечто выходящее за пределы этих рамок, то это может создать сложности. РК в качестве средней державы не способна угрожать мировому порядку, она является хорошим партнером для сотрудничества, т. е. «скромной средней державой» (modest middle power). Концепция используется как стратегический инструмент, который поможет РК реализовать свою цель объединения с Северной Кореей, для достижения которой ей необходимо получить поддержку других стран, поэтому предлагает сотрудничество разным странам, включая ведущие средние державы. В дальнейшем ожидается, что объединенная Корея станет региональной средней державой. РК рассчитывает на поддержку других стран, включая США как «единственной супердержавы». В целом можно сказать, что концепция служит описанием промежуточного положения страны и ее посреднического потенциала. Также она выступает в качестве напоминания о том, кем РК сумела стать за прошедшие годы и кем она хочет стать в будущем.

Президент Но Му Хен (2003—2008). Концепция средней державы используется для формирования чувства общности с другими державами (например, Мексика), а также принятия на себя роли и ответственности «хорошего глобального гражданина». Концепция выражает стремление Кореи избавиться от печального опыта прошлого, в частности от образа жертвы политических интересов других стран. Дипломатия строится на альянсе США и РК, а также стремится к интеграции в Северо-Восточной Азии, оба направления дипломатии не противоречат, но взаимодополняют друг друга. Акцентируется внимание на центральном положении Кореи между Китаем и Японией, концепция служит указанием на усиление собственного политического и социального статуса.

Президент Ли Мен Бак (2008—2013). Отмечается отсутствие связи между программой «Глобальная Корея» и концепцией «средняя держава», поскольку деятельность РК в рамках указанной программы скорее соотносится с деятельностью в Большой двадцатке (G20), чем с образом «средней державы». В данном случае, концепция «средней державы» выступает в качестве дополнения к усилиям правительства Ли Мен Бака по повышению международного престижа РК, также под ее эгидой осуществляется сотрудничество с другими средними державами. Наконец, концепция призвана вдохновить корейскую аудиторию тем, что РК полагает себя не «последователем», но «вершителем» мировой политики. Также концепция описывает потенциал РК как страны, способной играть более значимую роль.

Президент Пак Кын Хе (2013—2016). Концепция «средней державы» призвана показать, что Корея является ответственной средней державой, чья многосторонняя дипломатия является ответной реакцией на сложную политическую обстановку в регионе. Подчеркивается, что РК больше не является государством-отшельником (hermit kingdom), но активным участником мировой политической игры. Неравное распределение сил в регионе является одной из главных причин обращения к данной концепции, ибо в борьбе великих держав РК больше не хочет быть «креветкой» из корейской пословицы *«Когда дерутся киты, спина трещит у креветки»*. Концепция является выражением стремления защитить и реализовать собственные национальные интересы.

Таким образом, получается, что подобно частым сменам правительства происходило частое переосмысление идеи РК как средней державы ее политическим руководством, в каких-то случаях концепция «средней державы» должна была дать корейской аудитории представление о том, чего РК достигла и к чему ей следует стремиться в мировой политике. В других случаях она демонстрирует мировому сообществу миролюбивый и скромный характер своей деятельности, исподволь подводя к мысли о том, что объединение Кореи не принесет каких-либо осложнений странам региона Северо-Восточной Азии. Защита своих национальных интересов, таких как стремление к объединению Корейского полуострова под началом Южной Кореи, является главной причиной активизации внешнеполитической деятельности Кореи в последние три десятилетия с момента окончания эпохи холодной войны. Однако вместе с тем идея объединения Кореи под началом одного государства кажется невозможной, так как Север и Юг Кореи представляют два совершенно разных режима, противоположных по своим политическим и экономическим основам. На самом деле идея объединения Кореи является своего рода неким политическим лозунгом или своеобразной «корейской мечтой», к которой должны стремиться оба государства, но ее воплощение в реальности может оказаться «политическим кошмаром» для одной из сторон.

Мы отмечаем, что идея «средней державы» носит позитивный характер, поэтому для того, чтобы убедить мировое сообщество в том, что объединение Кореи под началом Южной Кореи окажет неоценимую помощь в установлении благополучия и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии, корейские лидеры стремятся использовать данную концепцию в своих заявлениях и выступлениях.

Примечания

[1] *Holbraad C.* Middle Powers in International Politics // London: Macmillan, 1984. P. 3.

[2] Ibid. P. 6.

[3] *Cooper, A. F.,* ed. Niche Diplomacy: Middle Powers after the Cold War // New York: St. Martin's Press, 1997. P. 23.

[4] *Sook J.-L.* ed. Transforming Global Governance with Middle Power Diplomacy, South Korea's Role in the 21st century // Palgrave Macmillan, 2016. P. 3.

[5] *Chapnick A.* The Middle Power // Canadian Foreign Policy, Vol. 7. No. 2. Winter 1999. P. 73.

[6] *Cooper A.F., Higgot, R.A., Nossal K.R.* Relocating Middle Powers. Australia and China in a Changing World Order // Vancouver: UBS, 1993. P. 19.

[7] *Keohane, R.O.* 'Liliputians' Dilemmas: Small states in International Politics // International Organization, Vol. 23. No.2, 1969. P. 291—310. P. 296.

[8] *Fels E.* Shifting Power in Asia-Pacific? Global Power Shift // Springer International Publishing Switzerland, 2017. P. 212.

[9] Речь президента Но Тхэ У на ланче в институте Гувера Стэнфордского университета 29.06.1991. Президентский архив Республики Корея. URL: www.pa.go.kr (дата обращения: 01.02.2019).

[10] *Kim S.-M.* South Korea's Middle Power Diplomacy: Changes and Challenges // Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 22.06.2016. URL: https://www.chathamhouse.org/publication/south-koreas-middle-power-diplomacy-changes-and-challenges (дата обращения: 16.12.2018).

[11] *Monica Soo Y. J.* The Configuration of Middle Power in South Korea Foreign Policy // Graduate School of International Studies, Korea University, February 2018. P. 223—231.

[12] *Monica Soo Y. J.* The Configuration of Middle Power in South Korea Foreign Policy // Graduate School of International Studies, Korea University, February 2018. P. 223.

[13] Всемирный банк. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD (дата обращения: 15.02.2019).

[14] *Kim S.-M.* South Korea's Middle Power Diplomacy: Changes and Challenges // Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 22.06.2016. URL: https://www.chathamhouse.org/publication/south-koreas-middle-power-diplomacy-changes-and-challenges.

[15] Видение и стратегия внешней безопасности правительства Ли Мён Бака: Глобальная Корея, Март 2009, Сеул.

References

1. *Holbraad C.* Middle Powers in International Politics. London: Macmillan, 1984. P. 3.

2. Ibid. P. 6.

3. *Cooper, A. F.* Niche Diplomacy: Middle Powers after the Cold War // New York: St. Martin's Press, 1997. P. 23.

4. *Sook J.-L.* ed. Transforming Global Governance with Middle Power Diplomacy, South Korea's Role in the 21st century // Palgrave Macmillan, 2016. P. 3.

5. *Chapnick A.* The Middle Power // Canadian Foreign Policy. Vol. 7. No. 2. Winter 1999. P. 73.

6. *Cooper A.F., Higgot, R.A., Nossal K.R.* Relocating Middle Powers. Australia and China in a Changing World Order // Vancouver: UBS, 1993. P. 19.

7. *Keohane, R.O.* 'Liliputians' Dilemmas: Small states in International Politics // International Organization. Vol. 23. No. 2. 1969. P. 291—310. P. 296.

8. *Fels E.* Shifting Power in Asia-Pacific? Global Power Shift // Springer International Publishing Switzerland, 2017. P. 212.

9. Speech of President Roh Tae Woo during the lunch in Hoover Institute of Stanford University, 29th June 1991, Presidential Archive of Republic of Korea, URL: www.pa.go.kr (accessed: 01.02.2019).

10. *Kim S.-M.* South Korea's Middle Power Diplomacy: Changes and Challenges // Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 22.06.2016. URL: https://www.chathamhouse.org/publication/south-koreas-middle- power-diplomacy-changes-and-challenges (accessed: 16.12.2018).

11. *Monica Soo Y. J.* The Configuration of Middle Power in South Korea Foreign Policy // Graduate School of International Studies, Korea University, February 2018. P. 223—231.

12. *Monica Soo Y. J.* The Configuration of Middle Power in South Korea Foreign Policy // Graduate School of International Studies, Korea University, February 2018. P. 223

13. World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD (accessed: 15.02.2019).

14. *Kim S.-M.* South Korea's Middle Power Diplomacy: Changes and Challenges // Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 22.06.2016. URL: https://www.chathamhouse.org/publication/south-koreas-middle-power-diplomacy-changes-and-challenges (accessed: 24.01.2019).

15. The National Security Strategy of the Republic of Korea, March 2009. Blue House. URL: http://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=23013 (accessed: 24.01.2019).

Раздел II
ЭКОНОМИКА

С.С. Суслина

ЭКОНОМИКА РК: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИИ

В 2018 г. экономика РК вступила в фазу затяжного спада, вызванного реакцией на меры социально-экономической политики президента и столкновением с глобальной конкуренцией со стороны ведущих торговых партнеров. Среди внутренних факторов определяющую роль сыграло решение правительства поднять уровень минимальной заработной платы, что понизило конкурентоспособность малого и среднего бизнеса. Обострились застарелые проблемы: рост инфляции и задолженности по потребительскому кредиту, рост безработицы и старение населения, незавершенность социальных реформ. Среди внешних факторов главную роль сыграла нестабильность мировой экономики и финансовой системы, торговые конфликты с КНР и США, пересмотр соглашения о свободной торговле с США. Ведущую роль для РК стал играть переход к инновационному развитию.

Ключевые слова: Южная Корея, экономика, инновации, экспорт, ВВП, темпы роста, внутренний рынок, внешние вызовы.

Проблемы социально-экономического развития в период администрации Мун Чжэ Ина

Для Республики Корея прошедший год ознаменовался возобновлением межкорейского и американо-северокорейского диалога,

что существенно изменило ситуацию на Корейском полуострове. Однако оздоровление политического климата на полуострове не повлекло за собой активизации экономических связей и как следствие не оказало ожидаемого позитивного влияния на экономику РК.

В то же время внутренние и внешние условия для социально-экономического развития РК сложились непростые. Экономика страны оказалась под весьма сильным влиянием следующих внешних факторов. *В первую очередь*, это — нестабильность мировой экономики, повышение учетной ставки США, дестабилизирующее глобальный финансовый рынок. *Во-вторых*, затянувшийся торговый конфликт США и Китая. *В-третьих*, пересмотр и подписание нового соглашения о свободной торговле РК с США. *В-четвертых*, сокращение торгового оборота РК с КНР из-за китайских санкций в отношении южнокорейской продукции в результате размещения американских систем ПРО. И *в-пятых*, рост мировых цен на нефть.

Экономическую ситуацию в стране серьезно усугубили и накопившиеся внутренние проблемы. *Во-первых*, значительное ухудшение положения на рынке труда. Количество безработных в РК в конце 2018 г. впервые за последние 19 лет превысило 1 млн человек[1].

Безработица особенно резко возросла среди молодежи (более 10 %). В качестве главной причины выступает незавершенность структурных реформ и сокращение экономически активного населения. Неоднозначные результаты дала экономическая политика правительства, направленная на рост доходов, сокращение продолжительности рабочего графика и увеличение минимальной заработной платы. Работодателям, особенно в среде малого и среднего бизнеса, вынужденным повысить заработную плату, пришлось сократить персонал, чтобы не увеличивать расходы.

Во-вторых, в РК все более обостряется демографическая ситуация. В ежегодном докладе ООН население РК оценивается в 51 млн 200 тыс. человек (27-е место в мире) при ежегодном приросте населения всего 0,4 ‰, что в три раза ниже среднего мирового показателя[2].

Суммарный коэффициент рождаемости также находится на довольно низком уровне и равен 1,3. Доля несовершеннолетнего населения снижается. В настоящее время доля детей до 14 лет составляет

лишь 13 % населения страны, а доля лиц старше 65 лет — 14 %. По данному показателю РК делит последние строчки вместе с Японией, Италией, Германией и Португалией. Учитывая фактор низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни (средняя продолжительность жизни в РК составляет 79 лет для мужчин и 85 лет для женщин), тенденции к быстрому старению общества проявляются весьма отчётливо. Необходимо упомянуть и о низких показателях статистики браков. В 2018 г. зарегистрировано лишь пять браков в расчёте на тысячу человек (самый низкий показатель за последние 47 лет). Молодые люди всё чаще стараются откладывать рождение детей в среднем до 32 лет, а среднемировой показатель составляет 28 лет.

В-третьих, проблема экономического спада связана и со снижением спроса на рабочую силу, что препятствует росту доходов, тормозя потребительскую активность. Безработица была вызвана низким темпом создания новых рабочих мест, что было результатом замедления инвестиционных тенденций. В августе 2018 г. инвестиции в производственные мощности сократились на 1,4 % по сравнению с предыдущим месяцем, и такая ситуация сохранялась шесть месяцев подряд[3].

В-четвертых, снижение внешнеторговой активности, при том что страна имеет экспортоориентированное производство и её ВВП более чем на 50 % зависит от мирового рынка. Беспокойство вызывает сокращение экспорта полупроводников, автомобилей и нефтехимии. По данным Института развития (KDI), экспорт из Южной Кореи в 2018 г. вырос всего на 4,1 %, однако составил 605 млрд долл.[4] По оценкам Банка Кореи, если США и КНР не урегулируют свои торговые претензии, сокращение объёма двусторонней торговли приведёт к снижению американского ВВП на 0,2 %, а китайского — на 0,4 %[5]. Это может привести к замедлению роста внешней торговли во всём мире и в первую очередь таких зависимых от их рынков стран, как Республика Корея. Если сократится китайский экспорт в США, то уменьшится и объём поставок в КНР южнокорейских промежуточных товаров.

Правительство Муна в апреле 2018 г. объявило новую стратегию внешней торговли, в которую входит диверсификация экспортных

рынков, присоединение в Транстихоокеанскому партнерству, внедрение ИКТ во внешнеторговые операции РК. Прогнозируется, что к 2022 г. объем южнокорейского экспорта достигнет 790 млрд долл. против 573,7 млрд долл. в 2017 г[6].

В конце октября 2018 г. главный индекс Корейской биржи KOSPI и индекс высокотехнологичных компаний KOSDAQ зафиксировали крупнейший с октября 2008 г. спад[7]. Первопричина биржевого обвала лежала в увеличении учетной ставки США, повлекшей нестабильность мирового финансового рынка. Южнокорейский рынок ценных бумаг, отличающийся высокой долей присутствия иностранных инвесторов и открытостью рынка капитала, оказался под ударом. Свою лепту внесло и падение стоимости акций крупных компаний — производителей автомобилей, полупроводников и другой основной экспортной продукции, на которых приходится более 50 % всего рынка ценных бумаг.

Оценка текущего состояния экономического развития

Нынешнюю экономическую ситуацию в РК можно охарактеризовать как близкую к экономическому застою. Ее можно сравнить с «нулевыми годами» японской экономики, потерявшей динамику развития в 1990-е годы. За истекшее пятилетие ВВП страны колебался вокруг показателя в 3 %. В 2018 г. рост реального ВВП РК составил 2,7 % — самый низкий показатель для РК с 2012 г. (при ВВП на душу населения более 31 тыс. долл., всего ВВП по ППС 2,13 трлн долл., по номиналу 1,65 трлн долл.). Вклад таких факторов, как потребление и инвестиции в общий рост экономики составил минус 1,1 %[8]. Однако прогнозируется, что уровень подушевого дохода в 40 тыс. долл. удастся преодолеть в 2023 г.[9] Инвестиции в производственные мощности составили 1,6 %, что является самым низким показателем за последние девять лет. Причиной является снижение спроса на полупроводники. Инвестиции в строительство понизились на 4 %. Между тем потребительские расходы увеличились на 2,8 %. Это самый высокий показатель за последние семь лет. Рост государственных расходов оказался максимальным за 11 лет, составив 5,6 %. Рост производства в обрабатывающей промышленности

составил 3,6 %, в сфере услуг — 2,8 %. В строительстве впервые с 2012 г. зафиксирован отрицательный рост в 4,2 %. Экспорт, на который приходится около половины ВВП, вырос на 4,2 %, а рост импорта составил 1,7 %[10].

Существенным ограничителем роста экономики РК может стать высокий уровень энергопотребления за счет в основном импорта энергоносителей. В 2016 г. объем энергопотребления на одного человека в РК составлял 5,6 т нефтяного эквивалента (ТОЕ), и это 5-й показатель среди 35 стран — членов ОЭСР, т. е. 280 млн т (ТОЕ) в год. Для сравнения, в Японии объем энергопотребления на одного человека составляет 3,5 т, в Германии 3,9 т, во Франции 3,6 т. Выше южнокорейского уровня показатели в Норвегии — 9,2 т, в Канаде — 9,1 т, в США — 7,1 т, в Австралии — 5,7 т. Повышение импортных цен, связанное с удорожанием нефти, отрицательно сказывается на южнокорейской экономике, в связи с чем южнокорейцы опасаются введения американских санкций против Ирана, одного из главных поставщиков нефти.

В Республике Корея имеется огромная задолженность домохозяйств, которая в конце 2018 г. составила около 1,4 трлн долл. (70 % от ВВП в 2,13 трлн долл.). Это в два раза больше, чем в 2008 г. Свой вклад внесло и повышение правительством минимального размера оплаты труда с целью увеличения доходов населения. В РК сохраняется большая разница в размере зарплат между крупными компаниями и малым и средним бизнесом (МСБ). Средний показатель в небольших компаниях составил 2900 долл., а в крупных 4600 долл. В 2017 г. средний показатель малых и средних компаний (3,5 млн) составлял 68,6 %. от уровня крупных компаний. На них приходилось свыше 99 % всего частного бизнеса. Минимальный размер оплаты труда в РК в 2019 г. будет повышен на 10,9 % и составит 8350 вон, или 7 долл. 37 центов в час[11]. Таким образом, минимальная месячная зарплата при условии 40-часовой рабочей недели составит 1,7 млн вон (1550 долл.). В 2018 г. размер МРОТ составлял 7530 вон (6 долл. 70 центов) в час[12].

Гибкий рабочий график подразумевает в случае необходимости увеличение и сокращение количества рабочих часов в рамках 52-часовой рабочей недели[13]. В соответствии с законом о 52-часовой ра-

бочей неделе, дополнительное рабочее время не должно превышать 12 ч в дополнение к 40 ч основного рабочего времени. Внедрение системы планировалось начать с 2019 г. сначала в крупных компаниях, но выяснилось, что ни экономика, ни общество пока не готовы к этому. Работодатели говорили об увеличении расходов на оплату труда, а рабочие выказывали беспокойство по поводу возможности сокращения доходов. Гибкий рабочий график призван устранить побочный эффект от введения 52-часовой недели. В настоящее время достигнута договорённость увеличить срок действия гибкого графика с трёх до шести месяцев.

Руководство страны расценило положение в экономике страны настолько тревожным, что в декабре 2018 г. в Сеуле под председательством президента РК Мун Чжэ Ина прошло первое расширенное совещание по экономическим вопросам с участием руководителей профильных ведомств и советников главы государства[14]. Обсуждались вопросы оживления экономики, испытывающей спад в результате снижения потребительской активности, а также меры по реализации провозглашённой главой государства политики «всеобъемлющего роста».

Еще ранее, в июне 2018 г. премьер-министр РК Ли Нак Ён обнародовал меры оказания поддержки регионам, отраслям и работникам, которые могут столкнуться с ущербом, вызванным политикой постепенного отказа от атомной энергетики. Так, правительство отменило особый статус уезда Ёндок-кун пров. Кёнсан-Пукто в связи с отменой планов строительства первого и второго реакторов АЭС Чхончжи. Землю, приобретённую под строительство, решено снова продать. Кроме того, район Вольсон пров. Кёнсан-Пукто, где решено досрочно закрыть АЭС, будет получать правительственную помощь до последнего дня работы АЭС[15].

В сфере внешнеэкономического взаимодействия РК в 2018 г. заняла, по данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), 15-е место среди 140 стран мира в рейтинге по глобальной конкурентоспособности, повысив его на два пункта. В 2018 г. объём экспорта компаний малого и среднего бизнеса (МСБ) РК составил 100,8 млрд долл. (17,6 % от всего объема экспорта), а импорт — 118,9 млрд долл. (25,2 %)[16]. Как отмечается в докладе Национального статистическо-

го управления, представленном 26 октября 2018 г., экспорт МСБ вырос на 9,5 % в годовом исчислении, а импорт — на 13,1 %[17]. Компании данного сегмента поставляют на мировой рынок в основном продукцию машиностроения, высокоточное оборудование и текстиль. Наибольшая доля экспорта приходится на рынки Юго-Восточной Азии, Китая, США.

Судостроительная отрасль РК впервые за семь лет смогла восстановить мировое лидерство на рынке, которое на данный момент принадлежит Китаю. В 2019 г. году три крупнейшие южнокорейские профильные компании получили заказы на строительство 39 из 44 заказанных на мировом рынке супертанкеров для транспортировки сжиженного природного газа (LNG).

По данным агентства Clarksons, южнокорейский портфель оказался самым большим, составив 10,3 млн CGT (компенсированный валовой регистровый тоннаж), или 65 % от всех заказов. РК обошла Китай, показатель которого составил 7,1 млн т (31 %)[18]. Однако в ноябре 2018 г. японское правительство обратилось в ВТО с заявлением о том, что поддержка южнокорейскими властями реструктуризации судостроительной отрасли противоречит соглашению этой организации по субсидиям и компенсационным мерам.

Проблемы накопились и в автомобилестроении РК, которое всегда являлось флагманом отечественного экспорта. В 2015 г. Республика Корея занимала пятое место в мире по объёмам производства, а в 2018 г. опустилась в этом рейтинге на две ступени. В Республике Корея третий год подряд фиксируется спад производства, что проявилось в закрытии завода GM Korea в Кунсане, снижении показателей экспорта и продаж на внутреннем рынке. С января по сентябрь 2018 г. производство сократилось на 8,4 % в годовом исчислении, внутренние продажи — на 3,4 %, экспорт — на 9 %. Положение южнокорейских производителей на американском рынке, на который приходится 1/3 южнокорейского экспорта автомобилей, также ухудшается. В первом квартале 2019 г. доля автомобильных компаний РК составила 7,8 %. Это на 2,6 % меньше, чем в 2015 г. За два года в автомобильной отрасли было потеряно около 9 тыс. рабочих мест[19].

В сентябре 2018 г. Республика Корея и США подписали новый текст соглашения о свободной торговле. Работа над поправками началась в прошлом году, когда Д. Трамп указал на дефицитный для США баланс в торговле с РК. По итогам долгих переговоров южнокорейская сторона отстояла металлургическую отрасль и рынок сельскохозяйственных продуктов, взамен чего были сделаны уступки в сфере автомобильной промышленности. Одним из главных достижений считается улучшение системы разрешения споров между инвестором и государством. Прежде именно государство должно было доказать, что истцу никакой ущерб не причинялся. Южнокорейцы рассчитывают, что последние поправки не окажут прямого влияния на их экспорт автомобилей. Республика Корея не сняла высокие пошлины на импорт пикапов из США, поскольку отечественные автопроизводители находятся лишь на стадии разработки их моделей. Реальное влияние может оказать увеличение квоты импорта автомобилей до 50 тыс. единиц в год на одного производителя. При этом они могут соответствовать только стандартам безопасности США. Республика Корея добилась того, что пошлины на американские пикапы, которые планировалось снять 1 января 2021 г., будут сохраняться до 2041 г. Сохранены также критерии обозначения места производства, что снижает возможный ущерб для Сеула. Между тем есть другая проблема. США продвигают пошлины на импортные машины до 25 %, оправдывая это необходимостью защиты своего рынка.

Хотя соглашение подписано[20], США всё ещё могут использовать ст. 232 Закона о расширении торговли от 1962 г., который в интересах национальной безопасности может позволить повысить тарифные барьеры.

Развитие цифровой экономики РК

Правительство РК огромное значение придает инновационному развитию экономики, реформированию госсектора, дальнейшему развитию рыночной экономики и построению системы социальной безопасности.

Приоритетами промышленно-технологической политики являются:

1) крупные НИОКР (освоение космоса, авиационная промышленность, ускорение элементарных частиц, судостроение);

2) зеленые технологии (возобновляемая энергия);

3) обрабатывающие и высокоточные отрасли промышленности (машиностроение, приборостроение);

4) микроэлектроника (полупроводники, светодиоды);

5) IT-технологии[21].

В числе лидирующих направлений определены: беспроводные технологии 5G; тактильные мобильные устройства; интеллектуальные роботы; возобновляемые источники энергии; интеллектуальные полупроводниковые устройства; передача больших объемов данных; интернет вещей; интеллектуальные автомобили.

В июле 2014 г. Министерством торговли, промышленности и энергетики РК и Корейской торгово-промышленной палатой был создан Комитет по инновациям в производстве. Основная задача Комитета — разработка и создание комплекса мер поддержки инновационного развития и инновационной деятельности компаний. Важнейшие технологические и научные партнеры РК — США, Япония, Китай, Германия, Израиль. Республика Корея — также имеет значительные научные связи с Россией. Основные направления научного сотрудничества — фундаментальные исследования.

РК планирует увеличить расходы на НИОКР в ближайшие годы до 5 % ВВП. В настоящее время они составляют 4 %. К сотрудничеству активно привлекаются иностранные ученые, проводится работа по созданию банка технологий, фондов и финансирования стартапов, создается соответствующая инфраструктура: в 17 крупных городах открыты инновационные центры для развития креативных отраслей.

В последнее время горячей темой в Республике Корея является водородная экономика. В январе 2019 г. Мун Чжэ Ин заявил о том, что правительство возьмёт её за основу в качестве одного из новых двигателей роста экономики. Поставлена цель к 2030 г. занять первое место в мире по доле на рынке водородных автомобилей и топливных элементов[22]. В 2013 г. компания Hyundai Motor приступила к массо-

вому производству автомобилей на водороде. Но в РК всего 13 водородных заправочных станций, а в Японии их уже более 120. В правительстве РК считают, что водородные автомобили могут помочь стране перерасти из первого «догоняющего», которым она, по сути, являлась последние 50 лет, в первопроходца.

Заключение

Положительный эффект экспортного «драйва» для южнокорейской экономики постепенно сокращается, и перед РК давно встала задача найти свой путь более сбалансированного развития, который требует расширения внутреннего рынка.

В этих целях правительство Мун Чжэ Ина приняло ряд мер, в том числе по повышению минимального уровня зарплаты и увеличению социальных расходов. Объявленные правительством меры преследуют три цели. Первая заключается в создании рабочих мест в разных отраслях и регионах страны для расширения занятости. Вторая мера нацелена на облегчение бремени для мелких предпринимателей и простых граждан путём снижения налога на топливо, и третья направлена на активизацию инвестиционных потоков в производственные и социальные проекты. Правительство намерено в пределах первой половины 2019 г. обеспечить реализацию трёх крупных инвестиционных проектов, которые прежде откладывались по различным причинам. Это проекты, связанные с заливом Ёниль в г. Пхохане пров. Кёнсан-Пукто, портом Ёсу пров. Чолла-Намдо и государственным промышленным комплексом в Ёсу. Их общая стоимость составляет 3,8 трлн вон (3,3 млрд долл.). Кроме того, компании, которые вернут свои производства из-за рубежа, получат налоговые льготы и финансовую поддержку. Поставлена задача и по смягчению административных мер контроля за бизнесом. В первую очередь это касается сфер «умного» здравоохранения (Smart Healthcare), так называемой экономики совместного потребления (Sharing Economy), туризма и других областей, которые активно развиваются. Для стимулирования внутреннего потребления власти впервые за 10 лет решили снизить на 15 % топливный налог, что позволит стабилизировать цены, а также снизить себестоимость товаров и услуг,

повысив конкурентоспособность южнокорейских компаний. По расчетам правительства, на реализацию представленных мер потребуется 22,7 млрд долл., которые нужно вложить в новые крупные инвестиционные проекты в перспективных отраслях экономики.

Ключевое слово в работе новой экономической команды Мун Чжэ Ина, приступившей к своим обязанностям в декабре 2018 г., — это реформы в условиях стабильности, которые должны устранить обеспокоенность народа и решить структурные экономические проблемы, которых немало. Как было заявлено, «вторая экономическая команда» правительства Мун Чжэ Ина будет идти прежним путём, основой которого является рост экономики за счёт увеличения доходов населения, инноваций и создания социально справедливой экономики.

Основные направления экономической политики на 2019 г. предусматривают реализацию 70 % бюджета уже в первом полугодии. Максимальный уровень в 68 % отмечен в 2015 г. Бюджет на следующий финансовый год составил около 470 трлн вон, что является рекордным показателем. Особенно это касается статей расходов, связанных с созданием профессиональных рабочих мест. Однако, учитывая серьёзность экономической ситуации в стране, нужны не только финансовые меры, но и работа в направлении инновационного роста.

В 2019 г. экспортный сектор экономики РК может столкнуться с большими трудностями. США и Китай продолжают торговую войну, на фоне которой каждая страна активизирует политику протекционизма для защиты своей экономики. Высокая экспортная зависимость РК от рынков этих стран, ограниченный внутренний рынок и быстро стареющее население являются основными угрозами дальнейшему экономическому росту, который в настоящее время обеспечивается в основном за счет экспортных поставок.

Примечания

[1] Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. Septemder 2018. P. 5.

[2] World Population Prospects. Key findings & advance tables. UN 2017 Revision. New York, 2017.

[3] Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. Septemder 2018. P. 4.

[4] URL: https://regnum.ru/news/2551966.html (дата обращения: 05.03.2019.).

[5] Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. Septemder 2018. P. 10—11.

[6] URL: https://regnum.ru/news/2551966.html (дата обращения: 05.03.2019.).

[7] Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. December 2018. P. 14.

[8] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. Нынешнее состояние и перспективы южнокорейской экономики # Главная тема недели 1 2019-01-28 (c) YONHAP News (дата обращения: 28.01.2019).

[9] URL: http://worldimg.kbs.co.kr/src/images/news/201810/181025091503_7.jpg (дата обращения: 18.10.2018).

[10] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm Рост южнокорейской экономики в 2018 г. составил 2,7 % 2019-2019-03-05 (дата обращения: 05.03.2019).

[11] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm В РК большая разница в размере зарплат между малыми и крупными компаниями (дата обращения: 11.01.2019).

[12] Там же.

[13] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htmСрок действия гибкого рабочего графика увеличен # Главная тема недели. Экономика и технологии (c) YONHAP News (дата обращения: 25.02.2019).

[14] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. В Сеуле проходит расширенное совещание по экономическим вопросам (c) YONHAP News (дата обращения: 17.12.2019).

[15] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. KDI: Темпы роста экономики замедляются: (c) YONHAP News 2018-11-08 (дата обращения: 08.11.2018).

[16] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. 17,6 % южнокорейского экспорта составляет доля малых и средних компаний (c) YONHAP News (дата обращения: 26.10.2018).

[17] Там же.

[18] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. Судостроительная отрасль РК может вернуть мировое лидерство (c) YONHAP News (дата обращения: 02.11.2018).

[19] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. Показатели южнокорейского автопрома стремительно падают (c) YONHAP News (дата обращения 26.10.2018).

[20] Соглашение вступило в силу с 1 января 2019 г.

[21] Южная Корея. URL: http://asiavector.ru/countries/south-korea/11/12 (дата обращения: 06.07.2018).

[22] URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm?land=r&procode=plus. Водородная экономика — новый двигатель инновационного роста # Главная тема недели. Экономика и технологии (c) YONHAP News (дата обращения: 18.02.2019).

References

1. Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. Septemder 2018. P. 5.

2. World Population Prospects. Key findings & advance tables. UN 2017 Revision. New York, 2017.

3. Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. Septemder 2018. P. 4.

4. URL: https://regnum.ru/news/2551966.html (accessed: 05.03.2019).

5. Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. Septemder 2018. P. 10—11.

6. URL: https://regnum.ru/news/2551966.html (accessed: 05.03.2019).

7. Quarterly Bulletin. The Bank of Korea. December 2018. P. 14.

8. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm The Present state and prospects of the South Korean economy # the Main theme of the week (accessed: 28.01.2019).

9. URL: http://worldimg.kbs.co.kr/src/images/news/201810/181025091503_7.jpg (accessed: 18.10.2018).

10. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm The Growth of South Korean economy in 2018 amounted to 2.7 % (accessed: 05.03.2019).

11. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm RK has a big difference in wages between small and large companies (accessed: 11.01.2019).

12. Ibid.

13. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm The term of flexible working hours increased # the Main theme of the week .Economics & technology (accessed: 25.02.2019).

14. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm Seoul is hosting an extended meeting on economic issues (accessed: 17.12.2018).

15. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm KDI: Economic growth is slowing (accessed: 08.11.2018).

16. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm. 17,6 % of South Korean exports is the share of small and medium-sized companies (accessed: 26.10.2018).

17. Ibid.

18. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm The shipbuilding industry of RK can return the world leadership (accessed: 02.11.2018).

19. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm Indicators of the South Korean automotive industry are falling rapidly (accessed: 26.10.2018).

20. The agreement came into force on January 1, 2019.

21. South Korea. URL: http://asiavector.ru/countries/south-korea/11/12 (accessed: 06.07.2018).

22. URL: http://world.kbs.co.kr/service/program main.htm? land=r&procode= plus Hydrogen economy-a new engine of innovative growth # the Main theme of the week. Economics & technology (accessed: 18.02.2019).

А.Ф. Синякова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РК В 2019 ГОДУ

Южнокорейский экспорт превысил 600 млрд долл., однако растущий протекционизм в торговле и рост конкурентоспособности китайских производителей является новым вызовом. Национальный доход на душу населения превысил 30 тыс. долл., однако старение населения, рост безработицы, проблемы временно занятых, изменение половозрастной структуры населения, которая меняет характер потребительского спроса, требуют адекватных мер реагирования. Правительство делает ставку на ключевые отрасли и предприятия, инновационную сферу и сферу услуг. Активизация экономики предусматривает улучшение инвестиционного климата, поддержку инфраструктурных проектов, расходы на НИОКР. В социальной сфере правительство обещает содействие в связи с повышением минимальной оплаты труда и сокращением рабочего времени.

Ключевые слова: Республика Корея, экономика, демография, конкурентоспособность, инновации, инвестиционный климат.

В 2019 г. мировая внешнеэкономическая ситуация остается нестабильной, ключевые экономики мира демонстрируют слабые повышательные тенденции, однако неопределенность, связанная с противоречиями США с торговыми партнерами, центробежными процессами в Европе, медленным восстановлением темпов экономического роста в Японии, запланированным повышением ставок

ФРС, риском политических изменений, не позволяет делать однозначных прогнозов. Китай, США и Япония, ключевые внешнеэкономические партнеры Республики Корея, сохраняют свое влияние на ситуацию в регионе, что является актуальным вызовом для южнокорейской экономики. Тарифные ограничения, инициированные американской стороной и в широком смысле рассматриваемые как торговая война с Китаем и возвращение к протекционизму, затронули и РК. Достаточно агрессивная протекционистская политика Соединенных Штатов вызывает недовольство у всех стран, товары которых попали под тарифные ограничения. Актуально это и для РК с ее традиционно экспортоориентированной моделью экономики. Южная Корея в 2018 г. обратилась в ВТО с жалобой на США за нарушение ими правил международной торговли и потребовала ежегодных выплат в размере 711 млн долл.[1] РК настаивает на том, что фактически запретительные пошлины на ввоз бытовых стиральных машин и солнечных батарей нацелены не только на Китай, занимающий в настоящее время лидирующие позиции в производстве солнечных батарей, но и на южнокорейский импорт, доля которого превалирует в американском импорте стиральных машин.

Для оценки текущих тенденций следует обратиться к статистическим данным по динамике южнокорейского экспорта и импорта. Суммарный объем как экспорта, так и импорта вырос по итогам 2018 г. по сравнению с итогами 2107 г. В 2018 г. стоимостной объем экспорта из РК составил 605 млрд долл. по сравнению с 574 млрд долл. в 2017 г., что вывело страну на седьмое место в мире. По товарным позициям в стоимостном выражении увеличилась доля электронной продукции, производственного оборудования, нефтепродуктов, продукции химической отрасли, черной металлургии. Одновременно в стоимостном выражении потеряла экспортные позиции судостроительная отрасль, изделия из чугуна и стали, товары из драгоценных и полудрагоценных камней, драгметаллы и жемчуг[2]. Группа основных внешнеторговых партнеров РК остается практически неизменной на протяжении десятилетия: Китай, США, Вьетнам, Гонконг, Япония. Примечательно, что в десятке ключевых экспортных партнеров нет ни одного европейского государства, несмотря на наличие Соглашения о свободной торговле с ЕС. Рост стоимостного

объема экспорта отмечен в каждую из стран, при этом обращает на себя внимание тот факт, что у ряда стран при росте стоимостного объема экспорта физический объем экспортируемой продукции был ниже, чем в предыдущий год. Так, южнокорейский экспорт в США в 2018 г. составил 73 млрд долл. по сравнению с 69 млрд долл. в 2017 г., при этом физический объем экспорта в 2018 г. составил 16,4 млн тонн, что меньше 17,5 млн тонн в 2017 г.[3] Применительно к США можно сделать вывод о росте капиталоемкого экспорта из Южной Кореи. Подобная ситуация наблюдается и в экспорте во Вьетнам, Гонконг и Сингапур. Одновременно экспорт из РК в Китай, Японию, Тайвань и Индию вырос в 2018 г. по сравнению с 2017 г. и в стоимостном выражении, и в объеме по весу. В товарной структуре южнокорейского экспорта в 2018 г. 30 % составили электронные товары и оборудование, 13 % — производственные машины и механизмы, 10 % — транспортные средства. В динамике с 2014 по 2018 г. видно, что уменьшилась доля оптической продукции и фототехники, что обусловлено ростом конкурентоспособности китайских производителей, в частности Ztong, Nanjing Jilong, которые затем выступают поставщиками комплектующих для китайских же компаний, в том числе ZTE, Huawei.

В южнокорейском импорте по итогам 2018 г. также отмечается рост: 535 млрд долл. по сравнению с 478 млрд долл. в 2017 г. Импорт из Китая вырос в стоимостном выражении с 98 млрд долл. до 106 млрд долл., но при этом уменьшился в весовом объеме с 44 млн до 36 млн т[4]. Импорт в РК из США вырос однонаправленно и в стоимостном, и в весовом выражении, то же самое характеризует и импорт в РК из России. Японский импорт сократился. Структура южнокорейского импорта сохраняется прежней, основную долю составляют сырьевые товары, топливо, затем следуют электронные товары, машины и оборудование.

Согласно предварительным оценкам объемов мирового экспорта и импорта по итогам 2018 г. можно отметить однонаправленное движение южнокорейской внешней торговли и ее соответствие глобальным тенденциям. Рост протекционизма в мировой торговле является потенциальным риском для РК. Стоит подчеркнуть, что задачи диверсификации экспортно-импортных партнёров и товарных

групп, а также задача повышения конкурентоспособности национальной продукции для сохранения позиций в международной торговле сохраняют свою актуальность[5].

Основные макроэкономические показатели сохраняют небольшую повышательную динамику. Прогноз Центрального банка Республики Корея по росту ВВП в 2019 г. снижен с 2,7 до 2,6 %, прогноз темпов инфляции снижен с 1,7 до 1,4 %[6]. Среднесрочные прогнозы роста южнокорейской экономики, сделанные МВФ, ОЭСР, Еврокомиссией, являются сдержанными и предполагают рост около 2,7 %[7]. Ожидаемое повышение ставок ФРС в 2019 г. также не принесет оживления в мировую экономику. Несомненным достижением южнокорейской экономики является превышение национального дохода на душу населения 30 тыс. долл. В конце 1990-х годов, когда РК присоединилась к странам ОЭСР, среднедушевой доход превысил 10 тыс. долл., спустя 20 лет этот показатель утроился. Повышение качества жизни населения, несмотря на очевидные плюсы, влечет за собой ряд вызовов для экономики страны.

В первую очередь, вслед за изменением структуры населения заметно изменилась модель потребления. Повышение качества жизни в любой стране неизбежно ведет к увеличению продолжительности периода получения образования, более позднему вступлению в брак, сокращению рождаемости. В 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости (или коэффициент фертильности) снизился до минимального показателя 0,95[8], а рождаемость, т. е. количество рождений на 1 тыс. жителей, составила 7,9[9].

Новым для корейского традиционного уклада семьи становится рост числа домохозяйств, состоящих из одного человека, т. е. людей, проживающих в одиночестве без родителей и без собственной семьи и не стремящихся к ее созданию. Такие люди больше тратят на себя: увлечения, путешествия, спорт, красота, здоровье, домашние животные. Вслед за ростом спроса растет число компаний, предоставляющих востребованные услуги. В индустрии спортивных услуг прирост за четыре последних года составил 200 %, заметно вырос арендный бизнес — сдача в наем апартаментов, различных гостевых домов для отпуска, одновременно растет число пунктов проката транспорта (автомобилей, велосипедов) и туристических агентств. Отсутствие

семьи побуждает корейцев заводить домашних питомцев, число магазинов для животных выросло вдвое, увеличилось число ветеринарных клиник. Можно ожидать сохранение этой тенденции и расширение потребления среди «одиночек». Закономерно снижается спрос на услуги акушерских клиник и растет спрос на психологические консультации (стресс, связанный с работой или ее поиском, плюс сложности в создании семьи), сокращается число брачных консультантов и увеличивается количество консультантов по вопросам трудоустройства. Старение населения изменило структуру внутреннего спроса: повышается востребованность медицинских услуг, услуг страхования жизни и здоровья, всевозможных средств поддержания качества жизни. Рост спроса на медицинские услуги в Южной Корее ведет к повышению их качества и развитию медицины в целом, в том числе в аспектах раннего выявления заболеваний по результатам прохождения пациентом комплексной диспансеризации. Экспорт южнокорейских медицинских услуг планируется осуществлять и в Россию, где в Сколково будет открыт госпиталь Бундан[10].

Повышение качества жизни одновременно с сокращением численности населения трудоспособного возраста ведет к изменениям предпочтений в вопросах трудоустройства, наиболее предпочтительной работой южные корейцы называют занятость в госсекторе по причине большей стабильности. Рост качества жизни также стимулирует трудовую миграцию. *Во-первых*, ряд непрестижных работ начинают выполнять выходцы из других стран, *во-вторых*, социальная политика нынешнего президента Мун Чжэ Ина в аспектах повышения минимальной заработной платы и сокращения максимального рабочего времени в большей степени затронула предприятия малого и среднего бизнеса, которые и так постоянно жалуются на сложности и на недостаточное к ним внимание по сравнению с крупными корпорациями. В итоге именно они должны отказываться от временно и условно занятых в пользу постоянно занятых, чтобы сохранить ценовую конкурентоспособность. Кроме того, удорожание национального труда приводит к поиску нелегальных рабочих, преимущественно трудовых мигрантов, которые въезжают в страну без рабочей визы с целью заработка. Такие нелегальные занятые зачастую работают в плохих условиях, без соблюдения каких-либо норм

труда, а также рискуют быть обманутыми работодателем, в целом все это негативно сказывается и на криминогенной обстановке. Экономическая политика президента, которого обвиняют в популизме, будет продолжена, между тем недовольство ею растет у всех экономических агентов, включая временно занятых, доля которых составляет 33 %[11] и решить проблемы которых президент Мун обещал. Недостаток хорошо оплачиваемых рабочих мест одновременно с новыми социальными нормами привел к росту безработицы, особенно среди молодежи. Уровень безработицы среди молодежи составил 3,7 %, предприятия сферы питания, 87 % которых относятся к группе среднего и малого бизнеса, отказались от планов нанимать новых работников и вынуждены были сократить временно занятых из-за невозможности платить 6,7 долл. в час[12]. Впервые за восемь лет компании среднего и малого бизнеса сокращают количество вновь нанимаемых сотрудников. В то же время высокое качество жизни и связанный с ним уровень доходов позволяют крупнейшим корейским корпорациям сохранять присущие им предпочтения в любой стране назначать на топовые руководящие позиции исключительно корейцев.

Все перечисленные факторы неизбежно ведут к росту цен, в 2019 г. повысились тарифы на проезд в такси, традиционно считающемся достаточно доступным видом транспорта: дневной тариф составляет 3,8 тыс. вон (ранее был 3 тыс. вон), ночной тариф — 4,6 тыс. вон (был 3,6 тыс. вон). В Южной Корее продолжают расти цены на недвижимость, при этом темпы роста цен на жилье значительно опережают темпы роста доходов. Согласно оценкам, для того чтобы приобрести жилье в Сеуле, семья среднего достатка должна будет копить 13,4 г., не тратя ни воны, в 2014 г. срок такого накопления составлял 8,8 лет[13]. Представленный показатель является условным и достаточно общим, мало пригодным, в частности, для международных сопоставлений, из-за того что в крупнейших мегаполисах мира для оценки стоимости жилья берется средняя цена по всей агломерации, площадь которой зачастую весьма обширна и имеет большой ценовой разброс в зависимости от близости к центру.

В 2018 г. были внесены поправки в Налоговый кодекс. С учетом прогрессивной шкалы налогообложения в РК, изменения затронули

налог на прибыль корпораций, доход свыше 300 млрд вон теперь облагается налогом по ставке 25 %, а не 22 %, как было ранее. Максимальная ставка подоходного налога также увеличилась с начала 2018 г.: 42 % для лиц, чей доход превышает 500 млн вон (до этого было 40 %), 40 % для лиц, чей доход составляет 300—500 млн вон (ранее было 38 %). Министерство финансов сообщило, что по итогам 2018 г. были собраны рекордные налоговые поступления в сумме 271 трлн вон с января по ноябрь, что выше суммы за предыдущий год на 28 трлн вон и превосходит на 4,4 % плановые показатели[14].

Наличие платежеспособного потребительского спроса является большим плюсом для внедрения новых технологий в производство, которое в Республике Корея осуществляется очень быстро. Внутренний спрос дает возможность производителям развиться на национальном рынке, прежде чем конкурировать на внешнем. Благодаря всеобщей мобилизации, т. е. максимальном охвате населения страны мобильными устройствами, время для отклика на новинку является минимальным. Между тем наличие серьезных ограничений на возможность международных инвесторов участвовать в южнокорейских стартапах является серьезным сдерживающим фактором. Основными инвесторами выступают южнокорейские конгломераты, их традиционная стратегия избегания рисков и зарубежных партнеров приводит к тому, что какие-то IT-продукты и решения находят спрос лишь в Корее и не будут востребованы на международном рынке, соответственно, капитализация будет весьма ограниченной из-за высокой насыщенности рынка. Ряд международных платформ, в частности Uber, Airbnb, ограничены, серьезные протесты среди таксистов вызвал анонсированный корпорацией Kakao Corp., которой принадлежит мессенджер Kakao Talk, охватывающий около 80 % населения страны, запуск карпулинговой платформы, которая позволяет искать попутчиков онлайн и, следовательно, разделить расходы по пути следования.

Очевидно, что перед нынешней администрацией стоит немало вызовов. Президент заявляет о том, что модель роста, в основе которой стоят крупнейшие экспортеры, исчерпала себя в свете агрессивной конкуренции китайских производителей и экспортеров. Южнокорейская стратегия быстрого следования (за лидером, т. е. за Япо-

нией, на протяжении периода послевоенного развития) доказывала свою эффективность, но китайские конкуренты догоняют слишком быстро.

В самой Республике Корея ищут пути реформирования и более оперативного реагирования на новые вызовы. В 2018 г. Национальное собрание приняло четыре закона, связанных с инновациями в системе управления. Среди актуальных направлений деятельности, освещенных в новогоднем обращении премьер-министра в начале 2019 г., выделена поддержка базовых отраслей экономики, новых отраслей и сферы услуг. Также было заявлено о том, что крупные, социально значимые для страны проекты будут реализовываться без предварительных длительных согласований. Кроме того, государство продолжит придерживаться избранного социального курса.

Для сохранения и укрепления национальных позиций в судостроительной отрасли планируется слияние крупнейших южнокорейских производителей Hyundai Heavy Industries (HHI) и Daewoo Shipbuilding and Marine Engineering (DSME). Вновь созданной компании будет принадлежать пятая часть глобального рынка. В 2018 г. две корейские компании разделили между собой 21 % мировых заказов на сумму 16,98 млн долл.[15]

В попытке занять потенциально важную нишу, в РК стремятся развивать блокчейн-проекты и разрабатывать новое направление в их правоприменении. Кроме того, правительство намерено улучшать инвестиционный климат.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на достаточно пессимистичную риторику в самой Республике Корея, макроэкономические показатели страны пока достаточно стабильны, изменения во внутренней ситуации в экономике зависят от того, насколько администрации удастся выполнить взятые на себя социальные обещания.

Примечания

[1] *Алексеева Н.* Экономическая самоизоляция: как тарифные войны Трампа повлияют на позиции США в Азии. 19.05.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/514826-tarifnie-voyni-ssha- kitay-aziya (дата обращения: 19.02.2019).

[2] Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c410%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c5%7c1 (дата обращения: 19.02.2019).

[3] Korea International Trade Association URL: http://www.kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (дата обращения: 19.02.2019).

[4] Ibid.

[5] *Синякова А.Ф.* Развитие экономики Республики Корея после освобождения через призму внешней торговли // КНДР и РК — 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 178—187.

[6] 한은, 올해 성장률 전망 2.7%에서 2.6%로 하향 조정 : [Банк Кореи понизил прогноз темпов роста экономики с 2,7 до 2,6 %]. 24.01.2019. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190123104600002?section=economy%2Feconomy&site=topnews&fbclid=IwAR0ZhJQlLRdxQ4gKxt8hrGKVqWKzZizNYkD4zOPvXGefbAQGw2tjsdLqo7E (дата обращения: 19.02.2019).

[7] South Korea GDP Growth Forecast 2018—2020 and up to 2060, Data and Charts. URL: https://knoema.ru/eqbmq/south-korea-gdp-growth-forecast-2018-2020-and-up-to-2060-data-and-charts (дата обращения: 19.02.2019).

[8] Fertility Rate Dips Below 1 in 2018: Official. 18.01.2019. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190118000235 (дата обращения: 19.02.2019).

[9] The World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN (дата обращения: 19.02.2019).

[10] Южнокорейский госпиталь «Бундан» стал участником медицинского кластера в Сколково. 26.12.2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/5956449?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.04.2019).

[11] 1월 실업률 4.5%, 실업자 122만명…취업자 1만9천명↑: [В январе уровень безработицы составил 4,5 %, 1 млн 220 тыс. человек являются безработными, количество занятых увеличилось на 19 тыс. человек]. 13.02.2019. URL: https://news.naver.com/main/read.nhn?oid=001&sid1=101&aid=0010630665&mid=shm&mode=LSD&nh=20190213093248&fbclid=IwAR301IecI0ofNrOJrScxQ40yvGTdDYgcN8ZUGGkCQhDsFOQUT_oimn2giK4 (дата обращения: 19.02.2019).

[12] Claire Lee. Youth Unemployment Reaches 19-year High in South Korea // The Korea Herald. 22.08.2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180822000767 (дата обращения: 19.02.2019).

[13] 연봉 한푼도 안쓰고 13.4년 모아야 한 채…"올해 가격 조정 불가피" : [Если не тратить ни воны, можно накопить за 13,4 года. В этом году цены ждет неизбежная корректировка]. 26.01.2019. URL: http://news.donga.com/3/all/20190126/93867929/1 (дата обращения: 19.02.2019)

[14] *Choi Kyu-min*. Record Taxes Collected Last Year // The Chosun Ilbo. 11.01.2019. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/11/2019011101423.html (дата обращения: 19.02.2019).

[15] *Кирьянов О.* В Южной Корее появится гигантская судостроительная компания // Российская газета. 07.02.2019. URL: https://rg.ru/2019/02/07/smi-v-iuzhnoj-koree-poiavitsia-gigantskaia-sudostroitelnaia-kompaniia.html (дата обращения: 19.02.2019).

References

1. *Alekseeva N.* Economic Self-Isolation: Trump Tariff Wars and US Positions in Asia. 19 May 2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/514826-tarifnie-voyni-ssha-kitay-aziya (accessed: 19.02.2019).

2. Trade Map URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c410%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c5%7c1 (accessed: 19.02.2019)

3. Korea International Trade Association URL: http://www.kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (accessed: 19.02.2019).

4. Ibid.

5. *Sinyakova A.F.* (2018). Economic Development of the Republic of Korea from the Perspective of International Trade // DPRK and the ROK: The 70th Anniversary of Foundation. Moscow, IFES RAS. P. 178—187.

6. 한은, 올해 성장률 전망 2.7%에서 2.6%로 하향 조정 : [Bank of Korea Cut the Forecast for Economic Growth from 2.7 to 2.6 %]. 24 January 2019. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190123104600002?section=economy %2Feconomy&site=topnews&fbclid=IwAR0ZhJQlLRdxQ4gKxt8hrGKVqWKzZizNYkD4zOPvXGefbAQGw2tjsdLqo7E (accessed: 19.02.2019)

7. South Korea GDP Growth Forecast 2018—2020 and up to 2060, Data and Charts. URL: https://knoema.ru/eqbmq/south-korea-gdp- growth-forecast-2018-2020-and-up-to-2060-data-and-charts (accessed: 19.02.2019).

8. Fertility Rate Dips Below 1 in 2018: Official. 18 January 2019. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190118000235 (accessed: 19.02.2019).

9. The World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN (accessed: 19.02.2019).

10. South Korean Bundang Hospital Joined the Medical Cluster in Skolkovo. 26 December 2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/5956449?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 05.04.2019).

11. 1월 실업률 4.5%, 실업자 122만명…취업자 1만9천명↑: [January Unemployment Rate 4.5 %, 1.22 Mln Are Unemployed, the Number of Employed Increased by 19,000]. 13 February 2019. URL: https://news.naver.com/main/read.nhn?oid=001&sid1=101&aid=0010630665&mid=shm&mode=LSD&nh=20190213093248&fbclid=IwAR301IecI0ofNrOJrScxQ40yvGTdDYgcN8ZUGGkCQhDsFOQUT_oimn2giK4 (accessed: 19.02.2019).

12. Claire Lee. Youth Unemployment Reaches 19-year High in South Korea // The Korea Herald. 22 August 2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180822000767 (accessed: 19.02.2019).

13. 연봉 한푼도 안쓰고 13.4년 모아야 한 채…"올해 가격 조정 불가피": [If Not to Spend a Penny One Can Accumulate a Sum Within 13.4 Years. Prices Are to Be Adjusted This Year). 26 January 2019. URL: http://news.donga.com/3/all/20190126/93867929/1 (accessed: 19.02.2019).

14. Choi Kyu-min. Record Taxes Collected Last Year // The Chosun Ilbo. 11 January 2019. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/11/2019011101423.html (accessed: 19.02.2019).

15. *Kiryanov O.* A Huge Shipbuilding Company Is to Be Made in South Korea // Rossiyskaya Gazeta. 7 February 2019. URL: https://rg.ru/2019/02/07/smi-v-iuzhnoj-koree-poiavitsia-gigantskaia-sudostroitelnaia-kompaniia.html (accessed: 19.02.2019).

Д.В. Гордиенко

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИЩЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ ЮЖНОЙ КОРЕИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Обеспечение экономической безопасности государства осуществляется в форме экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. В статье рассматриваются перспективы изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи и государств Азиатско-Тихоокеанского региона — участников Транстихоокеанского партнерства и Всестороннего регионального экономического партнерства. Дается сравнительная оценка изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи при реализации глобальных интеграционных проектов.

Ключевые слова: экономика, Азиатско-Тихоокеанский регион, Южная Корея, Транстихоокеанское партнерство, Всестороннее региональное экономическое партнерство, экономическая безопасность.

Анализ тенденций обеспечения экономической безопасности Южной Кореи и ряда ведущих государств мира* в условиях глобализации позволил выявить ряд закономерностей обеспечения защищенности национальной экономики[1]. Эти закономерности позволили определить в качестве основных форм обеспечения экономической безопасности государства: *экономический патронат*, *экономическую кооперацию* и *экономическое противоборство*.

[*] В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. понятие «*экономическая безопасность <государства>*» определено как «*состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз*, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство его экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов». Здесь и далее под *обеспечением экономической безопасности государства* понимается процесс обеспечения защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз на экономической территории государства. Как представляется, закономерностями обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации являются:

1. *Зависимость эффективности функционирования экономики от степени обеспеченности ресурсами.*

2. *Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от эффективности принятия специальных мер и использования специальных средств.*

3. *Зависимость эффективности принятия специальных мер обеспечения экономической безопасности государства, применения специальных средств в интересах обеспечения экономической безопасности от наличия специализированной организационной структуры государства.*

4. *Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от сосредоточения воздействия на экономику противостоящей в конкурентной борьбе стороны.*

5. *Зависимость эффективности функционирования национальной экономики от характера ее взаимодействия с национальными хозяйствами других стран.*

6. *Зависимость степени защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз от уровня экономической безопасности государств, с которыми происходит экономическая кооперация в условиях глобализации, и степени взаимовлияния национального хозяйства на экономики других стран — сектора мирового хозяйства.*

7. *Зависимость степени защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз от уровня экономической безопасности государств, с которыми происходит экономической противоборство в условиях глобализации, и степени нереализованного взаимовлияния национального хозяйства на экономики других стран — сектора мирового хозяйства.*

При обеспечении экономической безопасности государства в рамках *экономического патроната* в качестве показателей уровня защищенности национального хозяйства, находящегося на экономи-

ческой территории государства, могут выступать соответствующие нормированные макроэкономические показатели* — частные показатели экономической безопасности**[2].

* По мнению автора, *показателями-индикаторами* экономической безопасности государства могут быть: 1. Объем валового внутреннего продукта (ВВП); 2. Валовой сбор зерновых, млн т; 3. Доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4. Доля расходов на оборону (в % к ВВП); 5. Доля затрат на «гражданскую» науку (в % к ВВП); 6. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 7. Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 8. Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 9. Децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 10. Уровень безработицы (в % к экономически активному населению); 11. Уровень монетизации (в % к ВВП); 12. Внешний долг (в % к ВВП); 13. Внутренний долг (в % к ВВП); 14. Доля расходов бюджета на обслуживание государственного долга (в % общего объема расходов бюджета); 15. Дефицит федерального бюджета (бюджета центрального правительства) (в % к ВВП); 16. Уровень инфляции (в %); 17. Объем золотовалютных резервов (млрд долл.); 18. Отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта (в %); 19. Доля продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов (в %). Предполагается, что *наименьшее возможное* значение *i*-го *нормированного частного показателя экономической безопасности государства*, характеризующего уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономического патроната ($\beta_{i,min} = 0{,}01$), соответствует наименьшему уровню экономической безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение *i*-го нормированного частного показателя ($\beta_{i,max} = 100$) соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение *i*-го нормированного частного показателя ($\beta_i = 1$) соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства. Расчетная формула *общего (интегрального) нормированного показателя* безопасности национального хозяйства *j*-го государства — уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната, может иметь вид: $У_{ЭБ\,(ЭПатронат),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}$, $0{,}01 \le \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \le 100$.

** Нормирование макроэкономических показателей может производиться относительно соответствующих пороговых значений экономической безопасности государства. Например, пороговыми уровнями экономической безопасности Южной Кореи считаются: 1) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) — 600 млрд долл. (в ценах 2003 г.); 2) для валового сбора зерновых — 25 млн т (масса до обработки); 3) для доли инвестиций в основной капитал — 16 % к ВВП; 4) для доли расходов на оборону — 2,0 % к ВВП; 5) для доли затрат на «гражданскую» науку — 1,5 % к ВВП; 6) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции — 15 %; 7) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве — 25 %; 8) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения — 7 % к всему населению страны; 9) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения — 8; 10) для уровня безработицы — 8 % к экономически активному населению; 11) для уровня монетизации — 25 % к ВВП; 12), 13) для внешнего и внутреннего долга — 40 % и 30 % к ВВП соответственно; 14) для доли расходов бюджета на обслуживание государственного долга — 20 % к общему объему расходов бюджета центрального правительства; 15) для дефицита бюджета центрального правительства — 3 % к ВВП; 16) для уровня инфляции — 25 %; 17) для объема золотовалютных резервов — 37,5 млрд долл.; 18) для отношения выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта — 25 %; 19) для доли продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов — 20 %.

При обеспечении экономической безопасности в рамках *экономической кооперации* в качестве показателей уровня защищенности национального хозяйства соответствующего государства могут выступать показатели взаимовлияния его экономики с различными национальными хозяйствами*.

* Предполагается, что *наименьшее возможное* значение k-го *нормированного частного показателя экономической безопасности государства*, характеризующего уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономической кооперации с экономикой k-го государства ($\beta_{k,min} = 0{,}01$), соответствует наименьшему уровню экономической безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И наоборот, *наибольшее возможное* значение k-го нормированного частного показателя ($\beta_{k,max} = 100$) соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства страны также при

фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение *k*-ого нормированного частного показателя ($\beta_k = 1$) соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства. Расчетная формула *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства *j*-го государства — уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономической кооперации, может иметь вид:

$$У_{ЭБ(ЭКооперации),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{k,j}^{\alpha_{k,j}},\ 0{,}01 \le \beta_{k,j}^{\alpha_{k,j}} \le 100.$$

При обеспечении экономической безопасности в рамках *экономического противоборства* в качестве показателей уровня защищенности национального хозяйства могут выступать показатели экономического противоборства экономики этого государства с различными национальными хозяйствами*.

* Предполагается, что *наименьшее возможное* значение *l*-го *нормированного частного показателя экономической безопасности государства*, характеризующего уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономического противоборства с экономикой *l*-го государства ($\beta_{l,min} = 0{,}01$), соответствует наименьшему уровню экономической безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И наоборот, *наибольшее возможное* значение *l*-го нормированного частного показателя ($\beta_{l,max} = 100$) соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение *l*-го нормированного частного показателя ($\beta_l = 1$) соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства. Расчетная формула *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства *j*-го государства — уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического противоборства, может иметь вид: $У_{ЭБ(ЭПротивоборство),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{l,j}^{\alpha_{l,j}},\ 0{,}01 \le \beta_{l,j}^{\alpha_{l,j}} \le 100.$

* * *

Южная Корея и другие государства — участники Транстихоокеанского партнерства и Всестороннего регионального экономического партнерства вовлечены в глобальные интеграционные проекты, о

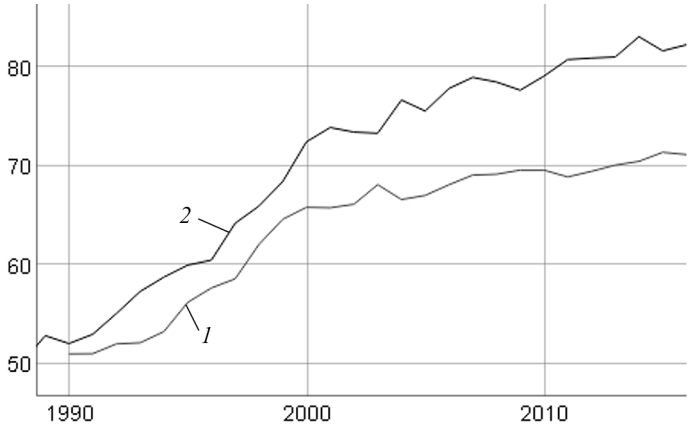


Рис. 1. Динамика индекса глобализации KOF в Южной Корее и России:
1 — Russian Federation; *2* — Korea (Republic of)

чем свидетельствует сравнительная динамика индекса глобализации KOF для различных стран мира (рис. 1)[3].

Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) воплощают два во многом альтернативных подхода к преференциальным торговым соглашениям, создаваемым под эгидой США (и/или теперь Японии[*]) и Китая соответственно[**].

[*] Д. Трамп считает, что многосторонние соглашения — «*зло для США*», поскольку в таких сделках его страна противостоит пусть и более слабым игрокам, зато объединенным в коалицию. «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для транстихоокеанского партнерства» подписано без участия США.

[**] Если Соединенные Штаты (Япония) стремятся к заключению соглашений, которые охватывают сферы деятельности, выходящие за рамки компетенции ВТО, то образование зоны свободной торговли, создаваемой между участниками ВРЭП, в основном ограничивается решением вопросов, входящих в предмет регулирования всемирной организации. Это фундаментальное отличие двух подходов к реализации глобальных интеграционных проектов будет определять архитектуру торгово-экономических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в среднесрочной перспективе.

Оценка изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи и государств — участников Транстихоокеанского партнерства

Транстихоокеанское партнёрство (*Trans-Pacific Partnership*, TPP) — международная торгово-экономическая организация, целью которой является создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

По прогнозам, доля стран ТТП (вместе с США[*]) в мировом ВВП может достичь 38—40 % и составить четверть оборота мировой торговли (при этом лидируя по объёму доли в ВВП, но уступая в обороте мировой торговли торговому блоку АСЕАН+6 при условии участия Китая в АСЕАН).

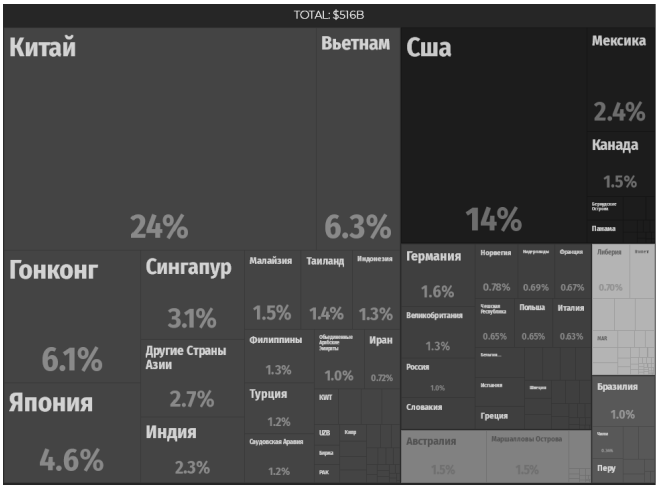
[*] Несмотря на то что Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве не было одобрено Конгрессом США, в силу ряда причин мы далее исходим из предположения, что США все еще являются участником ТТП. В силу сложности бюрократических процедур в США и наличия сильной оппозиции (даже в рядах Республиканской партии) решению президента-республиканца Д. Трампа о неучастии страны в ТТП, это решение не окончательно и поэтому может быть пересмотрено.

Результаты расчетов значений общих (интегральных) нормированных показателей экономической безопасности Южной Кореи и государств — участников Транстихоокеанского партнерства, реализованных в рамках экономического патроната в период 2007—2019 гг. и в перспективе до 2025 г., представлены в табл. 1. При реализации глобальных интеграционных проектов показателями взаимовлияния национальных хозяйств Южной Кореи и государств — участников ТТП могут стать: величины объемов экспорта[4] и импорта[5] товаров (рис. 2); объемов иностранных инвестиций; структура золотовалютных резервов; взаимное использование сырьевых, трудовых, энергетических, продовольственных, валютных ресурсов и пр.

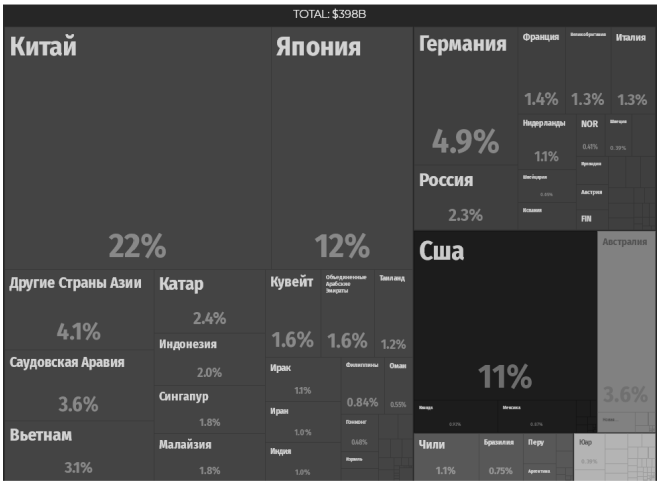
Реализация Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве позволит увеличить долю товарооборота Южной Кореи с государствами — участниками Транстихо-

Таблица 1. **Уровни защищенности экономики государств — участников Транстихоокеанского партнерства, характеризующие экономический патронат со стороны соответствующих правительств и центральных банков**

Интегральный показатель защищенности экономики государства, реализованный в рамках экономического патроната	2007	2008	2009	2010	2012	2014	2015	2020 прогноз	2025 прогноз
Вьетнам	29,7	31,4	38,2	44,9	66,9	97,6	101,0	600,0	850,0
Бруней	7,9	8,3	8,9	9,9	16,9	49,0	51,0	90,0	126,0
Чили	88,2	82,1	88,3	92,9	105,0	133,0	145,0	170,0	190,0
Новая Зеландия	5000	5500	5900	6200	7000	7550	7800	$2{,}0\times10^{4}$	$3{,}2\times10^{4}$
Сингапур	5500	5800	6100	6500	7400	8600	$9{,}0\times10^{3}$	$5{,}0\times10^{4}$	$7{,}8\times10^{4}$
Австралия	31 000	29 000	32 100	62 500	$1{,}8\times10^{5}$	$6{,}0\times10^{5}$	$8{,}6\times10^{5}$	$1{,}1\times10^{6}$	$2{,}1\times10^{7}$
Перу	15,7	16,9	18,9	19,9	42,1	72,0	91,0	110,0	125,0
Малайзия	74,1	89,3	96,3	120,0	240,0	550,0	600,0	6900,0	9500,0
Мексика	960,0	950,0	1000,0	1200,0	1800,0	2600,0	2800,0	3000,0	4000,0
Канада	19 000	18 100	18900	19 500	$2{,}94\times10^{4}$	$3{,}77\times10^{4}$	$4{,}08\times10^{4}$	$5{,}05\times10^{4}$	$9{,}5\times10^{4}$
США	90 300	91 200	96 000	99 500	$2{,}5\times10^{5}$	$4{,}86\times10^{5}$	$5{,}08\times10^{5}$	$2{,}05\times10^{6}$	$4{,}5\times10^{7}$
Тайвань	8300	8200	8700	8900	$2{,}6\times10^{4}$	$4{,}7\times10^{4}$	$6{,}0\times10^{4}$	$1{,}00\times10^{6}$	$1{,}02\times10^{6}$
Колумбия	35,9	38,2	41,1	49,9	61,2	82,0	95,0	120,0	135,0
Филиппины	41,3	52,9	62,1	74,1	115,0	245,0	300,0	900,0	1010,0
Южная Корея	$2{,}39\times10^{6}$	$2{,}47\times10^{6}$	$3{,}02\times10^{6}$	$3{,}22\times10^{6}$	$6{,}23\times10^{6}$	$8{,}82\times10^{6}$	$9{,}70\times10^{6}$	$3{,}29\times10^{7}$	$5{,}41\times10^{7}$
Япония	$1{,}00\times10^{6}$	$1{,}05\times10^{6}$	$1{,}12\times10^{6}$	$1{,}23\times10^{6}$	$2{,}41\times10^{6}$	$3{,}03\times10^{6}$	$3{,}47\times10^{6}$	$1{,}20\times10^{7}$	$3{,}74\times10^{7}$



а



б

Рис. 2. Показатели взаимовлияния национальных хозяйств Южной Кореи и других государств мира в рамках их экономической кооперации:
а — объем и доли экспорта товаров из Южной Кореи в другие страны в 2016 г. [4];
б — объем и доли импорта товаров в Южную Корею из других стран в 2016 г. [5]

океанского партнерства к 2020 г. не менее чем на 3,63 % — с 36,33 % (490,4 млрд долл.) до 39,96 % (539,4 млрд долл.). В этом случае к 2025 г. уровень экономической безопасности Южной Кореи, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами — участниками ТТП, может увеличиться на 3,05 п. п. — с 29,58 % до 32,63 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Южной Кореи (табл. 2)*.

* В то же время в случае реализации Обновлённого соглашения о зоне свободной торговли с США (KORUS) уровень защищенности национальной экономики Южной Кореи, реализованный в рамках ее экономической кооперации с США, может увеличиться к 2025 г. только на 0,87 п. п. — с 29,58 до 30,45 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Японии.

Таблица 2. **Изменение уровня защищенности национального хозяйства Южной Кореи от внешних и внутренних угроз при реализации Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве / Обновлённого соглашения о зоне свободной торговли с США (KORUS), % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната**

	Защищенность национальной экономики Южной Кореи в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Южной Кореи = 100 %						
	Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	с учетом реализации ТТП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Вьетнам	1,00	0,10/0	0,81	-0,33/0	1,81	-0,23/0	1,58/ 1,81
Бруней	0,22	0,02/0	0,25	-0,10/0	0,47	-0,08/0	0,39/ 0,47

Продолжение табл. 2

	Защищенность национальной экономики Южной Кореи в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Южной Кореи = 100 %						
	Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	с учетом реализации ТТП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Чили	0,64	0,06/0	0,70	-0,28/0	1,34	-0,22/0	1,12/ 1,34
Новая Зеландия	0,17	0,01/0	0,03	-0,01/0	0,20	0,00/0	0,20/ 0,20
Сингапур	2,05	0,21/0	0,15	-0,07/0	2,20	0,14/0	2,34/ 2,20
США	8,36	0,87	0,76	-0,30	9,12	0,57	9,69
Австралия	3,57	0,36/0	-1,13	0,45/0	2,44	0,81/0	3,25/ 2,44
Перу	0,20	0,02/0	0,23	-0,10/0	0,43	-0,08/0	0,35/ 0,43
Малайзия	0,37	0,03/0	0,25	-0,10/0	0,62	-0,07/0	0,55/ 0,62
Мексика	1,56	0,16/0	0,82	-0,33/0	2,38	-0,17/0	2,21/ 2,38
Канада	0,63	0,06/0	0,28	-0,11/0	0,91	-0,05/0	0,86/ 0,91
Япония	7,94	0,84/0	3,84	-1,55/0	11,78	-0,71/0	11,1/ 11,8

Окончание табл. 2

	Защищенность национальной экономики Южной Кореи в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Южной Кореи = 100 %						
	Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	без учета реализации ТТП	прирост с учетом реализации ТТП	с учетом реализации ТТП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Тайвань	2,09	0,22/0	-0,22	0,09/0	1,87	0,31/0	2,18/ 1,87
Колумбия	0,20	0,03/0	0,23	-0,09/0	0,43	-0,06/0	0,37/ 0,43
Филиппины	0,58	0,06/0	0,24	-0,10/0	0,82	-0,04/0	0,78/ 0,82
Итого	В случае реализации Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве (с участием США)						
	29,58	3,05	7,24	-2,93	36,82	0,12	36,94
	В случае реализации обновлённого соглашения о зоне свободной торговли с США (KORUS)						
	29,58	0,87	7,24	-0,30	36,82	0,57	37,39
Справочно							
Китай	26,90	0	-5,44	0	21,46	0	21,46
Россия	1,90	0	-0,59	0	1,31	0	1,31
Индия	3,29	0	-0,85	0	2,44	0	2,44
ЕС	8,87	0	-1,09	0	7,78	0	7,78

Показателями экономического противоборства национальных хозяйств стран мира могут стать: нереализованный внешнеторговый товарооборот*, объем причиненного экономического ущерба и др.

* Под нереализованным внешнеторговым оборотом понимается разница между объемами потенциального (максимально возможного) и реализованного внешнеторгового товарооборота.

Реализация Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве позволит сократить долю нереализованного товарооборота Южной Кореи с государствами — участниками Транстихоокеанского партнерства к 2020 г. не менее чем на 14,53 % — с 36,33 % (122,6 млрд долл.) до 21,80 % (73,6 млрд долл.)*.

* Здесь и далее отрицательные значения изменения уровня экономической безопасности государства, реализованные в рамках его экономического противоборства, означают, что экономическое противоборство этого государства с другими странами мира снижает уровень защищенности его национального хозяйства. Положительные же приросты этого уровня при реализации глобального интеграционного проекта, наоборот, будут означать, что снижение уровня защищенности экономики государства будет ослабевать. При сохраняющихся трендах экономического развития Южной Кореи и структуре ее товарооборота возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Австралией и Тайванем.

К 2025 г. уровень экономической безопасности Южной Кореи, реализованный в рамках ее экономического противоборства со странами — участниками ТТП, может увеличиться на 2,93 п. п. — с 7,24 до 4,31 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната (см. табл. 2)*.

* В то же время в случае реализации Обновлённого соглашения о зоне свободной торговли с США (KORUS) уровень защищенности национальной экономики Южной Кореи, реализованный в рамках ее экономического противоборства с США, может уменьшиться к 2025 г. только на 0,30 п. п. — с 7,24 до 6,94 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Южной Кореи.

Оценка изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи и государств — участников Всестороннего регионального экономического партнёрства

Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) (*Regional Comprehensive Economic Partnership*, RCEP) — это соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ +»), охватывающее 10 государств — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и шесть государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Индия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

Результаты расчетов значений общих (интегральных) нормированных показателей экономической безопасности государств — участников Всестороннего регионального экономического партнерства, реализованных в рамках экономического патроната в период 2007—2019 гг. и в перспективе до 2025 г., представлены в табл. 3.

Реализация ВРЭП позволит увеличить долю товарооборота Южной Кореи с государствами — участниками Всестороннего регионального экономического партнерства к 2020 г. не менее чем на 5,17 % — с 51,68 % (697,7 млрд долл.) до 56,85 % (767,5 млрд долл.).

В этом случае к 2025 г. уровень экономической безопасности Южной Кореи, реализованный в рамках ее экономической кооперации с государствами — участниками ВРЭП, может увеличиться на 5,21 п. п. — с 47,92 до 53,13 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната (табл. 4).

В то же время реализация ВРЭП позволит сократить долю нереализованного товарооборота Южной Кореи с государствами — участниками Всестороннего регионального экономического партнерства к 2020 г. на 20,67 % — с 51,68 до 31,01 %*.

* При сохраняющихся трендах экономического развития Южной Кореи и структуре ее товарооборота возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Камбоджой, Австралией, Индией и Китаем.

Таблица 3. **Уровни защищенности экономики государств участников всестороннего регионального экономического партнерства, характеризующих экономический патронат со стороны соответствующих правительств и центральных банков**

Интегральный показатель защищенности экономики государства, реализованный в рамках экономического патроната	2007	2008	2009	2010	2012	2014	2015	2020 прогноз	2025 прогноз
Индия	$5{,}9\times10^{3}$	$1{,}3\times10^{4}$	$3{,}1\times10^{4}$	$3{,}3\times10^{4}$	$7{,}8\times10^{4}$	$3{,}1\times10^{5}$	$7{,}6\times10^{5}$	$1{,}1\times10^{7}$	$9{,}4\times10^{7}$
Бруней	7,9	8,3	8,9	9,9	16,9	49,0	51,0	90,0	126,0
Новая Зеландия	5000	5500	5900	6200	7000	7550	7800	$2{,}0\times10^{4}$	$3{,}2\times10^{4}$
Сингапур	5500	5800	6100	6500	7400	8600	$9{,}0\times10^{3}$	$5{,}0\times10^{4}$	$7{,}8\times10^{4}$
Австралия	31 000	29 000	32 100	62 500	$1{,}8\times10^{5}$	$6{,}0\times10^{5}$	$8{,}6\times10^{5}$	$1{,}1\times10^{6}$	$2{,}1\times10^{7}$
Лаос	5,0	6,1	7,9	9,3	10,9	12,3	14,0	32,0	47,0
Вьетнам	29,7	31,4	38,2	44,9	66,9	97,6	101,0	600,0	850,0
Малайзия	74,1	89,3	96,3	120,0	240,0	550,0	600,0	6900,0	9500,0
Мьянма	67,9	75,9	84,1	90,0	165,0	235,0	280,0	300,0	700,0
Таиланд	1621,2	1713,6	1810,6	1950,0	3009,0	3799,0	4080,0	5050,0	9700,0
Филиппины	41,3	52,9	62,1	74,1	115,0	245,0	300,0	900,0	1010,0
Южная Корея	$2{,}39\times10^{6}$	$2{,}47\times10^{6}$	$3{,}02\times10^{6}$	$3{,}22\times10^{6}$	$6{,}23\times10^{6}$	$8{,}82\times10^{6}$	$9{,}70\times10^{6}$	$3{,}29\times10^{7}$	$5{,}41\times10^{7}$
Камбоджа	$1{,}5\times10^{-4}$	$1{,}0\times10^{-3}$	$2{,}0\times10^{-1}$	2,1	3,1	4,1	4,5	6,0	11,0
Индонезия	78,3	81,2	86,4	92,9	104,0	235,0	145,0	170,0	210,0
КНР	$1{,}5\times10^{6}$	$3{,}0\times10^{5}$	$7{,}0\times10^{5}$	$8{,}0\times10^{5}$	$6{,}9\times10^{6}$	$8{,}1\times10^{6}$	$8{,}3\times10^{6}$	$4{,}8\times10^{7}$	$6{,}6\times10^{9}$
Япония	$1{,}00\times10^{6}$	$1{,}05\times10^{6}$	$1{,}12\times10^{6}$	$1{,}23\times10^{6}$	$2{,}41\times10^{6}$	$3{,}03\times10^{6}$	$3{,}47\times10^{6}$	$1{,}20\times10^{7}$	$3{,}74\times10^{7}$

Таблица 4. **Изменение уровня защищенности национального хозяйства Южной Кореи от внешних и внутренних угроз при реализации всестороннего регионального экономического партнерства, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната**

	Защищенность национальной экономики Южной Кореи в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Южной Кореи = 100 %						
	Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ВРЭП	прирост с учетом реализации ВРЭП	без учета реализации ВРЭП	прирост с учетом реализации ВРЭП	без учета реализации ВРЭП	прирост с учетом реализации ВРЭП	с учетом реализации ВРЭП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Индия	3,286	0,327	-0,851	0,345	2,435	0,672	3,107
Япония	7,942	0,834	3,844	-1,555	11,786	-0,721	11,065
Бруней	0,221	0,023	0,252	-0,099	0,473	-0,076	0,397
Новая Зеландия	0,167	0,014	0,031	-0,010	0,198	0,004	0,202
Сингапур	2,050	0,206	0,151	-0,067	2,201	0,139	2,340
Австралия	3,575	0,359	-1,133	0,457	2,442	0,816	3,258
Лаос	0,010	0,001	0,016	-0,009	0,026	-0,008	0,018
Вьетнам	1,004	0,100	0,810	-0,328	1,814	-0,228	1,586
Малайзия	0,365	0,037	0,255	-0,108	0,620	-0,071	0,549
Мьянма	0,049	0,006	0,067	-0,021	0,116	-0,015	0,101
Таиланд	0,838	0,098	0,575	-0,246	1,413	-0,148	1,265
Филиппины	0,583	0,058	0,240	-0,096	0,823	-0,038	0,785

Окончание табл. 4

	Защищенность национальной экономики Южной Кореи в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Южной Кореи = 100 %						
	Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		Изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ВРЭП	прирост с учетом реализации ВРЭП	без учета реализации ВРЭП	прирост с учетом реализации ВРЭП	без учета реализации ВРЭП	прирост с учетом реализации ВРЭП	с учетом реализации ВРЭП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Камбоджа	0,005	0,003	-0,001	0,000	0,004	0,003	0,007
Индонезия	0,925	0,106	0,970	-0,408	1,895	-0,302	1,593
Китай	26,902	3,037	-5,444	2,161	21,458	5,198	26,656
Итого	47,921	5,208	-0,217	0,015	47,704	5,225	52,929
Справочно:							
Россия	1,90	0	-0,59	0	1,31	0	1,31
США	8,36	0	0,76	0	9,12	0	9,12
ЕС	8,87	0	-1,09	0	7,78	0	7,78
Канада	0,634	0	0,285	0	0,919	0	0,919

К 2025 г. уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Южной Кореи с государствами — участниками ВРЭП, может увеличиться на 0,015 п. п. (с –0,22 до –0,20 %) от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка этой страны (см. табл. 4).

Сравнительная оценка изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи при реализации глобальных интеграционных проектов

Результаты анализа диаграммы (рис. 3) позволяют предположить, что:

во-первых, наибольшее повышение уровня защищенности национального хозяйства Южной Кореи наблюдается при реализации Всестороннего регионального экономического партнерства. В этом случае уровень защищенности экономики Южной Кореи к 2025 г. повысится на 52,93 % от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центробанка этой страны, в том числе на 5,225 п. п. — за счет реализации этого глобального интеграционного проекта;

во-вторых, реализация Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве, в случае изменения позиции президента США и вхождения этой страны в ТТП, позволит повысить уровень защищенности экономики Южной Кореи к 2025 г. на 36,94 % от уровня, реализованного в рамках экономического патроната. При этом повышение только на 0,12 п. п. будет обусловлено за счет реализации Транстихоокеанского партнерства;

в-третьих, реализация же Обновлённого соглашения о зоне свободной торговли с США (KORUS) повысит уровень защищенности экономики Южной Кореи к 2025 г. на 37,39 % от уровня, реализованного в рамках экономического патроната, в том числе на 0,57 п. п. — за счет полученных внешнеэкономических преференций.

Таким образом, реализация Всестороннего регионального экономического партнерства может к 2025 г. обеспечить национальной экономике Южной Кореи наибольший прирост уровня ее защищенности от внешних и внутренних угроз (+5,225 п. п.).

Реализация Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве (с участием США) в меньшей мере повысит уровень защищенности Южной Кореи, чем реализация Обновлённого соглашения о зоне свободной торговли с США (KORUS). В случае реализации KORUS прирост уровня защищенности национального хозяйства Южной Кореи от внешних и внут-

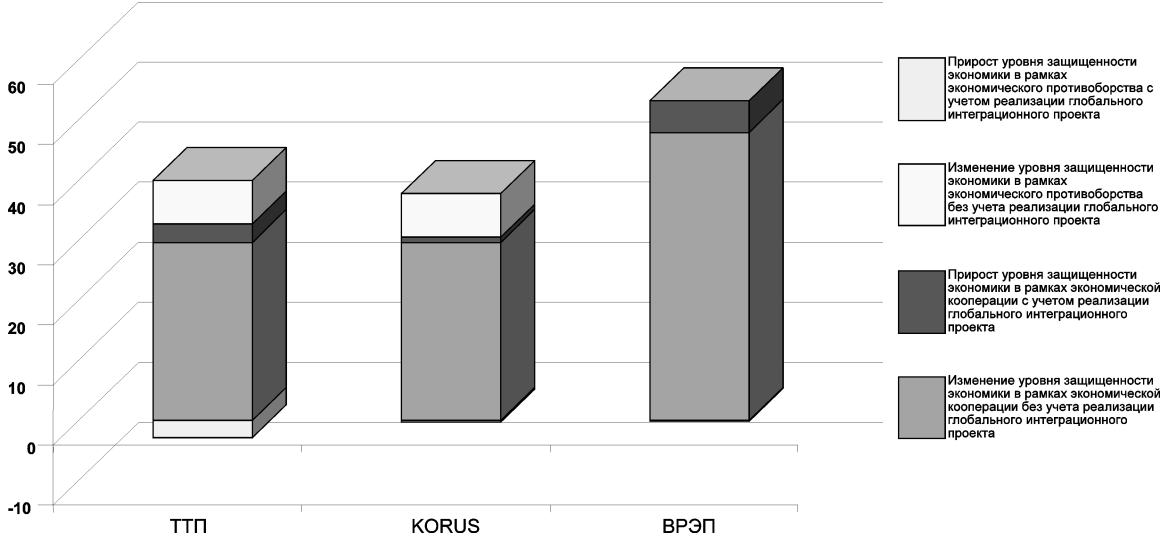


Рис. 3. Изменение уровня защищенности национального хозяйств Южной Кореи при реализации глобальных интеграционных проектов, %. Защищенность национальной экономики Южной Кореи в рамках экономического патроната = 100 %

ренних угроз к 2025 г. составит +0,57 п. п. (в сравнении с +0,12 п. п. при реализации этого глобального интеграционного проекта с участием США и Японии)[6].

Примечания

[1] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 12.02.2019).

[2] Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. 896 с.

[3] Gygli, Savina, Florian Haelg, Niklas Potrafke and Jan-Egbert Sturm (2019): The KOF Globalisation Index — Revisited, Review of International Organizations. URL: https://doi.org/10.1007/s11558-019-09344-2 (дата обращения: 12.02.2019).

[4] URL: https://atlas.media.mit.edu/ru/visualize/tree_map/hs92/export/kor/show/all/2016/ (дата обращения: 18.02.2019).

[5] Там же.

[6] *Гордиенко Д.В.* Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. — 338 с.

References

1. Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41921 (accessed: 12.02.2019).

2. Economic security of Russia: General course: textbook / ed. V.C. Senchagov. M.: Delo, 2005. 896 p.

3. Gygli, Savina, Florian Haelg, Niklas Potrafke and Jan-Egbert Sturm (2019): The KOF Globalization Index — Revisited, Review of International Organizations. URL: https://doi.org/10.1007/s11558-019-09344-2

4. URL: https://atlas.media.mit.edu/ru/visualize/tree_map/hs92/export/kor/show/all/2016/ (accessed: 18.02.2019).

5. Ibid.

6. *Gordienko D.V.* (2018) Global integration projects: changes in the level of economic security of the states of the world during their implementation. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. 338 p.

А.А. Игнатов

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Цифровая экономика — относительно новое явление, влияние которого на развитие глобальной экономики стремительно возрастает. До сих пор нет единого определения и методологии оценки масштабов цифровой экономики; существующие международные рейтинги дают только общее понимание степени подготовленности хозяйства страны к вызовам цифровой эпохи. Представленная статья одержит анализ подходов к определению и оценке масштабов цифровой экономики, а также анализ процесса её становления в Республике Корея как одного из ведущих на данный момент государств по уровню сетевой (цифровой) готовности. В заключение автор приводит статистические данные, которые позволяют получить общее представление о масштабе цифровой экономики в хозяйстве Республики Корея исходя из наиболее сбалансированного определения данного понятия.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, государственная политика, Республика Корея.

Достижения научно-технического прогресса последних десятилетий создали предпосылки для качественных преобразований всех сфер жизни общества. Характерной чертой нового этапа мо-

дернизации является так называемая цифровизация, подразумевающая возникновение и распространение принципиально новых видов товаров, услуг и моделей экономического и межличностного взаимодействия, невозможных без использования Интернета и других инноваций цифровой эпохи. Цифровизация как процесс привела к возникновению нового явления — так называемой цифровой экономики, о сущности и масштабах которой ведутся активные споры.

Хотя «цифровая экономика» — понятие новое, внимание к нему проявляется на самом высоком уровне. «Цифровая экономика» и «цифровизация» присутствуют практически во всех итоговых документах саммитов «Группы двадцати» и охватывают сразу множество сфер международной политики. Начиная с саммита в Анталье (2015 г.) и принятия странами-членами Обновленных стратегий роста, цифровая экономика становится полноценным направлением работы объединения[1]. Один из авторитетных исследователей «Группы двадцати» Джон Киртон (Университет Торонто, Канада) выделяет десять основных направлений обсуждения вопроса о влиянии цифровых технологий и на современный мир в «Группе двадцати», среди которых: электронная коммерция, финансовая стабильность, цифровые навыки, влияние цифровизации на экономический рост и др.[2]

Существует ряд проблем, связанных с определением сущности рассматриваемого понятия, в отношении которого сформировалось множество подходов. Например, Румана Бухт и Ричард Хикс (Институт глобального развития, Великобритания) в своей статье указывают на то, что за годы, прошедшие с момента первого упоминания в 1996 г. Доном Тапскоттом понятия «цифровая экономика», были представлены не менее двадцати заслуживающих внимания определений. Все определения объединяет то, что цифровые технологии в них фигурируют как *основа* цифровой экономики, однако только некоторые указывают на то, что цифровая экономика включает ещё и процесс создания технологий и связанных с этим базовых услуг[3].

Узкое понимание цифровой экономики как тождественной сегменту цифровой продукции и услуг или как придатка «традицион-

ной экономики» встречается в российских стратегических документах. Например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы рассматриваемое понятие трактуется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»[4]. В данной трактовке цифровая экономика воспринимается именно как некая совокупность *цифровых технологий*, использование которых должно привести к качественному скачку в «традиционных» отраслях хозяйствования. Подобный подход обнаруживается и в ряде исследований, выполненных нашими соотечественниками[5, 6, 7].

Следуя логике британских экспертов, определение «цифровой экономики», которое наиболее полно отражает многоплановую сущность данного понятия, может звучать следующим образом: «часть общего объема производства, которая целиком или в основном произведена на базе цифровых технологий фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах». Следует разделять «интенсивное» и «экстенсивное» применение информационных технологий: *интенсивное* применение подразумевает включение новых технологий в производство или оказание услуг, уже существовавших до возникновения данных технологий; *экстенсивное* применение подразумевает продукты и услуги, создание которых возможно только благодаря ИКТ. В основе озвученного определения лежит экстенсивное применение ИКТ[8].

Проблема определения масштабов цифровой экономики заключается не только в разности подходов к сущности понятия, но и «их <цифровых технологий> слияние с другими технологиями, такими как био- и нанотехнологии, которые также привели к инновациям в производстве, здравоохранении, защите окружающей среды и других сферах», а также то, что «цифровая экономика охватывает не только компании и рынки, но и индивидов, местные сообщества и общество в целом»[9]. Инновации во взаимодействии потребителей и

производителей создают как возможности для участников взаимодействия, так и вызовы для налоговых и статистических органов[10]. Вызовом в данном случае является виртуальность взаимодействия, что усложняет подсчёт создаваемой добавленной стоимости и отслеживание сделок, совершаемых в электронном виде, особенно трансграничных.

Описанные примеры говорят о вероятности значительных расхождений в оценке масштабов цифровой экономики. Применение различных подходов позволяет обнаружить, что её доля в мировом хозяйстве может составлять от 4-4,5 до 22,5 %; Бухт и Хикс придерживаются мнения, что наиболее адекватная оценка в данном случае составляет около 5 % (19 трлн долл.)[11].

Применимая на практике методология оценки масштабов цифровой экономики была представлена Министерством по делам культуры, СМИ и спорта Великобритании несколько лет назад. В его основе лежит учёт так называемых цифровых профессий и доли цифрового труда. Определение цифровых профессий основывается на списках ISIC и ISCO. Отрасль считается частью цифрового сектора, если количество занятых, относящихся к цифровым профессиям, превышает определенный предел; согласно этому критерию, в цифровую экономику Великобритании записывается достаточно обширный список профессий, типов услуг и производств: наряду с производством электроники и компьютерной техники, сюда входит книгоиздательство, периодика, кинопроизводство[12].

Описанный подход основывается на областях интенсивного применения цифровых технологий. Данный метод не лишен своих недостатков — в частности, инертности (темпы развития технологий и применяющих их профессий опережают процесс принятия новых международных классификаций).

Следует учитывать, что существующие международные рейтинги и оценки, например актуальные работы экспертов ОЭСР[13] или ЮНКТАД[14], страдают тем же «недугом» и причисляют к новой экономике практически все сферы, так или иначе использующие цифровые технологии, и тем самым стирают грань между «старой» и «новой» экономиками, что оставляет исследователей и политиков в ловушке устоявшихся подходов, которые плохо соответствуют реа-

лиям цифровой эпохи. Тем не менее данные представленных исследований позволяют оценивать уровень подготовленности страны к развитию хозяйства с учётом новых факторов.

Таким образом, цифровая экономика — всё ещё недостаточно проанализированное явление, что, однако, не умаляет влияния и роли цифровых технологий и цифровой продукции в мировом и национальных хозяйствах, а также жизни отдельных людей. Тем не менее, даже в отсутствие одобряемого большинством представителей научно-экспертного сообщества определения, а также единой «твердой» методологии оценки масштабов цифровой экономики, изучение государственной политики по содействию развитию цифровой экономики и её результатов представляет исследовательский интерес.

РК не случайно была выбрана в качестве объекта анализа. Современная Республика Корея является одним из лидеров в развитии высокотехнологичных отраслей экономики и НИОКР, а также по общему уровню «цифровой готовности»[15], что даже в условиях методологической неопределенности позволяет предположить, что данная страна подготовлена к вызовам цифровой экономики и, следовательно, может являться ценным примером успешной модели «цифровой» политики.

Основы для цифрового прорыва были созданы в Республике Корея в 80-х годах прошлого века. Корейское правительство сделало ставку на создание спроса (demand side) на высокотехнологическую продукцию, в частности персональные компьютеры: меры государственной политики были направлены на внедрение компьютеров в образовательный процесс. Государство организовывало соревнования по навыкам работы с компьютерами среди обучающихся начальных школ, что вынуждало родителей приобретать соответствующую технику для личного пользования. Одновременно с этим коммерческие банки существенно упростили процедуры получения потребительских кредитов. Результатом данных мероприятий стал лавинообразный рост спроса на IBM-совместимые компьютеры в 1990-х годах. Спрос на данную продукцию привел к значительному росту количества компаний и сектора в целом на 11,2 и 26,7 % соответственно с 1997 по 2000 г. Рывок, который проделала IT-индуст-

рия Республики Корея в начале своего развития, становится ещё более ощутимым, если рассмотреть данные десяти лет: с 1989 по 2000 г. производство средств связи возросло на 1037 %, а компьютерной техники — на 1659 %; можно также обнаружить, что IT-производство в Республике Корея не пользовалось столь мощной государственной поддержкой: государство больше ориентировалось на развитие «традиционных» производящих отраслей по принципу стимулирования предложения (supply side). Стимулирование спроса и достаточная покупательная способность населения позволяли молодой IT-индустрии РК расти в меньшей зависимости от объемов инвестиций, а также успешно преодолеть потрясения в годы Азиатского экономического кризиса[16]. В конце 1990-х годов были также приняты меры по совершенствованию системы управления научно-исследовательской деятельностью, в результате чего научные учреждения получили значительную автономию в планировании и управлении своей деятельностью[17].

Следующим важным шагом в развитии IT-сектора Республики Корея стала государственная программа «4+9», которая ориентировалась на содействие точечной отраслевой диверсификации. В результате крупные центры IT-производства сформировались в Сеуле, Инчхоне, Пусане, Тэджоне; связанные с IT-производством специализации сформировалась в провинциях Чхунчхон-Намдо (полупроводники), Кенсан-Намдо (интеллектуальное машиностроение) и Чеджудо (цифровые компоненты). Всего за весь срок действия программы (1999—2008) на развитие инновационной инфраструктуры, НИОКР, техническую поддержку корпораций и подготовку специалистов области планирования развития промышленности было выделено порядка 25 трлн вон[18]. Результатом данной политики стал существенный рост экспорта IT-продукции, значительная часть которой прежде шла на внутренний рынок[19]; к 2012 г. доля связанной с ИКТ экспортной продукции обеспечивала более 30 % экспорта страны[20].

Рассмотрев специфику определения понятия «цифровая экономика» и краткую историю развития связанных с цифровой экономикой отраслей хозяйства Республики Корея, в заключение попытаемся оценить её масштаб (табл. 1, 2).

Таблица 1. **Производящие отрасли цифровой экономики Республики Корея**

Наименование отрасли	Количество предприятий	Количество работников	Стоимость произведенных товаров, млн вон	Созданная добавленная стоимость, млн вон	Стоимость материальных активов на конец года, млн вон
Все производящие отрасли промышленности	69 458	2 954 811	1 511 759 855	543 340 531	585 801 372
Производство полупроводников	362	118 846	118 884 025	76 533 028	56 546 921
Производство электронных компонентов	1758	164 925	88 258 655	40 210 143	37 175 031
Производство компьютеров и периферийных устройств	261	8877	2 945 876	1 019 901	753 731
Производство коммуникационного и вещательного оборудования	960	58 669	45 484 869	14 055 159	5 680 543
Производство оптических кабелей	28	984	305 039	123 637	82 415
Производство промышленных роботов	159	6026	2 906 767	1 095 675	719 371
Сумма	3528	358 327	258 785 231	133 037 543	100 958 012
Доля от всей производящей промышленности, %	5	12	17	24	17

Примечание: источник — Korean Statistical Information Service (KOSIS). Все данные актуальны на конец 2017 г.

Таблица 2. **Цифровые услуги в экономике Республики Корея**

Наименование отрасли	Количество предприятий	Количество работников	Объем продаж (млн вон)
Всего предприятий сферы услуг	2 862 642	11 714 064	2 041 511 213
Продажа компьютеров, периферийных устройств, программного обеспечения и средств связи	29 816	67 317	17 756 388
Программирование, IT-консалтинг и связанные виды деятельности	7818	113 948	29 556 785
Информационные услуги	3290	44 718	11 766 706
Сумма	40 924	225 983	59 079 879
Доля от всего сектора услуг, %	1	2	3

Примечание: источник — Korean Statistical Information Service (KOSIS). Все данные актуальны на конец 2017 г.

Согласно отобранным данным, IT-индустрия Республики Корея в настоящий момент создает около четверти добавленной стоимости, а на её долю приходится около 10 % работников промышленности. Наиболее крупными отраслями (с учетом создаваемой стоимости и объемов материальных активов) в данном случае являются две: производство полупроводников и производство электронных компонентов.

Цифровые услуги в масштабе экономики Южной Кореи выглядят значительно скромнее — с т.з. генерируемого объема продаж, на первом месте находится IT-консалтинг и виды деятельности, связанные с программированием; значительную часть сегмента цифровых услуг составляют розничные продажи компьютерной техники. При этом доля цифровых услуг в масштабах всего сектора не превышает 3 % по всем показателям (число предприятий; число работников; объем продаж).

Скромные результаты (особенно в сфере услуг) могут быть объяснены существующими недостатками имеющейся статистики и её

классификации, а также отсутствием обоснованных и признаваемых инструментов оценки масштабов цифровой экономики. Таким образом, задачей для будущих исследований представляется более глубокое изучение поставленных вопросов, а в перспективе — выработка методологии, адекватной современным реалиям.

Примечания

[1] *Ларионова М.В., Игнатов А.А., Попова И.М., Сахаров А.Г., Шелепов А.В.* Десять лет «Группе двадцати»: безусловные достижения, устойчивые вызовы, новые риски, будущие приоритеты. М.: Дело, РАНХиГС, 2019. (Научные доклады: экономика.)

[2] *Киртон Дж., Уоррен Б.* Повестка дня «Группы двадцати» в области цифровизации // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. 2018. № 2. С. 17—47 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-02.

[3] *Бухт Р., Хикс Р.* Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. Т. 13. 2018. № 2. С. 143—172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 07.02.2019).

[5] *Куприяновский В.П., Намиот Д.Е., Синягов С.А.* Кибер-физические системы как основа цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. Vol. 4. № 2. 2016. С. 18—25.

[6] *Ревенко Н., Ревенко Л.* Международная практика реализации программ развития цифровой экономики. Примеры США, Индии, Китая и ЕС // Международные процессы. Т. 15. 2017. № 4. С. 20—39. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.2

[7] *Соколов И.А., Куприяновский В.П., Намиот Д.Е., Дрожжинов В.И., Быков А.Ю., Синягов С.А., Карасев О.И., Добрынин А.П.* Государство, инновации, наука и таланты в измерении цифровой экономики (на примере Великобритании) // International Journal of Open Information Technologies. Т. 5. 2017. № 6. С. 33—48

[8] *Бухт Р., Хикс Р.* Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. Т. 13. 2018. № 2. С. 143—172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

[9] *OECD*. Measuring the Digital Economy. A New Perspective. OECD Publishing, 2014. URL: https://dx.doi.org/10.1787/9789264221796-en (дата обращения: 16.02.2019).

[10] *Чернованов А.В., Солодуха П.В.* Институциональное измерение цифровой экономики / Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2. С. 104—112. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-2-104-112

[11] *Бухт Р., Хикс Р.* Указ. соч.

[12] *Соколов И.А., Куприяновский В.П., Намиот Д.Е., Дрожжинов В.И., Быков А.Ю., Синягов С.А., Карасев О.И., Добрынин А.П.* Указ. соч.

[13] *OECD*. Digital Economy Outlook. OECD Publishing, Paris. 2017. URL: https://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en (дата обращения: 16.02.2019).

[14] *UNCTAD*. Information Economy Report 2017. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf (дата обращения: 16.02.2019).

[15] *World Economic Forum*. The Global Information Technology Report 2016. Innovating in the Digital Economy. URL: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/WEF_GITR_Full_Report.pdf (дата обращения: 16.02.2019).

[16] *Kim, J.* Infrastructure of the digital economy: Some empirical findings with the case of Korea // Technological forecasting & Social Change. 2006. № 73. С. 377—389. DOI: doi:10.1016/j.techfore.2004.09.003 (дата обращения: 16.02.2019).

[17] *Халипов В.Д.* Инновационно-ориентированное развитие экономики Республики Корея // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 67—69.

[18] *Гомбоев А.Б.* Инновационная политика Республики Корея: историческая и территориальная специфика (1966—2009 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 7. С. 263—267. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-263-267.

[19] *UNCTAD*. Information Economy Report 2017. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf (дата обращения: 16.02.2019).

[20] *Суслина С., Самсонова В.* Экономика Республики Корея: новые перспективы и вызовы // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 66—78.

References

1. *Larionova M., Ignatov A., Popova I., Sakharov A., Shelepov A.* (2019). G20 at Ten. Conclusive Accomplishments, Persistent Challenges, New Risks, Future Priorities. Moscow, RANEPA, 2019, 84 p.

2. *Kirton J.J., Warren B.* (2018). G20 Governance of Digitalization // International Organisations Research Journa.. Vol. 13. No 2. P. 16—41 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-02.

3. *Bukht R., Heeks R.* (2018). Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // International Organisations Research Journal. Vol. 13. No 2. P. 143—172 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

4. Executive Order On the 2017—2030 Strategy for the Development of an Information Society in the Russian Federation. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (accessed: 19.02.2019).

5. *Kuprianovsky V., Namiot D., Sinyagov S.* (2016). Cyber-Physical Systems as a Base for Digital Economy // International Journal of Open Information Technologies. Vol. 4. No. 2. P. 18—25.

6. *Revenko N., Revenko L.* (2017). Global Trends and National Specifics of the Development of a Digital Economy. Record of the United States, India, China and the EU // International Trends. Vol. 15. No 4 (51). 2017. P. 20—39. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.2.

7. *Sokolov I., Kuprianovsky V., Namiot D., Drozhzhinov V., Bykov A., Sinyagov S., Karasev O., Dobrynin A.* (2017). State, Innovation, Science and Talents in Measuring the Digital Economy (UK Case Study) // International Journal of Open Information Technologies. Vol. 5. No. 6. 2017. P. 33—48.

8. *Bukht R., Heeks R.* (2018). Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // International Organisations Research Journal. Vol. 13. No 2. P. 143—172 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

9. OECD. (2014) Measuring the Digital Economy. A New Perspective. OECD Publishing, 2014. URL: https://dx.doi.org/10.1787/9789264221796-en

10. *Chernovalov, A.V. & Solodukha, P.V.* (2017). Institutional Measurement of Digital Economy, Social Policy and Sociology. Vol. 16. No. 2 (121). P. 104—112. DOI: 10.17922/2071-3665- 2017-16-2-104-112 (International bibliographic description).

11. *Bukht R., Heeks R.* (2018). Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // International Organisations Research Journal. Vol. 13. No 2. P. 143—172 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

12. *Sokolov I., Kuprianovsky V., Namiot D., Drozhzhinov V., Bykov A., Sinyagov S., Karasev O., Dobrynin A.* (2017). State, Innovation, Science and Talents in Measuring the Digital Economy (UK Case Study) // International Journal of Open Information Technologies. Vol. 5. No. 6. 2017. P. 33—48.

13. OECD. (2017). Digital Economy Outlook. OECD Publishing, Paris. 2017. URL: https://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en

14. UNCTAD. (2017). Information Economy Report 2017. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf (accessed: 19.02.2019).

15. World Economic Forum. (2016). The Global Information Technology Report 2016. Innovating in the Digital Economy. URL: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/WEF_GITR_Full_Report.pdf (accessed: 19.02.2019) .

16. *Kim, J.* (2006). Infrastructure of the digital economy: Some empirical findings with the case of Korea // Technological forecasting & Social Change. 2006. № 73. P. 377—389. DOI: 10.1016/j.techfore.2004.09.003.

17. *Khalipov V.* (2015). The Innovation-Oriented Development of Economy of the Republic of Korea // Theory and Practice of Social Development. No. 14. 2015. P. 67—69.

18. *Gomboev A.* (2015). Innovative Policy of the Republic of Korea: Historical and Territorial Specificity (1966—2009) // Bulletin of the Buryat State University. No. 7. 2015. P. 263—267. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-263-267.

19. UNCTAD. (2017). Information Economy Report 2017. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf (accessed: 19.02.2019).

20. *Suslina S, Samsonova V.* (2013) The Economy of the Republic of Korea: New Perspectives and Challenges // Far Eastern Affairs. No. 3. 2013. P. 66—78.

В.Г. Самсонова

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Несмотря на тот факт, что малое и среднее предпринимательство играет существенную роль в экономическом развитии Республики Корея, все еще уделяется недостаточное внимание проблемам и противоречиям, возникающим у данных субъектов хозяйствования. Являясь не только звеном в формировании валового внутреннего продукта РК, но и важнейшим фактором занятости и источником доходов населения, представители МСП первыми испытывают на себе все вызовы и трудности, связанные с ухудшением экономического положения в стране. В докладе автор проведет анализ основных перспектив и противоречий развития малого и среднего предпринимательства в РК, государственной политики стимулирования бизнеса, современного положения субъектов МСП в стране.

Ключевые слова: Республика Корея, МСП, государственная поддержка, налоговое стимулирование, МРОТ.

Несмотря на тот факт, что малое и среднее предпринимательство (МСП) играет существенную роль в экономическом развитии Республики Корея, все еще уделяется недостаточное внимание проблемам и противоречиям, возникающим у данных субъектов хозяйствования. Вообще история развития МСП в РК интересна и харак-

теризуется тем, что к этому виду предпринимательства долгое время относились несерьезно, не считая их важными субъектами экономической системы страны. Как уже отмечалось многими учеными, центральная роль в качестве основного игрока была отдана тяжеловесам — крупнейшим финансово-промышленным группам (ФПГ), а мелкие предприятия довольствовались тем, что выступали подрядчиками у некоторых из этих групп[1]. Однако не стоит винить южнокорейских коллег из-за пренебрежительного отношения к МСП, вообще в мировой практике мелкому и среднему предпринимательству долгое время уделялось недостаточное внимание. В частности, в массовом порядке исследования, посвящённые МСП, начали проводиться за рубежом относительно недавно — в 1980-х годах. На протяжении долгого времени в классических моделях экономического роста МСП, как правило, рассматривалось в качестве второстепенного рыночного игрока, не оказывающего определяющего воздействия как на общую деловую активность, так и на процесс создания новых рабочих мест[2]. Пристальное внимание МСП, в частности, получило после исследования американского ученого Дэвида Берча, который разбил компании на три группы: слоны (крупные компании), мыши (мелкие компании, без динамичного роста) и газели (быстрорастущие компании) — и доказал, что порядка двух третей всех новых рабочих мест в США в 80-х и 90-х годах XX в. было создано предприятиями МСП, большинство которых составляли молодые инновационно ориентированные компании[3].

Что касается РК, то МСП стали все активнее выходить на первый план после азиатского финансового кризиса конца 1990-х, когда титаны южнокорейской промышленности буквально обвалили экономику страны. На сегодняшний день вклад мелкого и среднего предпринимательства в экономику РК значителен и подтверждается статистическими данными. Например, в 2018 г. 3,54 млн таких предприятий составляли 99 % от всего частного бизнеса, в котором было занято 88 % экономически активного населения (ЭАН) страны. Являясь не только звеном в формировании валового внутреннего продукта РК, но и важнейшим фактором занятости и источником доходов населения, а также обеспечения национального благосостояния, представители МСП первыми испытывают на себе все вызовы и

трудности, связанные с ухудшением экономического положения в стране, сокращением потребительского спроса, увеличением налогового бремени и т. д. В частности, в настоящее время южнокорейские предприниматели столкнулись с новыми проблемами, связанными с сокращением рабочего времени и увеличением минимального размера оплаты труда, которые, естественно, повлекут за собой повышение издержек.

Интересен для нас также опыт РК, как в позитивном, так и негативном ключе, и в государственном регулировании и стимулировании МСП. Ведь в России за прошедшие два с лишним десятилетия активной борьбы за рост отечественного малого и среднего предпринимательства было принято множество законодательных документов. В ход пускались льготы самого различного характера — от налоговых до административных и кредитных. Однако пока существенных достижений нет. Принятая в 2016 г. «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г.» традиционно констатирует: в стране малыми и средними предприятиями создается «около одной пятой валового внутреннего продукта»...[4] В РК также проводится экстенсивная и мощная программа поддержки МСП, однако, несмотря на то что показатели по сравнению с РФ более позитивные (МСП в РК производит примерно 48 % ВВП), не стоит пытаться слепо копировать зарубежный опыт, опираясь только на отдельно взятые статистические данные. Ведь недаром сами южные корейцы используют в СМИ такой термин, как «кладбище для МСП», упоминая о своей стране[5]!

Для того чтобы разобраться в сложившейся ситуации, необходимо исследовать динамику экономического развития РК за последние годы. Один из выводов, который напрашивается при данном исследовании, — это то, что страна пока никак не может найти и запустить новые драйверы для экономического роста. И если даже экспортные показатели РК более-менее положительны, то ситуация внутри страны оставляет желать лучшего: резкое падение потребительского спроса, рост числа безработных, увеличение долгов домохозяйств — вот лишь некоторые негативные моменты, характерные для сегодняшней Республики Корея. Вот почему социальным про-

блемам уделено центральное место в политике нового правительства президента РК Мун Чжэ Ина, известного поддержкой социального патернализма, так же как и необходимости решения затянувшихся проблем в крупных корпорациях и развития МСП. Социально-экономические меры, получившие по имени их автора наименование «чжэномикс» (J-nomics), отчетливо показывают приверженность новой администрации активной социальной политике и стремлению ограничить возможности влияния чэболей в этом вопросе[6].

Причем недостатка в программах поддержки МСП нет: к 2017 г. было разработано 288 программ поддержки на государственном уровне и 1059 на региональных уровнях, на которые было потрачено 3 % от всех государственных расходов в 2017 г. При этом РК занимает 2-е место среди стран ОЭСР по уровню финансовой поддержки МСП через общественные фонды и кредитные гарантии с показателем в 3,8 % ВВП[7].

В Республике Корея государственная поддержка субъектов МСП осуществляется тремя государственными организациями: Министерством по делам малого и среднего бизнеса и стартапов Республики Корея, Корейским агентством содействия торговли и инвестициям и Корпорацией малого и среднего бизнеса Республики Корея. Важную роль в регулировании деятельности и поддержке отечественных предприятий МСП играет Корейская федерация предприятий малого и среднего бизнеса, имеющая девять аффилированных организаций и ведомств[8]. Однако, несмотря на развитую систему государственной поддержки и стимулирования МСП, многие противоречия так и не решены. Более того, нововведения правительства вызывают у предпринимателей отрицательную реакцию. Одной из наболевших является дискуссия о повышении МРОТ, составившего в 2019 г. по сравнению с предыдущим практически 11 %, которое, естественно, ляжет новым бременем на работодателей. В цифрах МРОТ на 2019 г. составил 8350 вон, или примерно 7,4 долл. в час[9]. При этом, согласно решению президента РК Мун Чжэ Ина, МРОТ планируется повышать и дальше (до 10 тыс. вон в 2020 г.)[10], что, на наш взгляд, станет трудновыполнимой задачей, учитывая волну протестов, которую вызвало решение о повышении МРОТ до 7,4 долл.

В обсуждении МРОТ интересно то, что единого мнения о последствиях его увеличения нет. С одной стороны, рост МРОТ приводит к снижению неравенства и общему увеличению зарплат в экономическом секторе, с другой — к расширению безработицы среди наиболее уязвимых групп занятых и росту неформального сектора. В докладе ОЭСР, опубликованном в 2018 г., также указывается, что результативность повышения МРОТ в РК остается под вопросом. Положительные моменты, отмеченные в отчете: уменьшение разрыва в доходах населения, гарантия достойной жизни наиболее бедных слоев. При этом оговаривается, что правительство РК должно обеспечить компенсацию компаниям с числом занятых до 30 человек, покрывающую разницу между повышением МРОТ в 2018 г. и средним ее ростом за последние пять лет (7,4 %) и субсидировать выплаты по системе социального страхования. С другой стороны, существуют опасения, что рост МРОТ может причинить вред слабым компаниям и снизить занятость среди низкоквалифицированных кадров[11]. Так что однозначного мнения о повышении МРОТ нет, но кто точно не согласен с таким ростом, так это владельцы мелких и средних предприятий, издержки которых, без сомнения, увеличатся. Более того, уже отмечается новый тренд в деятельности некоторых предприятий МСП: они стараются максимально сократить количество занятых, в том числе посредством автоматизации работы. Ярче всего это проявляется в сфере услуг, в том числе общепита, субъекты которого массово закупают электронные киоски самообслуживания. В результате резко возросли продажи данного вида оборудования. Стоимость установки такого киоска составляет 4 млн вон (примерно 3522 долл.), что равносильно примерно двух-трехмесячной заработной плате одного работника. Примером широкомасштабного перехода на автоматическое обслуживание является популярная сеть фастфуда — Лоттэрия, имеющая 1350 кафе по всей стране, установившая такие киоски более чем в половине из них[12].

Другим спорным вопросом остается финансовая поддержка от государства, предоставляемая МСП. Конечно же, финансирование малого бизнеса необходимо, более того, остро стоит вопрос долговых обязательств среди представителей МСП, и в этом направлении правительство РК в 2018 г. приняло решение выкупить долги мелких

предпринимателей на сумму 425,5 млн долл., которые были признаны безнадёжными более 10 лет назад. Такие безнадежные долги часто распределяются между коллекторскими компаниями, что ещё больше осложняет положение должников[13]. Конечно, данное решение может облегчить жизнь некоторым предпринимателям, но не решает вопрос полностью. Если проанализировать уровень долгов мелких предприятий, то цифра эта впечатляющая и составила к концу 2018 г. 609,2 трлн вон[14].

При этом финансирование МСП со стороны кредитных организаций — это своего рода риски в связи с тем, что у мелких компаний часто существует нехватка в залоговом обеспечении кредита, естественно, высок риск неисполнения кредитных обязательств (о чем свидетельствует предыдущий абзац), и операционные издержки у мелких предприятий также существенны, что негативно влияет на ведение бизнеса и понижает привлекательность МСП в качестве заемщика. В свою очередь, ввиду этих специфических характеристик, у предприятий МСП, не получивших льготного кредитования, весьма ограничен доступ к финансам и банковским кредитным продуктам, и, более того, ставка для таких заемщиков будет выше[15].

На наш взгляд, государственное финансирование МСП все-таки должно носить более точечный характер и быть нацелено не на удержание на плаву заведомо убыточных компаний, а поддержку перспективных проектов. В этой связи нельзя не согласиться с работой видного российского экономиста С.С. Суслиной, в которой указано, что «принятые правительством меры фактически понизили производительность компаний МСП, получивших эту поддержку, увеличив выживаемость наиболее слабых и неконкурентоспособных из их числа»...[16]

Список проблем, с которыми сталкивается МСП в РК, обширен, и почетное место в нем занимает кадровый вопрос. Нехватка персонала — это бич практически любого представителя МСП. В 2017 г. более 80,5 % компаний заявили о том, что испытывают трудности в найме работников, причем все это происходит на фоне растущей безработицы среди молодого поколения, которая в апреле 2017 г. достигла 11,2 %[17]. Конечно, компании МСП пытаются выйти из ситуации, расширяя найм иностранных рабочих, но при этом

большая часть из них бросает работу в поисках более выгодных условий. Одной из острых проблем для МСП является не только нехватка трудовых кадров, но и старение собственных работников. Дело в том, что, как и было ранее, молодежь предпочитает наниматься в крупные корпорации, надеясь на более высокий уровень заработной платы и стабильность. Проведенное в 2015 г. исследование 8 тыс. компаний МСП показало, что более 25 % их работников составляют граждане старше 50 лет, тогда как количество тридцатилетних продолжает падать с 31 % в 2014 г. до 28 % в 2015[18]. Причем разрыв в оплате между этими компаниями и крупными предприятиями значителен и составлял в 2017 г. 34,9 %. Например, средняя месячная заработная плата у первых была равна 3,35 млн вон (примерно 3,150 долл.), а в крупных компаниях — 5,14 млн вон. Более того, в промышленности данный разрыв еще больше (43,8 %)[19].

Сами граждане отмечают, что, работая на мелких и средних предприятиях, они не чувствуют стабильности и защищенности, в таких компаниях практически отсутствуют программы поддержки, не прописаны надбавки за работу во внерабочее время и т. д. Таким образом, имидж МСП и предпринимателя в целом в РК находится на довольно низком уровне, что в принципе характерно и для России. При этом россияне невысоко оценивают свои предпринимательские возможности и способности, как следствие — столь же нерешительны и предпринимательские намерения. На крайне неудовлетворительном уровне находится российский мотивационный индекс — соотношение количества так называемых добровольных высокопритязательных предпринимателей (тех, кто пытается использовать открывающиеся возможности и получать преимущества от предпринимательской деятельности), и «вынужденных» предпринимателей (тех, кто пытается начать свое дело в силу отсутствия иных возможностей для получения дохода). Россия держит по этому показателю одно из последних мест в мире (0,8) — и это при том, что еще в 2016 г. российский мотивационный индекс составлял 1,6[20]. Данное положение схоже и с ситуацией в южнокорейском предпринимательстве: в РК главным образом создаются МСП с целью получения средств к существованию, основателям которых срочно необходимы деньги после выхода на пенсию либо после

того, как они не смогли устроиться на работу, и т. д.[21] К тому же в 2017 г. ОЭСР опубликовала доклад, посвященный развитию МСП в 34 странах, и РК заняла предпоследнее место (после Японии) по так называемому предпринимательскому духу. В частности, если в Швеции 70 % граждан отметили, что они видят отличные возможности для открытия собственного бизнеса, то в РК только 20 % граждан ответили так же[22].

Острее всего на негативные проявления в экономике реагируют, конечно же, мелкие предприятия, которые более подвержены банкротству. Именно они чаще всего закрываются, так и не начав полноценно работать. Отмечается, что в 2017 г. 88 % всех самозанятых прекратили свою деятельность в первый же год работы (график 1)[23].

К тому же мелкие предприятия более подвержены ошибкам в предварительном бизнес-анализе своего проекта, что ведет к заведомо провальному результату. В РК, как и в России, таких примеров много. В частности, многие начинающие предприниматели выбирают сферу общепита, куда входной билет кажется недорогим, не учитывая того, что в данной сфере жесткая конкуренция. Например, в 2018 г. в РК насчитывалось 600 тыс. ресторанчиков при населении чуть более 50 млн человек, тогда как, например, в Японии — 700 тыс.

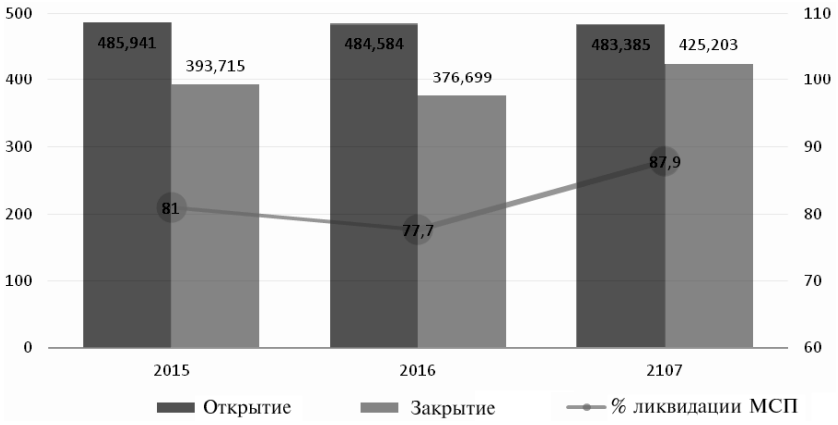


График 1. Открытие и ликвидация компаний (самозанятых) в РК в 2015—2017 гг.
Источник: Налоговая служба РК.

таких заведений при населении около 127 млн человек[24]. В результате многие начинающие рестораторы банкротятся, закрывают свой бизнес, попадая при этом в долговую яму. Одним только выкупом долгов таких фирм проблему не решить, необходима поддержка государства еще на уровне становления таких компаний; образовательные программы и консультационные услуги для будущих предпринимателей должны носить массовый характер. При этом особого поощрения заслуживает молодежь и женщины, особенно те, кто после декрета так и не смогли вернуться на свое прежнее место работы.

Что касается женского предпринимательства, то его поддержка осуществляется в РК в соответствии с Законом № 5818 от 5 февраля 1999 г. «О поддержке женского предпринимательства». Закон определяет понятия «женское предпринимательство» и «бизнес-вумен», признает равенство полов при ведении предпринимательской деятельности и устанавливает ответственность за дискриминацию по половому признаку. Данный закон указывает, что Корейская ассоциация женщин-предпринимателей уполномочена осуществлять контроль, способствовать женскому предпринимательству, развивать и поддерживать его. В соответствии с этим законом женщины-предприниматели пользуются преференциями при открытии своего бизнеса, получают финансовую поддержку, имеют право на обучение и повышение своей квалификации[25].

Одним из позитивных моментов в поддержке МСП является пришедшее понимание необходимости развития инновационных стартапов. Например, с 2013 по 2015 г. финансирование таких компаний выросло примерно в 40 раз. В 2015 г. в стране насчитывалось 60 акселераторов, в которых частно-государственные партнерства работали над расширением экосистемы стартапов[26].

Начав преобразования с таких, казалось бы, небольших шагов, можно добиться активизации деятельности МСП в стране, потенциал которого огромен. Особого внимания заслуживают экспортные возможности средних и мелких компаний, которые в отличие от крупных ФПГ более стремительны в принятии решений, не имеют такой неэффективной иерархии и сложного корпоративного механизма, замедляющего любое действие. Компании МСП, которые борются не только за прибыль, но и за выживание, готовы рисковать,

принимать креативные решения, внедрять инновации, что так сейчас необходимо для РК. Что касается экспортных возможностей МСП, то они позитивны. Например, в 2018 г. экспорт таких компаний вырос на 8 % в годовом исчислении, составив 114 млрд 600 млн долл. Причем значительный рост обусловлен увеличением поставок за рубеж оборудования для производства полупроводников, а также косметических средств. В общем объёме южнокорейского экспорта на малые и средние предприятия пришлось 18,9 %, что на 0,4 % больше, чем в 2017 г.[27]

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на активную поддержку со стороны государства, предприятия МСП в РК постоянно сталкиваются с вызовами и вынуждены не только бороться за получение прибыли, но и за выживаемость. При этом, обладая более гибким подходом к бизнес-процессам, имея сжатую корпоративную структуру, существенное желание к минимизации издержек — а значит, открыты к инновационном подходам, — МСП сегодня — это, пожалуй, единственный перспективный игрок, имеющий возможность запустить новые драйверы для южнокорейской экономики. Более того, наращивая свои экспортные возможности, МСП заявляет себя как важный субъект в двусторонней схеме торгово-экономического взаимодействия РК с Россией. Это субъект, который, может быть, не обладает столь существенными финансовыми возможностями, как южнокорейские конгломераты, но зато более свободен в выборе торговой стратегии и ведении бизнеса, имеющего цель — получение прибыли в долгосрочной перспективе и не ограниченного политическими или другими преградами для расширения своей экономической деятельности на территории России.

Примечания

[1] *Суслина С.С.* Южнокорейский малый и средний бизнес и перспективы его участия в инвестициях на Дальнем Востоке России. Корея перед новыми вызовами. М.: ИДВ РАН. 2017. С. 257.

[2] URL: https://stimul.online/articles/analytics/msp-pod-mikroskopom-uchenykh/ (дата обращения: 03.03.2019).

[3] Там же.

[4] URL: http://expert.ru/siberia/2019/05/boyazn-rosta/ (дата обращения: 23.02.2019).

[5] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html (дата обращения: 20.03.2019).

[6] *Федоровский А.Н.* Республика Корея: опыт поставторитарной модернизации. Научный доклад. М.: ИМЭМО РАН. 2017. С. 23.

[7] URL: http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2018)58&docLanguage=En (дата обращения: 01.03.2019).

[8] URL: http://korea.ved.gov.ru/ru/country (дата обращения: 01.02.2019).

[9] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=54035 (дата обращения: 21.03.2019).

[10] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Po&Seq_Code=53794 (дата обращения: 19.03.2019).

[11] URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/Korea-2018-OECD-economic-survey-overview.pdf (дата обращения: 14.01.2019).

[12] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/07/113_252952.html (дата обращения: 20.03.2019).

[13] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=53879 (дата обращения: 04.03.2019).

[14] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2019/02/488_263951.html (дата обращения: 19.03.2019).

[15] Чо Джунг —сик. Рост МСП. Всегда с KODIT. 16.06.2017 г. URL: https://damu.kz/upload/Files/PrezentatsiiAEF_2017_KODIT_Cho_Gengsig_ru.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

[16] *Суслина С.С.* Указ. соч. С. 261.

[17] URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20170522004900320?section=search (дата обращения: 19.03.2019).

[18] Там же.

[19] URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190110000797&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 20.03.2019).

[20] URL: http://expert.ru/siberia/2019/05/boyazn-rosta/ (дата обращения: 21.03.2019).

[21] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html (дата обращения: 20.03.2019).

[22] URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20170524005400320?section=search (дата обращения: 19.03.2019).

[23] URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html (дата обращения: 20.03.2019).

[24] Там же.

[25] URL: http://korea.ved.gov.ru/ru/country (дата обращения: 01.02.2019).

[26] URL: http://www.iksmedia.ru/articles/5401306-Yuzhnokorejskij-startap-na-podeme.html#ixzz5gTsdefEU (дата обращения: 04.03.2019).

[27] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56198 (дата обращения: 04.03.2019).

References

1. *Suslina S.S.* South Korea Small and Medium-size business (SMB) and prospects of its investment in the Far East region of Russia //Korea before new challenges. M.: IFES RAS. 2017. P. 257.

2. URL: https://stimul.online/articles/analytics/msp-pod-mikroskopom-ucheny kh/ (accessed: 03.03.2019).

3. Ibid.

4. URL: http://expert.ru/siberia/2019/05/boyazn-rosta/ (accessed: 23.02.2019).

5. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html/ (accessed: 20.02.2019).

6. *Fedorovsky A.N.* The Republic of Korea: the experience of post-authoritarian modernization. Science paper.M.: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 2017. P. 23.

7. URL: http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2018)58&docLanguage=En /(accessed: 01.03.2019).

8. URL: http://korea.ved.gov.ru/ru/country /(accessed: 01.02.2019).

9. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=54035 (accessed: 21.03.2019).

10. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Po&Seq_Code=53794 (accessed: 19.03.2019).

11. URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/Korea-2018-OECD-economic-survey-overview.pdf (accessed: 14.01.2019).

12. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/07/113_252952.html (/ (accessed: 20.03.2019).

13. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=53879 (accessed: 04.03.2019).

14. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2019/02/488_263951.html (accessed: 19.03.2019).

15. G. Cho. SME growth. Always with KODIT. Presentation. 16.06.2017. URL: https://damu.kz/upload/Files/PrezentatsiiAEF_2017_KODIT_Cho_Gengsig_ru.pdf (accessed: 01.02.2019).

16. *Suslina S.S.* Op. cit. P. 261.

17. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20170522004900320?section=search (accessed: 19.03.2019).

18. Ibid.

19. URL:http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190110000797&ACE_SEARCH=1 (accessed: 20.03.2019).

20. URL: http://expert.ru/siberia/2019/05/boyazn-rosta/ (accessed: 21.03.2019).

21. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html (accessed: 20.03.2019).

22. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20170524005400320?section=search (accessed: 19.03.2019).

23. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html (accessed: 20.03.2019).

24. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2018/08/602_253176.html (accessed: 20.03.2019).

25. URL: http://korea.ved.gov.ru/ru/country (accessed: 01.02.2019).

26. URL: http://www.iksmedia.ru/articles/5401306-Yuzhnokorejskij-startap-na-podeme.html#ixzz5gTsdefEU (accessed: 04.03.2019).

27. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56198 (accessed: 04.03.2019).

М.Н. Пострелова

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Одним из факторов экономического роста Республики Корея многие исследователи считают особую модель управления и корпоративную культуру. Южнокорейские компании на протяжении десятилетий развивались стремительными темпами, добившись лидерских позиций в таких сферах, как производство мобильных устройств, полупроводников, жидкокристаллических экранов, автомобилей, судов и пр.

Однако современные социально-экономические условия изменились. В последние годы компании РК показывают ухудшение финансовых результатов, что вызвано рядом макроэкономических факторов. Перед южнокорейскими компаниями стоят трудные задачи: как модернизировать бизнес-процессы и выдержать конкуренцию на стремительно меняющемся рынке и как реорганизовать корпоративную культуру так, чтобы молодежь, которая не разделяет ценностей старшего поколения, эффективно работала.

Ключевые слова: корпоративная культура, менеджмент, Республика Корея, управление персоналом.

2019 год ознаменовался для Республики Корея замедлением роста экономики страны, например по итогам 2018 г. темп прироста ВВП составил всего 2,7 %, и по прогнозам он снизится на 0,1 % в 2019 г. (табл. 1). Южнокорейская экономика продолжает оста-

ваться достаточно уязвимой не только от показателей экспорта, но и от макроэкономических факторов. В частности, такие тренды, как замедление китайской экономики, ослабление японской йены, возрастающая конкуренция с Китаем и др., несут большие риски для РК.

Таблица 1. **Основные экономические показатели РК**

	2017	2018	2019
Темпы прироста ВВП, %	3,1	2,7	2,6
Экспорт, млрд долл., % прироста	577,4 12,8	627,7 8,7	656,4 4,6
Импорт, млрд долл., % прироста	457,5 16,4	515,6 12,7	543,2 5,4
Инвестиции (прирост %)	8,6	–1,9	–1,0
Инфляция (индекс потребительских цен)	1,9	1,6	1,6
Уровень безработицы	3,7	3,9	3,9

Источник: KDI (Korea Development Institute)[1].

РК становится достаточно сложно поддерживать рост в постоянно меняющихся экономических условиях. Так, например, основную долю экспорта страны — 21 % — составляют полупроводники, которые являются и основным продуктом южнокорейского гиганта Samsung. Их продажи составляют две трети дохода компании. От снижения внешнего спроса на полупроводники южнокорейского производства существенно пострадает вся национальная экономика и их производитель. В связи с этим Samsung активно ищет новые альтернативы «драйвера» роста[2].

Южнокорейским компаниям становится всё сложнее конкурировать с китайцами, например та же компания Samsung за последний год заметно потеряла позиции на рынке смартфонов. В третьем квартале 2018 г. продажи телефонов упали на 14 %, а доля рынка

Samsung в этот период снизилась на 3,4 % и составила 18,9 %, в то время как у его ближайшего конкурента Huawei продажи выросли на 65 % и доля рынка составила 13,4 %[3].

В судостроении наблюдается большой спад, доля рынка южнокорейских производителей за последние 10 лет сократилась с 35 до 24 %, а у китайцев выросла вдвое[4]. Крупнейший в мире производитель судов компания HHI терпит колоссальные убытки.

Еще одним вызовом южнокорейской экономике является демографическая ситуация в стране, которая становится самым быстростареющим государством в мире. Продолжительность жизни растет (83,1 год), а уровень рождаемости является одним из самых низких в мире (1,2 ребенка на женщину). Прогнозируется, что к 2060 г. 41 % населения будет старше 65 лет, в то время как на сегодня оно составляет 13 % от всего населения, а процент работающего населения (в возрасте от 15 до 65 лет), пик которого пришелся на 2016 г. (73 %), снизится до 50 % в 2060 г.[5]

Для того чтобы успешно развиваться, южнокорейский бизнес сосредоточен на поиске новых «драйверов» роста и понимает, что для успеха и устойчивого конкурентного преимущества нужны нестандартные решения и инновации. Так, крупный бизнес играет ключевую роль в реализации инновационных программ, около 70 % всех инвестиций в НИОКР поступает от южнокорейских компаний[6].

Кроме того, южнокорейские компании понимают, что для повышения конкурентоспособности на стремительно меняющемся рынке необходимо модернизировать и бизнес-процессы. И одним из важных бизнес-инструментов, таких как финансовое планирование или управление продажами, является корпоративная (организационная) культура. Корпоративная, или организационная культура — это система ценностей, убеждений, норм поведения, коммуникаций, установок, которую разделяют сотрудники и которая определяет, как должны вести себя люди в организации. Исследование корпоративной культуры — относительно новое направление менеджмента, интерес к которому за последнее время во всем мире существенно возрос, что связано с осознанием того влияния, которое она оказывает на эффективность работы предприятия.

Именно уникальная организационная культура, по мнению многих исследователей, наряду с другими факторами, способствовала бурному экономическому росту РК.

Традиционная южнокорейская корпоративная культура, в данном случае культура *чеболей*, сформировалась под влиянием большого числа факторов, среди которых можно выделить основные: культурное наследие, корни которого уходят в конфуцианство, и национальный характер, социально-экономические условия 1960—1980-х годов (военная диктатура), лидерство основателей корпораций, а также японское влияние на управление персоналом. Ключевыми компонентами традиционной корейской культуры являются эмоциональная гармония, иерархичность, коллективизм, установление неофициальных отношений.

Большое значение для корейцев имеет поддержание гармонии в отношениях, с чем связано такое понятие, как *«кибун»* — настроение, лицо, достоинство. Гармония выражается в проявлении уважения к *кибун* другого человека, особенно старшего или руководителя, и позволяет «сохранить лицо» в обществе.

Иерархичность основана на традиционной конфуцианской системе межличностных отношений, построенных по вертикальному признаку и которые определяются в соответствии с возрастом, социальным статусом и полом. Общение строится по иерархическому принципу, что отражается в языке (существуют так называемые степени вежливости) и ритуалах. Корейцу для разговора с собеседником необходимо уточнить его возраст и социальный статус.

Еще одной особенностью корейцев является так называемый коллективизм. Однако корейцы его проявляют только в рамках одной группы, а в отношении представителей других групп демонстрируют индивидуализм и эгоизм. Поэтому для южнокорейских корпораций характерны тесные связи и взаимопомощь внутри группы и высокая конкуренция с теми, кто вне группы.

Военная диктатура и обязательная служба в армии тоже оказали большое влияние на организационную культуру и стиль управления. Военная культура еще больше подчеркивает иерархичность, требует беспрекословного выполнения задач, нацелена на высокий результат и агрессивную конкуренцию.

Необходимо отметить и значение лидерства — в данном случае основателей *чеболей*. Они были настоящими лидерами с особым видением, были готовы брать на себя риски и принимать быстрые решения. Сим Вонсоль и Ричард Стирс[7] утверждают, что во многом именно благодаря их неординарным лидерским и предпринимательским качествам *чеболи* добились грандиозных результатов.

Таким образом, сформировалась корпоративная культура, которую отличает иерархичность, патернализм, поддержание гармонии в коллективе и конкуренция с внешним миром, нацеленность на высокий результат и прогресс, высокая трудоспособность. Компания воспринимается как большая дружная семья, второй дом, где её глава (президент или председатель правления) выступает в роли патриарха или отца, а отношения строятся по принципу «отец—сын», «старший брат—младший брат». Вышестоящий или старший заботится о младшем, подчиненном, а младший слушается старшего. Решения принимаются по вертикали сверху вниз, а конструктивная критика в адрес вышестоящих невозможна. В то же время компания воспринимается и как армия, где действует четкая субординация и приказы не подлежат обсуждению.

Для южнокорейских компаний характерен авторитарный стиль управления, а для традиционного управления трудовыми ресурсами — практики пожизненного найма, вознаграждения по принципу старшинства, повышения на основе стажа, набор сотрудников проводится среди выпускников вузов. Подобные практики приняты и в Японии, и в какой-то мере прослеживается их влияние на южнокорейскую модель управления.

Можно отметить, что южнокорейская корпоративная культура сыграла положительную роль в период активного развития южнокорейской экономики, способствовала сплоченности и дисциплинированности трудовых ресурсов. К.В. Асмолов отмечает, что такая культура хорошо функционирует в традиционном конфуцианском обществе или в условиях форсированного выхода из кризиса[8]. Однако в быстро меняющемся мире традиционная модель становится неэффективной и не способной оперативно реагировать на нестандартные ситуации, кроме того, она не дает возможности развивать творческое мышление. Вызовы нового времени требуют быстрых ре-

шений, и главным конкурентным преимуществом становятся инновационные идеи.

Критика южнокорейской корпоративной культуры появилась после финансового кризиса 1997 г., когда многие корпорации распались или были реформированы. По мере роста и диверсификации *чеболей* структура организаций разрасталась и становилась бюрократической, а менеджмент — менее эффективным и перестал соответствовать задачам нового времени. В то же время лидеры утратили дух предпринимательства, который был «драйвером» роста в период интенсивного роста южнокорейской экономики[9]. Проблема лидерства связана и с традицией семейного наследования бизнеса, в настоящее время корпорациями уже руководит второе и даже третье поколение основателей, которые зачастую не обладают лидерскими качествами своих предков, борются за наследство со своими родственниками и плохо обращаются с подчиненными. В последние годы деятельность руководителей *чеболей* негативно освещается в прессе и вызывает негодование общественности.

К отрицательным чертам управления, которые стали проявляться и усугубляться, в настоящее время можно отнести завышенные задачи, не соответствующие реальным возможностям, острую конкуренцию и спешку (феномен *«палли-палли»*, быстро-быстро), что стало приводить к игнорированию необходимых процессов во имя достижения быстрых результатов, предпочтение лояльным сотрудникам, зачастую в ущерб профессионализму, фаворитизм, избегание ответственности, пассивность и отсутствие творческого мышления у среднего и младшего звеньев управления, долгий и сложный процесс принятия решений.

После финансового кризиса 1997 г. наметились изменения в корпоративной культуре и менталитете корейцев. С одной стороны, в южнокорейском обществе большее значение стало уделяться правам человека и значимости личности. В связи с этим корейцы стали отходить от коллективного самосознания в сторону большего индивидуализма[10]. С другой стороны, во время кризиса многие потеряли работу, что повлекло за собой неустойчивость рынка труда. Курс на развитие новых технологий привёл к тому, что южнокорейские компании начали менять стратегию трудоустройства и стали набирать

не выпускников, а готовых опытных специалистов. В свою очередь это отразилось на отношении самих корейцев к работе, которую они всё меньше стали воспринимать как свой «второй дом», а компанию — как единственно возможного работодателя, упростив отношение к ее смене и поиску более выгодных условий труда. Хотя по-прежнему основной набор сотрудников идет из числа выпускников вузов и осуществляется два раза в год. Надо отметить, что в Южной Корее внимательно относятся к американским методам управления, есть как их сторонники, так и противники. Многие приходят к выводу, что их можно и нужно использовать, но с учетом корейской специфики. Так, некоторые компании (корпорация Samsung была одной из первопроходцев) стали внедрять систему оплаты труда, основанную на оценке результативности, а не только по принципу старшинства[11]. Она не получила широкого распространения, и только 2 % компаний практиковали ежегодное вознаграждение по результатам деятельности сотрудника, в то время как через 10 лет уже 48 % ввели эту практику.

Однако, как отмечают многие авторы[12], эти изменения не были очень заметными. Начиная с 2011 г., тема трансформации корпоративной культуры и улучшения условий труда становится одной из важнейших. В последние годы в южнокорейских средствах массовой информации достаточно много критики «отсталой» корпоративной культуры, которая «не подходит современным условиям и мешает развиваться южнокорейским компаниям». Самой большой проблемой на взгляд корейцев является основа традиционной корпоративной культуры: иерархичность и вертикальное общение между коллегами, авторитарность и безоговорочное подчинение младшего по рангу старшему.

Нужно отметить, что в Южной Корее выросло новое поколение, которое не разделяет ценностей старшего поколения и больше открыто западному влиянию. Оно не готово жертвовать своими интересами во имя компании и стремится найти баланс между работой и личной жизнью. Молодежь уже не так лояльна компании, как старшие коллеги, и спокойно относится к смене работы, также многие высказывают неудовлетворение условиями труда. Главное недовольство у сотрудников компаний и в основном представителей молодо-

го поколения вызывают: авторитарная модель управления, невозможность высказать свое мнение, работа во внеурочное время, затяжные и непродуктивные совещания, несправедливая оценка производительности труда и несправедливое поощрение, неравноправие женщин. К тому же демографическая ситуация в стране, продолжающая ухудшаться, оказывает существенное влияние на корпоративную систему, заставляя работодателей все больше задумываться над ее преобразованием.

Перед южнокорейскими компаниями стоят трудные задачи: как сделать так, чтобы молодежь была лояльна компании и эффективно работала, как создать творческую среду, которая способствовала бы генерации инновационных идей, так как для достижения успеха необходимо быть быстрее и эффективнее конкурентов.

Решение этих задач южнокорейские эксперты видят в необходимости способствовать свободному и уважительному общению, сделать структуру компаний горизонтальной, таким образом сломать иерархическую систему, которая рассматривается как один из главных тормозов развития. Прямое и свободное общение и взаимодействие в коллективе, подобное отношениям с друзьями или близкими людьми, ассоциируется в Южной Корее с успехом западных компаний, таких как Google и Apple.

Некоторые южнокорейские компании стали проводить реформу по упрощению структуры компании и устранению названий должностей (*«чиккып хочхин»*) (табл. 2). Эта задача достаточно непростая, учитывая то, что в РК существует иерархическая организационная структура, которая представляет собой пирамидальную форму субординации, где каждый уровень подчиняется более высокому уровню. Должности больше похожи на военные звания, и традиционно сотрудники получают повышение на основе стажа: *савон — тэри — квачжан — чхачжан — пучжан*, а дальше уже руководящие должности — *иса*, *санму*, *чонму*, *тэпхё иса* (генеральный директор), *хвечжан* (председатель правления). Часто должности от *савона* до *пучжана* никак не соотносятся с ответственностью и должностными обязанностями. Сотрудники компаний традиционно обращаются друг к другу по должности с добавлением уважительного суффикса *«ним»*, используя соответствующую степень вежливости в корейском языке.

Таблица 2. **Компании, где проводилась реформа названий должностей**

Компания	Год	Реформа структуры
CJ	2000	Всех сотрудников называют по имени + суффикс «ним»
Amore Pacific	2002	Все сотрудников, исключая топ-менеджмент, называют по имени + суффикс «ним» (с 2011 г. — всех сотрудников называют только по имени + суффикс «ним»
SK Telecom	2006	Всех сотрудников называют «менеджер» (매니저), кроме топ-менеджмента
Cheil Kihwaek	2010	Всех сотрудников называют «Про» (프로)
Yuhan Kimberly	2011	Все сотрудники называются по имени + суффикс «ним»
POSCO	2011	К сотруднику в должности савон обращаются «Ассоси-эйт», к остальным (от тэри до чхачжан) — менеджер
Hanhwa	2012	К сотруднику в должности савон обращаются по имени + суффикс «сси», к остальным (от тэри до чхачжан) — менеджер
Ajou Group	2013	Всех сотрудников называют «менеджер» (매니저), кроме топ-менеджмента
Kakao	2014	Английские имена
Samsung	2017	Все сотрудники называются по имени + суффикс «ним» или «про», кроме топ-менеджмента
LG U Plus (LG Telecom)	2017	Все сотрудники называются по имени + суффикс «ним»

Источник: составлено автором.

Обращаться по имени не принято, это допустимо только в семейном кругу или с друзьями и как правило только в отношении младших.

Одной из первых компаний, решившейся отказаться от традиционной системы названия должностей, была CJ — крупнейший биотехнологический, пищевой и медиаконгломерат, который еще 2000 г. решил упразднить названия всех должностей и ввел обращение для всех сотрудников (от *савона* до председателя правления) по имени с уважительным суффиксом *«ним»*. Официально компания назвала эту реформу «демократизацией названий должностей».

Представитель компании заявил, что «после финансового кризиса IMF единственным способом повысить конкурентоспособность в условиях жесткой конкуренции было способствование креативности сотрудников»[13]. В последние годы многие компании стали проводить реформу должностной структуры компании. Эту практику стали внедрять IT-компании: с 2010 г. Naver и Kuphan, а с 2014 г. Kakao (все сотрудники обращаются друг к другу, используя английские имена). Все эти компании выросли из стартапов и ориентируются на американский опыт работы в силиконовой долине. Они формируют другую, отличную от *чеболей* корпоративную культуру. Так, основными принципами работы быстроразвивающейся компании Kakao (выручка в 2018 г. составила 2,4 млрд долл.) являются: свободный обмен информацией и быстрое принятие решения, горизонтальная коммуникация. И использование английских имен должно способствовать неформальному общению. В 2015 г. генеральным директором Какао стал 34-летний Ли Чжихун (Джимми), он стал самым молодым руководителем в истории РК. В настоящее время создание стартапов и венчурное инвестирование является популярным и перспективным направлением среди молодежи. Государство активно поддерживает такую инициативу, запуская программы поддержки стартапам и начинающим предпринимателям[14].

Опыт успешных стартапов может быть примером и для других южнокорейских компаний. Так, в 2017 г. самый большой конгломерат Samsung объявил об упразднении должностей до уровня топменеджмента и о введении новой системы карьерных уровней, которые определяются в соответствии с оценкой результатов работы[15].

Отношение к данному тренду неоднозначное: есть скептики, которые высказывают предположение, что эта реформа не сможет преодолеть негибкую авторитарную иерархическую систему или что этот подход не будет эффективным в корейской культуре, где традиционно отношения выстраиваются в соответствии с возрастом и социальным положением. Компании KT, HanHwa и POSCO после нескольких лет эксперимента вернулись к старой привычной системе, объясняя это сложностями адаптации коллектива и неудобствами во взаимодействии с клиентами и представителями других компаний[16].

Причины, почему одни компании успешно провели данную реформу, а другие вернулись к прежней структуре, комплексные. Невозможно изменить культуру компании, только изменив названия должностей, но оставив сами должности с прежней системой вознаграждения и продвижения по карьерной лестнице. Кроме того, есть фактор особой корпоративной культуры внутри компаний, особенно это касается предприятий тяжелой промышленности, для которых характерна консервативность и где профсоюзы играют большую роль, в то время как IT- и медиакомпании более прогрессивные, имеют более горизонтальную структуру и упрощенную схему отчетности.

Одной из мер, предпринимаемых многими компаниями для большей мотивации молодых сотрудников, является переход на систему поощрения в соответствии с результатами работы, хотя система вознаграждения на основе результативности деятельности сотрудника стала внедряться в Южной Корее еще после кризиса 1997 г. В последние годы все больше компаний пытается перейти на новую систему оценки персонала «360 градусов» — оценка компетенций сотрудника руководителем, подчиненными, коллегами, клиентами и самим сотрудником. Ее применение часто вызывает затруднение в связи со сложностями получить адекватные ответы из-за особенностей национальной культуры, поэтому компании пытаются разработать свои критерии оценки деятельности персонала с учетом корейской специфики.

Также проводятся кампании для улучшения условий работы, включая сокращение рабочих часов в неделю. Еще до того как Национальное собрание РК приняло закон о сокращении рабочей недели с 68 до 52 ч с июля 2018 г., конгломераты сами сократили рабочую неделю. Компания SK Telecom запретил сотрудникам работать больше 80 ч в течение двух недель, а компания SinSegae ввела 35-часовую рабочую неделю.

Среди других мер — окончание рабочего дня, о котором сообщает специальный сигнал или сотрудник (корпорация Lotte ввела систему автоматического отключения компьютеров), сокращение количества ненужных совещаний и регламентирование их по времени, упрощение отчетности (сокращение количества отчетов) и т. д. Кро-

ме этого, началась и реформа социального поведения: борьба с корпоративными ужинами (*«хвесик»*), которые изначально организовывались с целью неформального общения между коллегами, а также укрепления сплоченности коллектива, однако часто корпоративы являются обязательно-принудительными затяжными мероприятиями с потреблением большого количества алкогольных напитков и дорого обходятся компаниям. Вместо этого предприятия предлагают коллективные мероприятия, такие как спортивные соревнования или походы в театр или концертный зал. Также стали внедряться кампании о запрете курения.

В 2016 и 2018 г. крупнейшая консалтинговая компания McKinsey совместно с Торговой и промышленной палатой Республики Корея провели исследование «Диагноз жизнеспособности и корпоративной культуры южнокорейских компаний». Целью исследования было понять, что представляет собой корпоративная культура сегодня, каковы результаты реформ и каков уровень конкурентоспособности южнокорейских компаний. Исследование выявило основные проблемы в корпоративной культуре: авторитарный стиль руководства и слабые корпоративные навыки организации, несправедливая оценка работы и вознаграждений в соответствии с результатами и заслугами. Кроме того, выявились серьезные разногласия в подходах между поколениями более старших менеджеров и их молодых коллег. Интересно отметить, что молодое поколение сотрудников (20—30 лет) — а это будущее компаний — негативно оценивает корпоративную культуру, в то время как более старшее поколение (40—50 лет) отзываются о ней достаточно позитивно. Сотрудники-женщины дают самую низкую оценку жизнеспособности компаний, и 70 % из них утверждают, что сталкиваются с дискриминацией на рабочем месте[17].

Выводы

Авторитарная и иерархическая корпоративная культура показала себя очень эффективной в период бурного роста южнокорейской экономики. Однако по мере роста и диверсификации компаний она становилась более бюрократической и менее эффективной, и в на-

стоящее время в связи с социально-экономическими изменениями становится тормозом для роста южнокорейской экономики. Большая часть нового поколения (20—30 лет) недовольна своим положением на работе, и стал сильно заметен конфликт между поколениями, что осложняет модернизацию корпоративной культуры. Но, несмотря на пока небольшую эффективность реформ корпоративной культуры и на критику проводимых мер, корпоративная культура постепенно будет меняться.

Примечания

[1] URL: http:/kdi.re.kr/kdi_eng/publication/publication_outlook.jsp (дата обращения: 15.02.2019).

[2] Bloomberg. URL: http:/www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-27/korea-s-huge-bet-on-semiconductor-exports-adds-risks-to-economy (дата обращения: 15.02.2019).

[3] Gartner. URL:/ http:/www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2018-12-03-gartner-says-demand-for-top-chinese-brands-drove-world (дата обращения: 15.02.2019).

[4] Financial Times URL:/www.ft.com/content/c2d6dad0-a13e-11e8-85da-eeb7a9ce36e4 (дата обращения: 15.02.2019).

[5] URL: kostat.go.kr (дата обращения: 16.02.2019).

[6] *Федоровский А.Н.* Республика Корея: опыт поставторитарной модернизации. Научный доклад. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 8.

[7] *Won Shul Shim and Richard M. Steers.* The Entrepreneurial Basis of Korean Enterprise: Past Accomplishment and Future Challenges/Managing Korean Business: Organization, Culture, HR and Challenges, NY, 2002. С. 27.

[8] *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура. Традиции и трансформация. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 130.

[9] Won Shul Shim and Richard M.Steers. The Entrepreneurial Basis of Korean Enterprise: Past Accomplishment and Future Challenges/Managing Korean Business: Organization, Culture, HR and Challenges, NY, 2002. С. 35.

[10] *Jung Ho Cho, Gyu Gong Yu, Min Kyu Joo, Chris Rowley.* Changing Corporate culture over time in South Korea./Management of South Korea Revisited NY 2015. С. 17.

[11] Lee *Eun Suk, Kim Seongsu.* Best practices and performance-based HR System in Korea // Seoul Journal of Business. June 2006.

[12] *Jung Ho Cho, Gyu Gong Yu, Min Kyu Joo, Chris Rowley*. Changing Corporate culture over time in South Korea. NY 2015. C. 13.

[13] URL: http:/www.news.joins.com/artisle/20096182 (дата обращения: 20.02.2019).

[14] *Суслина С.С.* Южнокорейский малый и средний бизнес и перспективы его участия в инвестициях на Дальнем Востоке России/Корея перед новыми вызовами. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 262.

[15] URL: http:/www.yna.co.kr/view/AKR20170209155600003 (дата обращения: 20.02.2019).

[16] URL: http:/www.joins.com/article/21337920 (дата обращения: 20.02.2019).

[17] Diagnosis on the organizational health and corporate culture of Korean companies. McKinsey. URL: http:/mckinsey.com/kr (дата обрашения: 15.02.2019).

References

1. URL: http:/kdi.re.kr/kdi_eng/publication/publication_outlook.jsp (accessed: 15.02.2019).

2. Bloomberg. URL: http:/www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-27/korea-s-huge-bet-on-semiconductor-exports-adds-risks-to-economy (accessed: 15.02.2019).

3. Gartner. URL: http:/www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2018-12-03-gartner-says-demand-for-top-chinese-brands-drove-worl2 (accessed: 15.02.2019).

4. Financial Times url:/www.ft.com/content/c2d6dad0-a13e-11e8-85da-eeb7a9ce36e4 (accessed: 15.02.2019).

5. URL: kostat.go.kr (accessed: 16.02.2019).

6. *Fedorovsky A.N.* Republic of Korea: experience of post-authoritarian modernization. Reaseach report. IMEMO RAS, 2017. P. 8.

7. Won Shul Shim and Richard M.Steers. The Entrepreneurial Basis of Korean Enterprise: Past Accomplishment and Future Challenges/Managing Korean Business: Organization, Culture, HR and Challenges, NY, 2002.

8. *Asmolov K.V.* Korean Political culture. Traditions and transformation. M, Russian foundation for support of education and science, 2017. P. 130.

9. Won Shul Shim and Richard M.Steers. The Entrepreneurial Basis of Korean Enterprise: Past Accomplishment and Future Challenges/Managing Korean Business: Organization, Culture, HR and Challenges, NY, 2002. C. 35.

10. Jung Ho Cho, Gyu Gong Yu, Min Kyu Joo, Chris Rowley. Changing Corporate culture over time in South Korea./Management of South Korea Revisited NY 2015. C. 17.

11. Lee Eun Suk, Kim Seongsu. Best practices and performance-based HR System in Korea// Seoul Journal of Business. June 2006.

12. Jung Ho Cho, Gyu Gong Yu, Min Kyu Joo, Chris Rowley. Changing Corporate culture over time in South Korea. NY 2015. C. 13.

13. URL: http:/www.news.joins.com/artisle/20096182 (accessed: 20.02.2019).

14. *Suslina S.S.* South Korean small and medium-size business and prospects of its investment in the Far East region of Russia/Korea before new challenges M, Institute for Far Eastern Studies, RAS, 2017. P. 262.

15. URL: http:/www.yna.co.kr/view/AKR20170209155600003 (accessed: 20.02.2019).

16. URL: http:/www.joins.com/article/21337920 (accessed: 20.02.2019).

17. Diagnosis on the organizational health and corporate culture of Korean companies. McKinsey. URL: http/www.mckinsey.com/kr (accessed: 15.02.2019).

П.П. Эм

ПРОБЛЕМЫ «СЖИМАЮЩИХСЯ ГОРОДОВ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Проблема городского «сжатия», при которой отмечается резкое снижение численности населения и кризис региональной экономики, актуальна сегодня для Республики Корея. В данной статье изучены демографические проблемы ее «сжимающихся городов». Проведенное исследование показало, что основной причиной снижения численности населения была миграция, а не естественная убыль. Преобладание экономически активного населения в выезжающем миграционном потоке, при одновременном доминировании пожилых во въезжающем, привело к значительному «старению» возрастной структуры населения, а отъезд молодых местных девушек в более крупные города привел к увеличивающемуся количеству браков с иностранками. Изучение «сжимающихся» городов может быть использовано как пример для разработки мер по предотвращению надвигающихся социально-экономических проблем, связанных с демографией.

* Работа выполнена при поддержке стипендиальной программы Академии корееведения в 2019 г.

This article was prepared under the support of the Academy of Korean Studies Fellowship Program in 2019.

Ключевые слова: «сжимающийся город», демографические проблемы, демографический переход, половозрастная структура населения, нехватка невест, Республика Корея.

Республика Корея (РК) обычно позиционируется как страна больших городов, быстрый рост которых был обеспечен миграцией населения из малых и средних городов и привел к увеличению уровня урбанизации страны с 21,4 % в 1950 г. до 81,5 % в 2015 г.[1] Сегодня в РК насчитывается 10 городов-миллионеров, наибольший из которых столица Сеул с населением чуть меньше 10 млн человек. Агломерация вокруг него включает также Инчхон[2] и практически всю территорию пров. Кёнгидо, играя особую роль в жизни страны, поскольку производит около половины всего валового продукта, а также является домом для почти половины населения страны[3].

Однако в составе городской структуры РК имеются также средние и малые города, в которых проживает 19 % городского населения страны[4]. Некоторые из них столкнулись с проблемой «сжатия», заключающейся в резком оттоке населения и масштабном кризисе в экономике. «Сжимающиеся города» (СГ) появись после окончания войны в районах угледобычи в провинциях Кёнгсан-пукто, Канвондо, Чхунчхон-намдо и Чхолла-намдо (рис. 1). Бурное развитие угольной промышленности в 1970-е годы быстро сменилось упадком по причине снижения цен на уголь на мировом рынке в конце 1980-х. Реализация политики рационализации угольной промышленности привела к массовому закрытию шахт[5], что, в свою очередь, вызвало проблемы на местном рынке труда. Основными причинами городского «сжатия» в РК были: быстрая трансформация экономической структуры, повышение уровня безработицы, неадекватная политика и регулирование вопроса.

Процесс городского «сжатия» сначала охватил малые города[6], но позже был обнаружен в некоторых районах Сеула[7] и других крупных городов. В то время как пригороды продолжают расти, в старых районах отмечаются инфраструктурные проблемы[8], повышенная степень социальной напряженности, криминала[9] и вандализма[10].

В настоящей работе предпринята попытка изучить демографические проблемы СГ как основной объект, в то время как ранее они

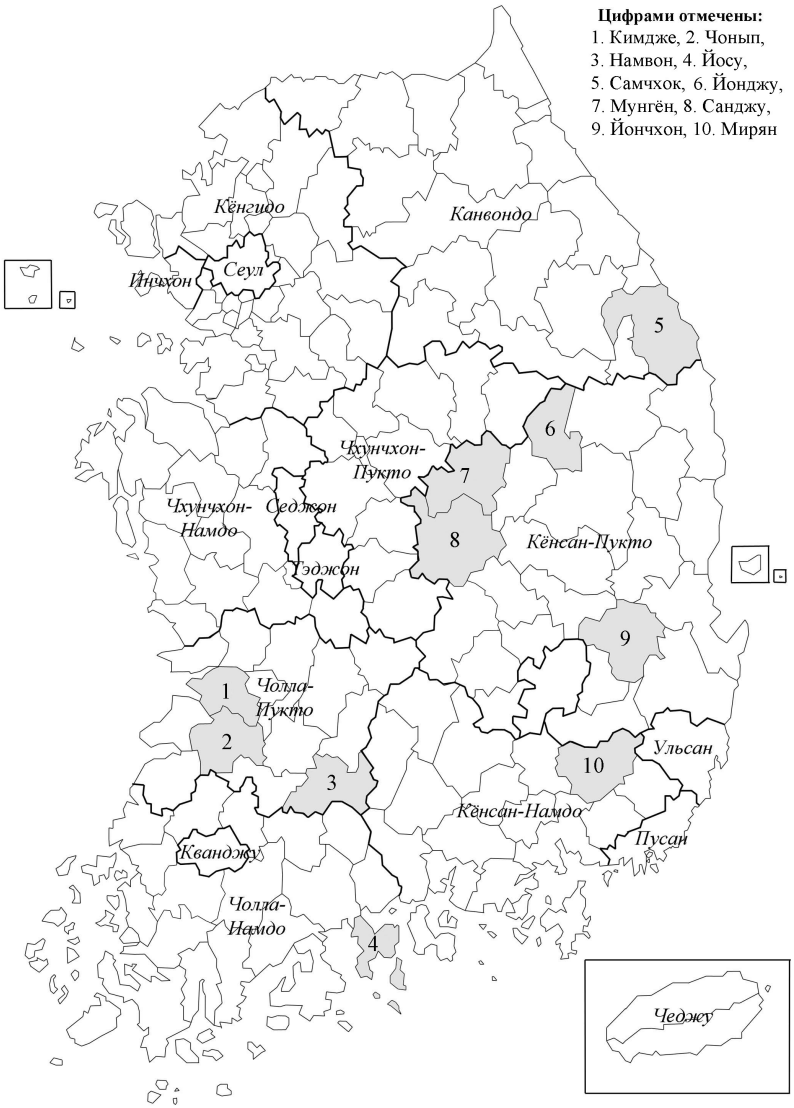


Рис. 1. География СГ РК (составлено автором)

рассматривались только как дополнение[11]. Прежде чем непосредственно переходить к объекту исследования, рассмотрим демографическое развитие РК. Все статистические данные, если иное не указано, представлены Корейской службой статистической информации[12].

Демографические переходы Республики Корея

Традиционное корейское общество было строго патриархальным. Женщине отводилась роль домохозяйки, воспитывающей детей. В сельской Корее начала XX в. были отмечены высокие общие коэффициенты рождаемости (КР) и смертности (КС) (рис. 2).

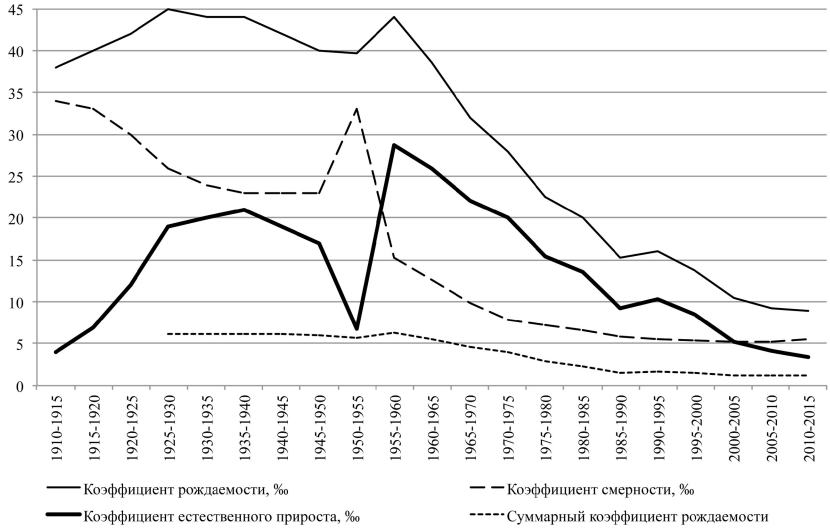


Рис. 2. Динамика основных демографических показателей Республики Корея с 1910 по 2015 г.[13]

Во время японской оккупации Кореи (1910—1945) произошло существенное улучшение медицины. Введение практики прививок, а также сооружение системы водопровода[14] привели к сокращению

КС и повышению КР (рис. 2). Корейская война (1950—1953) не изменила общий тренд динамики показателей (рис. 2). По причине больших потерь населения в ней КС резко повысился с 23 до 33‰ с 1950 по 1955 г.

Курс экономического развития страны после окончания войны потребовал участия женщин в трудовой деятельности. Государство в конце 1970-х годов начало не только продвигать идею необходимости планирования семьи, но и поощрять семьи, имевшие не более двух детей, путем различных мер социальной поддержки[15]. Одновременно благодаря улучшению качества жизни и медицинского обслуживания показатель младенческой смертности сократился с 138 ‰ в 1950 г. до 34 ‰ в 1980 г. Подобные обстоятельства способствовали уменьшению среднего количества рождений у одной женщины условного поколения, называемого суммарным коэффициентом рождаемости (СКР), с шести в 1965 г. до менее трех в 1980 г. (рис. 2). Одновременное резкое снижение КР, КС и СКР свидетельствует о переходе РК от традиционного типа воспроизводства к современному, т. е. завершении ею *первого демографического перехода* (ПДП) к 1980 г.[16]

Вовлечение женщин в экономику повысило уровень их самостоятельности, изменив мнение кореянок об институте брака[17]. Последний постепенно стал делом, не требующим спешки, а в некоторых случаях — вовсе необязательным. Коэффициент брачности уменьшился с 9 ‰ в 1950 г. до 6 ‰ — в 2015 г. Все большую популярность приобретает сожительство без оформления брака. Подобное обстоятельство увеличило средний возраст вступления в первый брак более чем на 10 лет с 21,1 года для мужчин и 16,6 лет для женщин в 1925 г. до 32,9 и 30,2 лет соответственно в 2017 г. Это, в свою очередь, увеличило возраст рождения первенца у матерей с 26,2 лет в 1993 г. до 31,6 лет — в 2017 г., поскольку местные пары, как правило, заводят детей после узаконивания взаимоотношений. Снижение СКР связано с уменьшением репродуктивного промежутка, в течение которого женщина находится в браке.

Повышение уровня образования оказало сильное влияние на кореянок. Доля грамотных людей в начале XX в. была очень низкой. Образование девочек сводилось к их обучению ведению до-

машнего хозяйства. Возможность для девушек получить профессию подстегнула их желание построить карьеру. Доля женщин со степенью бакалавра увеличилась с 10,9 % в 1990 г. до 23,1 % в 2017 г. С повышением доли женщин с высшим образованием построение семьи и рождение детей для них уходит на второй план, уступая место профессиональной реализации. Таким образом, комплекс таких факторов, как повышение уровня образования женщин, их вовлечение в экономику и увеличение степени независимости от мужчины, привел к постепенному изменению в системе ценностей кореянок. Сначала карьера встала на одну ступень с семьей, а чуть позже — и вовсе стала приоритетной. Подобный феномен социально-демографической трансформации, называемый *вторым демографическим переходом* (ВДП), ранее был описан в различных странах мира[18]. Современному южнокорейскому обществу характерны все его черты[19].

Демографические проблемы «сжимающихся городов»

В настоящей работе «сжимающимися» называются те города, которые с 2000 г. потеряли более 10 % населения. Большинство из 10 городов, удовлетворяющих данному требованию, за исключением Йосу, расположены в районах бывшей добычи угля (см. рис. 1). Во всех СГ были отмечены отрицательные темпы роста населения после 2000 г.

Общая доля детей всех СГ уменьшилась с 18,5 % в 2000 г. до 11,3 % в 2017, при одновременном увеличении доли пожилых с 13,1 до 20,6 % соответственно. Следовательно, всего за 17 лет общая структура населения сильно «постарела» (рис. 3).

Статистический анализ подтверждает значительную миграционную убыль населения СГ (табл. 1). Миграционный баланс между въехавшими и выехавшими отрицателен для всех рассмотренных городов с 2000 по 2017 г. Доля населения СГ, уменьшенная по причине миграции, варьировалась от 12,1 % в Мирянге до 26,2 % в Кимдже (табл. 1). Анализ динамики половозрастной структуры мигрантов из СГ показал, что большую часть выезжающих составляют молодые люди от 20 до 29 лет, в то время как старики доминируют во въез-

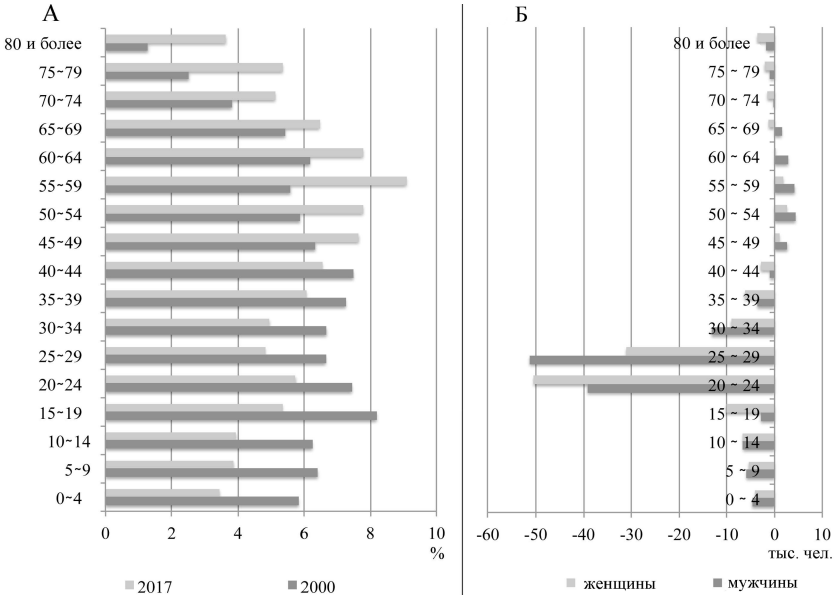


Рис. 3. Динамика половозрастной структуры «сжимающихся городов» РК

жающем потоке (рис. 3Б). Превышение количества девушек в выездном потоке обусловило значительную степень половых диспропорций в молодых возрастных группах, а также усугубление проблемы «нехватки» невест.

Большой поток выехавших из СГ, а также значительное превышение мужчин над женщинами повлияли на меньший КР в них по сравнению с РК (табл. 1). Доля стариков в структуре населения увеличилась с 7,3 % в 2000 до 11,9 % в 2017 г., в то время как в СГ с 13,7 до 23,5 % соответственно. Следовательно, доля пожилых и в стране, и в СГ увеличилась практически в два раза, однако показатель в СГ был больше, чем по стране, более чем на 10 %. По этой причине коэффициент естественного прироста (КЕП) был отрицательным во всех СГ, в то время как в РК он все еще положительный (табл. 1). Большая, чем в стране, доля пожилых в СГ явилась причиной большего КС (табл. 1). Роль миграционного оттока в сокращении насе-

Таблица 1. **Динамика основных демографических показателей в СГ РК**

Город	Численность населения, тыс. чел.		КР, ‰		КС, ‰		КЕП, ‰		Доля фактора в сокращении численности населения, %	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017	миграции	ест. прироста
Чонып	12,9	10,9	11	4,9	8,7	11,4	2,3	-6,5	-27	-3,2
Кимдже	10,3	8,2	9,8	5,1	10,1	12,5	-0,3	-7,4	-26,2	-5,9
Мирян	11,6	10,4	10,1	6	9,8	10,5	0,3	-4,5	-12,1	-5,5
Мунгён	9,1	7	8,3	5,6	9,8	11,7	-1,5	-6,1	-14	-5,6
Намвон	9,5	7,9	11,3	5,5	9,3	11	2	-5,5	-21,4	-2,1
Самчхок	7,6	6,8	11,1	5	8,5	9,1	2,6	-4,1	-19,7	-2,5
Санджу	11,7	9,8	8,8	4,6	10,5	12,1	-1,7	-7,5	-16	-7,7
Йончхон	11,1	9,8	10,8	6	9,6	11,5	1,2	-5,5	-16,8	-3,6
Йонджу	12,7	10,8	10,1	4,9	8,1	9,7	2	-4,8	-18,6	-2,3
Йосу	30,3	27,2	13,1	7,4	5,8	7,5	7,3	-0,1	-19,7	5,1

ления СГ была намного выше, чем КЕП (табл. 1). Следовательно, он играет более важную роль в процессе «городского сжатия» в РК. Отток молодежи вызывает сокращение репродуктивного потенциала.

Реализация крупных экономических проектов, например образование свободных экономических зон, строительство заводов и др., может способствовать сокращению отрицательной величины миграционного баланса, однако не способна кардинально изменить ситуацию из-за стремительного старения населения и второго демографического перехода.

Есть ли у корейских СГ шанс выжить?

Общая численность населения РК вскоре начнет снижаться[20]. Ожидать повышения КЕП не стоит, ведь доля экономически активного населения, а вместе с ним и репродуктивный потенциал населения будут продолжать уменьшаться. Все крупнейшие города начнут терять население после 2020 г. даже при учете того, что именно в них предпочитают переезжать корейцы. Поскольку большинство СГ расположено вдали от больших городов (рис. 1), нельзя в них ожидать положительного миграционного баланса в вышеназванных условиях. Таким образом, проблема депопуляции СГ РК не может быть решена местными ресурсами.

Автор считает, что исправить сложившуюся ситуацию мог бы приток иностранцев. Уже сегодня РК вынуждена привлекать их по причине нехватки невест и рабочей силы. Более 1,5 % экономически активного населения страны в 2015 г. составляли иностранцы. Значительная их часть состоит из этнических корейцев из Китая и стран бывшего Советского Союза. Больший приток последних мог бы не только улучшить миграционный баланс, но также и КЕП, поскольку высока вероятность того, что после переезда в РК они будут практиковать демографическое поведение, характерное для стран их происхождения. Зарубежные корейцы предпочитают селиться в крупных городах по причине большей заработной платы. Облегчение иммиграционных требований, а также экономические поощрения могли бы стимулировать их приезд в СГ. Они также этнически идентичны основной части населения, что позволит избежать социальной напряженности. Китайские корейцы не могут позиционироваться в равной степени для решения изучаемых проблем, поскольку в Китае проводилась жесткая демографическая политика одного ребенка в семье.

Современная ситуация в СГ аналогична той, которую предсказывают для всей страны через несколько десятилетий. Исходя из этого, СГ могут и должны использоваться как пример для разработки адекватных мер по сокращению отрицательного воздействия грядущих демографических проблем.

Выводы

Появление СГ в РК было связано с резкой трансформацией экономики, увеличением безработицы и неадекватной политикой государства. Основную роль в депопуляции СГ сыграл отток молодого населения, усугубивший степень диспропорций в их половозрастной структуре. Государство прилагает усилия по сдерживанию негативных тенденций путем реализации в СГ крупных проектов, однако они не могут изменить ситуацию в корне по причине резкого старения населения и второго демографического перехода.

Демография — одна из самых серьезных проблем современной РК, способная разрушить достижения «чуда на реке Ханган». Ее население вскоре начнет уменьшаться. В работе показано, что проблема «городского сжатия» в РК не может быть решена ни миграцией местных жителей, ни увеличением естественного прироста. Стимуляция притока иностранных корейцев может быть одним из решений проблемы, поскольку они практикуют демографическое поведение, характерное для мест их рождения. СГ могут и должны быть использованы как образец для разработки мер, которые позволят снизить отрицательное воздействие надвигающихся демографических проблем. В противном случае — вскоре практически все населенные пункты «заразятся» болезнью «городского сжатия».

Примечания

[1] World Urbanization Prospects. URL: www.population.un.org/wup (дата обращения: 26.12.2018).

[2] Для транслитерации корейских топонимов использована работа Концевич Л.Р. Словарь географических названий Республики Корея. М.: Наука, 2018.

[3] *Эм П.П.* Изучение роли пригородных зон в развитии урбанизации в Республике Корея (на примере столичной агломерации) // КНДР и РК — 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 201.

[4] *Эм П.П.* Пространственное развитие урбанизации на Корейском полуострове: сравнение Юга и Севера. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. С. 44—45.

[5] *Shin D.A.* Cluster of the Four Coal Mining Cities in Korea from a Global Perspective // Shrinking Cities. International Perspectives and Policy Implications. New York: Routledge. 2014. P. 190.

[6] *Kim K.* Causes and Consequences of Urban Decline in Korean Cities // Journal of the Korean Urban Geographical Society. 2010. 13(2). P. 43—58.

[7] *Lee H., Shim J., Noh S.* The Features of the Intra-urban Decline and Its Spatial Pattern in Korean Cities // Journal of the Korean Urban Geographical Society. 2010. 13(2). P. 13—26.

[8] *Lee D., Seo H., Hong W.* A study on infrastructure management problem of shrinking cities // Advanced Science and Technology Letters. 2016. 124. P. 82—87.

[9] *Koo H.* Urban shrinkage in Korea and related policy tasks. Seoul: Korea Research Institute for Human Settlements. 2017.

[10] *Kim K.* Causes and Consequences of Urban Decline in Korean Cities // Journal of the Korean Urban Geographical Society. 2010. 13(2). P. 43—58.

[11] *Cunningham-Sabot E., Audirac I., Fol S., Martinez-Fernandez C.* Theoretical Approach of Shrinking Cities // Shrinking Cities. International Perspectives and Policy Implications. New York: Routledge. 2014. P. 14—30.

[12] Korean Statistical Information Service. URL: http://kosis.kr/index/index.do (дата обращения: 15.08.2018).

[13] Korean Statistical Information Service.

[14] *Lee H.* Demographic Transition in Korea // Development and Society. 1980. 8—9. P. 5.

[15] *Baik Y., Chung J.* Family Policy in Korea // Journal of Family and Economic Issues. 1996. 17(1). P. 93—112.

[16] *Kim I.* Demographic Transition and Population ageing in Korea // Korea Journal of Population and Development. 1996. 1. P. 27—40; Lee H. 1980.

[17] *Эм П.П.* Республика Корея. Второй демографический переход: особенности и результаты // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С.40.

[18] *Van de Kaa D.* The Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. 1987. 42(1). P. 1—59.

[19] *Эм П.П.* Республика Корея. ... С. 41.

[20] World Population Prospects. URL: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 15.01.2019).

References

1. World Urbanization Prospects. URL: www.population.un.org/wup (accessed: 26.12.2018).

2. *Kontsevich L.R.* Dictionary of toponym of the Republic of Korea. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura. 2018.

3. *Em P.P.* A Study of the role of Suburban Areas in the Development of Urbanization in the Republic of Korea // DPRK and the ROK: the 70th Anniversary of Foundation. Moscow: IDV. 2018. P. 201.

4. *Em P.P.* Spatial Development of Urbanization on Korean Peninsula: Comparison of South and North. Vladivostok: DVFU. 2018. P. 44—45.

5. *Shin D.A.* Cluster of the Four Coal Mining Cities in Korea from a Global Perspective // Shrinking Cities. International Perspectives and Policy Implications. New York: Routledge. 2014. P. 190.

6. *Kim K.* Causes and Consequences of Urban Decline in Korean Cities // Journal of the Korean Urban Geographical Society, 13:2. 2010. P. 43—58.

7. *Lee H., Shim J., Noh S.* The Features of the Intra-urban Decline and Its Spatial Pattern in Korean Cities // Journal of the Korean Urban Geographical Society, 13:2. 2010. P. 13—26.

8. *Lee D., Seo H., Hong W.* A study on infrastructure management problem of shrinking cities // Advanced Science and Technology Letters, Vol. 124. 2016. P. 82—87.

9. *Koo H.* Urban shrinkage in Korea and related policy tasks. Seoul: Korea Research Institute for Human Settlements. 2017.

10. *Kim K.* Causes and Consequences of Urban Decline in Korean Cities // Journal of the Korean Urban Geographical Society, 13:2. 2010. P. 43—58.

11. *Cunningham-Sabot E., Audirac I., Fol S., Martinez-Fernandez C.* Theoretical Approach of Shrinking Cities // Shrinking Cities. International Perspectives and Policy Implications. New York: Routledge. 2014. P. 14—30.

12. Korean Statistical Information Service. URL: http://kosis.kr/index/index.do (accessed: 15.08.2018).

13. Korean Statistical Information Service.

14. *Lee H.* Demographic Transition in Korea // Development and Society, Vol. 8—9. 1980. P. 5.

15. *Baik Y., Chung J.* Family Policy in Korea // Journal of Family and Economic Issues, 17:1. 1996. P. 93—112.

16. *Kim I.* Demographic Transition and Population ageing in Korea // Korea Journal of Population and Development, Vol. 1. 1980. P. 27—40; Lee H. (1980).

17. *Em P.P.* The Republic of Korea. The Second Demographic Transition: Features and Results // Asia and Africa today, Vol. 1. 2019. P. 40.

18. *Van de Kaa D.* The Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 42:1. 1987. P. 1—59.

19. *Em P.P.* Op. cit. P. 41.

20. World Population Prospects. URL: https://population.un.org/wpp/ (accessed: 15.01.2019).

Л.В. Захарова

МЕЖКОРЕЙСКОЕ «ПОТЕПЛЕНИЕ» 2018 ГОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕВЕРА И ЮГА

2018 год ознаменовался возобновлением межкорейского диалога, ставшего беспрецедентным по интенсивности и включавшего три встречи лидеров Севера и Юга. В подписанных по итогам двух саммитов декларациях отдельное место уделялось вопросам экономического сотрудничества, на развитие которого стороны возлагают особые надежды. Главными препятствиями для возобновления и развития межкорейских экономических связей на современном этапе являются антисеверокорейские санкции СБ ООН и США, а также экономические санкции РК в отношении КНДР от 24 мая 2010 г. В докладе анализируются направления и возможности осуществления межкорейского экономического сотрудничества в текущих условиях и его перспективы под влиянием внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: межкорейские отношения, экономика, Республика Корея, КНДР, сотрудничество, санкции.

Возобновление межкорейского диалога в 2018 г. стало возможно благодаря совпадению желаний двух корейских сторон. Мун Чжэ Ин вскоре после своего избрания президентом РК в 2017 г. выдвинул новую политику в отношении Северной Кореи, назвав ее «полити-

кой на Корейском полуострове». Целью нового курса было объявлено установление мира и процветания в регионе, а одним из его элементов — задача по созданию «нового экономического сообщества» на Корейском полуострове посредством расширения межкорейских обменов в различных сферах. Для этого, по замыслу президента Мун Чжэ Ина, на территории Кореи необходимо сформировать единый рынок и найти новые драйверы роста за счет сотрудничества Севера и Юга, а также проложить «три экономических пояса», которые свяжут полуостров с соседними странами. Один из них проходит по западному побережью Кореи (пояс транспортировки, логистики и производства — соединяет Сеул, Кэсон, Хэчжу, Пхеньян, Нампхо, Синыйджу и Китай), второй — по восточному (пояс энергетики и природных ресурсов — соединяет Вонсан, Хамхын, Танчхон, Расон и Россию), а третий проходит по ДМЗ (пояс экологии и туризма)[1]. В отличие от своих предшественников, Ли Мен Бака и Пак Кын Хе, нынешний глава РК заявил о готовности соблюдать межкорейские договоренности, зафиксированные на двух саммитах Севера и Юга в 2000 и 2007 г.

В 2017 г. Северная Корея отказывалась от возобновления переговоров с Югом, но уже в 2018 г. ситуация коренным образом изменилась. Лидер КНДР в своей новогодней речи 1 января 2018 г. «наметил курс на оздоровление межкорейских отношений»[2], призвав к осуществлению «прорыва на пути к самостоятельному воссоединению страны»[3]. Для этого Ким Чен Ын предложил начать диалог между Севером и Югом и отправить делегацию КНДР на зимние Олимпийские игры в РК. Южнокорейская сторона позитивно отреагировала на эти инициативы.

Межкорейская саммитовая дипломатия: шанс для экономики?

В 2018 г. состоялись три межкорейских саммита: 27 апреля и 26 мая в Пханмунчжоме (ДМЗ), 18—20 сентября в Пхеньяне. По итогам первой и третьей встреч лидеров двух стран были подписаны совместные декларации, в которых были упомянуты и некоторые экономические вопросы.

В Пханмунчжомской декларации о мире, процветании и объединении Корейского полуострова (от 27 апреля 2018 г.) Северная и Южная Корея договорились «активно осуществлять проекты, согласованные прежде в Совместной декларации от 4 октября 2007 г., для содействия сбалансированному экономическому росту и сопроцветацию нации» (п. 1.6). В качестве первого шага стороны решили принять практические меры для соединения и модернизации железных и автомобильных дорог восточного транспортного коридора, а также между Сеулом и Синыйджу для их использования. Кроме того, большое значение для дальнейшего развития экономического сотрудничества Севера и Юга имели зафиксированные в декларации договоренности об открытии офиса связи в Кэсоне, где представители двух стран могли бы вести переговоры на постоянной основе (п. 1.3), а также о разработке практического плана по созданию мирной морской зоны в районе Северной разграничительной линии в Западном море (п. 2.2).

Пункт 1.6 Пханмунчжомской декларации о возврате к осуществлению проектов из Декларации во имя развития отношений, мира и процветания Севера и Юга, подписанной Ким Чен Иром и Но Му Хеном 4 октября 2007 г., был давним требованием северокорейской стороны. После своего прихода к власти в 2008 г. президент РК Ли Мен Бак поспешил отказаться от заключенных его предшественником договоренностей с КНДР. И лишь Мун Чжэ Ин вновь признал необходимость их реализации. В 2007 г. Северная и Южная Корея наметили несколько конкретных экономических проектов для совместного осуществления[4].

В-первых, они договорились создать «зону мира и сотрудничества» в районе г. Хэчжу и прилегающей акватории. Для этого предполагалось развивать там совместное рыболовство, создать особую экономическую зону, совместно использовать порт Хэчжу и устье р. Ханган.

Во-вторых, было решено в кратчайшие сроки перейти ко второму этапу развития Кэсонского промышленного комплекса. Это требовало перехода от развития в нем преимущественно трудоемких отраслей к созданию более капиталоемких и технологически сложных

производств (различные отрасли машиностроения и электроники), включая местное производство деталей и материалов.

В-третьих, в рамках дальнейшей работы по реконструкции транспортной инфраструктуры КНДР стороны договорились заняться реконструкцией железной дороги Кэсон—Синыйчжу и автомобильного шоссе Кэсон—Пхеньян для совместного использования.

В-четвертых, было запланировано создание судостроительных предприятий на территории КНДР в Нампхо и Анбёне.

В-пятых, было зафиксировано намерение Севера и Юга организовать туристический маршрут к горе Пэктусан и для этого открыть прямое воздушное сообщение между Сеулом и Пэктусаном. В ноябре 2007 г. соглашение об условиях реализации проекта было подписано с его оператором — компанией «Хендэ Асан».

В рамках выполнения достигнутых ранее договоренностей в конце 2007 г. было проведено первое заседание Комитета по развитию Особой зоны мира и сотрудничества в Желтом море. По его итогам было подписано соглашение, в котором КНДР и РК решили ускорить создание специальной экономической зоны в Хечжу, установив между ней и Кэсонским промышленным комплексом взаимодополняющие отношения. Кроме того, стороны договорились совместно развивать порт Хечжу в соответствии с общими национальными интересами и начать вылов рыбы, как только будет создана совместная рыболовная зона на переговорах между военными на уровне генералов двух стран[5].

Достигнутые договоренности при их полном выполнении могли бы существенно увеличить поле экономического взаимодействия двух корейских государств, способствовать интеграции экономик Севера и Юга. По оценкам аналитиков РК, это потребовало бы инвестиций в КНДР в размере от 8 до 11,3 млрд долл. При этом в долгосрочной перспективе экономический эффект от реализации совместных экономических проектов мог бы дойти до 150 млрд долл.[6] Однако политические факторы не позволили межкорейским экономическим связям перейти на качественно новый уровень, и период правления президентов Ли Мен Бака и Пак Кын Хе можно назвать «потерянным десятилетием» в этой сфере.

На саммите лидеров Севера и Юга, состоявшемся в столице КНДР в сентябре 2018 г., была подписана Пхеньянская декларация (от 19 сентября 2018 г.)*, пункт 2 которой был посвящен будущему экономического сотрудничества. В частности, в нем «Север и Юг договорились, исходя из принципов взаимной выгоды, совместных интересов и совместного процветания, принимать практические меры для дальнейшего расширения обменов и сотрудничества и пропорционального развития национальной экономики.

1. Север и Юг договорились провести в пределах нынешнего года церемонию начала работы по соединению и модернизации привосточноморских, призападноморских железных и шоссейных дорог.

2. Север и Юг договорились по мере создания надлежащих условий обеспечивать в первую очередь постоянную ритмичность работы Кэсонского индустриального комплекса и туристических поездок в горы Кымган и обсуждать вопросы о создания Западноморской совместной специальной экономической зоны и Восточноморской совместной специальной туристической зоны.

3. Север и Юг договорились активизировать межкорейское сотрудничество в сфере окружающей среды для охраны и восстановления мира экологической природы и прилагать усилия в первую очередь для достижения практических успехов в деле осуществляющегося ныне сотрудничества в области лесоводства.

4. Север и Юг договорились укреплять сотрудничество в сферах противоэпидемических мероприятий, здравоохранения и медицины, в том числе в принятии экстренных мер для предотвращения проникновения и распространения инфекционных заболеваний»[7].

15 октября 2018 г. в Пханмунчжоме состоялись межкорейские переговоры на высоком уровне по выполнению Пхеньянской декларации. Стороны согласовали ряд практических мер по продвижению инициатив, провозглашенных лидерами двух стран в Пхеньяне.

* 23 октября 2018 г. кабинет министров РК ее ратифицировал, 29 октября она была опубликована в правительственном бюллетене, что позволило документу вступить в законную силу.

Таким образом, Северная и Южная Корея в 2018 г. договорились продвигать экономическое сотрудничество в целом ряде сфер. Среди приоритетов были выделены: соединение и модернизация железных и автомобильных дорог на восточном и западном направлениях, экология и лесоводство, здравоохранение и медицина, а также (при создании необходимых условий) возобновление работы Кэсонского промышленного комплекса и Кымгансанского туристического проекта. Каких же результатов удалось достичь по каждому из обозначенных направлений?

Первые шаги к возобновлению экономических связей и их результаты

Во исполнение апрельских договоренностей КНДР и РК открыли офис связи (а точнее возобновили его работу) в Кэсонском промышленном комплексе. Для этого потребовалось провести ремонтные работы помещений и инфраструктуры, которые продолжались с середины июля до конца сентября 2018 г. и обошлись южнокорейскому бюджету в 8,6 млн долл. Средства были выделены из Фонда межкорейского сотрудничества[8]. В результате у Севера и Юга появился совместный орган, позволяющий оперативно проводить переговоры по различным вопросам двустороннего сотрудничества. В офисе связи на 2-м этаже работают южные корейцы, на 4-м — северяне, а на 3-м этаже проходят их совместные заседания.

В 2018 г. Северная и Южная Корея провели ряд подготовительных мероприятий, связанных с воссоединением железных и автомобильных дорог двух стран. Учитывая режим действовавших международных санкций, не позволявших начать строительные работы, сторонам пришлось сконцентрироваться на предварительной и церемониальной части озвученных лидерами инициатив. В частности, в июле-августе 2018 г. специалисты Северной и Южной Кореи совместно осмотрели участок железной дороги между военной разграничительной линией и горами Кымган (на восточном направлении), а также участки соединения железных и автомобильных дорог двух стран на западном направлении. В августе 2018 г. был проведен совместный экспертный осмотр автомобильной дороги на западном

направлении — между Кэсоном и Пхеньяном. При этом в ноябре 2018 г. сторонам не удалось согласовать дату для обследования участка дороги на восточном побережье полуострова — между Косоном и Вонсаном.

Железнодорожный трек сотрудничества удалось продвинуть чуть дальше. В период с 30 ноября по 17 декабря 2018 г. проходило совместное обследование участков железных дорог на восточном (линия Тонхэ) и западном (линия Кёный) побережьях полуострова. 5 декабря завершился осмотр 400-километрового участка железной дороги между Кэсоном и Синыйджу, а с 8 по 17 декабря были обследованы 800 км железной дороги между горами Кымган и рекой Туманган. В ходе совместного обследования южнокорейские эксперты провели визуальный осмотр железнодорожных путей, а также оценили их структуру с помощью портативного тестового устройства[9]. Кроме того, 21—23 декабря южнокорейская инспекционная команда посетила 100-километровый участок линии Тонхэ между Косоном и Вонсаном.

26 декабря 2018 г. в Кэсоне состоялась церемония начала соединения и модернизации железных и автомобильных дорог между Северной и Южной Кореей[10]. Однако ее проведение не означало немедленного начала строительных работ и требует как создания дополнительных условий в виде ослабления санкций против КНДР, так и дальнейшего обсуждения конкретных деталей, маршрута и способов реализации сотрудничества между Севером и Югом Кореи.

Для адекватного понимания значимости проведенных мероприятий в области транспорта необходимо напомнить, что проект воссоединения межкорейской транспортной инфраструктуры имеет длительную историю и свои результаты в прошлом. Автомобильные дороги Севера и Юга на восточном и западном направлениях были соединены еще в 2003 и 2004 гг. соответственно. Железнодорожное сообщение в тестовом режиме было восстановлено в мае 2007 г., а с декабря 2007 г. по ноябрь 2008 г. грузовые поезда регулярно ходили по линии Кёный между Мунсаном и Пондоном. Таким образом, при Мун Чжэ Ине РК пытается лишь восстановить упущенное, причем частично.

Среди других сфер межкорейского сотрудничества, которые стороны пытались продвигать в 2018 г., необходимо выделить здравоохранение и медицину, лесоводство, а также совместное использование устья р. Хан для обеспечения безопасной навигации гражданских судов. В июле были проведены межкорейские переговоры на рабочем уровне по совместным проектам в области защиты и восстановления лесов. Стороны договорились провести совместные инспекции приграничных зон с целью дезинсекции лесов, а также сотрудничать в области модернизации лесопитомников[11]. В декабре правительство РК анонсировало план по отправке 200 тыс. доз препарата «Тамифлю» и других медицинских материалов в Северную Корею. Доставка должна была состояться 11 января 2019 г., однако была отложена из-за длительности согласования с Командованием войск ООН в ДМЗ[12]. С 5 ноября по 11 декабря было проведено совместное полевое исследование устья р. Хан, по итогам которого была подготовлена навигационная карта изученного участка[13], что в дальнейшем позволит наладить судоходство в этом районе.

Перспективы межкорейских экономических отношений

Межкорейские экономические отношения, официально начавшиеся в 1988 г., были прерваны в начале 2016 г. с закрытием Кэсонского промышленного комплекса по инициативе южнокорейской стороны. До этого прекратилось функционирование Кымгансанского туристического проекта, был запрещен товарообмен и сотрудничество на давальческом сырье (так называемая процессионная торговля), сошло на нет оказание гуманитарной помощи Северу со стороны Юга. На современном этапе стоит задача хотя бы частичного восстановления некогда процветавшего взаимовыгодного сотрудничества. Однако этому препятствует целый ряд факторов.

Главными препятствиями для возобновления и развития на современном этапе экономических связей Северной и Южной Кореи являются антисеверокорейские санкции СБ ООН и США, а также односторонние экономические санкции РК в отношении КНДР от 24 мая 2010 г.

В своей речи 15 августа 2018 г. Мун Чжэ Ин повторил официальную позицию Сеула о том, что «полномасштабное» экономическое сотрудничество между Севером и Югом может быть реализовано, только когда будет осуществлена денуклеаризация полуострова[14]. При этом администрация президента демонстрировала двойственный подход к вопросу развития межкорейского сотрудничества в условиях санкций СБ ООН. С одной стороны, РК пошла по пути получения специальных изъятий из санкционного режима для реализации конкретных проектов с КНДР. Эти изъятия запрашиваются и получаются в Комитете 1718 Совета Безопасности ООН, который отвечает за мониторинг выполнения наложенных санкций государствами-членами ООН. В частности, санкционный комитет СБ ООН 24 ноября 2018 г. дал Сеулу разрешение провести совместное обследование межкорейских железных дорог, 30 ноября одобрил поставки в КНДР материалов для модернизации линии связи между военными Севера и Юга, а 25 декабря было согласовано проведение церемонии начала соединения дорог двух корейских государств.

В то же время некоторые инициативы Сеула в отношении Пхеньяна в 2018 г. были осуществлены с формальным нарушением действующего санкционного режима. Например, экспорт в КНДР более 300 т нефтепродуктов, использованных для организации встреч разделенных семей, совместного обследования железных дорог на Севере, а также ремонта офиса связи в Кэсоне, был организован без оповещения Комитета 1718, как того требует резолюция 2397 СБ ООН. Кроме того, в августе 2018 г. РК поставила в Северную Корею строительное оборудование и материалы для ремонта Кэсонского офиса связи стоимостью около 1 млн долл. В сентябре Южная Корея на своем грузовом самолете доставила из КНДР в Сеул 2 т грибов (подарок Ким Чен Ына), несмотря на то что Северной Корее запрещено экспортировать овощи[*]. Все эти случаи не являются преднамеренным нарушением международных санкций со стороны Сеула, по словам официальных представителей РК. Они сопровождались консультациями «с международным сообществом и санкци-

[*] В ответ в ноябре 2018 г. РК отправила в КНДР 200 тонн мандаринов с о. Чечжу.

онным комитетом ООН», а сами проекты реализовывались «в рамках антисеверокорейских санкций»[15].

С точки зрения южнокорейских компаний главным препятствием для сотрудничества с КНДР являются санкции США. Например, глава «Хёндэ групп» в 2018 г. говорила о том, что компания ждет отмены санкций США, чтобы возобновить туры в Кымгансан[16]. После Пхеньянского саммита Севера и Юга сотрудники минфина США обзванивали крупные южнокорейские банки, чтобы предупредить их о возможных рисках попадания под американские санкции в случае возобновления сотрудничества с КНДР[17].

США имеют возможность влиять на содержание и скорость межкорейских экономических обменов как на политическом, так и на практическом уровне. Для получения «разрешения» на конкретные формы и проекты сотрудничества Сеул пошел на создание с Вашингтоном южнокорейско-американской рабочей группы[18], второе заседание которой прошло 21 декабря 2018 г. для обсуждения церемонии начала соединения дорог. На встрече с министром иностранных дел РК Кан Ген Хва, которая упомянула о возможном ослаблении односторонних санкций Южной Кореи в отношении Севера, президент США Д. Трамп открыто заявил, что «они этого не сделают без нашего разрешения»[19].

Более того, для любых поставок с Юга на Север необходимо разрешение Командования войск ООН, представленного в ДМЗ американскими военными. Они должны быть проинформированы за 48 ч о любых планах по транспортировке материалов через межкорейскую границу и дать на это свое согласие[20]. Командование войск ООН неоднократно затягивало реализацию межкорейских проектов. Например, в августе 2018 г. оно не позволило южнокорейским поездам пересечь демаркационную линию для проведения осмотра участка железных дорог между Мунсаном и Кэсоном «в связи с поздним оповещением о планировавшейся поездке». Из-за этого совместное обследование дорог пришлось перенести на конец осени.

Проблемы возобновления туров в Кымгансан и работы Кэсонского промышленного комплекса (КПК) тесно связаны с урегулированием ряда межкорейских вопросов. *Во-первых*, Сеулу, вероятно, придется сделать официальное заявление об исчерпанности траги-

ческого инцидента с убийством южнокорейской туристки в Алмазных горах летом 2008 г. и дать согласие на возобновление поездок граждан РК в Кымгансан. Возможно, для этого Пхеньяну все-таки придется принести официальные извинения за действия своего военнослужащего в той ситуации. *Во-вторых*, для отмены (или хотя бы корректировки) антисеверокорейских санкций, принятых правительством РК 24 мая 2010 г. в ответ на потопление корвета «Чхонан», в котором обвинили КНДР, Сеулу, видимо, придется вернуться к пересмотру официальной позиции по этому вопросу. А с учетом проведенной массивной пропагандистской компании среди населения РК, убедившей жителей в виновности Северной Кореи в гибели более 40 моряков, сделать это будет довольно сложно.

Согласно результатам опросов населения, в 2018 г. большая часть граждан РК поддерживала курс на сотрудничество с КНДР[21]. Однако в перспективе разделенность южнокорейского общества во взглядах по отношению к Северу и возможность смены курса в случае прихода к власти консерваторов после окончания президентского срока Мун Чжэ Ина ставит под вопрос будущее достигнутых в 2018 г. результатов межкорейского диалога.

Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе (при президенте Мун Чжэ Ине) на скорость развития экономических связей Севера и Юга продолжат существенно влиять позиции США и СБ ООН. Наиболее вероятно, для расширения межкорейского сотрудничества руководство РК продолжит получать разрешения на конкретные проекты.

Приоритетом на данный момент являются проекты в области транспортной инфраструктуры. Южнокорейское правительство выделило 295,1 млрд вон (263 млн долл.) на соединение и модернизацию железных и автомобильных дорог в бюджете страны на 2019 г. Из них 108,7 млрд вон (96,8 млн долл.) будет выделено КНДР в качестве кредита, а остальные средства — предоставлены на безвозмездной основе[22]. Такие крупные инвестиции в Северную Корею, безусловно, потребуют согласования с мировым сообществом для получения изъятия из санкционного режима.

В более долгосрочной перспективе ключевыми факторами будут являться прогресс в области денуклеаризации Корейского полуост-

рова и возможности ослабления/снятия международных и американских санкций в отношении КНДР, а также позиция правящих политических сил в РК по вопросу снятия односторонних ограничений на осуществление сотрудничества с Севером.

Примечания

[1] Moon Jae-In's Policy on the Korean Peninsula. Republic of Korea: Ministry of Unification, 2017. P. 22—23.

[2] Корея сегодня. 2018. № 11. С. 5.

[3] Товарищ Ким Чен Ын выступил с новогодней речью // ЦТАК. 01.01.2018.

[4] *Захарова Л.В.* Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 70—71.

[5] Там же. С. 73.

[6] The Korea Herald. 06.10.2007.

[7] Корея сегодня. 2018. № 11. С. 6.

[8] Seoul spent USD$8.6 million on inter-Korean liaison office renovation: MOU // NK News. 24 October 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/10/seoul-spent-usd8-6-million-on-inter-korean-liaison-office-renovation-mou/ (дата обращения: 27.12.2018).

[9] South Koreans head North for 16-day on-site rail inspection // NK News. 30 November 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/11/south-koreans-head-north-for-16-day-on-site-rail-inspection/ (дата обращения: 27.12.2018).

[10] At ceremony, two Koreas vow to push for road, rail cooperation with "determination" // NK News. 26 December 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/12/at-ceremony-two-koreas-vow-to-push-for-road-rail- cooperation-with-determination/ (дата обращения: 27.12.2018).

[11] Two Koreas agree to joint action on forest cooperation, pest control // NK News. 4 July 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/07/two-koreas-agree-to-joint-action-on-forest-cooperation-pest-control/ (дата обращения: 27.12.2018).

[12] Seoul, UNC discuss Tamiflu delivery to Pyongyang // Korea Times. 30 January 2019 .

[13] Two Koreas to begin field survey on shared use of Han/Imjin River Estuary // NK News. 5 November 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/11/two-koreas-to-begin-field-survey-on-shared-use-of-hanimjin-river-estuary/ (дата обращения: 27.12.2018).

[14] In August 15 speech, Moon says inter-Korean cooperation will bring "true liberation" // NK News. 15 August 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/08/

in-august-15-speech-moon- says-inter-korean-cooperation-will- bring-true-liberation/?c=1545982514466 (дата обращения: 27.12.2018).

[15] South Korea, breaching UN rules, failed to report oil shipments to North Korea // NK News. 23 January 2019. URL: https://www.nknews.org/2019/01/south-korea-breaching-un-rules-failed-to-report-oil-shipments-to-north-orea-/ (дата обращения: 27.03.2019).

[16] Hyundai wants U.S.-N.K. summit to help resume Mount Kumgang tour // Yonhap. 30 January 2019.

[17] Seoul Is Fast Becoming the Weakest Link in N.Korea Sanctions // Chosun Ilbo. 15 October 2018. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/10/15/2018101501554.html (дата обращения: 21.02.2019).

[18] ROK, U.S. to establish working group on North Korea issues: State Department // NK News. 31 October 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/10/rok-u-s-to-establish-working-group-on-north-korea-issues-state-department/ (дата обращения: 27.12.2018).

[19] Seoul Is Fast Becoming the Weakest Link in N.Korea Sanctions // Chosun Ilbo. 15 October 2018. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/10/15/2018101501554.html (дата обращения: 21.02.2019).

[20] Seoul, UNC discuss Tamiflu delivery to Pyongyang. // Korea Times. 30 January 2019.

[21] Majority of S. Koreans support sanctions relief on N.K. to speed up nuke talks: survey // Yonhap. 27 November 2018.

[22] Seoul to investigate construction logistics for North Korean rail modernization // NK News. 5 November 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/11/seoul-to-investigate-construction-logistics-for-north-korean-rail-renovatiov/ (дата обращения: 27.12.2018).

References

1. Moon Jae-In's Policy on the Korean Peninsula. (2017). Republic of Korea: Ministry of Unification. P.22—23.

2. Korea Today. (2018). № 11. P. 5 (in Russian).

3. New Year Address of Supreme Leader Kim Jong Un // KCNA. 01.01.2018.

4. *Zakharova L.V.* (2014). Inter-Korean Economic Relations: from the Origins to Modern Times. Moscow: IFES RAS. P. 70—71 (in Russian).

5. Ibid. P. 73.

6. The Korea Herald. 06.10.2007.

7. Korea Today. (2018). № 11. P. 6 (in Russian).

8. Seoul spent USD$8.6 million on inter-Korean liaison office renovation: MOU // NK News. 24 October 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/10/seoul-spent-usd8-6-million-on-inter-korean-liaison-office-renovation-mou/ (accessed: 27.12.2018).

9. South Koreans head North for 16-day on-site rail inspection // NK News. 30 November 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/11/south-koreans-head-north-for-16-day-on-site-rail-inspection/ (accessed: 27.12.2018).

10. At ceremony, two Koreas vow to push for road, rail cooperation with "determination" // NK News. 26 December 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/12/at-ceremony-two-koreas-vow-to-push-for-road-rail-cooperation-with-determination/ (accessed: 27.12.2018).

11. Two Koreas agree to joint action on forest cooperation, pest control // NK News. 4 July 2018. URL https://www.nknews.org/2018/07/two-koreas-agree-to-joint-action-on-forest-cooperation-pest-control/ (accessed: 27.12.2018).

12. Seoul, UNC discuss Tamiflu delivery to Pyongyang // Korea Times. 30 January 2019.

13. Two Koreas to begin field survey on shared use of Han/Imjin River Estuary // NK News. 5 November 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/11/two-koreas-to-begin-field-survey-on-shared-use-of-hanimjin-river-estuary/ (accessed: 27.12.2018).

14. In August 15 speech, Moon says inter-Korean cooperation will bring "true liberation" // NK News. 15 August 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/08/in-august-15-speech-moon-says-inter-korean-cooperation-will-bring-true-liberation/?c=1545982514466 (accessed: 27.12.2018).

15. South Korea, breaching UN rules, failed to report oil shipments to North Korea // NK News. 23 January 2019. URL: https://www.nknews.org/2019/01/south-korea-breaching-un-rules-failed-to-report-oil-shipments-to-northkorea-/ (accessed: 27.03.2019).

16. Hyundai wants U.S.-N.K. summit to help resume Mount Kumgang tour // Yonhap. 30.01.2019.

17. Seoul Is Fast Becoming the Weakest Link in N.Korea Sanctions // Chosun Ilbo. 15 October 2018. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/10/15/2018101501554.html (accessed: 21.02.2019).

18. ROK, U.S. to establish working group on North Korea issues: State Department // NK News. 31 October 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/10/rok-u-s-to-establish-working-group-on-north-korea-issues-state-department/ (accessed: 27.12.2018).

19. Seoul Is Fast Becoming the Weakest Link in N.Korea Sanctions // Chosun Ilbo. 15 October 2018. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/10/15/2018101501554.html (accessed: 21.02.2019).

20. Seoul, UNC discuss Tamiflu delivery to Pyongyang // Korea Times. 30 January 2019.

21. Majority of S. Koreans support sanctions relief on N.K. to speed up nuke talks: survey // Yonhap. 27 November 2018.

22. Seoul to investigate construction logistics for North Korean rail modernization // NK News. 5 November 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/11/seoul-to-investigate-construction-logistics-for-north-korean-rail-renova-inv/ (accessed: 27.12.2018).

О.В. Кирьянов, И.М. Тонких

РОССИЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ПРОЕКТ «ХАСАН—РАДЖИН»: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Российско-северокорейский логистический проект «Хасан—Раджин» стартовал в 2008 г. Несколько лет потребовалось на модернизацию порта и железнодорожных путей, и с 2013 г. началось полноценное функционирование проекта.

Сеул первоначально проявил интерес к сотрудничеству, однако в начале 2016 г. произошло ухудшение ситуации на Корейском полуострове. Из-за ракетно-ядерных испытаний КНДР ООН ввела ряд новых санкций против Северной Кореи, а Сеул принял односторонние меры, которые сделали невозможным участие южнокорейских компаний в проекте «Хасан—Раджин». Несмотря на неблагоприятную внешнюю обстановку, проект продолжил свою работу и смог добиться неплохих результатов. С 2018 г. наблюдается улучшение ситуации на Корейском полуострове. Южная Корея вновь стала демонстрировать интерес к подключению к проекту.

В данной работе анализируется новая геополитическая и экономическая ситуация вокруг проекта «Хасан—Раджин», приведены промежуточные итоги деятельности, а также представлены предложения по активизации сотрудничества.

Ключевые слова: КНДР, Северная Корея, Россия, Южная Корея, Хасан, Раджин, экономика, политика, торгово-экономические отношения.

Российская Федерация и КНДР имеют сравнительно длинную историю тесных двусторонних связей и дружественные политические и культурные контакты, но это сотрудничество пока не нашло своего воплощения в крупномасштабных инвестиционных проектах и значительных объемах товарооборота.

На этом фоне стоит особняком российско-северокорейский логистический проект «Хасан—Раджин». Несмотря на непростые условия последних лет, которые существенно затрудняют любую экономическую деятельность в КНДР, проект продолжает работать. Нормализация ситуации на Корейском полуострове позволяет по-новому оценить возможности и потенциал данного сотрудничества.

История проекта

Основная суть нынешнего проекта заключается в создании единой железнодорожной колеи из России до Раджина (КНДР) и строительстве в порту комплексного терминала для обработки грузов и отправки по морю. Решение о реализации проекта «Хасан—Раджин» было принято в 2001 г. в ходе встречи президента России Владимира Путина и лидера КНДР Ким Чен Ира. С самого начала он задумывался как пилотный проект по реконструкции Транскорейской железнодорожной магистрали и соединения ее с российским Транссибом. В связи с потеплением межкорейских отношений создание Россией своих мощностей в Раджине для обработки южнокорейских грузов и направления их по железной дороге выглядело перспективным и многообещающим проектом[1]. Грузовой терминал в порту Раджин планировался как комплексный, но подразумевалось, что в первую очередь будет происходить перевалка контейнеров.

Проект «Хасан—Раджин» в итоге стартовал в 2008 г. В планах порт пришлось переориентировать на переработку сыпучих грузов — в первую очередь угля, так как поток контейнеров из Южной Кореи через северокорейский Раджин по Транссибу в Европу откладывался из-за осложнения ситуации вокруг Корейского полуострова. 22 сентября 2013 г. состоялась церемония ввода в эксплуата-

цию участка железной дороги от станции Хасан до порта Раджин, а 18 июля 2014 г. был открыт универсальный терминал в порту Раджин.

Южнокорейская сторона, несмотря на подчас непростые отношения с Пхеньяном, проявила интерес к участию в сотрудничестве. В ноябре 2013 г. был заключен Меморандум о взаимопонимании между ОАО «РЖД» и консорциумом южнокорейских компаний о проработке вопросов участия РК в проекте «Хасан—Раджин». В 2014—2015 гг. южнокорейская сторона провела три пробные поставки в общей сложности около 300 тыс. т угля, изучив все детали функционирования проекта и его инфраструктуру[2].

Для реализации проекта «Хасан—Раджин» было создано совместное предприятие «РасонКонТранс», учрежденное ОАО «Торговый дом РЖД» и портом Раджин в долях 70/30.

Что касается железнодорожной составляющей, то была проведена реконструкция 54 км совмещенного пути (колеи 1435 и 1520 мм), восстановлены мосты, тоннели, введена автоматическая система управления движением поездов, интегрированная с системой ОАО «РЖД». Это позволяет обеспечивать движение между станциями Хасан и Раджин по 12 пар поездов в сутки, гарантируя перевозку до 7-8 млн т грузов в год.

В порту Раджин в районе третьего пирса был осуществлен комплекс мероприятий по дноуглублению, строительству причальной стенки, оборудованию складских площадок, строительству производственных и служебных зданий и сооружений. Общая длина причальной стены терминала составляет 480 м, а глубина у пирса — 12 м. Это позволяет одновременно принимать два крупных судна водоизмещением до 50 тыс. т каждый.

Терминал в Раджине общей площадью 14 га представляет собой современный многофункциональный комплекс для грузоперевозок и перевалки угля. В настоящий момент максимальная возможность перевалки угля в порту — более 5 млн т ежегодно[*].

[*] Информация с официального сайта СП «РасонКонТранс». URL: http://rasoncontrans.com/company-ru.html (дата обращения: 20.02.2019).

Политические и экономические аспекты текущей ситуации на Корейском полуострове

Вплоть до конца 2015 г. Южная Корея рассматривала возможность участия в проекте. Однако все переговоры происходили на фоне осложнения ситуации в регионе. Только в период с 2015 по 2017 г. КНДР провела 59 испытаний баллистических ракет, включая те, которые способны поражать территорию США, и три ядерных взрыва[3]. США и Южная Корея отвечали наращиванием масштаба совместных военных манёвров, демонстрациями силы.

В 2016—2017 гг. в ответ на действия Пхеньяна Совет Безопасности ООН ввел серию новых санкций против КНДР (резолюции № 2270, 2321, 2371 и 2375)[4]. Хотя для проекта «Хасан—Раджин» Россия смогла добиться исключения, выведя его из-под международных санкций, ситуация всё равно осложнилась.

Параллельно США и их союзники, включая Южную Корею, заявили о введении и собственных более жёстких мер, практически полностью блокирующих сотрудничество с Пхеньяном. В частности, Сеул ввёл запрет на заход в южнокорейские порты в течение полугода тех судов, которые до этого побывали в портах КНДР. Это напрямую коснулось проекта «Хасан—Раджин», так как сделало невозможными поставки угля из России в Южную Корею через порт Раджин[5]. В марте 2016 г. правительство РК официально уведомило российскую сторону, что на неопределенный срок прекращает переговоры о своем участии в указанном проекте[6].

Несмотря на общую напряженность, в 2017 г. стали складываться предпосылки для улучшения межкорейских отношений. В марте 2017 г. в результате импичмента досрочно была смещена с поста президента Пак Кын Хе, которая проводила антисеверокорейскую политику. На смену ей пришел оппозиционный кандидат Мун Чжэ Ин, являющийся сторонником сближения Сеула и Пхеньяна. Новый президент РК сразу стал пытаться наладить отношения с КНДР, но Пхеньян долго оставлял эти инициативы без ответа, произведя при этом крупнейшее ядерное испытание (сентябрь 2017 г.), а также осуществив запуски баллистических ракет большой дальности.

Всё изменилось в 2018 г. В новогоднем послании лидер КНДР Ким Чен Ын предложил улучшить межкорейские отношения и принял инициативу Сеула, направив делегацию КНДР для участия в Олимпийских играх-2018 в Пхёнчхане[7]. Юг и Север в полной мере использовали Олимпиаду для сближения, когда помимо визита спортсменов состоялись также переговоры Мун Чжэ Ина с высокопоставленными представителями КНДР. В течение 2018 г. прошли три межкорейских саммита. Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын дважды встретились на границе в Пханмунчжоме (27 апреля и 26 мая), а 18—20 сентября Мун Чжэ Ин с официальным визитом посетил КНДР[8].

Параллельно КНДР активизировала свои дипломатические усилия на американском и китайском направлениях. Менее чем за год Ким Чен Ын четыре раза посетил Китай, проведя переговоры с лидером КНР Си Цзиньпином (25—28 марта, 7—8 мая, 19—20 июня 2018 г. и 7—10 января 2019 г.).

12 июня 2018 г. в Сингапуре состоялся первый в истории американо-северокорейский саммит, где Дональд Трамп и Ким Чен Ын подписали Сингапурскую декларацию. 27-28 февраля 2019 г. в Ханое прошла вторая встреча лидеров США и КНДР. Хотя по ее итогам стороны не смогли достигнуть договоренностей, тем не менее они выразили готовность продолжать конструктивный диалог и избегать нагнетания напряженности.

Таким образом, конфликтный период, который наблюдался в 2015—2017 гг. в районе Корейского полуострова, сменился резкой разрядкой и улучшением отношений Пхеньяна с большинством государств, включая США, Южную Корею и Китай.

Экономическая ситуация и внешняя торговля КНДР в 2016—2018 гг.

Ракетно-ядерные испытания КНДР привели к тому, что за 2016—2017 гг. ООН приняла четыре пакета санкционных мер, которые затруднили сотрудничество с КНДР. Кроме того, США, Япония, Южная Корея, страны ЕС и ряд других стран ввели собственные односторонние меры, фактически запретив всё сотрудничество с КНДР.

Несмотря на снижение напряженности на Корейском полуострове, это пока не нашло отражения в смягчении санкций. США достаточно быстро смогли свести всё межкорейское сближение к политическим жестам и гуманитарным обменам. Вашингтон также стал преследовать те государства и компании, которые сотрудничают с КНДР, даже если это не нарушает санкции ООН[9].

Это не могло не сказаться на экономике и внешней торговле КНДР. По данным Центробанка РК, если в 2016 г. темпы роста ВВП КНДР составили 3,9 %, то в 2017 г. было уже зафиксировано падение на 3,5 %[10]. Данных за 2018 г. пока нет, но трудно ожидать разворота к росту. С другой стороны, эффект от внешних санкций оказался для КНДР куда менее губительным, чем ожидали инициаторы этих мер. Ситуация с обеспечением населения продуктами питания остаётся под контролем и, несмотря на санкции, экономика КНДР достаточно стабильна.

Больше всего санкции повлияли на внешнюю торговлю Северной Кореи. Если в 2016 г. торговля КНДР с другими странами (без учёта межкорейской торговли) составляла около 6 млрд 530 млн долл., то в 2017 г. произошло падение на 15 % до 5 млрд 550 млн долл.[11] Согласно предварительной статистике, в 2018 г. товарооборот КНДР с другими странами сократился более чем в два раза[12].

Сокращение межкорейской торговли было ещё более заметным. Если в 2015 г. она составляла 2,714 млрд долл., то в 2016 г. сократилась до 333 млн долл., а в 2017 г. — до 1 млн долл. В связи с ростом количества двусторонних обменов, в 2018 г. межкорейская торговля выросла до 31 млн долл., но все же остается незначительной по меркам межгосударственных отношений[13]. Нормальное экономическое сотрудничество РК с КНДР отсутствует.

Торгово-экономическое сотрудничество между РФ и КНДР уже давно страдало от не самого лучшего положения экономик двух стран, но обострение ситуации вокруг КНДР в 2015—2017 гг. нанесло дополнительный удар по связям Москвы и Пхеньяна. В 2015 г. двусторонний товарооборот составил 84,4 млн долл., в 2016 г. — 76,9 млн, в 2017 г. — 77,8 млн. По итогам 2018 г. показатель рухнул ещё больше, более чем в два раза — до 34 млн долл.[14]

Проект «Хасан—Раджин» в новых условиях

Если говорить в общем, то и проект «Хасан — Раджин» почувствовал на себе негативное влияние санкций, но в то же время смог выжить и продолжает свое функционирование, демонстрируя неплохие результаты. В санкциях СБ ООН сделано специальное исключение, которое позволяет продолжать работу проекта при условии, что осуществляется транспортировка угля, который добыт за пределами КНДР[*].

Приостановка Южной Кореей переговоров по участию в проекте, а также запрет на заход в свои порты любых судов, которые до этого побывали в Северной Корее, означает, что Сеул на данном этапе запрещает своим компаниям задействовать схемы с использованием порта Раджин. Тем не менее проект продолжает работу, ориентируясь в первую очередь на китайских импортёров российского угля. Согласно данным на февраль 2019 г., в компании «РасонКонТранс» трудится около 60 российских и 160 северокорейских сотрудников.

Хотя проект первоначально задумывался для обработки контейнеров и работы в направлении Южная Корея — КНДР (порт Раджин) — Россия — Европа, сейчас осуществляются поставки угля в обратном направлении — из России через порт Раджин в Китай. Эта схема продолжает действовать и до сих пор, хотя первоначальный замысел остаётся в силе и может быть реализован, когда будет отменена как минимум часть санкций против КНДР.

С момента начала перевалки угля в 2014 г. заказчикам было поставлено почти 5 млн т, включая в 2014 г. — 129 тыс. т, 2015 г. — 1 млн 167 тыс., 2016 г. — 1 млн 522 тыс. и в 2017 г. — 2 млн 54 тыс. т[**]. Несмотря на непростые условия функционирования в условиях санкций против КНДР, проект является рентабельным. В 2017 г. доналоговая прибыль (показатель EBITDA) составила 239 млн руб.,

[*] Это, в частности, записано в резолюции СБ ООН № 2371 от 05.08.2017 (п. 8) и подтверждено в резолюции СБ ООН № 2375 от 11.09.2017 (п. 18). URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2371(2017) С. 3—4; URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2375 (2017) С. 6 (дата обращения: 20.02.2019).

[**] Данные предоставлены СП «РасонКонТранс».

или 28 %, что является хорошим показателем для отрасли*. В 2018 г. контрактов на перевалку угля заключено не было, но заработанная ранее прибыль позволяет продолжать работу в ближайшие годы в прежнем режиме.

В Южной Корее существует противоречивое отношение к проекту, где есть как сторонники, так и противники сотрудничества. Что касается официальной позиции правительства РК, то она двойственная. С одной стороны, с приходом к власти Мун Чжэ Ина Сеул вновь заинтересовался проектом. В окружении лидера есть люди, которые хорошо представляют работу проекта. 13-14 июля 2018 г. делегация Комитета по северному экономическому сотрудничеству при Президенте РК во главе с председателем Сон Ён Гилем посетила Раджин и в трехстороннем формате (РФ—КНДР—РК) обсудила возможность подключения Сеула к проекту[15].

Нынешнее правительство РК готово начать работу по подключению к проекту, но у него в значительной мере связаны руки позицией США, которые тормозят межкорейкое сотрудничество до появления подвижек по части решения ядерной проблемы КНДР. Кроме того, продолжают действовать односторонние южнокорейские санкции, введенные при Пак Кын Хе.

Представители деловых кругов Юга занимают выжидательную позицию, но с учётом настроя нынешнего руководства РК в принципе готовы как минимум возобновить переговоры о подключении к проекту, если на это даст разрешение официальный Сеул.

Экспертное сообщество и СМИ Южной Кореи изобилуют полярными оценками. Наряду с трезвой оценкой, подкреплённой объективными фактами, встречаются также и заявления, которые не соответствуют действительности, вроде: «После отказа Сеула проект прекратил свою работу и заморожен», «Сотрудничество является убыточным», «Проект нарушает международные санкции» и проч.[16]

В целом в настоящий момент в Южной Корее атмосфера куда более способствует возобновлению диалога по подключению Сеула

* Из доклада генерального директора СП «РасонКонТранс» в ходе 1-го Российско-корейского форума межрегионального сотрудничества, который прошел в Пхохане 8 ноября 2018 г.

к проекту, но на пути реализации этого стоят односторонние санкции РК, а также позиция США.

Перспективы развития проекта

Сотрудничество в рамках проекта «Хасан—Раджин» имеет целый ряд положительных аспектов, которые несут выгоду для всех участвующих сторон. Для России это возможность задействовать еще один незамерзающий порт, зарабатывая прибыль. В перспективе поток грузов между Южной Кореей и Европой возрастёт, что приведет к большей востребованности данного направления.

Не стоит сбрасывать со счетов и политические дивиденды для России. Этот проект позволит в перспективе привлечь к сотрудничеству обе Кореи, что будет способствовать снижению напряжённости в этой части мира, а также сохранит РФ в качестве влиятельного игрока на Корейском полуострове.

Если говорить о КНДР, то северокорейская сторона получила на своей территории готовый инфраструктурный проект. Сотрудничество создало рабочие места, а также позволяет Северной Корее получать прибыль на портовых сборах. Нормальная работа проекта будет также способствовать и общему изменению негативного подхода инвесторов в отношении КНДР.

С позиции Южной Кореи, которая может подключиться к сотрудничеству в перспективе, транспортировка российского угля через Раджин позволит сократить общую стоимость импорта*. С точки зрения политики данный проект позволит Югу улучшить отношения с КНДР, получить дополнительный опыт совместной работы. В долгосрочной перспективе инвестирование Сеула в «Хасан-Раджин» означает вкладывание денег в развитие Кореи вообще, которая рано или поздно должна стать единой.

Стоит также отметить и положительный эффект от проекта для региона в целом. Данное сотрудничество способствует снижению

* В среднем стоимость перевалки угля в порту Раджин стоит 8—10 долл./т, тогда как в портах Дальнего Востока РФ — около 15 и даже до 20 долл./т. — Данные предоставлены СП «РасонКонТранс».

напряжённости. Уменьшение конфликтного потенциала отвечает интересам не только корейской нации, но и окружающих держав. Взаимодействие позволит также придать импульс реализации иных проектов, но, как видится, основное его положительное влияние можно будет наблюдать для будущих трёхсторонних проектов с участием РФ, КНДР и Республики Корея. Немаловажным является и другой положительный эффект проекта «Хасан—Раджин». Проект ценен тем, что не является простой помощью Пхеньяну, а приучает КНДР к зарабатыванию денег в реалиях международной конкуренции и с учётом интересов других партнеров[17].

Проект «Хасан—Раджин» может и должен быть активизирован, для чего мы предлагаем предпринять следующие шаги.

1. «Тестовое» выведение из-под южнокорейских санкций

Одной из наиболее актуальных мер выглядит хотя бы временное выведение проекта из-под односторонних южнокорейских санкций. Если санкции ООН невозможно отменить без согласия США, то Сеул может приостановить свои санкции, открыв в порядке исключения некоторые из своих портов для захода судов, побывавших в Северной Корее. Это дало бы возможность южнокорейским клиентам лично убедиться, что транспортировка угля выгоднее через проект «Хасан — Раджин» (по сравнению с другими портами Дальнего Востока РФ)[*]. Можно предусмотреть временный вывод из-под санкций сроком на год, заложив возможность продления либо отмены

[*] Основное преимущество транспортировки угля из РФ в Южную Корею для импортеров Юга заключается в первую очередь в относительной дешевизне портовых сборов в Раджине. Так, перевалка угля из железнодорожных составов в суда в Раджине стоит в среднем 8—10 долл./т, а в портах Дальнего Востока РФ — 15—20 долл./т. Получается, что на каждой тонне угля импортеры имеют возможность экономить от 5 до 12 долл. Кроме того, при поставках через Раджин, которым владеет дочерняя компания РЖД «РасонКонТранс», экономится время. Порты РФ на Дальнем Востоке находятся в собственности других компаний, а потому зачастую необходимо выстаивать очередь, ожидая подачи на перевалку угля. В случае же с проектом «Хасан—Раджин» перевозчик угля по железной дороге — ОАО «РЖД» в лице «РасонКонТранса» — контролирует и сам порт Раджин (причал № 3), а потому имеет возможность обеспечивать самые лучшие условия для перевалки грузов в Раджине.

«моратория» на санкции по истечении этого срока, исходя из обстановки.

2. Информационное сопровождение

Анализ публикаций в южнокорейских СМИ и некоторых научных работ позволяет сделать вывод, что в журналистской среде и экспертном сообществе РК до сих пор ещё широко циркулируют фактически неверные оценки проекта «Хасан — Раджин». В связи с этим необходима активизация информационного сопровождения проекта и деятельности компании «РасонКонТранс». Это позволит потенциальным клиентам и широкой общественности более верно оценить сотрудничество и освободиться от зачастую политически мотивированных стереотипов.

3. Инициативы с учетом уникальных условий зоны Расон

Российско-северокорейская компания «РасонКонТранс» может также сыграть активную роль в деле налаживания культурных, образовательных и прочих контактов, служа площадкой для сближения народов Южной и Северной Кореи. Этому во многом способствует и особое положение экономической зоны Расон, куда попасть иностранцам зачастую легче, чем на остальную территорию КНДР. В качестве возможных проектов уже сейчас можно предложить контакты между школьниками Юга и Севера, проведение товарищеских спортивных состязаний, обмен делегациями и проч.

4. Вывод проекта на более масштабный уровень

Выгодное положение Раджина на стыке границ трех государств (РФ, КНДР и КНР), нахождение в непосредственной близости других динамично развивающихся стран (Южная Корея, Япония и др.), рост торгово-экономического сотрудничества в регионе, повышение запроса на логистические услуги позволяют задуматься о более глобальных перспективах. При благоприятном стечении обстоятельств «Хасан—Раджин» мог бы стать проектом, который связал бы транспортные потоки с разных направлений, используя помимо российской ветки также (после модернизации) железную дорогу до Китая (выход на ст. Тумэнь), а также отправляя грузы в другие страны ре-

гиона, а не только по направлениям Россия—КНДР—Китай или Россия—КНДР—Южная Корея.

Среди прочих возможных инициатив можно назвать активное задействование проекта «Хасан—Раджин» в рамках Расширенной Тумаганской инициативы (РТИ) и в перспективе наделение проекта статусом оператора РТИ. Всё это позволит создать новый транзитный коридор, который обеспечит выход стран Северо-Восточной Азии к акватории Тихого океана.

Заключение

Рост напряжённости, который наблюдался на Корейском полуострове в 2016—2017 гг., и был напрямую связан с Северной Кореей, негативно сказался на работе логистического проекта «Хасан—Раджин». Введение новых санкций против КНДР снизило возможности развития сотрудничества. Несмотря на это, проект продолжил свое функционирование, добился успехов, работает до сих пор, являясь примером возможности делового взаимодействия РФ и КНДР и внося свой вклад в укрепление политической стабильности.

Начавшееся с 2018 г. политическое потепление в регионе изменило общие настроения и позволило вернуться к вопросу об активизации сотрудничества с КНДР, включая проект «Хасан—Раджин». Хотя на этом пути лежит ряд серьезных препятствий, но они не выглядят непреодолимыми. В случае реализации определённых мер, посильного содействия со стороны других стран данный вид взаимодействия имеет хорошие перспективы для расширения и выхода на качественно новый уровень.

Примечания

[1] *Kiriyanov O.* An Uncertain Future for the Russia-DPRK “Rajin-Khasan” Project // International Journal of Korean Unification Studies. Vol. 25. No. 1. 2016. 169—170.

[2] Two Koreas-Russia Cooperation. 3rd Test Phase of Rajin-Khasan Project Commences// Business Korea. 18.11.2015. URL: http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=13032 (дата обращения: 20.02.2019).

[3] The James Martin Center for Nonproliferation Studies. The CNS North Korea Missile Test Database. URL: http://www.nti.org/analysis/articles/cns-north-korea-missile-test-database (дата обращения: 23.02.2019).

[4] Making Sence of UN Sanctions on North Korea // Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegieendowment.org/publications/interactive/north-korea-sanctions (дата обращения: 11.02.2019).

[5] СМИ: Южная Корея введет затрагивающие Россию санкции против КНДР // Российская газета. 07.03.2016.

[6] Сеул кивает на санкции // Российская газета. 08.03.2016.

[7] Kim Jong Un's 2018 New Year's Address // The National Committee on North Korea. URL: https://www.ncnk.org/node/1427 (дата обращения: 25.02.2019).

[8] *Ким Ин Гю.* Мун тэтхоннён пхёнъян ибак сам иль панмун илчон сичжак : [Президент Мун начал программу визита в Пхеньян длительностью три дня]. Тэгён Ильбо. 18.09.2018.

[9] How secondary sanctions impact Russia's position on North Korea // NK News. 01.10.2018. URL: https://www.nknews.org/2018/09/how-secondary-sanctions-impact-russias-position-on-north-korea/ (дата обращения: 27.02.2019).

[10] Пукхан GDP кваллён тхонге // Центробанк РК. URL: https://www.bok.or.kr/portal/main/contents.do?menuNo=200091 (дата обращения: 25.02.2019).

[11] 2016, 2017 нёндо пукхан муён тонхян : [Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2016, 2017 гг.]. Сеул: KOTRA, 2017, 2018.

[12] Тэбук чечжэ ёнхян сок 2018 нён пукхан кёнчженнын оттэнна? [В каком положении находилась обложенная санкциями экономика Северной Кореи в по2018 г.] // Daily NK. 28.12.2018. URL: https://www.dailynk.com/%EB%8C%80%EB%B6%81-%EC%A0%9C%EC%9E%AC-%EC%98%81%ED%96%A5-%EC%86%8D-2018%EB%85%84-%EB%B6%81%ED%95%9C-%EA%B2%BD%EC%A0%9C%EB%8A%94-%EC%96%B4%EB%94%94%EB%A1%9C/ (дата обращения: 22.02.2019).

[13] 2019 Тхонъиль пэксо [Белая книга объединения, 2019]. Сеул: Министерство объединения РК, 2019.

[14] Товарооборот России с КНДР (Северной Кореей) // Внешняя торговля России. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kndr-severnoy-koreey-v-2018-g/ (дата обращения: 24.02.2019).

[15] Делегации из Южной Кореи, РФ и КНДР обсудят железнодорожный проект Хасан — Раджин // ТАСС. 11.07.2018. URL: https://tass.ru/ekonomika/5365463 (дата обращения: 22.02.2019).

[16] *Сон Хон Гын.* Кёнхёп чэгэ 1хо саоп есан «Начжин-Хасан пхырочжектхы» саопсон опта! : [У значащегося № 1 в списке на возобновление проекта «Хасан—Раджин» нет экономических перспектив!] // Синдона. 2018. № 1. С. 60—63.

[17] *Кирьянов, О.* Россия-КНДР: Проект «Хасан — Раджин». Начало объединения Севера и Юга Кореи // Азия и Африка Сегодня. № 6. 2015. С. 67—68.

References

1. *Kiriyanov, O.* An Uncertain Future for the Russia-DPRK "Rajin-Khasan" Project // International Journal of Korean Unification Studies. Vol. 25. No. 1. 2016. P. 169—170.

2. Two Koreas-Russia Cooperation. 3rd Test Phase of Rajin-Khasan Project Commences// Business Korea. URL: http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=13032 (accessed: 20.02.2019).

3. The James Martin Center for Nonproliferation Studies. The CNS North Korea Missile Test Database. URL: http://www.nti.org/analysis/articles/cns-north-korea-missile-test-database (accessed: 23.02.2019).

4. Making Sense of UN Sanctions on North Korea // Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegieendowment.org/publications/interactive/north-korea-sanctions (accessed: 11.02.2019).

5. SMI: Yuzhnaya koreya vvedet zatragivayuschiye Rissiyu sankzii protiv KNDR [Reports: South Korea to impose anti-DPRK sanctions affecting Russia] // Rossiyskaya Gazeta. 07.03.2016. (In Russian).

6. Seul kivayet na sankzii [Seoul mentions sanctions as an excuse] // Rossiyskaya Gazeta. 08.03.2016. (In Russian).

7. Kim Jong Un's 2018 New Year's Address // The National Committee on North Korea. URL: https://www.ncnk.org/node/1427 (accessed: 25.02.2019).

8. Kim In Gyu. Moon daethonyon Pyongyang 2bak 3dlf bangmoon ilchong shijak : [President Moon started the program of his 3-days' visit to Pyongyang] // Dayegyon Ilbo. 18.09.2018. (In Korean).

9. How secondary sanctions impact Russia's position on North Korea // NK News. 01.10.2018. URL: https://www.nknews.org/2018/09/how-secondary-sanctions-impact-russias-position-on-north-korea/ (accessed: 27.02.2019).

10. Bookhan GDP gvanlyon t'ongye [Statistics related to North Korea's GDP] // The Bank of Korea. URL: https://www.bok.or.kr/portal/main/contents.do?menuNo=200091 (accessed: 25 February 2019). (In Korean).

11. 2016, 2017 nyondo bookhan mooyok donghyan : [The tendencies on North Korean foreign trade in 2016,2017]. Seoul: KOTRA, 2017, 2018. (In Korean).

12. Daebook jaejye yonhyansok 2018nyon bookhan gyonjenin ottayenna? : [How is the North Korean Economy doing in 2018 under influence of sanctions?] // Daily NK. 28.12.2018. URL: https://www.dailynk.com/%EB%8C%80%EB%B6%81-%EC%A0%

9C%EC%9E%AC-%EC%98%81%ED%96%A5-%EC%86%8D-2018%EB%85%84-%EB%B6%81%ED%95%9C-%EA%B2%BD%EC%A0%9C%EB%8A%94-%EC%96%B4%EB%94%94%EB%A1%9C/ (accessed: February 22, 2019). (In Korean).

13. 2019 Thongil baekso [Unification White Papers 2019]. Seoul: ROK, The Ministry of Unification, 2019. (In Korean).

14. Tovarooborot Rossii i KNDR [Trade between Russian and the DPRK] // Vneshnyaya Torgovlya Rossii [Foreign Trade of Russia]. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kndr-severnoy-koreey-v-2018-g/ (accessed: February 24, 2019). (In Russian).

15. Delegazii iz Yuzhnoy Koreai, Rossii i KNDR obsudyat zheleznodorozhniy proyekt Hasan-Rajin : [Delegations from South Korea, Russia and DPRK are to discuss the «Khasan-Rajin» railway project] // TASS. 11.07.2018. URL: https://tass.ru/ekonomika/5365463 (accessed: 22.02.2019). (In Russian).

16. Song, Hong-Geun. Gyonhyop chaegye 1ho saop yesan «Najin-Khasan project» saopson opta! : [The project Najin-Khasan which is the project to be resumed first under the economic cooperation has no economic perspectives!] // Shin Dong-A. № 1. 2018. P. 60—63. (In Korean).

17. *Kiriyanov, O.* Rossiya-KNDR: Proyekt «Khasan-Rajin». Nachalo obyedineniya Severa i Yuga Korei? : [Russia-DPRK «Khasan-Rajin» Project. The start of the unification of North and South of Korea?] // Asiya i Africa Segodnya [Asia and Africa Today Journal]. № 6. 2015. P. 67—68 (in Russian).

М.П. Кукла

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРЕХСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ, РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И КНДР*

Статья посвящена проблеме поиска подходов к трехстороннему сотрудничеству между Россией, Республикой Корея и КНДР. Оценивается современное состояние и перспективы развития российско-южнокорейских и российско-северокорейских двусторонних торгово-экономических отношений как основа для развития трехстороннего сотрудничества. Приведены факторы, способствующие и противодействующие реализации трехсторонних проектов России, Республики Корея и КНДР. Анализируется позиция Республики Корея как основного субъекта двустороннего и трехстороннего сотрудничества. Даются оценки перспектив трехсторонних мегапроектов. Показана необходимость развития малых форм трехстороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, КНДР, ДВР, российско-корейское экономическое сотрудничество, трехстороннее сотрудничество, приграничное сотрудничество, мегапроекты.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РК и Академии корееведения (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

Задачи по выстраиванию взаимовыгодных отношений с азиатскими государствами для России остаются стратегически важными с учетом необходимости развития дальневосточных регионов страны. Приоритетом России на среднесрочную перспективу является реализация транзитной функции и создание эффективной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей экспортную деятельность. Такие задачи в числе прочего обозначены в Указе Президента В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»[1].

Между тем, находясь на географической и экономической периферии АТР, Россия имеет ограниченные возможности субъектного участия в процессах, происходящих в этом макрорегионе. Более того, для некоторых из них она является объектом[2]. Поэтому выстраивание моделей двустороннего и многостороннего сотрудничества является сложной задачей, при решении которой необходимо интегрировать политическую и экономическую составляющую.

Особый пример такого сотрудничества представляет взаимодействие России со странами Корейского полуострова, которое предполагает использование как двустороннего, так и трехстороннего форматов. При этом возникает уникальная конфигурация взаимодействия, предполагающая необходимость решения большого блока проблем, связанных с переплетением государственных и корпоративных интересов трех сторон.

На правительственном уровне декларируется готовность развивать двустороннее и трехстороннее сотрудничество, на корпоративном же продолжают сказываться факторы культурной и социо-политической дистанции, замедляющие процесс интернационализации компаний. Они препятствуют и развитию двусторонних отношений в треугольнике Россия — Южная Корея — Северная Корея, что не способствуют и продвижению трехсторонних проектов.

Как в российской, так и в южнокорейской аналитике принято считать, что реальные масштабы кооперации *России и Южной Кореи* не отвечают потенциалу двустороннего сотрудничества[3].

Несмотря на существенные достижения в политическом диалоге на высшем уровне, а также в развитии туристических обменов и межрегионального сотрудничества, основные показатели экономи-

ческих связей — инвестиции и торговля — оставляют желать лучшего.

Объем инвестиций из Кореи в Россию невысок. По данным Экспортно-импортного Банка Кореи, на Россию в 2017 г. пришлось всего 0,18 % общего объема зарубежных инвестиций Южной Кореи (81 млн 791 тыс. долл.)[4]. В предыдущие годы ситуация была лишь немногим лучше: на Россию приходилось не более 1 % зарубежных инвестиций южнокорейских компаний.

Неудовлетворительной выглядит ситуация с иностранными инвестициями даже на территориях опережающего развития Дальнего Востока. По данным Министерства по развитию Дальнего Востока России, в регионе реализуется несколько инвестиционных проектов с участием южнокорейского капитала, среди которых проекты агропромышленной компании Lotte, Находкинского завода минеральных удобрений, завода по производству древесных пеллет (все — в Приморском крае).

На той или иной стадии обсуждения находятся проекты создания агробиоэкономического кластера по производству кормовой продукции, рыбоперерабатывающего комплекса на территории Приморского края, производства листового стекла в Амурской области, создания судостроительного производства средне- и малотоннажных судов (НК) на базе «Славянского судоремонтного завода», сооружения контейнерных терминалов в портах Славянка и Фокино и др.[5]

Причины слабого развития инвестиционного сотрудничества России и Южной Кореи неоднократно проговаривались обеими сторонами[6]. Что касается Дальнего Востока России, то здесь наиболее выгодна добыча сырья и его экспорт, а в эти сектора допуск иностранных инвесторов ограничен. Не способствует интересам южнокорейских инвесторов ограниченный потребительский рынок и нехватка квалифицированных кадров на Дальнем Востоке. Большой проблемой региона остается слаборазвитая транспортная и энергетическая инфраструктура. Осложняют деятельность иностранных предприятий многочисленные бюрократические препятствия.

Что касается торговли, то, несмотря на позитивную динамику взаимной торговли за последние два года (24 млрд долл. в 2018 г.), её

объем не достиг максимального показателя, зафиксированного в 2014 г. (27 млрд долл.)[7]. Торговлю России и Южной Кореи характеризуют следующие параметры:

- асимметрия товарной структуры, отражающаяся в практически полном отсутствии внутриотраслевой торговли. Как следствие — торговля не способствует получению новых знаний, обмену технологиями, улучшению структуры экспорта и конкурентоспособности экономики России;
- высокая степень концентрации российского экспорта в Республику Корея и диверсифицированная товарная структура корейского экспорта;
- профицит в торговле товарами и дефицит в торговле услугами со стороны России[8].

К факторам, ограничивающим количественный рост российско-корейской торговли, относятся:

- нестабильность курса рубля относительно доллара, вызывающая снижение платежеспособности рубля;
- колебания цен на энергоресурсы;
- низкие показатели внутриотраслевой торговли и инвестиций;
- большие сроки, необходимые для сертификации импортной продукции и недостаточно благоприятные условия таможенной очистки в России;
- введенные в 2016 г. Республикой Корея ограничительные меры санитарного характера в отношении российского импорта[9].

Что касается *России и КНДР*, то в настоящее время экономические контакты между странами практически парализованы. Положительная динамика сотрудничества, достигнутая в начале 2010-х, была прервана усилением санкционного давления на КНДР. В условиях санкций имеются лишь небольшие возможности развития международного туризма и торговли несанкционными товарами, но большой заинтересованности в них российские деловые круги не проявляют. Торговля по итогам 2018 г. сократилась на 56 % по сравнению с предыдущим годом, составив 34 млн долл.[10] Существенный удар по экономике Приморского края нанес запрет на привлечение северокорейских рабочих.

В непростых условиях северокорейская сторона проявляет настойчивость в вопросах поиска возможностей для налаживания двустороннего сотрудничества, уделяя большее внимание проекту строительства понтонного моста через р. Туманная и пограничного перехода Россия—КНДР[11]. Необходимость организации автомобильного сообщения между двумя странами обусловлена больше социально-политическими, чем экономическими факторами. КНДР — единственная пограничная страна, с которой у России нет прямого автомобильного сообщения. А из соседнего Китая на территорию КНДР построено более 20 мостов.

Несмотря на политическую важность проекта, ситуация в России на сегодняшний день не располагает к быстрому решению этого вопроса. *Во-первых*, экономическая целесообразность проекта большинством экспертов ставится под сомнение. Отрицательно сказывается на судьбе проекта отсутствие в ближайшем будущем перспектив наращивания экспорта России в КНДР, так как именно обеспечение экспортных потоков является определяющим фактором транспортной стратегии России.

Во-вторых, для организации трансграничного сообщения необходимо формирование опорных объектов трансграничных кластеров в регионе. Если в случае с автомобильным сообщением России и Китая таковыми пунктами являются китайские города (Суйфэньхэ, Хуньчунь, Мишань и др.), то для российско-корейской границы такие опорные пункты еще необходимо сформировать.

В-третьих, администрация Приморского края, территория которого граничит с КНДР, не обладает достаточными ресурсами для реализации такого проекта. Не способствовало продвижению проекта и 9-е заседание Межправительственной комиссии по российско-северокорейскому сотрудничеству, состоявшееся в марте 2019 г.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что прогресс российско-северокорейских отношений в условиях санкций возможен по линии приграничного сотрудничества. Как представляется, в случае смягчения или снятия санкций проект понтонного моста станет дополнительным фактором развития отношений.

Трехстороннее сотрудничество в формате Россия—Республика Корея—КНДР представляет собой сложную конфигурацию поли-

тических и экономических взаимодействий различных субъектов — государства и бизнеса. В настоящее время общепринятая модель трехстороннего сотрудничества в формате Россия—Республика Корея—КНДР предполагает комбинацию государственного и корпоративного сотрудничества в форме реализации трех мегапроектов:

- восстановление Транскорейской железной дороги и соединение ее с Транссибом;
- строительство газопровода в Республику Корея из России через территорию КНДР;
- проект поставки энергии из России в Республику Корея и КНДР.

Все три проекта лежат в русле политики России по развитию Дальнего Востока, согласуются с 10-летним стратегическим планом экономического развития КНДР и с «Новой северной политикой» Мун Чжэ Ина[12]. Несмотря на заинтересованность в трехстороннем сотрудничестве, все три стороны признают в качестве необходимого условия его реализации смягчение санкционного режима в отношении КНДР со стороны Совбеза ООН и снятия односторонних санкций Республики Корея и США. Однако и в случае отмены санкций, по нашему мнению, реальные перспективы реализации этих проектов не стоит переоценивать.

Наиболее часто упоминаемым из проектов является железнодорожный. Заинтересованность в нем со стороны России проявляет компания РЖД. Учитывая, что уже сегодня сотни тысяч контейнеров из Республики Корея идут по Транссибу в направлении Европы, экономическая целесообразность этого проекта определенно высока. С другой стороны, и позиции российских национальных агентств, курирующих вопросы международного сотрудничества, неоднозначны. В России намечается внутренняя конкуренция между железнодорожным транспортным маршрутом из Азии в Европу и развивающимся Северным морским коридором. Смогут ли два проекта с успехом развиваться параллельно, на данный момент неочевидно.

Что касается других крупных проектов, то даже в случае формирования благоприятных политических условий возможности их реа-

лизации, по нашему мнению, следует оценить низко. Так, проект газопровода из России в Южную Корею по территории КНДР, о котором после долгого молчания вновь заговорили в 2018 г., до сих пор не достиг этапа обоснования инвестиций. Его реализация сопряжена с большими расходами и такими же рисками, поэтому даже модель проекта определить весьма непросто. Что же касается проекта энергомоста из России в КНДР и Республику Корея, то с технической и коммерческой точек зрения проект является наиболее реалистичным и обоснованным. Однако есть сомнения в том, сможет ли КНДР приобретать электроэнергию по коммерческим ценам и есть ли заинтересованность у Республики Корея в его реализации. С точки зрения России наиболее выигрышным остается именно трехсторонний вариант данного проекта.

Особое значение для продвижения трехсторонних проектов имеет *позиция Южной Кореи*, так как в нынешней ситуации именно её заинтересованное участие в трехстороннем сотрудничестве представляется наиболее существенным.

Во-первых, в настоящее время между крупным бизнесом и правительством Южной Кореи наметились определенные противоречия. Растет стоимость труда, есть негативные ожидания налоговых реформ. Несмотря на то что администрация Мун Чжэ Ина прилагает усилия по созданию благоприятных условий для внутреннего инвестирования, крупные корейские конгломераты намерены искать возможности вложения капитала за рубежом, и большие возможности представляет в этой сфере сотрудничество с Северной Кореей. Поэтому если у корейского бизнеса появятся возможности инвестировать в КНДР, то для России это означает определенные риски остаться в стороне от трехсторонних проектов.

Во-вторых, деятельности созданного в июне 2017 г. в Южной Корее Комитета по Северному экономическому сотрудничеству, на который возлагаются большие надежды[13], как нам представляется, явно недостаточно для прогресса в этой сфере. По результатам пресс-релиза Комитета, выпущенного по случаю проведения 14 февраля 2019 г. в Сеуле Дня корейского инвестора и деловой встречи с участием полпреда Президента РФ в ДФО Ю. Трутнева и председа-

теля Комитета по Северному сотрудничеству Квон Гухуна[14] можно сделать несколько наблюдений:

- политическая составляющая играет определяющую роль не только для трехсторонних, но и двусторонних проектов, а решение ядерной проблемы обозначается корейской стороной как необходимый этап для дальнейшего развития российско-корейских отношений;
- корейские предприниматели продолжают отмечать проблемы, связанные с инвестиционным климатом на Дальнем Востоке России, и ждут более активных шагов по их исправлению;
- обозначенное в пресс-релизе намерение наращивать товарооборот по Северному морскому пути, возможно, означает, что Комитет по северному сотрудничеству считает этот проект более выигрышным, чем железнодорожный трехсторонний проект. На это косвенно указывает также участие делегации РЖД и отсутствие по итогам встречи информации о перспективах сотрудничества в «железнодорожных» проектах.

Наряду с мегапроектами корейскими экспертами предлагаются и другие модели корпоративного сотрудничества в трехстороннем формате: совместная работа в специальных экономических зонах КНДР (Расон, Кэсон) или Дальнего Востока России (ТОР, СПВ, бывшая СЭЗ Находка), сотрудничество в приграничных районах России и КНДР, проекты с наймом северокорейской рабочей силы, привлечение сторонних участников для многосторонних проектов (например, Китая, Японии)[15].

В 2018 г., несмотря на положительное развитие межкорейских отношений, *позиции России на Корейском полуострове* не стали прочнее. Причины этого, на наш взгляд, связаны с тем, что экономическая политика России на азиатском направлении, требует формирования более «индивидуального» подхода к РК и КНДР, учитывающего социокультурные и экономические особенности каждого из государств Корейского полуострова. Учитывая всё это, целью российской экономической дипломатии должно стать продвижение процессов институционализации прежде всего в двусторонних и постепенно в трехсторонних формах сотрудничества для преодоления

социокультурного барьера, который определенно препятствует развитию отношений.

Как нам представляется, при разработке экономической политики на азиатском направлении необходимо учитывать следующие факторы:

- отсутствие прогресса в двусторонних отношениях России со странами Корейского полуострова на корпоративном уровне;
- непростая экономическая ситуация в Республике Корея, связанная со структурными переменами и назревающим конфликтом государства и бизнеса;
- отсутствие результатов в российско-японском диалоге по экономическим вопросам, что снижает позитивные ожидания корейских инвесторов;
- потенциальная конкуренция между КНДР и Россией за южнокорейские инвестиции, в которой КНДР определенно обладает преимуществом в предпосылках к росту корпоративных связей с Республикой Корея.

Для России важно осуществлять активные шаги на пути реализации трехстороннего сотрудничества, не дожидаясь окончательного формирования благоприятной политической обстановки. Задача его — способствовать преодолению социокультурных различий со странами Корейского полуострова для активизации не зависящих от политических установок контактов на корпоративном уровне (в том числе с участием малого и среднего бизнеса):

- создание трехсторонних институтов и механизмов работы (на базе Фонда развития Дальнего Востока, Центра поддержки корейских инвесторов во Владивостоке и др.);
- поддержка малых форматов дву- и трехстороннего сотрудничества (сельское хозяйство, туризм, медицина, торговля несанкционными товарами из КНДР и др.) с возможным выводом их на трехстороннюю основу;
- развитие проекта «Хасан—Раджин» с привлечением южнокорейских инвесторов;
- работа по вопросу создания ЗСТ между ЕАЭС и Республикой Корея;

- активизация взаимодействия с КНДР в сфере приграничного, туристического, образовательного, культурного сотрудничества.

Примечания

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1 (дата обращения: 13.02.2019).

[2] *Черевишников А.* Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири // Международные процессы. Т. 12. № 1—2 (36—37). 2014. С. 70.

[3] South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation for Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. Ed. by Lee Jae-Young. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2018. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=202551 (дата обращения: 13.02.2019).

[4] KOSIS. Korean Statistical Information Service. URL: http://kosis.kr/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ZTITLE&parmTabId=M_01_01&parentId=N.1;N3.2;102_10203.3;#102_10203.3 (дата обращения: 13.02.2019).

[5] *Васильева Е.* Юрий Трутнев провел в Сеуле день корейского инвестора. URL: https://minvr.ru/press-center/news/21055/ (дата обращения: 15.02.2019).

[6] *Суслина С. С., Захарова Л. В.* Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество и «Новая северная политика» президента Мун Чжэ Ина // Азия и Африка сегодня. 2018. № 6. С. 27.

[7] Внешняя торговля России. Торговля России с Республикой Корея в 2018 г. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-2torgo/ (дата обращения: 13.02.2019).

[8] *Kukla M.* Korea's Trade Imbalance with Russia: What Do We Learn From It? // The Future Development of Korean-Russian Relations: In Search of Trilateral Cooperation in Northeast Asia: monograph. Vladivostok: FEFU, 2018. P. 65.

[9] Обзор существующих ограничений в доступе российских товаров на зарубежные рынки. URL: http://www.ved.gov.ru/mdb/information/database/ (дата обращения: 13.02.2019).

[10] Торговля России с КНДР (Северной Кореей) в 2018 г. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kndr-severnoy-koreey-v-2018-g/ (дата обращения: 13.02.2019).

[11] Между Россией и КНДР возведут понтонный автомобильный мост. URL: http://www.gudok.ru/infrastructure/?ID=1311879 (дата обращения: 13.02.2019).

[12] South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation for Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. Ed. by Lee Jae-Young. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2018. P.63. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=202551 (дата обращения: 13.02.2019).

[13] *Yoon I. J.* Russia and Relations with South Korea in 2018 and Outlook. URL: http://www.sejong.org/boad/bd_news/22/egoread.php?bd=23&itm=&txt=&pg=1&seq=4594 (дата обращения: 13.02.2019).

[14] 북방경제협력위원회-보도자료(20) 제2차 한-러 협의회 개최 결과. URL: http://www.bukbang.go.kr/bukbang/issue_news/release/?boardId=bbs_0000000000000005&mode=view&cntId=23&category=&pageIdx= (дата обращения: 15.02.2019).

[15] South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation for Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. Ed. by Lee Jae-Young. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2018. P.63. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=202551 (дата обращения: 13.02.2019).

References

1. The President of RF signed Executive Order On the National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024. 07.05.2018. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1 (accessed: 15.02.2019).

2. *Chechevishnikov A.* (2014) Russian East policy and prospects for the Siberian Far East // International processes. Vol. 12. № 1—2 (36—37). 2014. P. 51—75.

3. South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation for Peace and Prosperity on the Korean Peninsula (2018). Ed. by Lee Jae-Young. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2018. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=202551 (accessed: 15.02.2019).

4. KOSIS. Korean Statistical Information Service. URL: http://kosis.kr/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ZTITLE&parmTabId=M_01_01&parentId=N.1;N3.2;102_10203.3;#102_10203.3 (дата обращения: 13.02.2019).

5. *Vasilyeva E.* Yuri Trutnev held a Korean Investor Day in Seoul. URL: https://minvr.ru/press-center/news/21055/ (accessed: 15.02.2019).

6. *Suslina S., Zaharova L.* (2018). Russia-ROK's economic cooperation and the «New Northern Policy» of President Moon Jae-in // Asia and Africa Today, 2018. № 6. P. 27.

7. Russian foreign trade. Russian Trade with South Korea in 2018. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-2torgo/ (accessed: 15.02.2019).

8. *Kukla M.* Korea's Trade Imbalance with Russia: What Do We Learn From It? // The Future Development of Korean-Russian Relations: In Search of Trilateral Cooperation in Northeast Asia: monograph. Vladivostok: FEFU, 2018. P. 65.

9. Review of restrictions on the access of Russian goods to foreign markets. URL: http://www.ved.gov.ru/mdb/information/database/ (accessed: 15.02.2019).

10. Russian Trade with DPRK (North Korea) in 2018. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kndr-severnoy-koreey-v-2018-g/ (accessed: 15.02.2019).

11. A pontoon road bridge will be built between Russia and the DPRK. 20.10.2015. URL: http://www.gudok.ru/infrastructure/?ID=1311879 (accessed: 10.10.2018).

12. South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation for Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. Ed. by Lee Jae-Young. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2018. P.63. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=202551 (дата обращения: 13.02.2019).

13. *Yoon I. J.* (2018). Russia and Relations with South Korea in 2018 and Outlook. 18.12.2018. URL: http://www.sejong.org/boad/bd_news/22/egoread.php?bd=23&itm=&txt=&pg=1&seq=4594 (accessed: 15.02.2019).

14. The Presidental Committee on Northern Economic Cooperation — Report 20 on the Results of 2nd Russian-Korean Meeting. URL: http://www.bukbang.go.kr/bukbang/issue_news/release/?boardId=bbs_0000000000000005&mode=view&cntId=23&category=&pageIdx= (accesssed: 15.02.2019).

15. South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation for Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. Ed. by Lee Jae-Young. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2018. P.63. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=202551 (accessed: 13.02.2019).

Summary

Garbuzov V.N.

Peculiarities of the modern polycentric world order

The article deals with the problems of geopolitics and new global equation. Nowadays the global structure undergoes accelerated transformation that covers the most of the planet because of the redistribution of geopolitical fields and building of the new polycentric model of the world order. Today China and Russia, Japan and Korean Peninsula, Turkey and Indonesia, India and Pakistan, Iran and Central Asia form the new landscape of the planet. Peculiarities of the modern polycentric world order are connected not only with the formation and strengthening of the new power centers, but also with the construction of specific bipolarities inside the polycentric system (Russian-American and Sino-American relations).

Keywords: Modern world, polycentrism, bipolarity, D. Trump, V. Putin, USA, US dominance, Russia, foreign policy, Cold War, partnership, confrontation.

Zhebin A.Z.

Korean Peninsula in the Changing World Order

In 2018, the main participants in the Korean settlement, especially the DPRK and the Republic of Korea, having realized the horrific consequences of the transition of political confrontation to the "hot phase", on the threshold of which they found themselves by the end of 2017, made a sharp turn in favor of diplomatic resolution of existing differences. They concern, among other things, ways to resolve the nuclear problem of the Korean Peninsula, which, as is now practically universally recognized, can be solved only in the context of creating an adequate mechanism for maintaining peace in the NEA and ensuring the proper security of the states

present in the region. The author presents his vision of how military-political alliances, security structure and balance of power in the NEA can change in this case.

Keywords: Korean Peninsula, Northeast Asia, DPRK, Republic of Korea, geopolitics, world order, balance of powers.

Petrovskiy V.E.

The Prospects of Participation of the DPRK and the Republic of Korea in Multilateral Cooperation and Security Mechanisms

Depending on progress in the inter-Korean dialogue and the North Korean-US negotiations on denuclearization, the prospect of involvement of the two Korean states into multilateral mechanisms of security and cooperation on regional and sub-regional levels, will become more and more promising. In particular, the question of returning the DPRK into the Nuclear Non-Proliferation Treaty (NNPT) and the agreement on inspection of the North Korean nuclear objects by the International Atomic Energy Agency (IAEA), as well as readiness of Pyongyang to discuss its participation in the Missile Technology Control Regime (MTCR), could be seriously considered.

As the administration of President Moon Jae In consider cooperation with North Korea as a factor to expedite the development of the South Korean economy in future, Seoul might be prompted to involve Pyongyang in projects of regional economic cooperation, such as the Chinese Belt and Road Initiative (BRI), the 'Northern Policy' pursued by the Republic of Korea, the Russian initiatives on trilateral infrastructure development projects, involving Russia and both Koreas, the UNDP's Enhanced Tumen River Project, etc.

The consolidated position of Moscow and Beijing, aimed at normalization of the situation around the Korean Peninsula through the development of trade and economic cooperation involving Russia, South and North Korea, contributes to these developments. Trilateral diplomatic and/or track-two consultations between Russia, China and South Korea on the situation around the Korean Peninsula, could also be considered.

Keywords: Inter-Korean dialogue, nuclear non-proliferation, multilateral negotiation and consultation mechanisms, regional security, sub-regional economic cooperation.

Vorontsov A.V.

Would the Triumph of Diplomacy Survive on the Korean Peninsula in 2019?

Compared to the fall of 2017, in 2018 the situation on the Korean Peninsula has changed dramatically from the threat of imminent war between the US and the DPRK to a peaceful solution. "Summitry" has become a feature of the state of affairs on the Korean Peninsula today. Three summits have been held between the leaders of the Republic of Korea and the DPRK, four meetings between Kim Jong-un and Xi Jinping including the last one during January 7—10, 2019 and the history—making summit took place between US President Donald Trump and the Supreme Leader of the DPRK Kim Jong Uun in Singapore on June 12.

The second D. Trump-Kim Jong Un summit was held in Hanoi on February 27—28, 2019, where both sides failed to sign any document. The United States' policy ambivalence became apparent. Rhetorically, Donald Trump made conciliatory statements about the DPRK. At the same time, on the practical level the US continues an extremely tough and uncompromising line, building up "maximum pressure" and comprehensive sanctions against Pyongyang until it fulfils American requirements in full, which means irreversible nuclear (and not only nuclear) disarmament. However, North Korea resisted to such pressure and made it clear that the DPRK is ready to move toward the denuclearization only on the step by step approach including the USA's reciprocal moves. Therefore, following the Hanoi summit it is important to maintain a momentum and prevent deterioration in relations between the US and the DPRK.

Keywords: Korean peninsula, denuclearization, summit, talks, sanctions, compromise.

Dyachkov I.V.

Korean Issue: a New Hope or a New Stalemate?

2017 was a year of conflict for the Korean Peninsula, but 2018 witnessed a diplomatic breakthrough. Inter-Korean contacts reinstated and yielded three summits. Pyongyang moved to appease Beijing and their bilateral ties improved. Lastly, in June, with South Korean mediation, for the first time in history North Korean and US leaders met and had talks.

Russia kept in touch with all the parties through ministerial consultations and high-level visits. Nonetheless, despite all the activity, skepticism remains. The US-North Korean dialogue is still unstable, whereas the entire region's fate largely depends on its outcome.

By late 2018 positive momentum seemed to have been lost. Some put hopes upon the new meeting between Kim Jong-un and Donald Trump in February 2019, but its outcome was ambiguous. Failing to reach a compromise, the parties simply walked away from the summit — a rare occurrence given the level of negotiations. At the same time, the parties refrained from hostile rhetoric and personal attacks aimed at their counterpart.

The Hanoi summit raised the stakes. If it results in cutting ties, further escalation will be much faster than previously expected. However, if the 'failure' indicates that real diplomatic work replaced last year's imitation, future US-North Korean dialogue might bring tangible results.

Keywords: DPRK, Korean issue, US-North Korean relations, Korean Peninsula nuclear problem, Russian foreign policy.

Polenova A.L.

DPRK Foreign Policy in 2018: Challenges to IR Theory

The aim of IR theory is to lower the uncertainty of other actors' policy. Still the turn of the DPRK diplomacy that we witnessed in 2018 and early 2019 was mostly unexpected. The key to this may be a wrong choice of a dominating theory that determined the whole discourse. As the North Korean policy contains a sensitive issue of nuclear and missile program it is easy to start analyzing it from the realist point of view. Realist IR — taking its classical variation as an example — depicts North Korean case when it is static. Realist theory concepts such as IR anarchy, power balancing, state actorship match the situation precisely. Still classic realism fails to explain the dynamics — e.g. the reason why the change of the DPRK's resources (being still much less than those of Pyongyang's opponents) had such a significant impact on this case. The author tries to identify main obstacles that hinder more accurate analysis of Pyongyang's foreign policy using realist methodology. As a possible solution the author comes up with combining realist concepts with those of other IR theories which methodology may become a valuable addition to the North Korean

foreign policy. A step towards inter-paradigmal approach not only complies with the research goal but also lies within a broader trend of IR theory development.

Keywords: DPRK, foreign policy, nuclear weapons, IR theory, classical realism.

Asmolov K.V.

China and Two Koreas in Late 2018 and Early 2019

Considering Beijing's relations with Seoul and Pyongyang, the author comes to the conclusion that the policy of Beijing remains equally-oriented, and improvement of contacts with the North does not mean the decline of cooperation with the South.

The relationship between China and the DPRK shows a high level of contacts, including summit in January 2019, and this trend seems to continue further, as two countries are going to celebrate the 70th anniversary of the establishment of official diplomatic relations.

The author perceives modern relations between China and North Korea as rather a tactical alliance, caused by a common threat from the United States and its allies in the region. But this does not cancel its current level of "tightness", and, despite the pitfalls, as long as Pyongyang's policy of detente continues, and the threat from the US is considered significant, the current situation will proceed.

Relations between China and the ROK conditionally returned to the level of interaction that was before the deployment of THAAD in South Korea. However, this is not a warming above the level before. There is no significant progress in resolving the current problems, and the question of the origin of the micro-dust may become a factor of additional tension.

Keywords: China, North Korea, South Korea, political interaction, economic cooperation.

Sharafetdinova A.I.

Military Aspects of the US Policy on the Korean Peninsula after Hanoi Summit

The report examines the military aspects of the changes that occurred in the US policy on the Korean Peninsula after Hanoi summit (February 27—28, 2019) of the US President D. Trump and State Council Chairman

Kim Jong-un. Both leaders have identified a common goal — denuclearization. However, the solution to this fundamental problem each side sees in its own way and applies its tactical maneuvers to solve it. In the context of the approaches to determining the role and tasks of the US Armed Forces, and in fact — maintaining U.S. military dominance, forcing the DPRK to completely abandon its nuclear-missile potential is a daunting task, since the sovereignty of the country and its leadership is at stake. While there is no reliable guarantee mechanism, it is obvious that the long-term and final objective of the United States now is the change of the North Korean regime. Analyzing the current situation, the author concludes that the dialogue between the DPRK and the United States on the problem of denuclearization and reducing tensions between the sides is still not irreversible, and the risk that the pendulum will again swing toward confrontation lies on the surface. Thus, issues of legal registration of permanent peace and nuclear disarmament to be referred to a more distant future. Under these conditions, it is important to build a systemic mechanism of the US-DPRK new relations, which should replace the "diplomacy of handshakes" and assurances of "special relations".

Keywords: North Korea, Kim Jong-un, North Korea's nuclear program, denuclearization, Trump-Kim, military policy.

Kireeva A.A.

Japan's Policy towards North Korea's Nuclear and Missile Program

The paper analyzes the evolution and key components of Japan's policy towards North Korea, its nuclear and missile program in particular, starting from engagement attempts in the 1990s and 2000s and Tokyo's participation in Six-Party Talks. After failed attempts at normalizing relations and settling the issue of DPRK's abduction of Japanese citizens by Prime Minister Koizumi in 2002—2004, Japan has been pursuing a containment policy. With no official relations established and economic contacts effectively severed starting from sanctions adopted in 2006, Japan began to link normalizing relations with North Korea to settling nuclear and missile as well as abduction issues. Framing the perceived threat from the DPRK's nuclear and missile program as the key national and regional security threat, Japan's government including Shinzo Abe has used this "proxy threat" in order to build up its military capabilities, ease post-war

restrictions and ensure political support. The paper also looks into the policy of Prime Minister Abe on the DPRK and draws a conclusion that amidst easing tensions and negotiations on the Korean Peninsula Japan is the only party not engaged in the talks with Kim Jong-un due to its hardest position, advocating maximum pressure and sanctions until CVID is reached and continuing to link any economic cooperation and humanitarian assistance with the resolution of nuclear, missile and abduction problems. It also highlights key security concerns of the Abe administration such as the DPRK's short and medium range ballistic missiles that are believed to threaten Japan. In the end it discusses the prospects for Japan to transform its policy towards North Korea.

Keywords: Japan, North Korea, DPRK, North Korea's nuclear and missile issue, abduction issue, the Korean Peninsula, the United States, Shinzo Abe.

Kiku D.V.

Transformation of the UN Security Council Agenda under Detente Conditions on the Korean Peninsula

Amid a marked reduction in tensions on the Korean Peninsula as a result of the moratorium on missile launches and nuclear tests announced by the DPRK in April 2018, shutting down the Punggye-ri nuclear test site, as well as North Korea's commitment under the Pyongyang Declaration to dismantle the Tongchang-ri missile test site and to close nuclear facilities in Yongbyon, the tone of discussions in the UN Security Council has undergone significant changes. Two permanent members of this body, Russia and China, persistently call for the termination of the "United Nations Command" and the Council's support of the positive development on the Korean Peninsula, which, among other things, implies a phased lifting of the sanctions measures imposed on Pyongyang. All Security Council resolutions on the DPRK (ten of them have been adopted since 2006) contain not only the sanctions component, but also provide for a possibility of suspending or lifting of sanctions measures as may be needed in light of the DPRK's compliance.

Keywords: United Nations Security Council, DPRK, sanctions regime, nuclear problem of the Korean Peninsula.

Khrustalev V.V.

Problems of Irreversible and Complete DPRK's denuclearization

By the beginning of 2019 the DPRK has achieved a big success in creating the nuclear and thermonuclear weapons and in the technologies of manufacturing the necessary materials. The accumulated technical, technological and industrial assets create a situation which is radically new. Never before a country having such an impressive nuclear complex (and having created the nuclear arsenal by itself) has conducted fast and unilateral disarmament. Providing the irreversibility and guarantees of absolute denuclearization would require from the DPRK to voluntarily and unilaterally make concessions on the state rights and national sovereignty. This is indicated by the experience of Iraq, Iran, Libya, South Africa, countries of the former USSR and etc. This makes the "arms control" treaties and partial dismantling of the DPRK's corresponding potential a more realistic scenario. But the complete, fast, guaranteed and irreversible nuclear disarmament is definitely an utopian idea.

Keywords: denuclearization, nuclear technologies, DPRK, arms control.

Topchiy I.A.

Problems with the Calculation of the Number of KPA

The method of overstating the military capabilities is one of the most effective propaganda techniques of our days. To present the enemy as strong, oneself as weak, the enemy as aggressor, oneself as a victim, what could be more successful for shaping the necessary public opinion?

The most historically close example of such propaganda is the current estimates of the size of the armed forces of the Democratic People's Republic of Korea. The 1990s, the period after the collapse of the Soviet Union and the end of the Cold War, were marked by heightened attention from the world community towards North Korea. The result was the formation of a number of myths about million-people-strong army of the DPRK, its military potential and the potential of its rivals. On the other hand, the question of real power of the DPRK's main enemy — the Republic of Korea — remains open. Despite a similar tendency to reduction, armed forces of this state have the traditional western threshold — concealment of active military potential is inherent.

The article is devoted to analyzing a number of widespread myths and stereotypes connected with a military situation on the Korean peninsula.

Keywords: Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, armed forces, military opposition.

Ivanov A.Y.

Demilitarized Zone in Korea: from Military Confrontation to Peace and Cooperation on the Korean Peninsula

The demilitarized zone formed during the Cold War is still a relic of the confrontation between the two world ideological systems and the only land boundary in the world that has become an obstacle to the unification of the nation. However, the outlined improvements in inter-Korean relations connected with the epochal meeting in Panmunjeom and Pyongyang of the two leaders give hope that the demilitarized zone will cease to be a symbol of confrontation between the DPRK and the Republic of Korea and become a symbol of peace and prosperity between the two states. To do this, the leaders of the two Korean states need to make a willful decision in order to eliminate any prerequisites of military confrontation on the demarcation line and turn this territory into a zone of joint peaceful cooperation. Despite the fact that the United States is watching the implementation of inter-Korean agreements with undisguised anxiety, fearing that this may lead to a decrease in South Korea's defence capability and a weakening of the American positions on the Korean Peninsula, the first real steps aimed at easing tensions at the 38th parallel are made.

Keywords: North Korea, the Republic of Korea, the demilitarized zone, inter-Korean relations.

Lobov R.N.

Concept of «Indo-Pacific Region»: South Korean Aspect

«Free and open Indo-Pacific region» strategy is actively promoted by the President of the USA Donald Trump. Its main goal is consolidation of «four democracies» in the region (Japan, India, Australia, the USA) for containment of China in the North-East Asia. American diplomacy is also

offering this initiative to the Republic of Korea. However, Seoul very cautiously perceives the US ideas to deterring China. A number of South Korean experts argue that it will be necessary to synchronize Moon Jae-in`s «new southern policy» to ASEAN countries with Indo-Pacific strategy. At the same time, Republic of Korea tries to stay neutral in the conflict between China and the USA in the region.

There is a very important and complicated issue of how the Indo-Pacific initiative could change Seoul's foreign policy towards the neighbor countries. First of all, dialogue on Indo-Pacific strategy became a main part of the US-South Korea diplomatic agenda. D. Trump's administration aims to incorporate strategic issues of bilateral dialogue, including denuclearization of the Korean peninsula, in the framework of Indo-Pacific strategy. Secondly, it is unlikely that the Indo-Pacific initiative will change complicated relations between Seoul and Tokyo. A number of old and new history disputes are adversely affecting the South Korea-Japan political dialogue. In addition, two countries have some contradictions in the ways of Korean reconciliation.

Keywords: the Republic of Korea, foreign policy, Indo-Pacific Region, USA, Japan

Britova V.R.

The Middle Power Concept Jung-Gyeng-Guk of the Republic of Korea

Over more than two decades since the Cold War ended successive governments of the Republic of Korea have been continuously promoting the idea of Korea as a middle power state. Korea has been pursuing the goal to elevate political position not only in Northeast Asia, but also in the international arena, including maintaining lots of agreements and participating in the work of international institutions like the UN, OECD, G20. ROK governments often utilized the concepts of middle power to describe South Korea's position on the international stage. We observed middle power concepts in the Korean foreign policy accepted in ways like the attempt to present Korea as the state which accumulated economic power allows it to obtain a certain influence over the global affairs. We found out that the concept of middle power has different interpretations in the Korean language, which supposed to reflect different views among politicians

towards this concept. South Korean's political elites regards Korea as a middle power state based on three components — economic power, armed forces and foreign policy activity. We concluded that the main reason of its increased importance in global affairs is connected with the protection and implementation of national interests like peacefull unification of Korean peninsula under South Korea's governance.

Keywords: middle power, foreign policy of Republic of Korea.

Suslina S.S.

Economy of the ROK: External and Internal Challenges and Prospects for Innovation

The report is devoted to the internal and external problems faced by the South Korean economy at the present stage and analysis of the potential of the ROK in terms of economic reform and transition to the digital economy. In recent years, especially during the administration of Moon Jae-In, South Korea has been experiencing volatility in economic development due to both the reaction to the President's socio-economic policies and the clash with fierce global competition from the leading trading partners. The decision of the Moon Jae-In government to raise the minimum wage has caused a mixed response. This significantly reduced the competitiveness of small and medium-sized businesses, largely surviving earlier just due to the factor of cheap labor force. Such long-standing problems as the growth of consumer credit debt, inflation, incomplete coverage of the population by the pension system and health care have also worsened. Among the external factors, the main role was played by the instability of the world economy and financial system, significant fluctuations in the world market, trade claims from China and the United States, the revision of the free trade agreement with the United States and the reduction in the rate of growth commodity exports. The transition to the level of innovative development, that is, development within the 4th stage of the scientific and technological revolution and the construction of the digital economy began to play a leading role for the ROK.

Keywords: South Korea, economy, innovation, export, GDP, growth rate, domestic market, external challenges.

Sinyakova A.F.

Economic Situation in the ROK in 2019

Different internal and external factors form economic activity of the country in 2019. The external economic situation strongly depends on international sanctions, foreign trade restrictions, growing protectionism in trade, active confrontation between the US and China — South Korea's key trade partners. In 2018 total volume of South Korean exports exceeded $ 600 billion, however one should define whether this was value growth or real growth.

The undoubted achievement of the South Korean economy was the increase in national income per capita, which exceeded 30 000 USD. Demographic situation however is still facing some challenges like aging of the population, growth of unemployment, problems of temporarily employed citizens, as well as the changing gender-age structure, which noticeably changes the nature of consumer demand. Nevertheless, consumption pattern in general corresponds to postindustrial society when services tend to outcompete goods, i.e. demand for services grows more quickly than demand for goods as well as urban and rural demand becomes similar.

Government relies on innovations and new industries. Expenses on R&D and support for tech startups are still one of the most advanced in the world. To revitalize the economy, the government is planning an improvement of the investment climate and state support for large-scale infrastructure projects. Measures are announced to support businesses facing new work hours and minimum wage restrictions.

Keywords: Republic of Korea, economy, demography, competitiveness, innovations, investment climate.

Gordienko D.V.

Comparative Evaluation of the Economic Security of South Korea At Implementing Global Integration Projects

The economic security of the state is ensured in the form of economic patronage by the Government and the Central Bank, economic cooperation and economic confrontation with other countries of the world. The article discusses the prospects for changing the level of economic security of South Korea and the states of the Asia-Pacific region — participants of

the Trans-Pacific Partnership (TPP) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). The goal of the study is to conduct a comparative assessment of changes in the level of economic security of South Korea during the implementation of global integration projects.

The paper examines the indicators of economic security of South Korea: macroeconomic indicators and indicators of socio-economic diversion; volumes of realized and unrealized export / import of goods. Using statistical and econometric methods, the prospects for changing the level of economic security of South Korea in the implementation of the Trans-Pacific Strategic Economic Cooperation Agreement and the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement were assessed.

It was concluded that the Agreement on Trans-Pacific Strategic Economic Cooperation and the agreements within the framework of the Comprehensive Regional Economic Partnership should establish new regulations for world trade, thereby giving an increase in the level of economic security of South Korea and the majority of the States Parties to the TPP and the RCEP.

Keywords: economy, Asia-Pacific region, South Korea, Trans-Pacific partnership, Comprehensive regional economic partnership, economic security, level of economic security, ensuring economic security of the state.

Ignatov A.A.

Measures of Promotion of Digital Economy in South Korea

Digital economy is a relatively new phenomenon that has a great effect on global development. A comprehensive approach to definition and scaling of the digital economy has not yet been proposed; international indexes give only a general idea of a country's preparedness to new challenges of the digital era. This paper focuses on analysis of definitions of the digital economy and methods of its scaling and application of these methods in the case of South Korea. The case of South Korea was selected for analysis due to high position of the country among others in terms of overall development of components of the digital economy. In conclusion the author presents statistical data selected in accordance with the most balanced definition of the digital economy.

Keywords: digital economy, digitalization, information-communication technologies, public policy, South Korea.

Samsonova V.G.

Small and Medium-Sized Enterprises in the ROK: Current Situation, Problems and Prospects

Despite of the fact that small and medium-sized enterprises have been playing a significant role in economic development of the ROK, the insufficient attention has been given to the problems and challenges which these companies face. Small and medium-sized enterprises' significant contribution is confirmed by statistical data. For example, 3.54 million of such companies accounted for 99 % of the private business with 88 % of economically active population in 2018. SME is not only the important element in the ROK's gross domestic product formation, but also an essential factor of the employment and population's income, however SME's representatives have been struggling with challenges and difficulties due to the deterioration of the economic situation. In particular, nowadays South Korean companies have a tough time because of labor legislation revision, such as reduction of working hours and minimum monthly wage's increase. Moreover, notwithstanding that the ROK's government lends large-scale financial support to SME, their debts have being rising year by year. For example, according to the Bank of Korea, the total debt of small business owners reached more than $542 billion in September 2018.

The report focuses on the current small and medium enterprises' problems and prospects, the analysis of the business-side state policy and situation with SME in the ROK.

Keywords: the ROK, SME, state support, tax incentives, minimum monthly wage.

Postrelova M.N.

Transforming Corporate Culture of South Korea in a New Socio-Economic Environment

One of the driving forces of the economic success of South Korea is considered to be a specific management model and corporate culture, which originates from Confucianism, military culture and national mentality. Within decades Korean companies have been growing and became world leaders in manufacturing of mobile devices, semiconductors, LCD screens, automobiles and ships. However, the socio-economic landscape

has been changed and nowadays Korean business is challenging its sustainability for the global market, due to the slowdown in China's economy, the weakening of the yen, growing competition with Chinese rivals, etc. At the same time the new generation has grown who does not share values of the older one and does not want to sacrifice life for the better future as it was in the past. Moreover, the demographic situation in South Korea, which keeps on worsening, significantly influences on corporate system and forces corporations to think on transformation of the working conditions.

Therefore, Korean companies face challenges to keep growing in a hostile environment and inspire and motivate people for the new achievements. Mostly young generation criticizes authoritarian management model with top-down decision-making process, military style, long and not effective meetings, performance value, overwork, inequality of working women.

Keywords: corporate culture, management, Republic of Korea, human resources.

Em P.P.

Problems of Shrinking Cities in the Republic of Korea: a Demographic Aspect

The challenge of urban shrinkage consisting of a rapid population decline and a crisis in the local economy is nowadays quite pressing even for such a highly developed country of urban centers as the Republic of Korea. In this paper, the author examined and compared demographical problems of the country and its shrinking cities. It has been established that it was not the growing trend towards natural population decline, but rather the large negative migration balance was the main demographic driver for urban shrinkage in the Republic of Korea. The predominance of working-age population, especially youth, in out-migration flow from the shrinking cities has resulted in their older population structure in comparison with the national average. Furthermore, the misbalanced sex structure in the shrinking cities is a direct consequence of the preponderance of women in out-migration flow, by reason of which local men actively marry foreign brides. The government tries to mitigate the negative effects within the shrinking areas through the establishment of free economic zones, the

construction of industrial complexes, etc. However, their realization is unable to rapidly solve the problems due to the ongoing progress of the second demographic transition and population ageing. The study of shrinking cities as a sample area is proposed as an important step in the resolution of the general depopulation problem, which will soon challenge the country as a whole. Promoting the immigration of foreign Koreans is suggested as one of the possible solutions.

Keywords: shrinking cities, demographic problems, demographic transition, sex-age structure, bride's shortage, the Republic of Korea.

Zakharova L.V.

Inter-Korean Detente 2018 and Prospects of North-South Economic Relations Revival

2018 saw a resumption of inter-Korean dialog becoming unprecedented in intensity and including 3 highest level meetings. The declarations signed by the two leaders in April and September had special clauses devoted to economic cooperation projects which each side places their hopes in. The article analyzes directions and possibilities of implementing inter-Korean economic cooperation in the current situation and its prospects under the influence of internal and external factors.

In 2018 North and South Korea agreed to promote economic cooperation in a number of areas, such as the connection and modernization of railways and highways on the eastern and western coasts of the peninsula, ecology, forestry, health care, as well as the resumption of the Kaeson industrial complex and the Kumgansan tourist project (if the necessary conditions were created). Despite some progress in the inter-Korean economic dialog, there are serious obstacles for developing economic relations between North and South at the current stage. They include strict economic sanctions imposed by the United Nations Security Council and the USA against the DPRK, as well as unilateral sanctions of the ROK declared on 24 May 2010. After the next presidential elections in South Korea the political will of a new government will be one more variable defining future of inter-Korean economic relations.

Keywords: inter-Korean relations, economy, Republic of Korea, DPRK, cooperation, sanctions.

Kiriyanov O.V., Tonkikh I.M.

Russian-North Korean Khasan-Rajin Project: Current Situation and Prospects for Development

The Russian-North Korean Khasan-Rajin logistic project (KRLP) started in 2008. Several years took to modernize the port and railway, and since 2013 the KRLP has started working at full capacity.

Originally the Republic of Korea (ROK) displayed interest towards joining the project but in 2016 the situation seriously deteriorated. The United Nations introduced new economic sanctions punishing Pyongyang's missile and nuclear tests. Besides that, the ROK adopted a number of unilateral sanctions which banned its companies from the KRLP. Despite that, the project continued functioning and demonstrated a pretty good results, though the new economic sanctions had a certain negative effect.

The beginning of 2018 witnessed considerable improvement of the whole situation. Seoul again started showing interest towards the KRLP. This article contains the analysis of the new situation surrounding the KRLP, provides some results of its work, and proposes measures to intensify cooperation.

Keywords: DPRK, North Korea, Russia, South Korea, Khasan, Rajin, economy, politics, political and economic relations.

Kukla M.P.

Prospects and Challenges for Trilateral Cooperation between Russia, Republic of Korea and DPRK

The paper attempts to analyze the prospects and challenges of the trilateral economic cooperation between Russia, the Republic of Korea and the DPRK. Being on the geographic and economic periphery of the Asia Pacific, Russia has limited opportunities for active participation in regional integration. The cultural and socio-political distance between Russia and Korea impede the development of bilateral relations between Russia and South Korea and Russia and North Korea, which in turn does not contribute to the promotion of tripartite projects.

Underdevelopment of investment cooperation between Russia and South Korea is an evidence for the lack of progress in bilateral relations. Considering complaints of Korean businessmen about the investment cli-

mate in the Far East of Russia, a competition between the DPRK and Russia for South Korean investments seems to be a factor hindering the trilateral cooperation in future. The solution of the nuclear problem of the Korean Peninsula is also designated by Seoul as a necessary stage for the further development of Russian-Korean bilateral and trilateral relations.

For Russia, it is important to take active steps towards the implementation of trilateral cooperation, without waiting for favorable political conditions. The main challenge is to overcome socio-cultural frictions with the countries of the Korean Peninsula in order to intensify contacts at the corporate level including small and medium-sized businesses that are not dependent on political attitudes.

Keywords: Russia, Republic of Korea, DPRK, Far Eastern Russia, Russian-Korean economic cooperation, trilateral cooperation, cross-border cooperation, megaprojects.

Список авторов

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Бритова Виктория Римовна, аспирантка Бурятского государственного университета.

E-mail: mengly@mail.ru

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Гарбузов Валерий Николаевич, доктор исторических наук, директор Института США и Канады РАН.

E-mail: pa.to.garbuzov@gmail.com

Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Тихоокеанского государственного университета.
E-mail: ivanoff1967@mail.ru

Игнатов Александр Александрович, младший научный сотрудник РАНХиГС.
E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Кику Дмитрий Владимирович, кандидат политических наук, член Группы экспертов Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР, учрежденного резолюцией 1718 (2006), Департамент по политическим вопросам Секретариата ООН.
E-mail: kiku@un.org

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России.
E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Кирьянов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий корпунктом «Российской газеты» в Восточной Азии.
E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

Кукла Марина Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения, Восточный Институт — Школа региональных и международных исследований ДВФУ.
E-mail: mpkukla@gmail.com

Лобов Роман Николаевич, научный сотрудник Российского института стратегических исследований.
E-mail: romanlob@hotmail.com

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: petrovsk4@gmail.com

Поленова Анна Львовна, младший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru

Пострелова Маргарита Николаевна, директор по маркетингу АО HD Service.
E-mail: tareinkorea@yahoo.com

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: vikapak@yandex.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.
E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: suslina.ss@mail.ru

Тонких Иван Михайлович, генеральный директор СП «РасонКонТранс».
E-mail: info@rasoncontrans.com

Топчий Илья Альбертович, юрисконсульт ООО «Янта».
E-mail: authoranalitic@rambler.ru

Хрусталёв Владимир Владимирович, независимый эксперт.
E-mail: hrustalev.vlad@yandex.ru

Шарафетдинова Алина Исмаиловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.
E-mail: alin5sep@hotmail.com

Эм Павел Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН, приглашённый исследователь Лейденского университета.
E-mail: dr.pavelem@gmail.com

Научное издание

Корейский полуостров в поисках мира и процветания

В двух томах

Том 1

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.10.2019.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 22,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 16

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН, размещаются в электронной библиотеке института со свободным доступом, находящейся на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:
по вопросам работы электронной библиотеки — Отдел наукометрии и информационных технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.